

Исторический Отдел Оперативного Управления Штаба Рабоче-Крестьянского Красного Флота.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА.

Боевые действия на морях, речных и озерных системах.

Том II.

Часть 1. Балтийский флот 1918—1919 г.г.

Редакционно-Издательский Отдел Морских Сил РККФ.
ЛЕНИНГРАД
1926.

С. С. С. Р. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Исторический Отдел Оперативного Управления Штаба Рабоче-Крестьянского Красного Флота.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Боевые действия на морях, речных и озерных системах.

Том II. (Северо-Запад).

Под редакцией
И. В. Егорова и Е. Е. Шведе.

Часть I. Балтийский Флот 1918—1919 гг.

Редакционно-Издательский Отдел Морских Сил РККФ.
ЛЕНИНГРАД.
1926.

Ленинградский Гублит № 13209. 1500 экз.—15 л. Зак. № 178.

Типография М. Сил РККФ., зд. Гл. Адмиралтейства.

От Исторического Отдела Оперативного Управления Штаба Р.К.К.Ф.

Исторический Отдел, в состав которого с осени 1924 г. влилась Морская Историческая Комиссия (Мориском), продолжает издательскую работу последней, руководствуясь указаниями Высшего Морского Командования, на тех же основаниях, которые приведены в предисловии к III-му тому «Гражданской Войны», вышедшему в 1925 г.

Согласно установленному порядку выхода в свет отдельных томов настоящего издания, Исторический Отдел предполагает издать в 1926—27 г. — IV-том «Гражданской Войны» (Волжско-Каспийская флотилия, Сибирская флотилия, Морские Силы Д.В.Р., флотилии Аму-Дарьинская, Аральская и Куринская), и в 1927 — 28 — заключительный I том, носящий итоговый характер (стратегический очерк действий высшего морского командования, снабжение Красного флота в Гражданскую войну, очерк особенностей речной войны по опыту 1918—1920 г.г., действия отрядов моряков на суше, действия морской авиации, флаги и знамена Красного флота и др.).

Начиная с 1927 г. Исторический Отдел надеется также приступить к выпуску в свет систематических трудов по «Истории Мировой Войны на русских морских театрах».

Что касается до выпускаемого ныне в свет II тома, то часть входящего в него материала (Балтийский флот) была подготовлена к печати еще Морской Исторической Комиссией. Ввиду несколько изменившихся требований, пред'являемых ныне Высшим Командованием к историческим трудам, Исторический Отдел выработал на основании директивы Оперативного Управления новые планы работ, задачею которых являлось стремление достичь большего единообразия отдельных работ и лишить их суб'ективного освещения авторами; эти планы послужили руководством при написании II тома. По техническим соображениям, однако, не было возможности переработать согласно новых планов все содержание II тома, ввиду чего оно местами носит излишне «дневниковый» характер.

В общем же, в силу целого ряда причин (к которым в первую очередь относится невозможность пользоваться всеми архивными документами, ввиду их неразобранности, а также — отсутствие систематических трудов по описанию сухопутных операций, игравших главную роль в Гражданской войне по сравнению с действиями морских, речных и озерных сил) труды по Гражданской войне, выпускаемые Историческим Отделом, *не являются критико-историческими исследованиями, а лишь первой попыткой научной обработки и систематизации архивных материалов*; издание этих трудов диктуется необходимостью скорейшего использования богатого опыта Гражданской войны.

В составлении II-го тома принимали участие следующие авторы: 1) Балтийский флот 1918—1919 г. — Н. И. Паттон[1]); 2) Онежская флотилия 1918—1919 г. — Н. М. Лудри[2]), 3) Северо-Двинская флотилия 1918 г.—А. А. Соболев; 4) Северо-Двинская флотилия 1919 г.—Н. И. Паттон; 5) Чудская флотилия, флотилия Советской Латвии, Волхово-Ильменская и Селигерская флотилии — В. К. Лукин.

Желая избавить содержание тома от возможных ошибок и тенденциозного освещения фактов, Исторический отдел обратился к целому ряду активных участников Гражданской войны с просьбою просмотреть, исправить и дополнить описание тех событий, участниками и свидетелями которых они были. Все полученные таким образом дополнения были вновь проверены по архивным документам и внесены в текст настоящего труда.

Исторический Отдел считает долгом выразить свою признательность следующим участникам Гражданской войны, откликнувшимся на его просьбу: 1) по Балтийскому морю: А. Н. Бахтину (командовал в 1918—1919 подлодкой «Пантера»), Н. А. Зарубину (ком. подлодки «Вепрь»), Н. Н. Несвицкому (ком. эсминца «Азард»), Н. Н. Струйскому (флагм. штурман отряда особого назначения); 2) по Онежской флотилии: Г. А. Степанову (Начальник Штаба и вр. командующий Онежской флотилией); 3) по Северо-Двинской флотилии: П. П. Михайлову, Е. К. Престину (Н-к штаба Северо-Двинской флотилии в 1919 г.), К. И. Пронскому (командующий Северо-Двинской флотилии, 1918 г.), Н. П. Шох (флаг-

[1]) Во время Гражданской Войны исполнял должность старшего морекого начальника в Кронштадте, а затем Н-ка Морской Кронштадтской базы.

[2]) Во время Гражданской Войны исполнял должность Комиссара Онежской флотилии.

манский индендант Северо-Двинской флотилии, 1918—1919 г.); 4) по Волхово-Ильменской флотилии—Н. С. Наддачину (флагм. штурман флотилии).

В отдельных своих частях II том давался на просмотр в целях получить указания и дополнения: ВНО Балтморя, Секретарю Совета Народных Комиссаров Н. П. Горбунову, Замнаркомюст Н. В Крыленко, Л. Д. Троцкому и А. С. Штареву.

Весь том в целом одобрен к изданию Оперативным Управлением Штаба РККФ.

По техническим соображениям II том разделен на две части: 1. Балтийский флот 1918—1919 г. и 2. Озерные и речные флотилии.

При ссылках на использованные архивные документы допущены следующие условные сокращения: «Дело М. И. К.»—Дело архива Морской Исторической Комиссии (ныне Отдел рукописей Мировой и Гражданской войны Военно-Морской Академии Р.К.К.Ф.), «Дело II отд. Центр. Архива»—Дело II-го отделения Военно-Морской Секции Центроархива (бывш. Главной Морской Архив).

Оглавление.

Список рисунков, схем и карт, помещенных в 1 части II тома Гражданской Войны.

БАЛТИЙСКИЙ ФЛОТ

1918—1919 гг.

ЧАСТЬ I.

Кампания 1918 г.

ГЛАВА I.

Ликвидация мировой империалистической войны.

(1 января—2 марта 1918 г.)

Стратегическая и политическая обстановка на Балтийском театре к началу 1918 г. Операции германского флота на Балтийском театре осенью 1917 года, завершившиеся занятием Рижского залива и островов Моонзундского архипелага, заставили наш Балтийский флот покинуть эти воды; к зиме 1917—18 года, с прекращением навигации наш флот сосредоточился, главным образом, в Гельсингфорсе, в некоторых других портах Финляндии и, небольшой своей частью, в Ревеле. Состояние флота, как моральное, так и материальное, а также стратегическая обстановка этого периода характеризуются довольно ярко протоколом совета флагманов [1]), собранного по инициативе Командующего флотом.

Как флагмана, так и морское командование совершенно правильно определили положение с военной точки зрения, но они неправильно учли политическую обстановку, они рассчитывали, что сильная государственная власть смогла бы вновь вдохнуть жизнь в умирающий организм с т а р о г о флота, пользуясь с т а р ы м и приемами и с т а р ы м аппаратом управления и командования. Старый флот был бесповоротно осужден на умирание. Стремление рабоче-крестьянского правительства было направлено к скорейшей ликвидации империалистической войны, к свертыванию прежних вооруженных сил и к созданию обороны государства на новых классовых принципах; не могло быть и речи о сохранении прежнего царского флота.

Протокол совета флагманов от 18-го октября 1917 г.

«Обстоятельства взятия немцами Моонзундской позиции показывают, что сухопутные части потеряли всякую сопротивляемость воле противника; от начала до конца эта операция полна примеров полного упадка духа наших войск и чрезвычайной восприимчивости к панике и бунту

---

[1]) Дело Морской Исторической Комиссии № 14565, стр. 48—49. Протокол от 18 октября 1917 года.

обезумевших от страха людей. Только особые условия корабельной службы, в значительной мере способствующие порядку, когда корабль в море, или в бою, дали возможность Морским Силам Рижского залива оставаться в руках Командования и причинить флоту противника известный ущерб. Однако, большего флот не мог сделать, и, с падением сухопутной позиции, должен был прекратить борьбу и уйти. Подавляющее превосходство сил Германского флота исключает возможность успешной борьбы с ним вне связи с укрепленными сухопутными позициями; между тем мы видим, что на эти позиции фактически нельзя рассчитывать.

Все эте приводит нас к убеждению, что всякая задуманная неприятелем операция, направленная к овладению любой частью Балтийского театра и проводимая планомерно и решительно,—будет успешна.

При создавшейся обстановке, задачей Балтийского флота может явиться только нанесение противнику наибольшего вреда, ценою хотя бы собственной гибели. Однако, фактически, при современной дезорганизации и расстройстве командования, едва ли можно рассчитывать на столь полное использование флота.

На основании изложенного, мы полагаем совершенно необходимым поставить в известность Временное Правительство о сложившейся на нашем театре коньюнктуре:

1. Судьба Финляндии и подступов к столице преимущественно зависит от воли противника, ибо надежное владение нами этим районом ничем не обеспечено.

2. В отношении флота надо еще добавить, что потеря опыта, недостаточная тренировка, необеспеченность ремонта и снабжения, упадок материальной части, самым разрушительным образом влияют на боеспособность и, если даже неприятель не предпримет в эту кампанию никаких операций на Балтийском театре, а, с другой стороны, не произойдет коренного и притом скорого улучшения общего положения в стране, то и в этом случае, к началу кампании 1918 года морской силы, как боеспособной части, существовать не будет.

В заключение считаем долгом засвидетельствовать, что со стороны команд мы постоянно слышали заявления о полной их готовности к бою, об одушевляющих их чувствах и желании послужить родине. Мы не сомневаемся в искренности этих заявлений, а опыт Моонзундской операции показывает, что под'ем духа команд действительно достаточен, чтобы выйти и вступить в бой. Но команды в массе не сознают, что одного под'ема и готовности к самопожертвованию недостаточно, что не сочетаясь с признанием необходимости строжайшей и планомерной военной организации,—этот под'ем может быть сломлен противником в самое короткое время».

Протокол этот был подписан шестью начальниками главных соединений флота.

Командующий флотом, препровождая этот протокол Морскому Министру сообщал, что он сам вполне присоединяется к мнению флагманов, точно также, как и Начальники 1-й и 2-й бригад линейных кораблей, находившихся во время совещания у Поркалауда. Далее он говорит в препроводительной бумаге: «Соображения флагманов в настоя-

щий момент приобретают особую остроту, ибо вся совокупность данных обстановки, как стратегической, так и политической, указывает на вероятие активных действий противника в сторону Финляндии, и, в первую голову, высадки десанта и захвата островов Оланд. Это обстоятельство побуждает меня просить вас обратить самое серьезное внимание Временного Правительства на создавшееся на Балтийском театре положение вещей. Катастрофа, как результат германского наступления или как результат дальнейшего разложения флота, не может быть предотвращена никакими мерами на местах, и я вижу выход из этого положения лишь в создании действительно сильной центральной государственной власти».

В кампанию 1917 года германское морское командование не предпринимает более никаких операций на Балтийском театре. Но эта передышка не послужила к поднятию боеспособности нашего флота, как в отношении исправности материальной части кораблей, так особенно в отношении личного состава. Скорее она принесла вред.

Офицерский состав, всё же пользовавшийся доверием в боевой обстановке, начинает очень быстро и резко терять это доверие в обстановке мирной стоянки кораблей в гаванях. Все интересы сосредотачиваются на берегу. Личный состав, главным образом—некомандный, с головой уходит или в политику, или в непреодолимую тягу «домой». После октябрьского переворота, высшее командование флотом тоже переживает кризис. Упраздняется Адмиралтейств-Совет. Упраздняются военные и морские суды. Морское Министерство реорганизуется в Народный Комиссариат по Морским Делам. В управление флотом Республики вступает Коллегия Народного Комиссариата по Морским делам. Единоличное командование флотом заменяется коллегиальным: командование флотом переходит в декабре месяце в ведение Центрального Комитета Балтийского флота. [1]) В нем организуется Военный отдел (Вобалт), к каковому собственно и переходят функции командования флотом. Временно в выборные организации Центрального Комитета Балтфлота были командированы комиссары, ответственные перед Коллегией Народного Комиссариата по Морским делам, перед Советом Народных Комиссаров и перед Центральным Исполнительным Комитетом. [2]) Эта реорганизация командования встречается с явным недоверием командным составом. Боеспособность кораблей в это же время падает, они быстро превращаются из боевых грозных единиц — в стальные коробки для жилья людей, постепенно теряющих не только любовь к своему кораблю, но и интерес к морскому делу; массы матросов проникнуты одним непреодолимым стремлением: вон с корабля, на волю—по домам.

Правительство Российской Республики вполне ясно сознавало невозможность и ненужность дальнейшего ведения войны. На совещании представителей фронта была произведена анкета, вывод которой был совершенно ясен: армия не хочет и не может воевать. Вывод этот был только подтверждением вполне очевидного факта: солдаты, пробужденные

---

[1]) Центробалт.

[2]) Главный комиссар Балт. флота Измайлов и помощники: Блохин, Штарев и Кабанов.

революцией, восстановленные ею против империалистической войны, неуспевшие еще ни передохнуть, ни тем более разобраться во всей сложности мировой обстановки, не хотели более ни одного лишнего дня оставаться в окопах. Правительство принимало все меры к прекращению бесполезной бойни. [1]) 15 декабря 1917 года был подписан договор о перемирии между Россией и Четверным союзом, 22 декабря начались заседания мирной конференции в Брест-Литовске.

4-го января Российской Республикой была об'явлена государственная самостоятельность Финляндии. 9 января финское буржуазное правительство в Гельсингфорсе было свергнуто рабочими, и власть перешла в руки финских социал-демократов.

Бывшее правительство, тем не менее, не сложило оружия. Скрывшись в Николайштадте и, опираясь на буржуазное население западных окраин Финляндии, оно приступило к формированию отрядов белой гвардии, вербуя в ее состав и добровольцев—шведов. Ядром этих формирований послужил 27-й Егерский батальон, который состоял из финской буржуазной молодежи, обученной в Германии и сражавшейся на стороне Германии на Рижском фронте; этот батальон и был переброшен из под Риги — в Финляндию. Ввиду недостатка оружия у белогвардейцев, составлен был план внезапного нападения на русские войска. [2]) Во главе формировавшихся войск встал барон Маннергейм, бывший русский генерал. 25 января это бывшее правительство обратилось к иностранным государствам, признавшим самостоятельность Финляндии (Швеции, Норвегии, Дании, Германии, Австро-Венгрии, Греции), с протестом, указывая, что несмотря на последовавшее 4-го января 1918 г. официальное признание Россией государственной независимости Финляндии, многочисленные русские войска продолжают оставаться на финляндской территории, истребляют скудные продовольственные запасы страны, оказывают содействие «неспокойным» элементам страны, совершают поджоги и убийства. Особенно же сильно восставало правительство Свинхвуда против высказанного гельсингфорским матросским комитетом заявления о заинтересованности русских войск в проведении в Финляндии социальной революции и о готовности поддерживать оружием революционный народ в борьбе с «законным» общественным порядком. [3])

Этот протест, основанный на лживых заявлениях, первоначально не оказал никакого влияния на ход событий, но позднее, основываясь на нем, германское правительство имело официальный повод вмешаться во внутренние финляндские дела, хотя в действительности это вмешательство диктовалось исключительно эгоистическими военными соображениями, о чем открыто и не стесняясь говорит известный ген. Людендорф в своих воспоминаниях (см. ниже, стр. 33).

Выход России из войны. Демобилизация. Организация Р.-К. Красного флота. Между тем мирные переговоры в Брест-Литовске тянулись с небольшими перерывами, во время которых представители выезжали в свои столицы для получения инструкций от своих правительств;

---

[1]) Предисловие Л. Троцкого к книге: «Мирные переговоры в Брест-Литовске». Стенографический отчет.

[2]) М. С. Свечников. Революция и гражданская война в Финляндии. Гос. Изд. 1923 г.

[3]) Подлинный текст протеста—см. прил. I.

28 января переговоры были прерваны, а 10 февраля русская делегация передала об'единенным делегациям Четверного союза следующее письменное заявление:

«Именем Совета Народных Комиссаров, Правительство Российской Федеративной Республики настоящим доводит до сведения правительств и народов, воюющих с нами союзных и нейтральных стран, что отказываясь от подписания анексионистского договора, Россия со своей стороны об'являет состояние войны с Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией прекращенным. Российским войскам одновременно отдается приказ о полной демобилизации по всему фронту». Подписи 5 членов русской делегации.

На следующий же день последовал декрет Совета Народных Комиссаров которым: «флот, существовавший на основании всеобщей воинской повинности царских законов, об'является распущенным и организуется Социалистический Рабоче-Крестьянский Красный флот... [1]) на добровольческих началах».

13 февраля (31 января) приказом по флоту и Морскому ведомству об'явлена частичная демобилизация [2]) флота. Этим же приказом флот Балтийского моря разделялся на три категории судов [3]): I категория—суда действующего флота, II категория—суда зачисленные для временного хранения при портах и III категория — суда сдаваемые в порт (в приказе переименовывались суда каждой категории).

В тот же день Центральным Комитетом Балтийского флота было отдано распоряжение Або-Оландской позиции, Тыловой позиции и Начальнику Обороны Финского залива начать подготовительные работы по демобилизации и разработать планы с указанием как поступить с батареями, складами и проч., а также с судами. [4]).

Мероприятия на случай возобновления войны с Германией. Об'явленная частичная демобилизация стала немедленно проводиться на местах, причем большой процент команд, не покидая флота и соглашаясь оставаться во флоте на вольнонаемных началах—требовал увольнения в отпуск. Но уже 14 февраля напряженная атмосфера после разрыва мир-

---

[1]) Приказ по флоту Балтийского моря от 21/II-18 г. № 72. Дело М. И. К. № 15018.

[2]) Дело М. И. К. 72. от 20/II—№ 73.

[3]) К началу 1918 года Балтийский флот состоял из 4 линкоров-дредноутов, 3 линкоров, 9 крейсеров, 17 эсминцев типа «Новик», 45 эсминцев, 35 подводных лодок (из них 8 английских), 5 канонерских лодок, 23 минных и сетевых заградителей, 110 сторожевых судов и катеров, 112 тральщиков, 27 моторных тральщиков, 70 транспортов, 16 ледоколов, 5 спасат. судов, 61 вспомогательных судов, 65 лоцмейстерских и гидрографических судов и плавучих маяков и 5 госпитальных судов. Согласно вышеуказанному приказу, в состав судов I категории («Действующего флота») входили все линкоры (за исключением «Гражданина»), 3 крейсера («Рюрик», «Олег» и «Богатырь»), 26 эсминцев, 27 подлок, 2 канлодки, около 30 тральщиков, 2 заградителя и др. мелкие суда; в состав II-ой категории (суда сданные для временного хранения при портах)—линкор «Гражданин», 6 крейсеров, 31 эминец, часть сторожевых судов и тральщиков и 1 заградитель; наконец, к III-й категории (суда сданные к порту) относились 9 старых подлодок, тральщики, 3 кан. лодки. 5 заградителей и др. вспом. суда. Последующие военные события не позволили провести этот приказ в жизнь, и «категории» имели значение лишь для обозначения входящей в них группы судов.

[4]) Дело М. И. К. № 14559, стр. 193, 196 и 197.

ных переговоров начинает давать еще более тревожные признаки возможного возобновления немцами военных действий. На этот случай принимаются во флоте предупредительные меры. 15 февраля отдается распоряжение привести в готовность все ледоколы в Ревеле; [1]) 16 февраля Начальник 1-ой бригады крейсеров получает распоряжение привести все суда бригады в двухсуточную готовность для перехода, в случае надобности, в Гельсингфорс [2]), а всем постам службы связи отдается распоряжение: в случае наступления неприятеля сопротивления ему не оказывать, а отступать на внутренние магистрали [3]). 17-го февраля Начальник Обороны Финского залива, Начальник 1 бригады крейсеров и Начальник дивизии подводного плавания получают приказания немедленно же приготовить и по мере возможности начать переводить в Гельсингфорс все подводные лодки, их базы, а равно и прочие вспомогательные суда, кроме транспортов, могущих понадобиться при эвакуации порта. Крейсерам предписывалось привестись в срочную боевую готовность и оставаться в Ревеле до получения дальнейшего приказания. [4]).

Тогда же Начальник Обороны получает приказание привести в состояние боевой готовности все батареи приморского фронта, дополнив команду, если надо, из добровольцев Морской бригады [5]).

Словом, по флоту отдаются тревожные распоряжения на случай военных действий, имея главным образом в виду обеспечение флота от неожиданного захвата его неприятелем и, по возможности, спасение многоценного имущества.

16 февраля было получено в Петрограде по прямому проводу извещение из Брест-Литовска, подписанное немецкими генералами и гласившее, что с 12 ч. дня 18 февраля между Германией и Россией возобновлялось состояние войны. На это извещение Народный Комиссариат по Иностранным делам ответил, что по его предположению полученная телеграмма не исходит от тех лиц, которыми подписана, а имеет провокационный характер, т. к. если даже допустить прекращение перемирия со стороны Германии, предупреждение об этом, согласно условий перемирия, должно быть сделано за 7 дней, а не за два, и просил раз'яснить недоразумение по радио [6]). Ответа на эту телеграмму, повидимому, не последовало.

Возобновление военных действий, об'явленное Германией с 18 февраля, ставило Россию в исключительно тяжелое положение.

Демобилизация Армии и Флота, которую остановить уже не представлялось возможным, шла полным ходом. Люди самовольно уходили из своих частей. На некоторых судах некомплект команды доходил до 80%, окопы уже опустели, батареи потеряли часть орудийной прислуги. Привести снова все и вся в боевую готовность становилось непосильной задачей. Тем не менее, попытки организовать сопротивление неприятелю в случае его наступления делались, что видно из приведен-

[1]) Дело М. И. К. № 14559, стр. 210.
[2]) Дело М. И. К. № 14559, стр. 221.
[3]) Дело М. И. К. № 14559, стр. 222.
[4]) Дело М. И. К. № 14559, стр. 232.
[5]) Дело М. И. К. № 14559, стр. 233.
[6]) Дело М. И. К. № 14559, стр. 243.

ных выше распоряжений командования. Эти попытки, как и можно было ожидать, не привели к положительным результатам.

17-го февраля Морской Генеральный Штаб, еще не будучи осведомлен о германской телеграмме, сообщил Центробалту (Центральный Комитет Балтийского флота), что перерыв мирных переговоров с Германией в связи с об'явленной демобилизацией наших морских и сухопутных вооруженных сил создал следующую стратегическую обстановку: согласно договора о перемирии, впредь до заявления одной из сторон подписывавших этот договор, оно автоматически продолжается и военные действия могут начаться не ранее семи суток после соответствующего заявления о перерыве перемирия; оно остается в полной силе и флоту надлежит руководствоваться статьями договора о перемирии. В дальнейшем, однако, можно предполагать, что Германия заявит о прекращении перемирия, и тогда, через семь суток, возможно возобновление с ее стороны военных действий. Оценивая возможные операции, которые германцы смогут предпринять в зимнее время на Балтийском театре, приходится считать вероятным производство смешанной операции от островов Моозунда на материк, с целью захвата Ревеля и Эстляндии с сухого пути, при широком содействии германского флота в Финском заливе, к западу от Центральной позиции. Далее, Морской Генеральный Штаб сообщил, что, по приказанию Совета Народных Комиссаров, при Штабе организуется совещание из представителей заинтересованных ведомств для выработки мероприятий на случай возобновления военных действий и составления соответствующей директивы Балтийскому флоту; директива, снабженная указаниями военно-политического характера со стороны Коллегии Морского Комиссариата и утвержденная Советом Народных Комиссаров, будет сообщена флотам для исполнения. Впредь до получения этой директивы необходимо немедленно принять некоторые меры к обеспечению безопасности подступов с моря к столице. С этой целью, именем Совета Народных Комиссаров Рос. Фед. Республики, Коллегия Морского Комиссариата предписывала: 1) немедленно сосредоточить в районе Ревеля и Гельсингфорса все ледокольные средства, состоящие при флоте, и ледокол «Сампо», захваченный Финляндской белой гвардией, для чего должны быть решительно приняты все меры, включая применение вооруженной силы; 2) Немедленно увести из Ревеля в Гельсингфорс все боевые и вспомогательные суда, техническое состояние которых и некомплект на них команды не допускают выхода в море по первому требованию; 3) Немедленно обеспечить батареи обороны Финского залива и Або-Оландской позиции минимальным числом личного состава, допускающим стрельбу; в случае невозможности приведения всех батарей в надлежащее состояние, надлежит привести в готовность важнейшие батареи, особенно — обороняющие фланги Центральной позиции. В этом случае выбор батарей предоставляется Военному Отделу Центрального Комитета Балтийского флота, за его ответственностью; 4) Если, по состоянии личного состава, батареи приморского фронта Свеаборга не могут действовать, то немедленно выделить прислугу от крепостных артиллеристов и подготовить их к действию; 5) Немедленно подготовить к уходу из Гельсингфорса в Кронштадт все те суда II-й и III-й категории, которые можно, без ущерба для них, провести в

колотом льду; 6) В зависимости от состояния льда и готовности судов, усилить минирование Центральной позиции по усмотрению и за ответственностью Вобалта (Военного Отдела Центробалта). Вместе с тем следует иметь в виду, что, в случае появления неприятельского флота за пределами демаркационной линии с явным намерением итти в Финский залив, судам первой категории будет дана директива выйти на Центральную позицию для ее охраны; поэтому необходимо немедленно принять все меры к тому, чтобы эта директива фактически могла быть исполнена флотом по первому требованию. Кроме того, также немедленно надлежит приступить к возможному переводу запасов флота из Ревеля в Гельсингфорс и Кронштадт. [1]).

Оперативное Отделение Штаба Флота, запрашивая по прямому проводу мнения Начальника Обороны Финского залива о положении, создавшемся вследствие телеграммы немцев о прекращении перемирия, и в частности о положении Приморского фронта, получило от него ответ, что Приморский фронт в общем боеспособен, но без поддержки флота и сухопутных войск длительное сопротивлсние вряд ли возможно. На его просьбу точного указания открывать ли огонь в случае появления германского флота в районе батарей. он получает приказание пока вести точное наблюдение в районе Моонзунда и все известия срочно сообщать Центробалту [2]); постам огня не открывать, а отступать к Ревелю. О перечисленных приказаниях уведомить Военный Комитет (в Ревеле), Начальника I-й бригады крейсеров, Начальника охраны водного района и Начальника подводного плавания, дабы избежать паники [3]).

Нач. обороны Финского залива делает письменный же запрос Центробалту по пунктам: 1) следует ли открывать огонь по могущим появиться с островов на материк передовым частям германцев; 2) следует ли открывать огонь при появлении германского флота и 3) следует ли немедленно начать эвакуацию наиболее ценной материальной части, для чего требуется не менее 500 платформ и 1.000 вагонов. Получается от 18 февраля ответ: 1) По передовым частям германцев впредь до распоряжения Морского Генерального Штаба огня не открывать, а отступать к Ревелю, 2) крепость и суда привести в боевое состояние, 3) эвакуацию наиболее ценной материальной части начать теперь же [4]).

Дальнейшие распоряжения Оперативной части Балтийского флота сводились к срочному приведению в готовность всех ледоколов (особенно лед. «Волынец») [5]), необходимых на случай эвакуации из Ревеля крейсеров, подводных лодок и транспортов, причем указывалось, что от быстрого выполнения этого приказания зависит участь флота.

Приведенная выше оценка стратегической обстановки Морским Генеральным Штабом и директива Коллегии Морского Комиссариата о выходе главных сил на Центральную позицию и о защите ее в случае

---

[1]) Дело М. И. К. № 14559, стр. 254.
[2]) Центральный Комитет Балтийского флота.
[3]) Дело М. И. К. № 14559, стр. 253.
[4]) Дело М. И. К. № 14559, стр. 247 и 248.
[5]) Дело М. И, К. № 14559, стр. 262 и 264.

стремления неприятеля вглубь Финского залива показывают, как мало были осведомлены центральные морские учреждения о действительном положении на местах, и как они переоценивали действительную боевую готовность флота. Власть на местах не рассчитывала на возможность стойкого сопротивления со стороны флота и береговых укреплений, сбросивших с себя старую дисциплину и не успевших еще осознать и освоиться с новой дисциплиной—классовой. Поэтому, в виде выхода из положения, для противодействия германским наступлениям, была потребована от Народного Комиссариата по Морским Делам срочная высылка в Ревель 20 аэропланов с летчиками, в полной готовности [1]), а в Ревеле образовалась местная высшая военная власть—Военный Отдел укрепленного района, выделенный из местного флотского комитета; в состав отдела вошли: Комендант крепости, Начальник Обороны Финского залива и представители местного Совета Депутатов и Эстляндского Краевого Комитета. Военный Отдел взял в свои руки всю власть. Он просил отмены приказа об увольнении в запас и отпуска, так как команды, не обращая внимания ни на какие постановления, покидали свои части и уезжали. На эту просьбу Центробалт ответил следующими указаниями: 1) политическое положение неопределенно, а потому нужно быть готовым ко всем случайностям; 2) все суда, не могущие итти самостоятельно, должны быть приготовлены к буксировке; 3) ледоколы будут присланы во время; 4) взрывчатые вещества надлежит вывезти в крепость или в Петроград [2]), что же касается отмены приказа об увольнении в запас и отпуска, то этот вопрос обсуждается и в скором времени будет разрешен.

18 февраля в течение дня Начальник Обороны Финского Залива в Ревеле получил с ряда приморских батарей сведения, что команды батарей не находят возможным сражаться, основываясь, во-первых, на декрете Народных Коммиссаров о выходе России из состоянии войны и о полной демобилизации армий, и, во-вторых, на декрете о роспуске флота. В тот же день был намечен план и составлено росписание эвакуации морем и по железной дороге Ревельского порта и судов, причем выяснено было, что для эвакуации далеко не хватало имеемого наличия подвижного состава. Имелось всего 180 вагонов и 40 платформ, а требовалось не менее 300 платформ и 5000 вагонов, поэтому решено было эвакуировать лишь наиболее ценное имущество. На запрос Верховного Главнокомандующего об остановке, ему было сообщено, что «крейсера через два дня будут в состоянии перейти в Гельсингфорс, но в бой вступать не могут из-за некомплекта команд. Подводные лодки действовать не могут, вследствие климатических условий (ледяной покров) и некомплекта команд. Тральщики будут готовы к переходу в Гельсингфорс 20 февраля. Подводные лодки 19-го февраля начнут эвакуироваться в Гельсингфорс, за исключением одной, которую нельзя спустить со стапеля на воду, и четырех малых учебных, не представлявших боевой ценности. Транспорты грузятся и будут эвакуированы. По окончании эвакуации всех судов, в проходах гавани будут затоплены

[1]) Дело М. И. К. № 14559, стр. 264.
[2]) Дело М. И. К. № 14559, стр. 301.

(в случае приближения к Ревелю неприятеля) плавучие доки, краны, баржи и плавучие средства. Организуются две партии для подрыва и уничтожения стапелей на судостроительных заводах и портовых сооружений, имеющих военное значение». Все перечисленные мероприятия предпринимались Вобалтом и морскими начальниками на местах без определенных директив из центра и без постоянных сообщений о перемене обстановки и даже без официального извещения об окончании перемирия, в действительности прерванного уже 16-го февраля. Лишь 18-го февраля Морской Генеральный Штаб сообщил Вобалту содержание телеграммы Управления Северным фронтом, заключавшей и директивы Высшего сухопутного командования, ввиду чего здесь она проводится полностью: «Сегодня Начальник Штаба Верховного Главнокомандующего передал следующую телеграмму, полученную из Брест-Литовска от начальника Генерального Штаба Самойлова: Сегодня 16-го февраля в 19 ч. 30 м. от генерала Гофмана мне об'явлено оффициально, что 18-го февраля в 12 ч. дня оканчивается заключенное с Российской Республикой перемирие и начинается снова состояние войны. 17-го февраля утром с вверенной мне комиссией я выезжаю в Барановичи и Минск. Германия не перемирие прервала, а об'явила нам войну, так как мы еще неделю тому назад заявили, что прекращаем состояние войны с Центральными державами. Нам не известно, что предпримет противник против нас, что поставит он целью своих действий, захват ли колоссального военного имущества, находящегося в районах армий, или поведет наступления для завоевания Лифляндии и Эстляндии с гор. Ревель или для захвата Двинска. Во всяком случае на войска Северного Фронта и на молодые части Рабоче-Крестьянской Красной армии ложится обязанность защищать всеми силами и средствами завоевания Рабоче-Крестьянской Революции. Если бы армиям, в случае нападения противника, невозможно было вести регулярную войну за расстройством войсковых частей, предлагаем вести малую войну, действуя отдельными партизанскими отрядами, немедленно выделив их из пехотных, кавалерийских, артиллерийских и других частей. Общая задача армиям остается прежняя. В случае натиска значительных сил противника, разрешаем войскам отходить, уничтожая за собой все военные запасы, еще не вывезенную материальную часть артиллерии, при чем: 1) Ревельскому Укрепленному району удерживать крепость постольку, поскольку необходимо дать время выйти частям, занимающим Гапсальское, Вердерское и Перновское направление на линию Ревель—Вейсенштейн; 2) 12-ая, 1-ая и 5-ая армии действуют в общем духе директивы № 218 Б. При отходе сосредоточиться 12-й армии, за исключением правофланговых частей, за Изборскими позициями, 1-й армии—за Островскими позициями, и 5-й армии—за Режицкими позициями. Армиям немедленно усилить вывоз в тыл самого ценного имущества и материальной части артиллерии. Псков. 17-го февраля. № 481. Члены Управления Северным фронтом. Подписи» [1]).

---

[1]) Дело М. И. К. № 14559, стр. 302—303.

В развитие директивы сухопутного командования, Морской Генеральный Штаб предписывал всем частям флота оказывать всевозможное сопротивление сухопутным и морским силам неприятеля, в случае фактического нарушения ими перемирия и устремления вглубь Финского залива; в крайнем случае надлежало все, что возможно, эвакуировать морем в Гельсингфорс и уничтожить остальное, так как перевозка сухим путем становилась невыполнимой из-за краткости времени и недостатка вагонов.

Но об'явленная и начатая демобилизация настолько уже подвинулась, и стихийное стремление личного состава уехать домой было настолько велико, что вокзалы осаждались толпами солдат и матросов и не было уже силы удержать массы, заставить их снова воевать. Военный Отдел в Ревеле и Начальник Обороны Финского Залива 18-го февраля сообщали, что батареи Нарген, Макилотт и Вульф не находят возможным при существующих условиях оказывать вооруженное сопротивление германскому флоту [1]). Подобные же ответы получались и с других батарей приморского фронта и батарей Финляндии на приказание быть готовыми к отражению неприятеля.

Между тем, 18-го февраля на южном берегу Финского залива [2]) началось наступление Германских войск.

19-го февраля последовала следующая радио правительству Германской империи:

«Совет Народных Комиссаров выражает свой протест по поводу того, что Германское Правительство двинуло войска против Российской Советской Республики, об'явившей состояние войны прекращенным и начавшей демобилизацию армии на всех фронтах. Рабоче-Крестьянское Правительство России не могло ожидать такого шага уже потому одному, что ни прямо, ни косвенно, ни одна из находившихся в состоянии перемирия сторон не предупредила о прекращении перемирия за 7 дней, как это обязаны сделать обе стороны по договору 15 декабря 1917 года. Совет Народных Комиссаров видит себя вынужденным, при создавшемся положении, заявить о своем согласии подписать мир на тех условиях, которые предложены были делегациями Четверного союза в Брест-Литовске. Совет Народных Комиссаров заявляет, что ответ на точные условия мира, предлагаемые Германским правительством, будет дан безотлагательно. Подписал Председатель В. Ульянов-Ленин. Нар. Ком. по Иностр. Делам Троцкий [3])».

Вслед за этой радио, Верховный Главнокомандующий посылает радио «всем фронтам»: «Советом Народных Комиссаров предложено немцам немедленное подписание мира. Предписываю при всех случаях столкновении с немцами организовывать массовое парламентерство к солдатам, с предложением не воевать. В случае же отказа немцев—оказывать возможное сопротивление» [4]).

19-го февраля в Ревеле была получена радио, гласившая, что Совет Народных Комиссаров согласился на заключение мира с Цен-

---

[1]) Дело М. И. К. № 14559, стр. 276.
[2]) Дело М. И. К. № 14559, стр. 307.
[3]) Дело М. И. К. № 14559, стр. 312.
[4]) Дело М. И. К. № 145599, стр. 314.

тральными державами на Брестских условиях, и по прямому проводу—приказание Верховного Главнокомандующего тов. Крыленко немедленно ночью же вывести из Ревеля в тыл все продовольствие и наиболее ценное имущество, а в течение 20 февраля—уничтожить все остальное и эвакуировать весь подвижной состав. Между тем, от Краевого Комитета было в этот же день получено Комендантом Крепости предписание, запрещавшее производить какие-либо взрывы в Ревельском районе, без особого каждый раз разрешения Краевого Комитета. Обсудив полученную директиву Главнокомандующего, было решено, что точное ее исполнение невозможно: 1) вывоз из Ревеля, или уничтожение всех продовольственных запасов поставит местное население в крайне бедственное положение, 2) увод из Ревеля всего подвижного состава до вывода войск из района создаст среди них панику и приведет к неудержимым погромам. Если 24-х часовая срочность эвакуации действительно требуется неизвестными совещанию политическими обстоятельствами, то в первую очередь, раньше всего, придется вывести по железной дороге или морем войска, 3) уничтожить казенное имущество возможно лишь постольку, поскольку это не приведет к катастрофическим разрушениям в городе и селениях и не представит опасности для мирного населения.

Позднее Главнокомандующий раз'яснил, что эвакуация должна производиться возможно срочно, но не в 24 часа; уничтожение казенного имущества необходимо, и местные советские организации не должны вмешиваться в военные распоряжения Коменданта Крепости, единственного ответственного лица за исполнение получаемых им от Верховной Советской власти распоряжений.

Ночью на 20-е февраля были получены в Ревеле первые сведения о начатых неприятелем непосредственных военных действиях против Ревельского Укрепленного Района. Тогда приступили к эвакуации Ревеля, и в тот же день на буксире ледокола «Волынец» были отправлены в Гельсингфорс три подводные лодки. [1])

Между тем, получаемые сведения принимали угрожающий характер, вследствие чего в тот же день Центральный Комитет Балтийского флота предложил Военному Отделу отдать приказ о приведении всех судов Гельсингфорской базы в готовность к выходу в Кронштадт. [2]) Агентурные данные говорили об энергичных приготовлениях немцев к операциям против России: сообщалось, что из Данцига на север направились 10 транспортов с войсками, а флот из Либавы двинулся также на север. Кроме того, будто бы 2 эшелона шведских войск под видом добровольцев проследовали на север Финляндии и на Оландские острова. [3])

Положение на Оландских островах. Последнее обстоятельство заставило с особенною тревогою отнестись к судьбе этой выдвинутой на запад позиции, снабженной многочисленными батареями, авиационной базой и ценным многочисленным военным имуществом. Здесь за последнее время условия особенно осложнились.

---

[1]) Донесение Нач. Обороны Финского залива.
[2]) Дело М. И. К. № 14559 стр. 344.
[3]) Дело М. И. К. № 14559 стр. 343.

Восстание белой гвардии, охватившее северную часть Финляндии, перекинулось на Оландские острава. Белогвардейские отряды, продвинувшись по льду с материка в район Оландских островов, стали нападать на посты Службы Связи Балтийского моря, арестовывая команду и расхищая имущество. Арест команды на одном из постов штаб белой гвардии об'яснял тем, что нами были арестованы представители белой гвардии; арестованы же были белогвардейцы потому, что при них оказались карты военных сооружений и местности, а также оружие. Штаб белой гвардии предложил произвести обмен арестованными, для чего в определенном пункте было созвано совещание, в результате которого состоялся обмен. Кроме того, на этом совещании представителем белой гвардии было представлено требование установить демаркационную линию. После согласия нашей делегации на это требование, со стороны белой гвардии был пред'явлен ряд требований под угрозой, в случае неудовлетворения их, начать военные действия против расположенных за означенной линией наших частей. В связи с развитием этих событий, 15-го февраля к острову Оланд подошли шведские военные суда. Основные требования белой гвардии, а также представителей Швеции, прибывших на вышеупомянутых судах, были следующие: 1) Немедленная эвакуация острова Оланд, с условием перевозки, расположенных на Оланде воинских частей исключительно на судах, предоставленных Швецией, минуя Финляндию, в Ревель. 2) Оставление всего имущества, за исключением одной винтовки на человека и комплекта патронов. 3) Отдача почти всего Оланда, перегруппировка войск в районе гор. Мариенгамна и производство немедленной эвакуации из этого района по плану, предложенному представителями Швеции и белой гвардии. Все требования, явно неприемлемые для нас по техническим и другим соображениям, носили чисто ультимативный характер. Последний срок выполнения ряда ультимативных требований был назначен на 6 ч. утра 18-го февраля.

Донося все изложенное Совету Народных Комиссаров, Исполнительный Комитет укрепленный Або-Оландской позиции и весь гарнизон требовали немедленного вмешательства, так как события могли принять военный характер. В переговорах принимали участие: русский консул в Швеции т. Воровский, делегация шведских судов, делегация белой гвардии и представители от частей Оландского гарнизона. В результате переговоров были выработаны следующие условия: 1) эвакуация войск не предрешает международного положения Оланда и также вопросов о правах России и Финляндии на него. 2) Имущество русского правительства остается неприкосновенным и сдается на храпение Оландским властям при русских комиссарах, с гарантией шведского правительства. 3) Русские войска со снаряжением перевозятся шведским правительством в Россию. Белогвардейцы тем же порядком перевозятся в Северную Финляндию. 4) Арестованные освобождаются и проводится общая амнистия. 5) Оландские острова исключаются из театра военных действий.

Получив сообщение Председателя Исполнительного Комитета Оландского гарнизона о критическом положении, Народный Комиссар по Морским Делам отдал распоряжение немедленно привести все суда

1-ой категории в боевую готовность и выслать боевые суда к Оланду для оказания сопротивления, в случае же его занятия неприятелем—взорвать все находящееся там имущество. Далее, для подкрепления пехотных частей, Народный Комиссар предписывал затребовать из Ревеля 3—4 роты морского батальона, оставив заслон у острова Вульфа, и рекомендовал войти в соглашение с Финляндской Красной Гвардией относительно совместных действий, и, наконец, предлагал воспользоваться в качестве дальнейшего подкрепления—частями войск с Калединского фронта, прибывающими в ближайшие дни. Не имея уверенности в выполнении своих распоряжений, Народный Комиссар просил сообщить об их выполнимости при данной обстановке. [1])

Тем временем Оланд был отрезан и донесения о ходе событий на нем прекратились. Посланный на поддержку ледокол «Муртайя», с отрядом в составе 130 чел. Красной Гвардии, был задержан у острова Престэ. Дальнейшая посылка подкреплений оказалась невозможной, вследствие отсутствия подходящих конвоиров; к тому же не было известно, какие силы сосредоточил противник на Оланде. Для обсуждения создавшегося положения было собрано в г. Або совещание, с участием представителя от Оланда. Совещание вынесло следующее постановление: 1) Отстаивать Або-Оландскую позицию, имея против себя белую гвардию и Швецию—невозможно. 2) Необходимо эвакуировать Оланд и прилегающие к нему острова.

На основании этого постановления Оланду была послана директива: до получения более точных распоряжений и раз'яснений из Центра—задерживать передачу Оланда, срочно эвакуировать все ценное имущество, батареям не допускать никаких судов к берегу, открывая по ним огонь, а шведским судам предложить в определенный срок покинуть наши воды, угрожая в противном случае обстрелом их. Одновременно совещание обратилось за помощью к Центробалту, указывая на необходимость присылки транспортов для эвакуации и канонерских лодок для обеспечения пути между Оландом и Або. В это время все морские части и батареи Оланда являли собою картину полной дезорганизации: команда заявляла о своем нежелании ввязываться в классовую борьбу Финляндии [2]) и требовала увольнения по домам, угрожая, в случае неисполнения их требования, бросить все военное имущество на произвол судьбы; дисциплины в частях не было никакой; ответа из Петрограда от Народного Комиссара по Морским Делам дождаться нельзя было; Центробалт никакой помощи не оказывал.

Уже 19-го февраля Военная Коллегия Западного Района принуждена была снять посты Службы Связи в Энксе, Аспэ, Пипшер, Люпертэ, Финболандст, Донэ-Гамлет, а посты Пудзаро, Селсе, Калюгде, Казберг и Престе были сняты белогвардейцами, причем команда Селсе оказалась в плену. В конце концов, на все запросы Центробалт ответил, что никакой помощи от него ждать нельзя и при эвакуации следует рассчитывать только на местные средства.

К 20-му февраля дезорганизация на Оланде достигла высших пределов, почти прекратилась всякая связь с ним. Многие команды

[1]) Дело М. И. К. № 14559, стр. 249—251.
[2]) Дело М. И. К. № 14559, стр. 247.

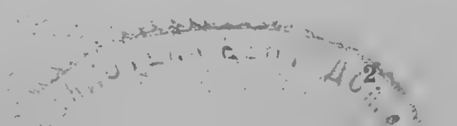
стали распродавать казенное имущество. Поэтому, чтобы положить конец неопределенному положению, командующий войсками Або-Оландской позиции принужден был об'явить об увольнении в запас матросов всех годов службы. В тот же день военные действия на Оланде прекратились и удалось достичь соглашения с белогвардейцами и с представительством шведского правительства. Условия соглашения были 22-го февраля приняты Советом Народных Комиссаров, ввиду чего Коллегия Морского Комиссариата отдала распоряжение о срочном уводе русских войск с Оланда и передаче батарей и имущества на хранение на условиях, выработанных и сообщенных тов. Воровским. Одновременно давалась директива о необходимости договориться с Финляндским правительством относительно обеспечения от захвата батарей Утэ, Люпертэ и Чекарс, а также об организации их охраны в случае невозможности сохранения на них минимального числа прислуги. На основании этих распоряжений и директив, Центробалт 23-го февраля предписал Военному Отделу Або-Оландской позиции эвакуировать в склады Свеаборгского порта и крепости все военное имущество с островов Оланд, Корсэ, Стурклуббен, Лемлянд, Чекарс, Боксе, Хамне, Люпертэ и авиостанции Дегере; сооружения боевого значения предлагалось уничтожать, а инвентарь и хозяйственные постройки—продавать или сдавать под охрану местным организациям или общинам.

Одновременно сообщалось, что никакой помощи военными судами и перевозочными средствами оказано быть не может и подтверждалось требование о приведении в боевую готовность батарей Эрэ и Утэ, защищавших входы в шхеры со стороны моря. Последнее требование не могло быть исполнено, так как команды разоружили батареи и заявили, что не желают исполнять никаких оперативных требований.

Повидимому, вообще ни один пункт директивы фактически не был исполнен и все многочисленное военное имущество осталось в руках Финского Правительства. Русское население и войска были эвакуированы на специально присланных пароходах в Петроград уже много позже, после ухода нашего флота из Гельсингфорса.

Эвакуация Ревеля. В центре все еще переоценивали боеспособность флота и рассчитывали на возможность активного противодействия с его стороны наступлению противника, но на соответствующий запрос Народного Комиссара по Морским делам [1]) Вобалтом был дан ответ, что флот не в состоянии выйти на Центральную позицию и принять бой в случае нападения немцев, из-за некомплекта команды и ее нежелания больше воевать; пока флот не будет реорганизован на добровольческих началах—не будет фронта «ни политического», ни «стратегического». Оставалось попытаться безболезненно эвакуировать в Гельсингфорс наиболее ценные суда и военное имущество. Но все мероприятия по эвакуации и по задержанию продвижения неприятеля значительно осложнялись вмешательством властей на местах, в большинстве случаев шедшему в разрез с приказаниями центральной власти и морского командования в лице Вобалта.

[1]) Дело М. И. К. № 14559, стр. 310.

Так, 20 февраля утром, на совещании у Коменданта Крепости, представители Эстляндского Краевого Комитета и Совета Депутатов официально заявили, что на ночном пленарном заседании Краевого Комитета, Совета Депутатов, Армейского Комитета и Местного Флотского Комитета было решено образовать военную коллегию в составе двух представителей от каждой из названных организаций, ввиду чего эта военная коллегия ныне берет в свои руки всю гражданскую и военную власть в Ревельском краевом районе, причем во избежание двоевластия — комендант крепости устраняется от должности. Комендант крепости в этом же заседании сложил свои полномочия и об этом было донесено в Петроград и оповещено население и гарнизон.

Погрузка транспортов для эвакуации энергично продолжалась. Но в то же время и неприятель понемногу продвигался к Ревелю. Около полдня 20-го февраля была получена телефонограмма службы связи о занятии неприятелем Вердера и близлежащих деревень. Утром неприятель занял пост Уйзу и медленно продвигался к Леалю. Вечером было получено известие из Гапсаля, что стоявший там 1-й эстонский полк отказался итти на позицию у Ристи и арестовал местный Совет Депутатов, нашу десантную роту с о. Вормс и команду батареи Диргамн, и перешел на сторону немцев. 21-го февраля Начальник Обороны Финского залива сообщал, что неприятель двигается от Леаля на Ристи; команды наших батарей, не будучи в состоянии ориентироваться в вопросе «война или не война», — бросили некоторые батареи; сообщения с Гапсалем не было; батареи Балтийского порта командой были очищены, оставлены лишь охотники для их уничтожения. В $10^1/_2$ ч. утра Гапсаль был занят немцами. Около 4 ч. дня немецкие раз'езды появились в 17 верстах от Диргамна. Диргамнская батарея была взорвана и команда отошла на Балтийский порт.

Положение в Ревеле и меры по проведению эвакуации подробно обрисованы в донесении того же начальника Обороны Финского залива [1]). По его словам, всеми морскими делами и операциями в Ревельском Укрепленном районе ведал военный отдел местного флотского комитета, совместно с ним и с морскими начальниками, автономно по отношению к Военной Коллегии, имевшей, как уже указывалось, в своих руках всю власть на сухопутном фронте крепости и в Ревельском укрепленном районе. Местные морские власти принимали срочные меры к эвакуации порта и прочего военного имущества; транспорты, по мере их нагрузки, предположено направлять с попутными рейсами ледоколов в Гельсингфорс; крейсера приготовлены к выходу и должны покинуть порт в последний момент. 22-го февраля с «Ермаком» предполагалось выслать последние подводные лодки, а также готовые транспорты и учебное судно «Петр Великий». Часть ценного имущества грузилась в вагоны, но не было надежды на успешную эвакуацию; вследствие создавшейся обстановки предпочтительно было производить эвакуацию морем. Приморские батареи находились в следующем состоянии: Балтийский порт командой оставлен и приготовлен к уничтожению; Диргамнская батарея взорвана, с остальных батарей Ревельского побережья

---

1) Дело М. И. К. № 14559, стр. 346.

и островов Нарген и Вульф команды эвакуированы по возможности в Петроград. [1]). На батареях оставлялись отряды, достаточные для охраны и, в случае крайней необходимости, их уничтожения. В случае подхода немцев к Ревелю предполагалось все приморские батареи, кроме островов Нарген и по возможности Вульф, уничтожить, Командование перевести на остров Нарген, где оно, имея при себе ледокол, могло бы ожидать дальнейших событий, сохраняя радиосвязь с Гельсингфорсом. По окончании полной эвакуации всех военных и вспомогательных судов из гавани, в проходах предполагалось затопить оставшиеся плавучие средства, а также по возможности уничтожить имеющие военный характер портовые сооружения в гаванях, в новом порту и стапеля на судостроительных заводах. Эвакуация сильно затруднялась отсутствием в Ревельском казначействе денежных знаков для расчета с рабочими и удовлетворения содержанием команд [2]).

В таком положении находился Ревель почти накануне его занятия немцами.

Военные действия, открытые неприятелем, потребовали экстренных мер со стороны Советского правительства. 21-го февраля Советом Народных Комиссаров послана была открытая радиотелеграмма: [3]) «... Совет Народных Кимиссаров постановляет: все силы и средства предоставить целиком на дело революционной обороны. Всем советам и революционным организациям вменяется в обязанность защищать каждую позицию до последней капли крови. Железнодорожные организации обязаны всеми силами воспрепятствовать врагу воспользоваться аппаратом путей сообщения. При отступлении уничтожать пути, взрывать—сжигать железнодорожные здания; весь подвижной состав, вагоны и паровозы немедленно направлять на восток, вглубь страны. Все хлебные и вообще продовольственные запасы, а равно всякое ценное имущество, которым грозит опасность попасть в руки врага, должны подвергаться безусловному уничтожению. Наблюдение за этим возлагается на местные советы, под личной ответственностью их председателей. Рабочие и крестьяне Петрограда, Киева и всех городов и местечек, сел и деревень по линии нового фронта, должны мобилизовать батальоны для рытья окопов, под руководством военных специалистов. В эти батальоны должны быть включены все работоспособные члены буржуазного класса — мужчины и женщины, под руководством красногвардейцев. Сопротивляющихся — растреливать. Все издания, противодействующие делу революционной обороны, и становящиеся на сторону немецкой буржуазии, а также стремящиеся использовать нашествие империалистических полчищ в целях свержения Советской власти—закрываются. Работоспособные редакторы и сотрудники этих изданий мобилизуются для рытья окопов и других оборонительных работ. Неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контрреволюционеры—расстреливаются на месте. Социалистиче-

---

[1]) 20-го февраля с о-вов Нарген и Вульф была эвакуирована первая партия команд, которая ни в какие партизанские отряды формироваться не пожелала и настойчиво требовала скорейшей отправки в Петроград.

[2]) Дело М. И. К. № 14559, стр. 346.

[3]) Приводится частично.

ское отечество в опасности. Да здравствует народная Социалистическая революция» [1]).

С своей стороны Верховный Главнокомандующий (т. Крыленко) дал по радио свои директивы (помещаются выдержки): «В случае отказа немцев заключить мир—борьба не на жизнь, а на смерть. Беспощадная борьба, в которой нет отступления, нет отходов—либо смерть, либо победа. Народную месть, народный террор мы должны противопоставить нашествию противника, если не удастся бросить навстречу сплоченные массы революционных граждан. За каждый город, за каждое село, за каждую улицу и каждый дом подымать бой, наш отчаянный бой гражданской войны. Отряды в тысячу, полторы тысячи человек, достаточно снабженные и вооруженные элементарным вооружением и легкими батареями, отряды способные быстро окапываться, со стремительностью наших революционных отрядов должны нападать на немецкие отряды, для задержания их продвижения. Революция в праве требовать сейчас от всех такого самоотвержения во исполнение постановления Народных Комиссаров. Об'является настоящим революционная мобилизация. Все незаписавшиеся, способные к труду, должны быть привлечены к работам по укреплению и устройству заграждений на всех путях немецкого движения. Всякий буржуа, противящийся таким распоряжениям, должен быть немедленно предан суду и насильственно привлечен к работе. Запись революционных войск открывается по всем районным советам и по всем районным штабам Красной армии; вооружение выдается в соответствующих отделах. Революционная дисциплина должна быть доведена до высшего напряжения, с преданием всех неповинующихся революционному суду. Запись инструкторов открывается в отделах формирования Красной Армии. Формирование идет по утвежденным штатам красного батальона. Все к оружию. Все на защиту революции. Поголовная мобилизация для рытья окопов. Высылка окопных отрядов поручается Советам с назначением ответственных комитетов с неограниченными полномочиями».

Из приведенных телеграм [2]) довольно ясно обрисовывается в каком состоянии пребывали наши фронты и войсковые части, которых фактически не существовало.

Столь ответственный момент застает Балтийский флот в периоде реорганизации, в периоде перехода на добровольческое начало, в периоде образования из него первого в мире рабоче - крестьянского флота. Но пока шла реорганизация, не могло быть «ни фронта стратегического, ни фронта политического». Это ясно сознавало и реорганизованное на новых началах морское командование, что видно из целого ряда его приказов и директив по поводу возобновления военных действий, например, приказ от 22/II—18 г. за № 77 гласит:

«Именем Совета Народных Комиссаров Российской Республики, об'являем по флоту Балтийского моря, что с 20 сего февраля вступаем в исполнение возложенных на нас правительством обязанностей, т. е.

---

[1]) Дело М. И. К. № 14559, стр. 293.
[2]) Дело М. И. К. № 14559, стр. 224.

Управлением Всеми Морскими силами Балтийского моря и созданием нового Социалистического Рабоче-Крестьянского Красного флота. Призываем всех товарищей принять горячее участие в совместной работе по созданию мощного Красного флота.

Ни для кого не тайна, что старый флот распался и не представляет из себя ни политического, ни стратегического значения.

Крестьянско-Рабочее [1]) Правительство об'явило декрет о создании соц. флота на добровольческих началах.

Все сознательные товарищи матросы и рабочие, кому дорога наша родина и завоеванная свобода, социалистический строй народовластия, должны отдать все свои силы в ряды Добровольческого флота; мы не должны приводить к гибели миллиардного народного достояния, приобретенного на мозольные деньги всего угнетенного класса Российской Республики.

Товарищи, только с вашей помощью можно создать такой флот, который гордо выйдет на баррикадную борьбу с империалистами, банкирами, помещиками и капиталистами всего мира».

Главн. Комиссар Балт. флота Н. Измайлов.
Нач. В. Морск. Отдела А. Ружек.

22-го февраля последовал приказ по Флоту Балтийского моря за № 78: «Во исполнение приказа Верховного Главнокомандующего и постановления Совета Народных Комиссаров об'является революционная мобилизация для беспощадной борьбы с германскими империалистическими полчищами. Всех, кто способен держать оружие, Родина зовет на последний революционный бой, в котором или победим, или с честью умрем.

Всякие увольнения с этого момента прекращаются, товарищи призываются на свои бывшие места, для защиты кровью добытой свободы.

Да здравствует Народовластие Великой Российской Республики. [2])».

Начиная с 22-го февраля события пошли более быстрым темпом. В этот день из Ревеля были получены известия, что положение там очень тяжелое. Никто не верил, что об'явлена война; команда службы связи, в числе 500 человек, заняла вагоны с провиантом; произошли стычки между желающими уехать; Красная Гвардия требовала оставления в Ревеле провианта; прислуга батарей разбежалась; ввиду отсутствия связи и сведений о продвижении неприятеля, были взорваны батареи Балтийского порта и в гавани затопили пароход «Гальванер».

Утром в Ревель прибыл командир с Суропских батарей, на которых осталось всего 6 воинских чинов и офицеры. Ценное имущество с батареи было вывезено. Попытки сформирования хотя бы небольшого отряда для охраны этой ценной батареи, участь которой в то время была еще далеко не решена, были безуспешны. Столь же безуспешны были старания задержать команды с батарей островов Нарген и Вульф. Все прибывшие в Ревель команды с батарей настойчиво требо-

---

[1]) Сохранена орфография подлинника.
[2]) Дело М. И. К. № 15018.

вали немедленного их отправления в Петроград. Большая их часть, также как и остатки гарнизона Ревеля, самостоятельно устраивались в отходящих поездах. Вообще с этого дня эвакуация из Ревеля по железной дороге приняла хаотический характер: вагоны с грузами стояли и накапливались на путях, безнадежно их закупоривая; паровозов не хватало, отходящие поезда с бою брались солдатами и матросами. Отдельные воинские чины и целые команды самовольно покидали свои места и обязанности, и бесследно исчезали. Канцелярии пустели: не с кем было работать в самые ответственные моменты существования Ревеля.

В полдень был с большим трудом сформирован разведочный отряд из солдат и матросов охотников, и специальным поездом отправлен в Ристи. Эвакуация порта начала было налаживаться и много ценного имущества было погружено на транспорты, но настроение рабочих, не получивших расчета, делалось явно угрожающим для администрации порта. На все телеграммы с требованием из центра денег — таковые не присылались. Вечером, по требованию рабочих был арестован командир Порта (Ярон). Местные организации (как напр. Союз Торговых моряков) продолжали тормозить дело эвакуации своим несвоевременным вмешательством в военные распоряжения.

В этот день ледокол «Ермак» повел в Гельсингфорс две подводные лодки и два нагруженных транспорта. Состояние льда на рейде было очень тяжелое и суда пробивались с трудом.

Вечером были получены из Вобалта телеграммы, требовавшие во что бы то ни стало прекратить эвакуацию Наргена и восстановления и приведения в боевую готовность всех батарей на нем. Ввиду повреждения кабеля, дальнейшие сношения с Гельсингфорсом были прерваны. Все же боеспособность Наргенских батарей была отчасти восстановлена, благодаря тому обстоятельству, что остров очистился от элемента, не желавшего ничего делать и во что бы то ни стало стремившегося уехать. Вечером в Ревель вернулся разведочный отряд, высланный на Ристи. Дойдя до ст. Розенберг, поезд с отрядом встретил возвращавшийся от Ристи поезд с красноармейцами, ранее высланный туда Военной Коллегией; красноармейцы сообщили, что путь свободен. Тем не менее из осторожности начальник отряда вывел команду из вагонов, чтобы следовать далее походным порядком, имея за собой поезд. Как только отряд стал рассыпаться в цепь, для освещения местности, из лесу с обоих сторон железнодорожного полотна неизвестным противником был открыт пулеметный огонь. Отряд потерял без вести пропавшими одного офицера, одного юнкера флота и до 15 человек матросов. Часть его вернулась в Ревель на поезде, а часть—пешком, так как поезд самовольно прежде времени ушел. Этот единственный боевой эпизод, имевший место в дни Ревельской операции немцев, показал, что неприятель (немцы или белогвардейцы) достиг уже ст. Розенберг. Днем прибыл в Ревель из Гапсаля помощник нач. охраны водного района, донесший, что при отступлении из Гапсаля 20-го февраля остались в Гапсале малый ледокол «Минер» и реквизированный катер «Новик». Команде «Минера» было приказано затопить его, открыв кингстоны; но она разбежалась, не выполнив этого приказания.

23-го февраля около 11 час. утра на ст. Лаакт прилетел неприятельский аэроплан и сбросил по стоявшему поезду, наполненному эвакуированными командами, безрезультатно несколько бомб; будучи обстрелян матросами из винтовок, он улетел по направлению к Ревелю. Пролетая над городом, аэроплан сбросил прокламации, в которых германское командование предупреждало, что в случае возникновения в городе погромов—ответят взятые им в плен красногвардейцы.

Около полудня неприятелем была занята ст. Кегель, после недолгой перестрелки со стоявшим там отрядом Красной Гвардии. Днем, благодаря настояниям прибывших из Гельсингфорса членов Центробалта, был освобожден из под ареста командир порта. Эвакуация порта едва двигалась, рабочих оставалось все меньше и меньше и разграбление имущества усиливалось.

Днем 23-го февраля в Ревеле по радио были получены предложенные Германией мирные условия. На вопрос Начальника Обороны Финского Залива как поступать с батареями в случае принятия Германских условий—был получен ответ, что уничтожение Наргенских батарей преждевременно, а на второй запрос о Суропских батареях было получено разрешение взорвать их смотря по обстоятельствам, когда это будет признано необходимым. Ввиду того, что от Кегеля до Суропа по шоссе всего 18 верст и можно было уже ночью ожидать занятие батарей неприятелем, в ночь на 24-е февраля они были взорваны.

24-го февраля, по недоразумению, 120 мм. батареи Вимс и Вульф обстреляли беглым огнем пролив между Карлосом и Наргеном, где якобы показались отряды, проходившие пролив по льду. Недоразумение скоро раз‘яснилось, но этот случай показал, что несмотря на эвакуацию с этих батарей команд, они были в полной боевой готовности и служба на них велась достаточно бдительно.

Ночью распустила себя Военная Коллегия, а утром об‘явили себя распущенными местные советские организации: Совет Депутатов и Краевой Эстляндский Комитет. В городе, накануне его занятия неприятелем, не оказалось никакой гражданской власти, а в крепости—военной. Между тем, днем на улицах началась, постепенно усиливаясь, ружейная и пулеметная стрельба, в порту же громились склады. Нагрузка на транспорты эвакуируемого портового имущества прекратилась. Утром прервалось железнодорожное сообщение, а нагруженные вагоны с имуществом порта и артиллерийского склада так и остались на своих под‘ездных путях. (Из имущества Артиллерийского склада успели отправить в Москву пять вагонов, три остались в Ревеле, а один застрял на ст. Иеве). Десантная бригада, до сих пор непоколебимо исполнявшая свой долг, днем поддалась общему настроению и перебралась на транспорт «Лембит»; Местный Флотский Комитет с утра перебрался на крейсер «Адмирал Макаров». До самого конца Ревельской эпопеи оставались и работали совместно с Начальником Обороны Финского залива — Центральный Комитет Береговой обороны и телефонисты Усть-Двинской телеграфной роты. Все канцелярии окончательно опустели, документы, дела и канцелярское имущество было нагружено на транспорт «Бурлак», лишние дела сожжены. Все суда приготовились к походу и с 4 часов дня стали вытягиваться на

рейд, а караван судов в составе двух подводных лодок, заградителя «Урал», трех тральщиков и нескольких транспортов—ушел в Гельсингфорс.

Около 16 ч. по радио было получено в Ревеле известие, что наше правительство приняло германские условия мира, а около 18 час. Народный Комиссар Подвойский в разговоре по юзу с Начальником Штаба Крепости (подп. Левенцом) сообщил, что мир подписан, но в то же время возлагал на Левенца ответственность за уничтожение военных и железнодорожных сооружений. Но ни в распоряжении Начальника Штаба Крепости, ни в распоряжении Начальника Обороны Финского Залива в это время не было в Ревеле ни средств, ни сил не только для работ по уничтожению сооружений, но и для охраны оставшегося без всякой власти города.

Считаясь с Германскими условиями мира и беспокоясь за участь батарей, Начальник Обороны Финского Залива вечером донес по Юзу в Морской Генеральный Штаб следующее:

«Прошу срочно и категорически указать, следует ли взрывать Приморские батареи и когда. Положение дел следующее: в городе организованных вооруженных сил нет; в порту и интендантстве идет грабеж вооруженными людьми. Сведений о противнике нет и вполне возможно ожидать появления его в городе ночью. На батареях команда пока еще остается, но волнуется, беспокоясь за свою участь. Связь моя с батареями может каждый час порваться. Считаю, что было бы большой нашей ошибкой перед народом и историей, если бы батареи попали бы в немецкие руки. Сегодня отправили в Гельсингфорс караван судов. Дальнейшая погрузка на транспорты ценного имущества порта не возможна, вследствие грабежа, отсутствия организованной надежной охраны и желающих работать. Завтра постараюсь отправить в Гельсингфорс все транспорты; крейсера завтра также идут в Гельсингфорс. Прошу указать, что делать с оставшимися плавучими средствами, причем предупреждаю, что никаких средств к их уничтожению у меня нет, так как все люди разбежались, или забились на суда, боясь попасть в руки немцев. В городе власти никакой нет, так как Совет Депутатов и Краевой Комитет себя распустили. Прошу срочных указаний, что делать, так как ждать более не могу.»

На этот запрос последовал следующий ответ:

«Согласно указаний Верховного Главнокомандующего, Коллегия Морского Комиссариата приказывает уничтожить береговые батареи, когда по обстановке признается это нужным. 24 февраля. Нагенмор Беренс.»

За Народн. Комис. Подвойский.

Около 18 ч. в городе быстро стала организовываться новая власть—союз самозащиты, которая энергично стала разоружать Красную гвардию почти без всякого сопротивления со стороны последней. Масса красногвардейцев нашла убежище на крейсерах и транспортах.

Около 23 часов орудия, прожектора и дизеля Вимской батареи по приказанию Нач. Обороны были взорваны, погреба же и бараки оставлены, чтобы при взрывах не пострадало население.

Ввиду наступления в городе абсолютной темноты, сосредоточения около Управления Береговой Обороны значительного отряда Белой гвардии, а также возможности ожидать каждую минуту в городе немцев, в полночь в присутствии Начальника Обороны была уничтожена Центральная Телефонная станция Приморского фронта, после чего Начальник Обороны, с бывшими при нем членами Центрального Комитета Береговой Обороны и офицерами перешел на тр. «Колывань», о чем было дано знать Начальнику Бригады Крейсеров. Транспорту было приказано к утру приготовиться к походу.

Всю ночь в городе и порту шла усиленная ружейная и пулеметная стрельба.

25-го февраля к утру почти все суда вытянулись на рейд, в гавани оставался кр. «Адмирал Макаров», задачей которого было обеспечить уход судов из Ревеля на случай внезапного появления в порту немцев. С большими усилиями удалось уговорить итти на Нарген команду тр. «Колывань», которая порывалась бросить транспорт. Только усилившаяся в гавани ружейная и пулеметная перестрелка от которой начали в панике разбегаться массы народа, толпившегося на набережной, заставила их согласиться на немедленный уход на Нарген. При уходе, который состоялся уже тогда, когда в гавань ворвались немецкие мотоциклетисты и перестрелка еще больше усилилась, на тр. «Колывань» не оказалось никого из членов Центральното Комитета Береговой Обороны, что впоследствии сыграло большую роль в развитии событий на Наргене. (Члены Комитета перед уходом разошлись по судам для разных дел и к отходу не успели вернуться). Весь караван судов, готовых к отходу, под проводкой ледоколов «Ермак» и «Тармо», двинулся также, причем крейсера открывали огонь по появившимся немецким аэропланам. Из Ревеля вышли крейсера «Рюрик», «Адмирал Макаров», «Богатырь», «Баян» и «Олег», заградитель «Волга» и довольно много транспортов.

При уходе судов из Ревеля, им были пред'явлены германским генералом Секендорфом следующие условия: [1])

1. Выдача награбленного имущества, а именно: а) награбленное имущество частных лиц отдельными матросами должно быть возвращено; б) Вернуть всю провизию сверх месячной нормы.

2. В случае, если часть судов или отдельные суда уже вышли из пределов сигналов или вообще связи и ушли в Гельсингфорс, они должны выполнить вышеизложенное, прислав все на транспорте.

3. В случае невыполнения вышеизложенного, огонь немецких батарей будет открыт по оставшимся кораблям (кр. «Адмирал Макаров» и «Рюрик»).

Комитетом кр. «Адмирал Макаров» на это требование был дан следующий ответ:

1. Все команды судов будут опрошены и осмотрены и если что найдется—будет возвращено на транспортах.

2. Пункт б) передан на рассмотрение высшего начальства, так как погрузка интендантских и морских складов производилась по его

---

[1]) Дело М. И. К. № 14559, стр. 274.

распоряжению. Суда постановили: во всяком случае уйти, а в случае открытия огня с немецких батарей, отвечать на их огонь с судов.

3. По городу суда стрелять не будут.

На Наргене на общем собрании комитетов Начальником Обороны была обрисована создавшаяся обстановка и охарактеризовано положение Наргена следующим образом: 1) Неприятельский флот, при существующем состоянии льда, не может проникнуть в Финский залив и подойти к Наргену, 2) При всей энергии и богатстве технических средств, немцы не смогут, по крайней мере в течение месяца, выставить на берегу батареи, способные бороться с могучей Наргенской артиллерией. 3) Всякое сообщение с Наргеном, как телефонное, телеграфное и по радио, прервано (радиостанция в виду неисправности могла только принимать депеши). Связь будет поддерживаться с Гельсингфорсом только ледоколом «Волынец», приход которого ожидался. 4) Центральный Комитет обороны вне сомнения предпримет в Гельсингфорсе энергичные шаги для пополнения Наргенских батарей охотниками. Исходя из этих основных положений, совещанию было предложено остановиться на одном из следующих вариантов: а) послать в Ревель «Колывань», под парламентерским флагом с делегацией, которая потребует соединения о. Нарген прямым проводом с Петроградом, что-бы получать директивы. Делегация предупредит, что всякая попытка нападения на Нарген повлечет за собой открытие огня по городу и крепости. б) Не вступая в переговоры, ждать дальнейших событий до апреля месяца, войдя в радиотелеграфную связь с Гельсингфорсом (восстановление радиостанции могло быть осуществлено с помощью «Волынца») в) Взорвать батареи, но делать это не торопясь, предварительно вывезя с острова провизию, ценные приборы, мелкую артиллерию и другое имущество. Собрание отклонило два первых предложения, приняв третье, причем высказалось, что если бы даже от правительства последовало приказание сдать батареи немцам, то оно его не исполнит и батареи взорвут. В тот же день было приступлено спокойно и деятельно к погрузке на тр. «Колывань» провизии. Начальник Обороны не протестовал против такого решения, надеясь за время погрузки имущества батарей, которое должно было занять довольно много времени, получить от высших органов руководящие директивы. Вечером около 21 часа, с проходившего мимо Наргена крейсера «Адмирал Макаров» был передан прожектором ряд семафоров, адресованных команде острова, с настойчивыми приказаниями от Местного Флотского Комитета немедленно взрывать все батареи. Конечно, семафоры немедленно стали известны всей команде, результат их погубил все принятые на совещании решения. Раньше, чем кто-либо из командного состава мог отдать какие-либо распоряжения, запылали жилые командные бараки, сгорели проведенные над ними воздушные телефонные провода; этим нарушилась связь на острове между батареями. Затем, взлетела на воздух 120 мм. батарея № 11. Часть команды с этого времени прекратила всякие работы и озаботившись о доставке своего имущества на «Колывань», там и оставалась. Приходилось направить всю энергию на действительное уничтожение ценных башенных и других установок. Эту сложную работу выполнил комендант острова с немногими коман-

дирами и немногочисленной подрывной партией. 26 февраля утром пришел лед. «Волынец» и команда, как с острова, так и с ледокола стала выражать большое нетерпение и желание бросить все и уйти.

Попытки взорвать батареи гальваническим путем, при котором должен был сдетонировать и весь боевой запас, не увенчались успехом, а потому взрывы были произведены путем поджога зарядных погребов. Эта работа была вполне успешно проведена в течение ночи и утра 27 февраля.

27-го февраля в полдень, по уничтожении всех Наргенских батарей, лед. «Волынец» совместно с тр. «Колывань» вышел в Гельсингфорс, куда и прибыл в тот же день вечером, помогая на пути застрявшим во льду транспортам и другим плавучим средствам, эвакуированным из Ревеля. Все Наргенские и Вульфская батареи были взорваны. Все жилые здания, склады, сараи, железнодорожные станции, депо, мастерские и прочие сооружения—уничтожены; штабели дров, леса и угля—сожжены. Гавань осталась неповрежденной, за отсутствием соответствующих средств. В конце своего донесения Начальник Обороны Финского Залива говорит: «Я не считаю возможным в настоящем моем донесении подробно касаться причин, приведших нашу родину к полной невозможности сопротивляться внешнему насилию. Утомление русского народа, истощенного беспримерной 4-х летней мировой войной, а также и переживаемая им великая эпоха революционного переустройства всех основ государственного бытия являются, конечно, главными причинами нашего временного бессилия. Но веря непоколебимо в светлую будущность обновленной свободной России, я считаю долгом своим отметить, что и при создавшихся невыносимо тяжелых условиях, значительная часть морских команд в Ревеле и на приморских батареях проявила высокую сознательность и преданность своему долгу».

27-го февраля 1-я бригада крейсеров и транспорты с эвакуированным имуществом, пришли в Гельсингфорс. Хотя местные жители Ревеля и местный Краевой Совет всеми силами препятствовали эвакуации народного достояния, большинство продуктов и много имущества удалось эвакуировать. На крейсерах прибыло около 4.000 беженцев. [1]). Беженцы эти, пробывшие на судах по двое и трое суток, оказались в очень плачевном состоянии, не имея провизии и не имея средств для дальнейшего следования в Россию. Они являлись большой обузой для командования, так как эвакуация их в Петроград представляла большие затруднения ввиду ограниченности транспорта и ввиду продовольственных затруднений в самом Петрограде; тем не менее, вскоре они все были эвакуированы.

После занятия германцами Ревеля и ухода наших Морских Сил, в Ревеле остались следующие наши суда и плавучие средства [2]): 4 устаревших подводных лодки («Крокодил», «Пескарь», «Стерлядь» и «Белуга»), портовое судно «Могучий», 11 транспортов, 36 буксиров, теплоходы-заградители №№ 2, 3, 8 и 9, паровые дозорные катера, 5 барказов, 3 плавучих маяка, 5 плавучих кранов, 3 плавучих дока,

---

[1]) Оперативная сводка за 27/II. Дело № 14559, стр. 733.

[2]) Несколько позднее в Ревель пришли ледоколы «Волынец» и «Тармо», самовольно покинувшие Гельсингфорс и передавшиеся на сторону белогвардейцев.

12 грузовых и угольных баржей, около 35 моторных катеров, 1 землесос, 21 шаланда, 2 килектора и 4 водолейных баржи.

Попытка вернуть Ревель. В момент оставления Ревеля, в Гельсингфорсе возникла мысль об обратном его захвате совместными действиями с моря и с сухопутного фронта. По инициативе Народного Комиссара по Морским Делам т. Дыбенко, были набраны добровольцы-матросы с судов Балтийского флота. Отряд, в составе около 500 матросов, усиленный красногвардейцами—рабочими и некоторым количеством пехоты, под начальством т. Дыбенко и при военном руководителе бывш. генерале Парском, занял Нарву и у станции Вайвара (23 версты к западу от Нарвы) вступил в бой с германо-эстонскими войсками. В случае успеха сухопутной операции, предполагалось выслать в Ревель на поддержку отряду Дыбенко лин. кор. «Республика». [1]) Но противник, обладавший преимуществом в артиллерии, обошел наш отряд и при поддержке бронепоезда отбросил его с большими потерями к Нарве. Заключение Брестского мира приостановило операции на этом участке.

Брестский мир. В ответ на согласие Совета Народных Комисаров возобновить мирные переговоры с Четверным союзом, германское правительство предложило новые условия мира, заключавшие в себе признание за Германией прав на Курляндию, Эстляндию, Лифляндию и г. Двинск. Предложение это, помеченное 21-м февраля (Берлин) требовало от правительства Российской Федеративной Республики ответа в 48 часов, причем не было указаний с какого момента считается этот срок. Предложение Германии было вручено 22-го февраля нашему парламентеру, находившемуся в Двинске; Советом Народных Комиссаров оно было получено 23 февраля в $10^1/_2$ ч. утра; 25-го февраля состоялось решение Верховного органа власти в России — Центрального Исполнительного Комитета о принятии условий мира, предложенных германцами, о чем Совет Народных Комиссаров тотчас же передал Германскому правительству в Берлин, где ответ был получен в 7 ч. 32 м. утра 25-го февраля.

Одновременно Верховный Главнокомандующий тов. Крыленко, основываясь на ответе Совета Народных Комиссаров, от себя предложил Верховному Командованию Германской армией установить перемирие на тех же условиях, что и до возобновления военных действий 18-го февраля. [2]). Хотя это заявление было получено германскою ставкою в 1 ч. 35 м. дня 25-го февраля, но германское правительство медлило с ответом и продвижение неприятельских отрядов продолжалось. Обстановка оставалась неопределенной в течение нескольких дней, и положение нашего флота, базировавшегося на финляндские порты, становилось весьма необеспеченным после занятия германцами южного берега Финского залива. Ввиду этого, а также принимая во внимание содержание договора между Россией и Финляндией, Советское правительство предписало командованию флотом подготовить флот к выводу в Кронштадт.

---

[1]) Команда линкора «Республика» отличалась наибольшей выдержкой и революционной дисциплиной и неоднократно выполняла различные работы ударного характера (погрузки, воздействия силою оружия и др.).

[2]) Дело М. И. К. № 14559, стр. 435.

3-го марта наконец был подписан в Брест-Литовске мирный договор с Германией. На основании ст. V этого мирного договора, Россия должна была перевести свои военные суда в русский порт и оставить их там до заключения всеобщего мира, либо же немедленно разоружить их; эта же статья относилась и к военным судам других держав, находившихся в состоянии войны с Четверным согласием, поскольку их суда состояли в сфере власти России. Ст. VI мирного договора требовала немедленного очищения Финляндии и Оландских островов от русских войск и русской Красной Гвардии, а финские порты—от русского флота и русских военно-морских сил. Пока лед делал невозможным перевод военных судов в русские порты — на них разрешалось оставить лишь незначительные команды.

Брестским миром заключалась последняя страница мировой империалистической войны, из которой русский флот вышел в условиях значительно более благоприятных, чем почти год спустя — германский флот. Мирный договор, казалось бы, обеспечивал неприкосновенность и сохранность наших судов. Но возможность захвата их Германией учитывалась как командованием, так и личным составом; поэтому мир еще не внес успокоения в деятельность флота: предстояла трудная задача избавить его от разоружения и вырвать из ставших чужими баз, провести сквозь считавшиеся доселе непроходимыми льды в единственный русский военный порт—Кронштадт, и здесь поднять его боеспособность, для новой службы по обороне морских подступов Советской Республики.

ГЛАВА II.

Переход Балтийского флота в Кронштадт и Гражданская война в Финляндии.

(3 марта—14 апреля 1918 г.).

Мероприятия командования по подготовке флота к переходу в Кронштадт. 3-го марта в Управление Балтийским флотом вступил Совет Комиссаров (в составе 17 чел.) — до созыва нового состава Центрального Комитета Балтийского флота, причем тогдашний состав Центрального Комитета был об'явлен распущенным. Перед Советом Комиссаров лежала трудная задача. Нужно было, продолжая демобилизацию и переход флота на добровольческие начала, подготовить флот к «ледяному» переходу [1]), а между тем личный состав относился к дальнейшей участи флота весьма различно: часть его считала своим долгом оставаться на судах и прилагала все усилия, чтобы сохранить флот и увести его в Кронштадт, часть же, и довольно большая—демобилизовалась и покинула корабли. Конечно, работа по подготовке флота к переходу от этого очень страдала, что особенно сильно сказалось на мелких судах.

Одновременно с подготовкой флота к уводу, Совет Комиссаров старался освободиться от ставших ненужными береговых учреждений и мелких судов, неспособных к следованию во льдах; так 3 марта последовал приказ по флоту распустить по домам следующие части: 1) 1-й Балтийский Флотский Экипаж, 2) Кронштадтский Флотский Экипаж, 3) Школу юнгов, 4) 2-й Балтийский Флотский Экипаж, 5) Гвардейский Экипаж, 6) Морскую учебно-стрелковую команду, 7) Ревельский полуэкипаж, 8) Свеаборгский Флотский полуэкипаж, 9) Береговую роту минной обороны, 10) Абосский Флотский полуэкипаж, 11) Николайстадскую флотскую роту. [2]).

---

[1]) Вопрос об уводе сильнейших судов Балтийского флота в Кронштадт был решен еще Центробалтом: 19-го февраля заслушав доклад тов. Штарева, ввиду создавшегося политического положения, Центробалт предложил Военному Отделу срочно отдать приказ о приведении всех судов Гельсингфорской базы в готовность к выходу в Кронштадт; но затем вопрос еще несколько раз подвергался перерешению, ввиду опасений трудности перехода во льдах. Для окончательного решения возможности проводки судов во льдах была образована комиссия из 2 лоцманов, 4 матросов — представителей дредноутов и 1 командира дредноута. Вопрос о переводе флота в Кронштадт приобрел характер срочности после заключения Брест-Литовского мира (Дело М. И. К. № 14559, и «Бригадное дело и протоколы» 1-й бригады линкоров).

[2]) Дело М. И. К. № 14559. стр. 455.

11-го марта приказом по флоту Главное Управление Лоцманского и Маячного ведомства в Финлядии передавалось в ведение властей Финляндской Социалистической Рабочей Республики [1]), а приказом по флоту от 15-го марта учреждалась «Трудовая артель», работающих по делу траления мин (Тралартель) — для уничтожения минных и противоминных заграждений в Балтийском море и скорейшего открытия свободного мореплавания по окончании войны [2]). Этой артели передавалось все казенное имущество Дивизии Траления и тральщики [3]).

Последнее мериприягие имело также целью спасти переданные в «Тралартель» суда от захвата немцами, которые, будто бы, не посягали на суда частных организаций, плававшие не под военным флагом.

Переход 1 бригады линкоров в Кронштадт. (Карта—фиг. 2). Все усилия Совета Комиссаров были теперь направлены к тому, чтобы спасти

Фиг. 1. 1-я бригада линейных кораблей (дредноуты) выходит из Гельсингфорса в Кронштадт.

в первую очередь ядро флота—1 бригаду линейных кораблей-дредноутов, а затем уже постепенно—все прочие наиболее ценные суда. Поэтому уже 3-го марта Начальник этой бригады получил приказание приготовить свои линкоры к переходу в Кронштадт 7-го марта. Переход этот, конечно, представлял значительные трудности. Но на самом деле оказалось, что линкоры справлялись со льдом значительно легче, чем можно было ожидать. Незадолго до ухода, командир ледокола «Ермак» предупреждал морское командование, что в лучшем случае можно про-

---

[1]) Дело М. И. К. № 15018, прик. от 11/III, № 131.

[2]) Дело М. И. К. № 15018, прик. от 14/ III, № 145 и 146.

[3]) Миноносцы: Прочный, Прыткий, Подвижной, Послушный. Прозорливый, Ретивый, Резвый, Рьяный, № 212, № 213, № 214, № 215, № 216, № 217, № 218, № 219, № 220, № 221, № 222; тральщики: Запал, Минреп, Защитник, Ударник, Клюз, Фортрал, Поток Богатырь, Алеша Попович, Микула, Добрыня, Святогор, Капсюль, Груз, Крамбол, № 14, № 15, № 16, № 17, № 18, № 19; стор. суда: Куница, Соболь, Горностай, Ласка, Хорек, Выдра, Китобой, Гарпун, Невод, Намет, Якорь, теплоходы: Елена, Нина; сетев. заградители: Бурея, Зея, Иртыш, Молога, Луга, Яуза, Березина, Припять; I-й и II-й див. траления, теплоходы, тр.: Взрыв. Кама. Госп. с. Лава. букс.: Смелый. Бойкий. Воин.

вести один вполне исправный корабль двумя ледоколами в течение 1 недели; что главная опасность для бригады дредноутов заключается в слабости их винтов и что при неблагоприятных условиях погоды поход может затянуться на месяц [1]).

Несмотря на такое предупреждение, Совет Комиссаров решился на риск, тем более, что положение в Гельсингфорсе становилось все более и более тревожным. 4-го марта пришлось об'явить приказом по русской красной армии гор. Гельсингфорс на военном положении, ввиду участившихся случаев грабежей, провокаций и обстрелов полицией—красноармейцев [2]).

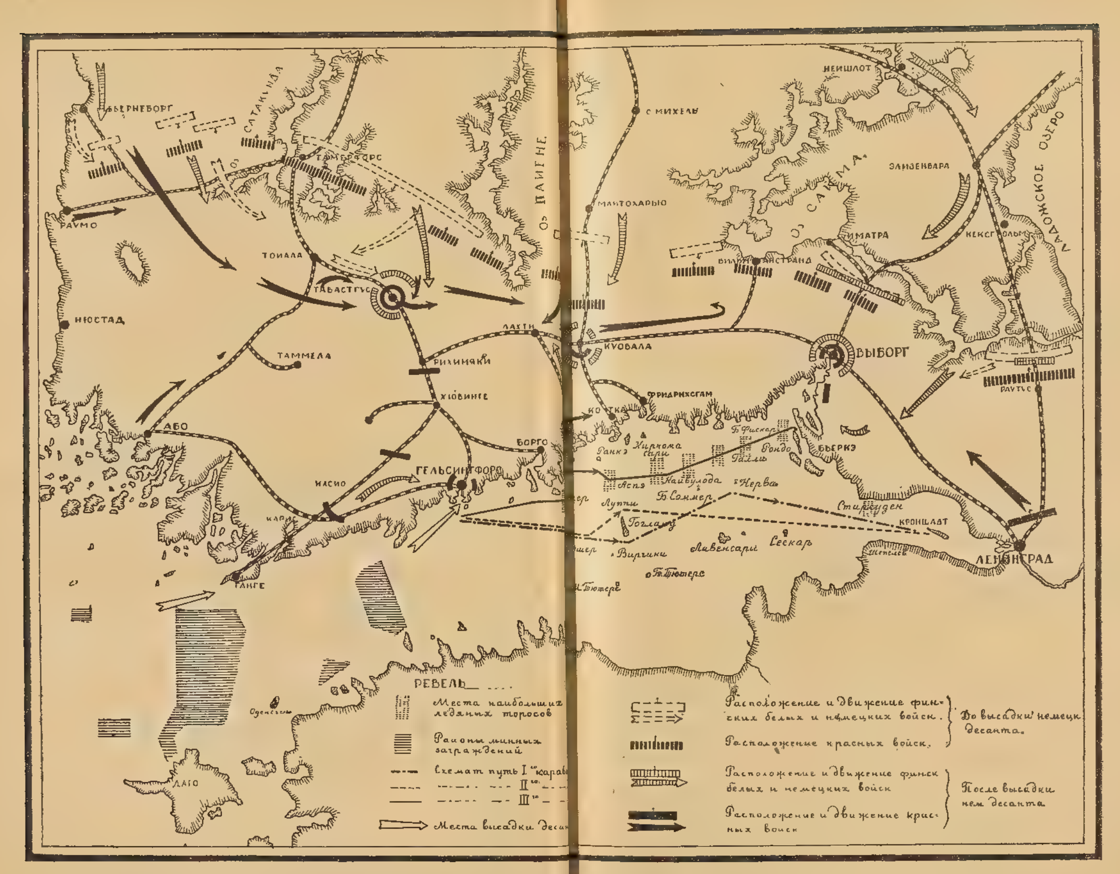
Тогда же все начальники соединений флота (кроме начальников крупных судов) получили от Военного Отдела Совета Комиссаров Балт. флота директиву: срочно подготовиться к уничтожению судов и имущества. Приготовления эти должны были заключаться в соответствующей организации и расписаниях, причем должно было принять все меры для того, чтобы не возбудить паники в массах и чтобы избежать грабежей и преждевременного уничтожения [3]). 5-го марта был отдан приказ об усиленной эвакуации Свеаборгского порта. Все корабли, особенно большие, начали интенсивную погрузку всевозможных материалов [4]) и имущества, вплоть до автомобилей. Нужно сказать, что эвакуация шла безпорядочно и корабли брали кто что хотел. Главным образом грузились продовольственные запасы, которые в большинстве, впоследствии, на кораблях делились командою между собой. В такой тревожной обстановке проходила подготовка дредноутов к походу. Положение еще осложнилось появлением 5-го марта германской эскадры у Оландских островов, и, особенно, захватом 7-го марта финскими белогвардейцами в количестве 70 чел. острова Гогланда, а 11-го марта—острова Лавенсари и острова Соммерс [5]) (Соммерс был занят финнами, прибывшими на 80 лошадях). Острова занятые финскими белогвардейцами лежали на пути отступления флота в Кронштадт, что могло быть чревато последствиями.

Наконец, 12-го марта отряд судов в составе: л. к. «Петропавловск», «Севастополь», «Гангут», «Полтава», и крейсеров «Рюрик», «Богатырь» и «Адмирал Макаров» вышел из Гельсингфорса в Кронштадт под проводкой ледоколов «Ермак» и «Волынец». Отряд шел только в дневное время, а на ночь останавливался во льдах. Несмотря на наличие поврежденного корабля (линкор «Петропавловск» осенью 1917 г. потерпел аварию на камнях в шхерах у Поркалаудда), все перечисленные суда, без особых затруднений пришли в Кронштадт 17-го марта, совершив весь переход в 5 дней.

Германская экспедиция в Финляндию. (Карта—фиг. 2). Пока морское командование спасало флот от бесславного разоружения или захвата, на сцену вновь совершенно неожиданно выступил германский флот, с которым казалось бы, все счеты были закончены Брестским миром. Как уже

---

[1]) Дело М. И. К. № 14559 стр. 1.
[2]) Дело М. И. К. № 15018.
[3]) Дело М. И. К. № 14559, стр. 520, прик. № 300/оп.
[4]) Дело М. И. К. № 15018, прик. от 4/III—№ 113.
[5]) Дело Совета Комиссаров Балтфлота № 3, стр. 11.

Фиг. 2. Схематическая карта перехода флота из Гельсингфорса в Кронштадт, с пока ... сположения и передвижений финляндской Красной Гвардии и германских и белофинских частей. (Данные о расположении сухопутных войск заимствованы из Свечникова «Революция и Гражданская война в Финляндии 1917—1918 гг.»).

указывалось, финляндское «белое» правительство обратилось за помощью против России к целому ряду держав, признавших ее независимость. На призыв первой откликнулась Швеция, которая, как мы видели, направила свои суда и войска на Оландские острова. Германское Верховное Командование также решилось послать в Финляндию свои суда и войска. Этим решением руководили чисто военные соображения: помешать образованию нового восточного фронта и захвату Финляндии и Петрограда англичанами со стороны Мурманского побережья; занятие выгодной позиции для похода (в случае необходимости) на Петроград, для свержения Советского Правительства. «Одни только немецкие, а не финские интересы привели наши войска в Финляндию», говорит в своих воспоминаниях ген. Людендорф [1]). Когда в Финляндии началась гражданская война, то вскоре выяснилось, что одной помощи оружием недостаточно и необходимо поддержать «белых» германскими войсками, тем более, что ген. Маннергейм также выступил с просьбой о поддержке; по его же указанию, эта помощь не должна была придти слишком рано и слишком большими силами, чтобы финские белогвардейцы имели бы возможность развить боевые действия и тем самым укрепить в себе чувство доверия к своим силам. Прежде чем послать свои войска, германское морское командование решило закрепить за собою Оландские острова, в виде базы для дальнейших операций. Но здесь пришлось столкнуться со Швецией, незадолго перед этим также высадившей свои войска. Соглашение между Германией и Швецией было быстро достигнуто. 28-го февраля из Данцига вышел в море специальный отряд контрадмирала Мейрера [2]), в составе линейных кораблей «Вестфален», «Рейнланд» и «Позен» (постр. 1909 г., водоизм. 18900 тонн, скор. хода 19 узл., артиллерия: $12 — 11''/_{45}$ и $12 — 6''/_{45}$), нескольких крейсеров и тральщиков, конвоировавший 17 транспортов с войсками. 5-го марта отряд этот стал на якорь у Экере на Оландских островах. Во время похода один из ледоколов—«Гинденбург»—погиб на мине. Ледяной покров оказался настолько крепким, что переправа войск с Оландских островов на финляндский берег не могла быть осуществлена, ввиду чего операцию пришлось отложить, с тем, чтобы приступить к высадке германских войск в Ганге в начале апреля.

Новая директива Балтийскому флоту. Изменившаяся обстановка, уход сильнейших судов в Кронштадт и появление в устье Финского залива сильной германской эскадры заставили Высшее Морское Командование в центре—Морской Генеральный Штаб—разработать новую директиву Балтийскому флоту. Директива эта была направлена командованию флотом 20-го марта и гласила следующее:

1) Ввиду создавшегося к настоящему моменту полного боевого бессилия Балтийского флота, командованию флотом временно не ставится никаких оперативных задач.

2) Командованию флотом надлежит озаботиться всемерным содержанием в целости кораблей, материальной части флота и морских крепостей, технического оборудования портов и различных боевых

---

[1]) Erich Ludendorff. Meine Kriegserinnerungen 1914—1918.

[2]) Статья адм. Мейрера «Освобождение Финляндии». Перевод Терещенко в Бизертском «Морском Сборнике».

и прочих припасов, принадлежащих флоту и крепости, до того момента, когда обстановка позволит приступить к воссозданию боевой мощи флота.

Для сего: а) Срочно закончить перевод в Кронштадт судов, способных двигаться во льду. б) Организовать, сколь сие возможно, охрану судов и всего прочего имущества на судах, в портах, как в Гельсингфорсе, так и в Кронштадте, в предупреждение расхищения и порчи. в) Организовать обслуживание механизмов наиболее ценных судов в предупреждение порчи этих механизмов. Если невозможно сохранение механизмов в действии, то привести их в состояние, годное для хранения. г) К моменту открытия навигации подготовить все суда, сосредоточенные в Гельсингфорсе, к переходу в Кронштадт самостоятельно или на буксирах и перевозку туда же всего ценного имущества, перечисленного в пункте втором.

3) Ввиду угрожаемого положения занимаемого неприятелем, несмотря на заключение мира, и особенно опасного положения, в котором находится флот, сосредоточенный в Гельсингфорсе, благодаря происходящей в Финляндии междуусобной войне, надлежит подготовиться к тому, чтобы в случае захвата баз флота неприятелем, в руки последнего не попали бы корабли. ценные предметы материальной части и припасы в целом виде. Организация, которая должна получить задачу уничтожения, должна быть, однако, создана так, чтобы не могло произойти преждевременного уничтожения флота под влиянием панического настроения каких нибудь отдельных групп и лиц[1]).

Реорганизация Командования флотом. Надвигавшиеся события требовали решительных мер и весьма продуманных действий, поэтому организация командования флотом была изменена: 23-го марта приказом по флоту Командование флотом[2]) Балтийского моря вверялось Начальнику Морских Сил при участии Главного Комиссара и Совета Комиссаров из 17 лиц, которые и были утверждены приказом от того же числа[3]). Кроме того, 24-го марта приказом по флоту было об'явлено об учреждении на Балтийском флоте Совета Флагманов, положение о котором гласило: 1) Совет Флагманов об'является учреждением постоянным на Балтийском флоте. 2) В Совет Флагманов входит Главный Комиссар Балтийского флота. 3) Список членов Совета Флагманов утверждается Командованием Балтийского флота. 4) Совет Флагманов выбирает председателя из своей среды. 5) Совет Флагманов разрабатывает порядок мероприятий, необходимых для воссоздания боевой мощи Балтийского флота. 6) Совет Флагманов производит разработку мероприятий указанных в предыдущей ст. 5. 7) Председатель Совета Флагманов представляет Командованию флотом работы Совета[4]).

Согласно приказу, командование флотом вверялось Начальнику Морских Сил, а такового фактически не было, поэтому, ввиду остроты момента, в Гельсингфорсе был собран Совет Флагманов, которому предложено было выбрать Начальника Морских Сил. При закрытой

---

[1]) Дело М. И. К. № 14806, стр. 31.
[2]) Дело М. И. К. № 15018, прик. от 21/III—№ 174.
[3]) Дело М. И. К. № 15018, прик. от 23/III—№ 178.
[4]) Дело М. И. К. № 15018, прик. от 24/III—№ 180.

баллотировке голоса разделились поровну между двумя выставленными кандидатами и, после категорического отказа одного из кандидатов, другой кандидат—бывший Начальник Штаба Щастный—согласился принять должность и в таковую вступил. Совет Народных Комиссаров утвердил это временное положение об Управлении Балтийским флотом, по которому Начальник Морских Сил являлся старшим Военно-Морским Начальником на Балтийском флоте, а главный Комиссар—Старшим представителем Советской власти во флоте. Новое морское командование, действуя в духе директивы, продолжало с одной стороны подготовку к эвакуации Гельсингфорса, а с другой—свертывало и ликвидировало все ставшие ненужным учреждения, демобилизуя тот личный состав, без которого можно было обойтись: разновременно командование флотом отдало приказы о ликвидации Або-Оландской шхерной позиции, об эвакуации Воздушной Дивизии Балтийского флота внутрь России, о ликвидации охраны водного района крепости Петра Великого и всевозможных управлений и военных соединений в Ревельской, Свеаборгской крепости и в некоторых других городах Финляндии; кроме того, приказом по флоту увольнялись от службы моряки Балтийского военного флота командного состава, призванные на службу по обстоятельствам военного времени: а) окончившие курсы или школы военного времени, б) принятые за время войны на службу из отставки и запаса флота, в) произведенные в прапорщики и зауряд-прапорщики капитаны и штурмана дальнего и малого плавания и механики торгового флота. Остальные моряки Балтийского военного флота командного состава задерживались для ликвидации флота и увольнялись от службы только по подаваемым ими рапортам.

Вместе с тем морское командование старалось избежать всяких поводов вовлечения Германии в новую войну, ввиду чего 28-го марта был отдан приказ по флоту о невмешательстве отдельных лиц и организаций во внутренние дела Финляндии, что было обусловлено и содержанием Брестского договора.

Появление германской эскадры у Ганге и высадка германского десанта. Совершенно неожиданным поэтому было появление германской эскадры у Ганге. После неудачи высадки десанта у Оландских островов, германское высшее командование направило в Ганге так называемую «Балтийскую дивизию» в составе 3 стрелковых батальонов, 3 стрелковых конных полков и нескольких батарей, под начальством генерала графа фон-дер-Гольца.

В ночь на 3 апреля внезапно обнаружено было движение немцев с моря на Ганге. По донесению начальника дивизиона подводных лодок в Ганге, лодки которого подготовлялись к эвакуации, на рассвете на рейд Ганге вошли около тридцати кораблей (из них 3 больших транспорта), под проводкой 10 тральщиков и ледокола «Волынец» или «Тармо». Начальнику дивизиона подводных лодок было отдано командованием флота приказание в случае явно враждебных действий немцев—взорвать лодки [1]) и наши тральщики, и отступать на Ганге, а Красной

---

[1]) Были взорваны подводные лодки IV-го дивизиона *АГ 11*, *АГ 12*. *АГ 15* и *АГ 16*.

Гвардии напоминалось о необходимости взрыва мостов при отступлении. Временно Командующий флотом сообщил в Петроград, что собирает военный совет, просил срочного вмешательства центральной правительственной власти в действия немцев и указаний, как быть с флотом.

Между тем, германские войска высадились, захватили 3 апреля г. Ганге, и, совместно с финской белой гвардией, двинулись дальше на северо-восток по направлению к Тавастгусту, взяв по дороге г. Эксенес; батарея Хесте-Бюссе при занятии германцами города Ганге была взорвана командиром батареи, за что он и команда батареи были впоследствии преданы германцами в Гельсингфорсе военному суду.[1]) В то же время финская белая гвардия генерала Маннергейма, вооруженная отчасти благодаря поддержке германцев, занимала позицию к сев.-западу от Таммерфорса, имея в тылу г. Вазу. В ближайшую задачу белой гвардии и Балтийской дивизии входил захват г. Гельсингфорса — центра «Красной Финляндии».

Соглашение между морским командованием и начальником германского отряда линкоров. Ввиду быстрого хода событий, командование флотом[2]) срочно организовало делегацию, которую послало для переговоров с германским морским командованием. Делегации этой была дана следующая инструкция: делегация должна войти в сношение с германским командованием и узнать каковы его намерения по отношению к флоту и крепости Свеаборг; если германский отряд высадился для помощи белой финской гвардии, то потребовать от него:

I. а) полной неприкосновенности флота и крепости на предмет планомерной эвакуации (согласно п. 6 мирного договора) а также личного состава судов, крепости и русско-подданных.

б) Железнодорожный и морской путь на Петроград должны быть свободны, как для эвакуации, так и для снабжения продовольствием.

в) Свободное плавание всех русских судов.

II. Если германское командование имеет в виду репрессии по отношению к России в связи с его протестом от 24 марта, то сообщив, что флот участия в гражданской войне Финляндии не принимает, потребовать от германского командования исполнения условий, указанных в п. I и предложить ему дальнейшие переговоры вести непосредственно с нашим правительством.

III. Если германское командование имеет в виду открытие военных действий против флота и крепости, то осведомившись о причинах возобновления военных действий, передать ему, что делегация поставит в известность об этом главное командование флотом. В случае предоставления достаточной гарантии в исполнении вышеуказанных требований, каковыми могут считаться в случае вступления германцев в Гельсингфорс — оставление в неприкосновенности рейда, островов, крепости и территории порта и имущества русских, подлежащего эвакуации, — поставить в известность германское командование, что флот не будет принимать никаких действий. В случае отрицательного ответа по первым пунктам или непредоставления достаточных гарантий, — передать германскому командованию, что флот оставляет за собой свободу

[1]) Дело М. И. К. № 15012, стр. 108.
[2]) Дело М. И. К. № 14559, стр. 122, 283—286.

действий, вплоть до таких мер, которые повлекут за собой угрозу целости города. [1])

Делегация, неоднократно задерживаемая в пути, прибыла в Ганге, где и состоялось подписание обоими сторонами соглашения, по которому, на основании германо-русского договора в целях предотвращения возникновения враждебных действий или производства каких-либо разрушений, находившемуся в Гельсингфорсе русскому флоту и его личному составу предоставлялась полная безопасность и защита при соблюдении нижеследующих условий:

1. С момента прибытия возвращающихся членов Комиссии в Гельсингфорс, не должно производиться никаких разрушений, как на военных и торговых кораблях, так и в портовых сооружениях и береговых укреплениях.

2. После прибытия германских военных сил, на русских военных кораблях могут оставаться только немногочисленные охранные команды (см. п. 6). Береговые укрепления и морские сооружения очищаются русскими.

3. Замки и прицелы всех орудий всех кораблей и береговых укреплений, а также все зарядные отделения мин, подрывные патроны и т. п., должны быть немедленно собраны на баржах и транспортах, которые должны быть поставлены на якорь на внешнем рейде. Это мероприятие должно быть закончено через 5 дней после от'езда из Ганге возвращающихся членов Комиссии. Окончание выполнения этой работы должно быть сообщено по радиотелеграфу волной 600 метров оставшимся при германских морских силах членам комиссии по адресу «А».

4. Все остающиеся на русских военных кораблях (согласно п. 6 и 7) команды будут в полной сохранности переведены в Россию германским морским начальником, с предоставлением им полной свободы и хорошего пропитания во время перехода. Немедленно после прибытия германских военных сил, все команды, не остающиеся на русских военных кораблях, переходят на транспорты, которые для этой цели теперь же должны быть приготовлены русским морским начальником. Транспорты покидают гавань тотчас по окончании посадки команд, под германской защитой.

5. Немедленно по прибытии в Гельсингфорс возвращающихся членов Комиссии, должно быть начато приготовление русских военных кораблей к долговременному хранению для передачи их остающимся на них русским охранным командам. Это мероприятие должно быть проведено в срочном порядке; ожидается, что оно будет исполнено не позднее 14 суток.

6. Охранные команды, включая командный состав, не должны превышать: для линейных кораблей по 30 человек, для крейсеров по 20 человек, для эсм. типа «Новик» по 10 человек, для эск. миноносцев по 5 человек, для подлодок всего 30 человек, для всех малых миноносцев и остальных малых военных кораблей (точное число может быть определенно потом)—50 человек, для тральщиков—соответственно их величине, как у крейсеров или судов типа «Новик».

---

[1]) Дело М. И. К. № 15802, стр. 29, 30.

7. Команды, остающиеся на кораблях наряду с охранной командой до окончания их изготовления к долговременному хранению, могут достигать не больше двойного числа состава охранных команд, определенных в п. 6.

8. В знак того, что все вышеуказанные мероприятия проведены или проводятся, и что русский флот и береговые укрепления намерены соблюдать полнейший нейтралитет, все русские военные корабли и береговые укрепления при приближении германских вооруженных сил поднимают на хорошо заметном месте бело-красный флаг (щ).

9. Вследствие того, что немедленное возвращение всех членов Комиссии в Гельсингфорс по военным соображениям не представляется возможным, четыре члена Комиссии остаются в Ганге. Тотчас по занятии Гельсингфорса, им будет предоставлена возможность вернуться туда. Возвращающийся теперь же в Гельсингфорс член комиссии капитан I ранга Новопашенный обещается честным словом, что ни он, ни возвращающийся с ним комиссар не будут никому давать каких-либо сведений, могущих послужить во вред германским вооруженным силам.

10. На остающихся при соблюдении вышеизложенных условий в Гельсингфорсе военных кораблях сохраняется русский военный флаг. (Следуют подписи).

Переход второго отряда судов из Гельсингфорса в Кронштадт. (Карта — фиг. 2). Неожиданность появления немцев опять поставила очень остро вопрос о неприкосновенности нашего флота, и Морскому Командованию приходилось принять то или иное быстрое решение. Решение это вылилось в возможно срочном уходе флота из Гельсингфорса. В ближайшую очередь подготовлялась отправка второго отряда, в составе линейных кораблей «Андрей Первозванный» и «Республика», крейсеров «Баян» и «Олег» и подводных лодок «Тур», «Тигр» и «Рысь» (подлодки шли на буксире прочих судов). Для проводки этих судов во льдах был вызван из Кронштадта ледокол «Ермак», являвшийся единственным крупным ледоколом в составе Балтийского флота, после того, как ледоколы «Волынец» и Тармо» перешли на сторону белогвардейцев (см. ниже).

Выйдя из Кронштадта в Гельсингфорс 29 марта, ледокол «Ермак» был обстрелян батареей о-ва Лавенсари, занятой финляндской белой гвардией, и принужден был вернуться и стать на якорь у о-ва Сескар, в ожидании распоряжений морского командования. 30 марта, согласно радио Командующего флотом, ледокол «Ермак» снова пошел в Гельсингфорс, располагая курсы вне обстрела батареи Лавенсари. На пути, к ледоколу подошли 4 человека делегатов с о-ва Лавенсари, заявивших, что обстрел ледокола был произведен только с целью остановить его и узнать куда и зачем он идет. По сообщению этих людей, у Гогланда держался ледокол «Тармо» и аэропланы. Следуя далее и находясь 31 марта в 6 милях на юг от башни Аспе, «Ермак» усмотрел у северной оконечности Гогланда ледокол «Тармо», открывший по нему орудийный огонь. Боясь, что лед. «Тармо», обладавший сильнейшей артиллерией, по каналу во льду может догнать «Ермака» — командир последнего решил повернуть и пошел в Кронштадт, но получил сообщение, что навстречу ему высылается из Гельсингфорса крейсер «Баян»,

после чего ледокол остановился в ожидании, дабы не жечь напрасно уголь. Крейсер «Баян», вышедший со слабосильными ледоколами из Гельсингфорса, вскоре повернул обратно, боясь сноса на камни. Слабые ледоколы не в состоянии были ему помочь и он вернулся в Гельсингфорс, а «Ермак», по приказанию Командующего флотом,—в Кронштадт, куда и прибыл 1 апреля.

В Кронштадт было послано радио о срочной высылке одного из крейсеров для конвоирования «Ермака» в Гельсингфорс. [1]).

4-го апреля 2-й отряд вышел из Гельсингфорса в сопровождении лишь трех слабосильных ледоколов. Обстановка при отправлении отряда отличалась полной неопределенностью. Не исключалась, конечно, возможность встречи на пути с германской эскадрой, так как намерения немцев были Командованию флотом неизвестны. Отряд, пробиваясь с большими усилиями, дошел до южной оконечности о-ва Гогланд, где был к вечеру затерт льдом и остановился в ожидании утра и возможного появления л. «Ермак», о выходе которого под конвоем кр. «Рюрик» имелись сведения.

Самостоятельный поход был особенно труден в том отношении, что шедший головным в отряде л. кор. «Андрей Первозванный» очень плохо слушался во льду руля, так что несмотря на помощь переменных ходов машин, корабль изменял курс на несколько румбов помимо желания, в зависимости от каких-либо трещин во льду или полыньи совершенно в стороне от курса; к таким полыньям корабль неудержимо уклонялся, не смотря на все усилия удержать его на курсе. Поход сопровождался частыми остановками, в ожидании освобождения застревавших во льду судов: то следовавших в кильватер крейсеров, то подводных лодок, к которым для освобождения шли ледоколы. Утром 5-го апреля, был усмотрен лед. «Ермак», который освободил застрявший отряд и идя головным, повел его по северную сторону о-ва Гогланд, где не так сильно было нагромождение ледяных торосов. Дальнейший путь был много легче и скорее, так как лед был более неподвижен и чем ближе к Кронштадту, тем пробитая во льду колея становилась устойчивее и являлась возможность итти даже ночью, так как движение отряда было более равномерно и не осложнялось остановками из-за застревавших во льду судов. Ночью отряд шел освещая путь во льду своими прожекторами, что представляло необычайное и очень красивое зрелище. 11-го апреля в полдень отряд подошел к Кронштадту, сделав переход от Гельсингфорса до Кронштадта в 7 суток. В начале похода подв. лодка «Рысь», пройдя маяк Грохара, застряла во льду, была оставлена и высланным из Гельсингфорса ледоколом приведена обратно. Остальной отряд благополучно дошел до Кронштадта.

Попытки финских белогвардейских организаций получить русский флот для Финляндии [2]). Необходимо отметить попытки представителей консорциума финских банков, явившихся к командующему флотом и предложивших купить часть русских судов для Финляндии. На вопрос командующего флотом о какой «Финляндии» идет речь, представители

[1]) Дело М. И. К. № 63, стр. 7.
[2]) Дело Генмора № 63/5.
Дело Архива Оперупра № 1206, стр. 6.

банков заявили, что они подразумевают конечно «законное правительство Финляндии», но что переговоры они ведут самостоятельно, без официальных полномочий со стороны белого правительства. Эти переговоры, не имевшие, понятно, никаких результатов, все же проливают свет на образ действия белых. Одновременно по Гельсингфорсу широко распространялось анонимное воззвание якобы от лица командующего германскими военными силами в Финляндии, с обещанием вознаграждения за сдачу судов. На желание белофиннов задержать Балтийский флот до взятия Гельсингфорса указывает и планомерность захвата ледоколов «Волынец» и «Тармо», имевшая целью лишить флот лучших ледоколов и тем самым затруднить его переход во льдах. (Захват ледокола «Волынец» произошел следующим образом: с очередным рейсом ледокола в Ревель, на нем вышли из Гельсингфорса заранее сговорившиеся вооруженные белофинские агенты, которые, по выходе ледокола в море, остановили его и предложили команде или по льду вернуться в Гельсингфорс, или же подчиниться и итти в Ревель; команда, среди которой было много эстонцев, согласилась подчиниться белогвардейцам).

Последние дни пребывания флота в Гельсингфорсе и переход 3-го отряда судов в Кронштадт[1]. (Карта — фиг. 2). Соглашение с немецким командованием сохраняло свою силу только при выполнении русским флотом всех перечисленных требований; только при таких условиях немцы гарантировали его неприкосновенность. Соглашение требовало выполнение этих условий до прихода немцев в Гельсингфорс, намеченного 12 апреля. Следовательно, уже к 12 апреля все русские суда должны были потерять свою боеспособность и оказаться почти совершенно беззащитными при наличии минимального количества личного состава. Поэтому флот должен был считаться с вполне ясно выраженной опасностью быть захваченным бело-финнами в случае, если бы немцы запоздали своим прибытием в Гельсингфорс, так как их гарантии начинались лишь с этого момента. Морскому командованию приходилось принять то или иное быстрое решение.

Решено было попытаться вывести в Кронштадт все суда, способные к переходу во льдах, поэтому флот лихорадочно готовился и прилагал все усилия, чтобы покинуть Гельсингфорс до прихода немцев. Одновременно морское командование предприняло ряд мероприятий для спасения богатого военного и торгового имущества; между прочим все береговое имущество флота, находившееся в Финляндии, было передано Народно-Промышленному Комитету, в надежде, что немцы и белофинны не будут касаться собственности гражданской организации; мера эта оказалась чрезвычайно неудачной и не спасла, а погубила громадные ценности.

Готовились к уходу не только суда боевого значения, но и много транспортов. К сожалению, часть судов, ввиду производившегося на них ремонта, не была способна к самостоятельному походу, в особенности же через лед, поэтому таким судам пришлось остаться. Особенно сложным оказалось положение английских подводных лодок, которые

---

[1]) Описание перехода почти полностью заимствовано из труда П. Д. Быкова «Переход флота из Гельсингфорса в Кронштадт зимою 1918 г.» Морской Сборник, 1923 г., № 11. Дела М. И. К. №№ 14550, 14531, 11604, 15010; дело Архива Генмора № 63/5; дело б. Гл. М. Арх. № 62768.

согласно Брестскому миру подлежали также или разоружению, или уводу в русский порт. Но начальник флотилии решил уничтожить свои подлодки, ввиду чего 4-го апреля, с разрешения Совета Комиссаров, на внешнем Свеаборгском рейде взорвал подводные лодки «Е—1», «Е—8», «Е—9», «Е—19», «С—26», «С—27, «С—35» и три английских парохода.

Путем для всех судов был избран так называемый стратегический фарватер, проходящий по опушке шхер. Этот путь был избран потому, что море было покрыто движущимся льдом, что представляло опасность для мелких судов и чрезвычайно осложняло проводку их. В шхерах же лед еще не тронулся. Большим судам, осадка коих не позволяла итти этим фарватером (транспорты «Рига» и «Анадырь», транспорт-мастерская «Ангара» и уч. судно «Петр Великий»), было предписано итти самостоятельно, стремясь найти во льдах канал, проложенный второй бригадой лин. кораблей («Андрей Первозванный», «Республика»). Организация похода была возложена на командира тр. «Рига».

Весь поход, представляя технически большие трудности, требовал большой энергии и труда, как со стороны командования, так и всего личного состава. Главнейшим затруднением являлась неисправность механизмов мелких судов, в силу чего некоторые из них не могли итти самостоятельно и нуждались в буксировке; кроме того, недостаток нефти, угля и провизии, — все это осложняло положение и без того трудное из за малочисленности команд, доходившей на некоторых судах лишь до $^1/_5$ нормального состава. В отношении дисциплины дело обстояло очень плохо, особенно в смысле исполнения приказаний. Часть командного и некомандного состава оказывала пассивное, а иногда и активное сопротивление к выводу судов, не проявляя должной энергии в работе, или отказываясь вовсе итти, и покидала свои корабли. Особенно характерен случай с буксиром-ледоколом «Нарген», портовая команда которого не желала уходить из Гельсингфорса, почему буксир пришлось занять силой, военной командой. Некоторая же часть команд обнаружила стремление покинуть Финляндию как можно скорее, бросая корабли и устремляясь на вокзал, чтобы по железной дороге уехать в Россию. Это явление приняло настолько массовый характер, что Командование, по соглашению с финской красной гвардией, принуждено было усилить караулы на вокзале и силой возвращать беглецов на суда. Кроме того, команды некоторых судов проявляли стремление к расхищению казенного имущества; так. частично был разграблен транспорт «Обсидиан», имевший груз обмундирования. Однако, на ряду с такими грустными явлениями, имели место и факты, заслуживающие быть отмеченными с большим одобрением. Так, например, э. м. «Меткий», предназначенный к интернированию из за производившегося на нем крупного ремонта и разобранных машин, в короткий срок собрал одну машину, под которой и пришел в Кронштадт. Дружно работали и команды подводных лодок, твердо решившие вывести лодки из Гельсингфорса и приведшие это в исполнение. До какой степени осложнялась подготовка к походу, можно видеть из донесения командира одного из миноносцев: «уголь доставать было очень трудно, нам возили на не-

скольких подводах и только случайно удалось найти несколько платформ с углем, которые потом людьми прикатили к Брунс-Парку для нагрузки и сами притащили к миноносцам», писалось в рапорте.

7-го апреля начался вывод кораблей, который продолжался вплоть до 12-го числа. Последние корабли уходили уже тогда, когда в окрестностях города шел бой и явственно слышалась пулеметная стрельба и орудийные выстрелы. В этот день под проводкой сторожевых судов «Ястреб» и «Руслан», приспособленных для плавания во льду, вышли подводные лодки «Волк», «Вепрь», «Леопард», «Змея», «Рысь», «Пантера», «Ягуар» и «Ерш»; 9-го апреля вышли подводные лодки «Кугуар» и «Угорь», на буксире транспортов «Тосно» и «Иже»; за ними тронулся первый эшелон миноносцев—«Ловкий», «Молодецкий», «Лихой», «Искуссный», «Дельный», «Достойный» и часть транспортов. 10 числа ушли минная и сторожевая дивизии и приданные к ним транспорты, и, наконец, 11 апреля покинули Гельсингфорс все остальные корабли вместе с пос. судном «Кречет», на котором находилось Командование флотом. Вышли также и яхты «Штандарт» и «Полярная Звезда», которым Командованием было дано «право итти в Кронштадт, под личной их ответственностью». Транспорт «Рига» не успел 12-го числа выйти из за тумана, до прихода германской эскадры, а потому был ею задержан в Гельсингфорсе. Кроме «Риги» было оставлено еще 37 судов под военным флагом, 10—под флагом Красного Креста и 38—под коммерческим флагом. Всего вышло в шхеры около 170 судов.

Переход каравана совершался при весьма тяжелых условиях. Ледяные заторы и торосы создавали большие затруднения, замедляя движение. Но еще большее осложнение вносил безпорядок, который создался при движении судов. Желание как можно скорее достичь Кронштадта, скорее выйти из-под предполагаемого удара бело-финнонемцев, приводило к тому, что некоторые суда, особенно транспорты, не желали исполнять отдаваемых им приказаний (например, транспорты «Борго» и «Ал. Михайлович», отказавшиеся буксировать «Новики»), обгоняли застрявшие во льдах суда и тем вносили безпорядок в общее движение. Были и случаи обстрела ледоколов, с целью заставить их подать себе помощь в первую очередь. Некоторые случаи неисполннеия приказаний Командования привели к аварии судов на банке у маяка Ранкэ, (к которой приткнулось п. с. «Кречет», т. к. с. с. «Соболь» самовольно покинуло свой пост, что послужило причиной приткновения к этой же банке и яхт «Штандарт» и «Полярная Звезда» и тр. «Ангара»). Почти все донесения отдельных кораблей свидетельствуют, что главная причина задержки похода заключалась в безпорядке движения судов. Вышедшие первыми подводные лодки дошли благополучно к 11 апреля до меридиана гор. Котки, причем движение ничем не затруднялось. Когда же к 12 апреля подтянулись суда, вышедшие позже, то они внесли безпорядок, обгоняя лодки и затрудняли их продвижение.

По словам рапорта одного из командиров: «Задержки происходили из-за отсутствия какой либо организации: суда, которым следовало бы итти в конце каравана, шли впереди, их затирало льдом—происходила задержка. Сзади идущие корабли, не желая ждать и находясь в более

слабом льду, или обладая большей силой, начинали пробиваться; за ними следовали другие и все это забивалось у торосов. Кораблям, вышедшим раньше было обидно, когда их обгоняли суда, ушедшие из Гельсингфорса позднее, тем более, что обогнав, часто они сами застревали. Обгонявшие корабли об'ясняли свою торопливость малым количеством запасов или тем, что их кто то обогнал». Характеристикой выше сказанного могут служить слова командира «Ермака»: «караван двинется только тогда, когда растает лед, так как никто слушаться не хочет и все идут в строе фронта». Командир э. м. «Меткий», корабля, находившегося в очень неблагоприятных условиях, но шедшего все же самостоятельно, писал в своем рапорте следующее: «Задержки в походе были исключительно из-за отсутствия соблюдения строя кильватера. Каждый корабль стремился обогнать другой, из-за чего получались заторы. Общая картина была такова — почти все имели шары «на стоп» и в то же время шли полным ходом вперед, давая 3 свистка для заднего мателота». Безпорядок особенно усиливался у торосов и некоторым судам приходилось долго простаивать на одном месте, пока, наконец, путь не расчищался ледоколами и можно было двинуться дальше. Местами наибольших «толкучек» были торосы у Тамио, Мерен-Кари, Гоуэр, Видшер и Рондо. Часть каравана, шедшая за транспортом «Либава», простояла двое суток у о. Рентио из-за стоявших впереди кораблей. Эскадренный миноносец «Боевой» стоял трое суток у о. Рондо—«из-за полного беспорядка на рейде». И это были не единичные случаи. Насколько это хаотическое движение сказывалось на продвижении, можно видеть из следующего: учебное судно «Петр Великий», вышедшее из Гельсингфорса 11 апреля и шедшее самостоятельно морем в условиях двигающегося льда, было у Толбухина

Фиг. 3. Ледовый переход третьего отряда. Эскадренные миноносцы во льдах.

маяка 14 апреля, тогда как каждое судно эшелона потратило на переход в среднем около 6 суток.

Командование флотом напрягало все усилия, чтобы внести хотя бы некоторый порядок, но это мало удавалось. После первого случая беспорядка, происшедшего на заторе у знака Тамио, был назначен комендантом торосов на пути от Тамио до Альватиниеми—командир 12 дивизиона эскадренных миноносцев, который по собственной инициативе ликвидировал первое скопление судов. В дальнейшем суда оповещались о состоянии льда и о местах образования торосов.

В целях обеспечения судов топливом, Командованием были заказаны поезда с углем в Биорке и транспорты из Кронштадта, которые должны были выйти к маяку Видшер.

Сильно озабочивало Командование и присутствие белогвардейских ледоколов (перешедшие к белым «Волынец», «Тармо» и «Сампо»), которые время от времени показывались в видимости каравана, однако не проявляя никаких активных действий. Так как к моменту прохода каравана через Биорке-Зунд белофинские отряды уже подошли к Выборгу и возможность появления их в самом Биорке была очевидна, то по распоряжению Командования эскадренный миноносец «Лейтенант Ильин» был оставлен у мигалки Альватиниеми для охраны хвоста каравана. Но кроме мер по упорядочению движения, снабжения и охраны каравана требовалось беспрестанное руководство по оказанию помощи тому или другому кораблю. На долю ледокола «Ермак», работавшего беспрерывно уже вторую неделю, а также малых ледоколов и буксиров, которых было крайне ограничено (ледоколы «Город Ревель», число «Силач», «Руслан» и «Ястреб»), выпала очень тяжелая работа. Приходилось не только очищать путь от льда и проламывать каналы, но протаскивать через торосы миноносцы и транспорты, у которых гнулись и лопались форштевни и ломались винты, что не позволяло им итти самостоятельно. Насколько эта работа была тяжела, можно видеть из описания повреждений полученных сторожевым судном «Ястреб»: «Машина разработалась, параллель разошлась на $1/4''$, в дейдвудах течь, вал шатается, течь в угольной яме по правому борту и в носовой балластной систерне, гака-борт помят, погнута площадка для сбрасывания мин, сломана грот-стеньга, шлюпбалки и стойки с обоих бортов».

Особенно осложнились условия перехода и усилилась работа ледоколов, когда 15 апреля началось движение льда. Двигающийся лед представлял еще большую угрозу для кораблей, чем торосы, и э. м. «Боевой» в ночь с 18 на 19 апреля, которую провел у маяка Стирсудена, так сильно был им сжат, что едва не погиб. При этом, миноносец получил вмятины в обоих бортах, лопнули тяги рулевого привода, лопнуло несколько шпангоутов, сдвинуло холодильник, лопнула труба холодильника, сдвинулся отливной кингстон и появилась течь.

Многие корабли тоже получили ряд повреждений, частью из за льда, частью же от прикосновения к мелям и от столкновения с другими судами. Так например, транспорт «Печора» ударил эск. мин. «Стерегущий», отчего последний получил пробоину в машинном отделении. Воду откачивал буксир «Невка». Большинство аварий заключа-

лись в поломках форштевней (у миноносцев), течи в корме и поломки лопастей винтов (преимущественно транспорты), не говоря уже о большом числе сломанных и вырванных при буксировке кнехтов и клюзов. У шедшего на буксире э. м. «Сибирский Стрелок» из-за сдвига валов заливало водой машинное отделение, что серьезно угрожало миноносцу, который все же был доведен до Кронштадта, благодаря помощи буксиров «Нарген» и стор. суд. «Хорек», все время отливавших воду. Но некоторые аварии дали вместе с тем полезные указания, так на эск. мин. «Меткий» от удара кормой об лед заполнило водой кормовое отделение; севший кормой миноносец получил большее обеспечение руля и винта ото льда и легче справлялся с ним.

15 апреля первые суда каравана пришли в Койвисто (Биорке), где Командование не нашло просимого угля. Кроме того было обнаружено, что железнодорожная ветка в Койвисто завалена срубленными деревьями, камнями и частью разобрана. Было совершенно ясно, что это было делом рук белых, так как успех операции перехода в Кронштадт зависел от своевременной подачи угля.

Средняя часть каравана в этот день пробивалась с большими затруднениями через торосы у Видшера, остальные суда были за знаком Мерен-Кари. На следующий день с рассветом голова колонны вышла из Биорке, а с 16 числа суда начали приходить в Кронштадт, что продолжалось до 22 апреля включительно. Несмотря на запрещение проходить в Петроград, ряд судов, игнорируя сигналы Командования, не останавливаясь в Кронштадте, продолжали свой путь до Петрограда.

Так закончился этот исторический переход. Ни одно судно не было потеряно, все вышедшие из Гельсингфорса суда пришли в Кронштадт.

История не знает других, подобных описанному, эпизодов, сопряженных со столь сложной политической, моральной и физической обстановкой. Исключительные трудности перехода, в условиях напряженной борьбы с природой, были побеждены только благодаря энергичной, согласной и упорной работе Командования и сознательной части команд, которые на всем пути к своей цели — Кронштадту помнили, что зародившейся молодой Советской Республике нужен флот, что этот флот нужен делу Революции.

Обстановка в Гельсингфорсе после ухода Балтийского флота. Конечно, весь флот, как действующий, так и вспомогательный не мог так спешно покинуть воды Финляндии. Много судов осталось по портам и в Гельсингфорсе из за неисправности механизмов, корпусов, а частью и из за того, что были покинуты личным составом. Кроме судов, в Финляндии оставалось громадной ценности имущество в портах, крепостях и батареях, [1]). Для защиты интересов Российской Республики, в Гельсингфорсе назначен был старшим Морским Начальником бывший Начальник Минной Обороны, который получил следующие полномочия отношением Командующего флотом от 8-го апреля:

---

[1]) В общей сложности из Гельсингфорса ушло: 6 линкоров, 5 крейсеров, 54 эсминца, 12 подлодок, 10 тральщиков, 5 заградителей, 15 сторожевых судов, 13 вспомогат. судов, 4 пос. судна, 45 транспортов, 25 буксиров, 1 паром, 1 плав. маяк, 7 ледоколов, 7 яхт, 1 вспом. судно для подлодок.

«После ухода главных сил флота из Гельсингфорса, вы назначаетесь Старшим Морским Начальником судов, остающихся в портах Финляндии, с правами Командующего флотом в отношении названных судов, портов, батарей и крепостей. Вам предоставляется вести переговоры с Правительством Финляндии и Германским командованием, донося о всем Начальнику Морских Сил. В случае же перерыва сообщения Гельсингфорса с Петроградом—во всех вопросах, хотя бы и превосходящих власть Командующего флотом, вам дается право принимать нужные решения за вашей и состоящего при вас комиссара ответственностью. При вступлении германских сил в Гельсингфорс, вам надлежит соблюдать требования договора, составленного совместно с нашей делегацией, кроме пунктов 2, 5 и 6, которые опротестованы, в целях согласования с п. 6 Брестского договора. При этом вам надлежит принять меры для розоружения судов, остающихся в Гельсингфорсе, сняв с орудий замки и погрузив их на один из транспортов, поставив последний в Сандвике, ввиду того, что погрузить замки на баржу и поставить ее на внешнем рейде, как то требуется договором, не возможно по условию льда. С приходом германцев—на судах, на маяке Грохару поднять флаг «Щ».[1]).

11 апреля после ухода последнего отряда судов из Гельсингфорса в Командование Морскими Силами в Финляндии вступил А. П. Зеленый, о чем и об‘явил в приказе[2]), подняв свой флаг на уч. судне «Память Азова». Немедленно было приступлено к регистрации оставшихся судов, их разоружению и регистрации личного состава. 12-го апреля на всех судах был поднят Андреевский флаг (ввиду того, что Красный флаг центрального правительства Советской Республики не был об‘явлен военным флагом вместо Андреевского и не признавался поэтому правительствами иностранных держав), а в полдень флаг «Щ», как было обусловлено Гангэудским договором.

12 апреля с утра начались отдельные выступления белой гвардии и в городе начали раздаваться выстрелы. К полдню в городе ружейный и пулеметный огонь усилился, и к этому времени германские войска вступили в предместья Гельсингфорса.

Взятие Гельсингфорса германцами. 13 апреля на рейд вошли несколько германских тральщиков, два из них перешли в Северную гавань и два—в Южную. Тральщики, находившиеся в Северной гавани, открыли огонь по фабр. Бострэма и Нюландским казармам, сделав по ним около 10 выстрелов, пока из казарм не начали махать белыми флагами. Затем был обстрелян Рабочий дом, гауптвахта, Мариинский дворец, дом Стандершельда и табачная фабрика Бострэм, особенно сильно пострадавшая от артиллерийского огня. Вслед за тральщиками в Северную гавань вошел германский броненосец береговой обороны «Беовульф», произведший 5 выстрелов из 9″ орудий по Сэрнесу. Артиллерийский огонь периодически стихал и вновь усиливался.

12 апреля Командующий Морскими Силами получил от Народного Комиссара по Морским Делам (т. Троцкого) следующую директиву: «Ко-

---

[1]) Дело М. И. К. № 15559, стр. 641.
[2]) Дело М. И. К. № 15012, стр. 1.

мандующему Морскими Силами Балт. моря совместно с главным Комиссаром разрешается вступать с белым Финляндским правительством в деловые переговоры, которые будут вызываться потребностями сохранения в неприкосновенности судов, имущества и запасов флота. При этом Командующий Морскими Силами не должен делать никаких заявлений, кои могли бы быть истолкованы, как прямое или косвенное признание Советским правительством белого финляндского правительства. О ходе этих переговоров надлежит обязательно известить Рабочее Финляндское правительство, дабы это последнее видело, что переговоры имеют исключительно технический характер и ни в коем случае не могут иметь своим следствием помощь белым против красных [1]).»

Вечером 12-го и в ночь на 13-е апреля части германских войск высаживались в Сандвике и на Скатудене. Высажена была пехота, морская пехота и десант с судов флота. Германские войска были восторженно встречены буржуазными обывателями, осыпавшими солдат цветами и выносившими им угощения и папиросы. К вечеру 13-го апреля большая часть зданий, занятых красногвардейцами, была взята. По словам немцев, на такое упорное сопротивление красных они не рассчитывали и отдавали должное их отчаянному мужеству и безусловной доблести. Во время обстрела города, снаряды начали падать в Северной гавани около наших судов, о чем было дано радио германскому адмиралу, после чего вскоре обстрел прекратился. Русское население почти не пострадало от обстрела. Убит был случайно пулей врач на госп. судне «Лава» и убито несколько матросов на наших судах в Южной гавани. Среди русского гражданского населения ни раненых, ни убитых не было. Вскоре на внутренний рейд вошли и стали на якорь германские линейные корабли (дредноуты) «Вестфален», под флагом контр-адмирала Мейрера, и «Позен» и броненосец береговой обороны «Беовульф».

Взаимоотношения между русским и германским морским командованием в Гельсингфорсе. 13-го апреля после полдня начались официальные переговоры с представителем германского морского командования, результатом коих было разрешение стоять у стенки только уч. с. «Память Азова». Остальные все суда предписывалось увести на рейд, без сообщения с берегом. Работа всех радиостанций прекращалась, за исключением станции уч. с. «Память Азова», для работы которой предоставлялось два часа в сутки. Германское командование в целях собственной безопасности нашло необходимым занять Свеаборгскую крепость германско-финскими войсками, причем вопрос о дальнейшей судьбе крепости оставался открытым и должен был разрешиться особым договором между Россией и Финляндией, но при непременном участии Германии. На требование 15-го апреля ускорить передачу крепости ввиду тревожного времени, наше Командование ответило отказом, так как на это оно не было уполномочено; тогда крепость была занята германскими войсками по военным соображениям.

13-го апреля русский и германский адмиралы обменялись визитами. Затем, на совещании представителей русского, германского и финского командований, комендант Свеаборгской крепости Кованько заявил, что

---

[1]) Дело М. И. К. № 14802, стр. 41.

им целиком исполнены все параграфы Брестского договора, за исключением 2, 5 и 6, относительно которых произошло недоразумение с их редакцией в текстах русском и германском, и пункты эти были опротестованы в Ганге председателем нашей комиссии. На совещании русских представителей было также опротестовано заявление германского представителя о том, что все батареи Приморского фронта, захваченные красными и отобранные германскими и бело-финскими войсками, не могут считаться подходящими под условия договора в Ганге. Протест был обоснован тем, что батареи были отобраны от русских красными насильственно, в то время, когда русские были разоружены, и что поэтому они должны быть вновь возвращены русским.

Репрессии против русского населения со стороны финских белогвардейцев и захват русского государственного имущества. 14-го апреля по городу были расклеены об'явления о предполагавшемся срочном выселении русско-подданных из Гельсингфорса. Затем начался захват белой гвардией русских судов под коммерческим флагом, что было опротестовано русским командованием. Захватывались главным образом буксиры и тральщики, причем это выполнялось самым бесцеремонным образом: команды выгонялись, имея 5 минут времени для сбора своих вещей, и отбиралась вся провизия. В городе и на кораблях германскими и финляндскими войсками производились аресты русских офицеров и матросов по самым нелепым предлогам. Местные газеты проявляли в отношении России исключительную злобность и выливали ушаты грязи на все то, что так или иначе было связано с русским именем.

Белой гвардией были также заняты и береговые учреждения флота, как то: контора порта, дом Матросского клуба, Морской Госпиталь и другие. На госпитальные суда финляндское правительство наложило эмбарго и совершенно не считалось ни с флагом Красного Креста, ни с датским флагом, поднятым после принятия флотилии под покровительство Дании.

Германским командованием был разрешен выход из Гельсингфорса русским судам под военным флагом. Вопрос же о выходе судов под коммерческим флагом должен был разрешиться по окончании следствия по делу о стрельбе с этих судов, произведенной якобы по германским матросам. На судах под военным флагом, уходящих в Россию, было разрешено брать пассажиров. Аналогичный порядок вывода русских судов был утвержден и для других портов Финляндии. Право собственности России на плавучие маяки было признано германским командованием и они были временно переданы германскому флоту, ввиду неимения таковых у германцев и необходимости их для безопасности мореплавания в Финском заливе; в дальнейшем о них предполагалось вести переговоры между русским и германским правительствами. Суда Тралартели, как указывалось, были насильственно заняты белой гвардией, русские коммерческие флаги на них были спущены, германское же командование оказывало покровительство только судам под военным флагом.

Стремление финнов овладеть судами Тралартели об'ясняется тем обстоятельством, что они не желали допустить к тральным работам

русские суда, ввиду необходимости в таком случае разрешить им базироваться на финские порты; с другой же стороны — у них самих вовсе не было судов, пригодных для траления. Ввиду ареста и конфискации всего имущества и судов Тралартели, Народный Комиссар по Иностранным Делам сообщил (13/V) германскому правительству, что очистка моря от мин, согласно Брестского договора, не может быть выполнена, пока Финляндия не вернет всего имущества [1]).

Захват судов производился обычно самым наглым образом: срывались флаги, личный состав выгонялся без вещей, отбиралась провизия и захватчики отказывались выдавать какие бы то ни было расписки в отнятии имущества. Военный флаг не всегда спасал суда от захвата, чему примерами могут служить захваты тральщика № 23, блокшива № 9, заградителей «Нина» и «Елена», а затем и всех гидрографических судов. Имущество артели, находившееся в портовых и частных складах, было также захвачено. Захваченные суда так плохо охранялись, что по ночам их расхищали группы белогвардейцев и германских матросов.

С момента занятия Гельсингфорса германскими вооруженными силами и финляндской белой гвардией, начались во многих случаях ничем не оправдываемые репрессии, как в отношении моряков русского военного и коммерческого флотов, так и русского гражданского населения.

В отношении репрессий надлежит отметить действия германских и финских войск против матросов и солдат, принимавших активное участие в выступлении Красной Гвардии. Участь моряков и солдат, уцелевших при боевых операциях, решалась при взятии или сдаче их в плен. Все матросы и солдаты, застигнутые в рядах красногвардейцев с оружием в руках,—неукоснительно подвергались расстрелу. В одном Таммерфорсе число расстрелянных достигло 350 человек. Здесь было расстреляно, по сведениям из газет, и несколько русских офицеров.

В Выборге, после его взятия белогвардейцами, кроме непосредственных участников борьбы, погибло несколько десятков русских офицеров, а также воспитанников русских учебных заведений, вовсе не принимавших участия в обороне Выборга красногвардейцами.

Русские граждане принуждались к скорейшему оставлению Финляндии не только открытыми репрессиями властей, но и бойкотом, публичными оскорблениями, газетной травлей и условиями жизни, близкими к полному бесправию. В виду спешности, они при этом теряли все свое имущество, которое за бесценок распродавалось. Начавшаяся эвакуация русского населения через Ревель—через два рейса была прервана, в виду закрытия русской границы, причем большинство граждан было возвращено обратно в Гельсингфорс, где оказалось в самом бедственном положении, без пристанища и без средств. Русские же моряки по прибытии в Ревель подверглись заключению в лагерь для военно-пленных (впоследствии они были освобождены, благодаря хлопотам Старшего Морского Начальника в Финляндии). В дальнейшем эвакуация русского населения легла на

[1]) Дело М. И. К. № 15012, стр. 115.

морское командование. Эвакуация происходила на судах разных категорий, в том числе на судах, высылавшихся для этой цели из Кронштадта, и на судах военных, но наибольшее число эмигрантов было вывезено на транспорте «Рига» в несколько последовательных рейсов. Всего на судах Русского флота было эвакуировано из Гельсингфорса в Россию около 10 тысяч русских граждан.

Очень остро стоял для русского населения продовольственный вопрос. Выдача из складов Интендантского и Продовольственного была прекращена, из Народно-Промышленного Комитета—не начиналась, так как все склады были захвачены и частью разграблены белыми и немцами. Суда с большими трениями получали часть провизии от финнов под давлением немцев, но муки совершенно не выдавалось и ее запасы на судах кончались. Русским командованием в Гельсингфорсе, для облегчения положения русского населения в Финляндии, был поднят вопрос о применении к финляндским подданным, проживавшим в России (до 350.000), подобных же репрессий, какие применялись к русским подданным в Финляндии (30—40 тысяч). Ввиду случаев арестов, обстрелов и даже убийств русских моряков на берегу, русским командованием был воспрещен с‘езд на берег личного состава, а при необходимости разрешалось с‘езжать только в штатском платье.

Отношения, как высших, так и низших чинов германского морского и сухопутного командования внешне были корректны, но жизненно оставались на узко-формальной точке зрения. Хотя Гангэудское соглашение по своей редакции допускало достаточно широкие возможности для разрешения различных вопросов в благоприятном для нас смысле, и в первые дни германцы готовы были их в этом смысле и выполнять, но впоследствии, ввиду стремлений Финляндии к захватам, это отношение изменилось. Так например, неприкосновенность судов (даже военных) была осуществлена только для стоящих в Гельсингфорсе, а не во всех портах Финляндии. Что касается отношения Финляндии, то факты ярко свидетельствуют о цинично—грубом поведении Финляндии в отношении России, лишенном даже внешних форм приличия, обычно соблюдаемых и в мало культурных странах.

Общий тон всех статей буржуазной финляндской печати и массовые репрессии в отношении бывших и настоящих представителей русской государственной власти, русских организаций и вообще русских людей, достаточно определенно свидетельствовали, что буржуазная Финляндия, уверенная ввиду поддержки Германии в своей безнаказанности, воспользовалась лишь возможностью свободно проявить свои давнишние враждебные чувства, направленные против России, как ее бывшего суверенного государства.

В ряду неправомерных действий, заслуживал особо серьезного внимания вопрос о захвате Финляндией, при полном игнорировании всяких правовых норм и международных начал, находившегося на ее территори огромного русского государственного имущества. Все захваченное имущество достигало (по оценке компетентных лиц и русской печати) колоссальной суммы в $17^1/_2$ миллиардов золотых рублей.

Старший Морской Начальник в Гельсингфорсе составил подробное донесение о всех незакономерных поступках финляндских властей; это

донесение он закапчивает следующими словами: «Донесение не обнимает собой всего и не достаточно ярко освещает все, что нами переиспытано и переделано за это время. Трудно даже себе представить все те мелкие и крупные дела, кои совершались и совершаются по всевозможным отраслям, тем более еще, что не хватает положительно ни времени, ни технических средств действовать и успевать все зарегистрировать. Отношение и поведение белых можно охарактеризовать так: Упоение победой, неподготовленность к государственной работе, озлобленность против России, растерянность и неуверенность в сочувствии своего народа, ввиду призыва германской помощи, грубое бесчеловечное проведение всех мероприятий [1])».

---

[1]) Дело М.И.К. № 11603 стр. 35—39. Донесение Стар. Мор. Нач. в Гельсингфорсе от 2/V.

ГЛАВА III.

Завязка Гражданской войны.

(Период от прихода Балтийского флота в Кронштадт до взрыва форта Ино).

Появление финских белогвардейских и германских войск у подступов к Петрограду [1]). (Карта—фиг. 2). После захвата Гельсингфорса—центра сопротивляемости Финляндской Красной Гвардии — судьба всей гражданской войны в Финляндии была решена. Вскоре после высадки в Гельсингфорсе, немцы свезли на берег малочисленные отряды в восточных финских портах—в Ловизе и Котке; эти отряды начали наступление в северном направлении, чтобы в районе Лахти отрезать путь отступления Красной Гвардии, расположенной близ Тавастгуста. Успехи соединенных белофинских и германских войск на полях Лахти-Тавастгуст предопределили исход всех дальнейших операций. По словам ген. Людендорфа, в конце апреля, после тяжких боев, удалось концентрическим наступлением совершенно окружить Красную Гвардию и принудить ее к сдаче. [1])

Ход событий показал, что дальнейшее пребывание в финских водах германского линейного флота бесцельно, поэтому в конце апреля линейные корабли вернулись в свои базы, а в Финском заливе остались лишь крейсера и мелкие суда, причем командующим этими силами был назначен к.-адм. Усслар.

Между прочим, во время пребывания в финских водах вышел из строя линкор «Рейнланд», оставленный адмиралом Мейрером в качестве станционера на Оландских островах; 11 апреля этот линкор отправился в Данциг для пополнения запасов топлива и при отходе потерпел аварию на камнях, близ Оландских островов; корабль столь сильно выскочил на камни, что снятие его затянулось на несколько недель; в конце концов, спасательные работы увенчались успехом, но повреждения линкора оказались настолько значительными, что к их исправлению и не приступали, отложив ремонт до окончания войны [2]).

---

[1]) Воспоминания ген. Людендорфа.
[2]) Воспоминания адм. Шеера: «Die deutsche Hochseeflotte im Weltkriege».

Между тем операции на сухопутном театре продолжались, и вскоре белая гвардия захватила Выборг[1]), который после падения Гельсингфорса сделался местопребыванием Красного финского правительства. Таким образом, в руках немцев оказалися Выборг и Нарва— две позиции, которые (по мнению Людендорфа) обеспечивали им во всякое время возможность наступления на Петроград «для свержения большевиков» и для предотвращения занятия его англичанами со стороны Мурманского побережья.

Вся обстановка складывалась весьма неблагоприятно для Советской России. С одной стороны, на основании Брест-Литовского мирного договора, Россия была обязана очистить территорию Финляндии от русских войск и русской красной гвардии; с другой стороны—важнейшие форты, входившие в состав Кронштадтской Морской крепости, были расположены как раз на финляндской территории, но очистить их было бы безумием по чисто военным соображениям: вооруженный артиллерией крупного калибра (10″—12″), форт Ино мог обстреливать не только подступы к Кронштадту, но и самый Кронштадт, поэтому военное командование было озабочено, чтобы этот форт не перешел бы в руки белофиннов в неразоруженном виде. При всех действиях и мероприятиях по обеспечению за Советской Россией района укреплений близ финской границы, направление которой к тому же не было зафиксировано никакими договорами, приходилось считаться с тем обстоятельством, что белофинны поддерживались германскими отрядами и всякое неосторожное действие со стороны русских вооруженных сил могло создать повод для возобновления военных действий Германии против России, а значит и окончания столь необходимой для закрепления завоеваний революции «передышки». Положение еще осложнялось по следующим причинам: 1) центральное правительство находилось в Москве и быстро меняющаяся обстановка не всегда позволяла своевременно испрашивать его директивы, вследствие чего многие приказания и мероприятия исходили от местной власти — Совета Народных Комиссаров Петроградской Трудовой Коммуны, и часто многие распоряжения являлись уже запоздалыми и 2) в судьбе форта Ино и других укреплений северного побережья залива был в первую очередь заинтересован флот, укрывшийся в единственный наш военный порт—Кронштадт, а между тем укрепления эти были подчинены Военному Командованию Северного участка, которому в то же время флот подчинен не был. Эти причины внесли некоторую запутанность в вопрос о судьбе форта Ино и в конечном итоге вызвали взрыв его, считавшийся высшим военным командованием преждевременным.

Когда район военных действий придвинулся непосредственно к рубежам Советской России, пришлось стянуть русские войска к финской границе, и, чтобы избежать всяких поводов к возобновлению войны с Германией, Совет Комиссаров Петроградской Трудовой Ком-

---

[1]) Падение Выборга заставило Красное финское правительство и Штаб Красной Гвардии покинуть территорию Финляндии и на нескольких больших пароходах перейти 25-го апреля в Кронштадт; туда же пришли 29 и 30 апреля пароходы «Хектос», «Карл Бострем», «Юстила», «Сахьяри», «Финик», «Нале,» «Карху» и «Финляндия» с бежавшими красногвардейцами. (Дело М. И. К., 15010, стр. 195).

муны 22 апреля об'явил во всеуслышание следующую радиотелеграмму: «Всем. Ввиду положения на театре военных действий в Финляндии, Совет Комиссаров Петроградской Трудовой Коммуны считает нужным заявить во всеобщее сведение нижеследующее. Войска Русской Республики заняли нашу Русско-Финляндскую границу и получили следующий приказ: Русские войска Финляндской границы переходить не должны. Если какие-либо войска сделают попытку перейти русскую границу—Русская Армия должна действовать, как армия нейтрального государства, а именно: тем войскам, которые попытаются переходить границу с враждебной целью, будет оказан самый решительный отпор. Те же войска, которые пожелают просто оставить территорию Финляндии, будут нами разоружены и отведены в тыл. Семьям финляндских беженцев может быть оказана помощь только в порядке частной инициативы [1]).»

Для флота вся обстановка казалась особенно неопределенной, а между тем отряды финской белой гвардии постепенно приближались к районам обороны его главной и единственной базы—Кронштадта. Этим обстоятельством об'ясняется тревога, охватившая судовые команды, грозившие действовать автономно, если Народные Комиссары не поставят их в известность о текущих событиях [2]).

Меры по обеспечению форта Ино от захвата. Еще 13-го апреля были получены сведения о высадке немцев в Биорке, оказавшиеся впоследствии ложными. Военное Командование Северного участка с самого начала встало на вполне определенную точку зрения относительно ф. Ино: оказывать в его районе сопротивление лишь в том случае, если со стороны белофиннов будет произведено нападение, самый же форт—разоружить. Директива Военного Совета Кронштадтской крепости (данная 21-го апреля) гласила следующее: 1) Занять форт Ино отрядом из четырех или пяти рот хорошо дисциплинированных, вооруженных и снабженных. Назначить начальником этого отряда и комендантом форта одного из бывших офицеров; 2) приказать коменданту никаких действий не начинать и помнить, что отряд назначен для охраны форта и его имущества; 3) все орудия держать в полной готовности, от 10″ орудий снять замки, от 12″—стреляющие приспособления, а также снять якоря у электродвигателей 12″ башен и все отправить в Кронштадт. Воздух из компрессоров 12″ орудий выпустить; 4) 12″ и 10″ снаряды эвакуировать в Кронштадт; 5) в случае нападения вооруженной силой—оказать отпор [3]). Вместе с тем Народному Комиссару т. Чичерину был сделан запрос, как дальше поступать, ввиду того, что форт Ино входит в систему крепостного развития Кронштадта и одновременно лежит на территории Финляндии [4]).

Вечером 24 апреля отряды белой финляндской гвардии заняли позицию в непосредственной близости от ф. Ино. Явившиеся на ф. Ино парламентеры заявили, что форт должен быть передан белой гвардии в 24 час. срок, на основании Брест-Литовского договора. Комендант

---

[1]) Дело М. И. К. № 15010, стр. 13—14.
[2]) » » № 63, стр. 26.
[3]) Дело Генмора № 63/18.
[4]) Дело М. И. К. № 16765, стр. 21

форта, ввиду отсутствия у парламентеров мандатов, отказался вести с ними какие бы то ни было переговоры. Через два часа (около 21 часа) вернувшиеся парламентеры предложили представителям форта отправиться на железно-дорожную станцию для встречи с представителем отряда. Оказавшиеся там германские офицеры заявили представителям форта, что они дают два дня сроку для передачи форта в их руки. Комендант Кронштадтской крепости (Артамонов), получив все эти сведения, приказал вернуть парламентеров и прекратить переговоры, сообщив белому командованию, что на следующий день на форт прибудут уполномоченные Командования Петроградского военного округа, и что в случае попытки со стороны белой гвардии захватить форт силой—он будет защищаться и их подвергнут обстрелу с кораблей. Представители белой гвардии согласились ожидать прибытия уполномоченных.

Того же числа после обсуждения положения с представителями командования финской белой гвардией, состоялось соглашение, в силу которого гарнизон форта был обязан:

1. Не выходить за пределы форта, ограниченные проволочной оградой.

2. Не допускать проникновения в район проволочной ограды никого извне, исключая парламентеров, прибывающих с белым флагом, у коих спрашивать мандаты и направлять к коменданту форта.

3. В случае проникновения на территорию форта финских красногвардейцев—немедленно их разоружать.

4. В случае попыток белогвардейцев проникнуть внутрь ограды форта—отражать их огнем или штыками.

5. Ни в коем случае не открывать огня по раз'ездам и отдельным белогвардейцам, поскольку они не пытаются проникнуть внутрь крепостной ограды [1]).

Ввиду полного отсутствия на форту пехотных частей, туда спешно был отправлен из Кронштадта I батальон латышей и 300 красноармейцев, вооруженных пулеметами и ручными гранатами, и, кроме того, отряд моряков (около 150 человек) с дредноутов. Для оказания поддержки форту, л. к. «Республика» и мин. «Прыткий» было приказано с рассветом 25-го апреля подойти к ф. Ино, а форту «Красная Горка» подготовить к действию башенную 12″ артиллерию. Замки 10″ и 12″ орудий ф. Ино были отправлены в Кронштадт и батареи подготовлены к взрыву, а для производства эвакуации и для вывоза боевых припасов—в распоряжение форта были назначены транспорт «Нарген», крепостные пароходы и разные мелкие суда. Для усиления гарнизона форта срочно подготовлялись к высылке еще 2 роты пехоты. [1]).

Кораблю у форта Ино была дана следующая инструкция: 1) корабль у ф. Ино назначается для поддержки форта огнем своей артиллерии, в случае нападения на форт с суши и для прикрытия посадки гарнизона на суда в том случае, если бы форт пришлось оставить. 2) При появлении германского флота—корабль боя не принимает и отступает в Кронштадт [2]). 3) В отношении времени открытия огня, его

---

[1]) Дело М. И. К. № 15016, стр. 6.
[2]) Дело М. И. К. № 15765, стр. 34—42.

направления и корректирования, командир корабля получает указания от коменданта форта, с которым по приходе на место, должен установить тесную связя по радио, семафору и проч. 4) Командир корабля устанавливает в зависимости от обстоятельств дежурство пушек или пулеметов и держит котлы и машины в той готовности, которая диктуется обстановкой дня, соблюдая возможную экономию топлива. 5) Командир получает по радио от Начальника Морских частей в Кронштадте ежедневно обстановку и сам доносит тем же путем об обстановке на форту и в море. 6) Если представляется возможность, командир оказывает содействие эвакуации форта всеми имеющимися в его распоряжении средствами. 7) Дежурство кораблей предполагается нести понедельно [1]).

Директива, данная тогда морским командованием Старшему Морскому Начальнику в Кронштадте заключала в себе следующие пункты: 1) форт Ино не может быть оставлен и его надлежит защищать всеми средствами от нападения; 2) отряду судов, посылаемых на поддержку Ино,—оказывать полное содействие обороне Ино, для чего войти в связь с Комендантом форта, выработав план совместных действий; 3) красноармейцы и белогвардейцы по приходе на территорию форта, должны быть разоружены и отправлены в Кронштадт; 4) как отряду судов, так и гарнизону Ино надлежит не вмешиваться в борьбу красных и белых, стоя только на страже интересов форта [2]).

Содержание приведенных директив и все мероприятия морского командования показывают, что как Начальник Морских Сил, так и Старший Морской Начальник в Кронштадте считали совершенно недопустимым оставление форта в боеспособном состоянии, поэтому, в добавление к прочим заданиям, отряду судов предписывалось уничтожить флот артиллерийским огнем в том случае, если разоружение не будет произведено к моменту его занятия белофиннами.

Таковы в общих чертах были мероприятия и решения местного командования. Высшее Военное Командование в центре подходило к вопросу о форте несколько осторожнее: согласно директиве, коменданту Ино и командиру линейного корабля (дежурившего у форта), переданной из Москвы Командующим Морскими силами Щастным, предписывалось предварительно исчерпать до конца все средства для возможного улаживания вопроса мирным путем, и, в случае необходимости принять агрессивные меры—открывать огонь только с разрешения Совета Народных Комиссаров; смысл этой директивы мотивировался настоятельным желанием Совета Народных Комиссаров избежать враждебных действий с Германией из за форта Ино [3]).

Несмотря однако на такую директиву, местное морское командование на свою ответственность предписало Старшему Морскому Начальнику в Кронштадте действовать относительно форта Ино, сообразуясь с действительной обстановкой, если последняя потребует срочных решений и на сношение с центром не будет достаточно времени [4]).

---

[1]) Дело М. И. К. № 15015, стр. 5.
[2]) Телеграмма Зам. Наморси—Набрилину 1, 24—IV—18 г. № 899/0233.
[3]) Дело Генмора 1 оп. ч. № 80.
[4]) Дело Генмора 1 оп. ч. № 80.

Но вскоре точка зрения центра тоже несколько переменилась, и Начальник Морских Сил, находившийся в Москве для доклада Совету Народных Комиссаров, передал своему заместителю новые директивные указания, в основу которых было положено предварительное установление демаркационной линии на Финском заливе, о которой необходимо было договориться с германским командованием; в зависимости от ответа Германии предстояло принять то или иное решение. Далее, эти указания предписывали ответить финским белогвардейцам, что Россия готова войти с ними в переговоры относительно русско-финляндской границы и форта Ино, но что ссылку на Брест-Литовский мирный договор им незачем сопровождать вооруженным выступлением, на которое будет отвечено также вооруженной силой. Одновременно Начальник Морских Сил, теперь уже от лица центральных органов командования, приказал выслать линейный корабль к форту Ино, с целью оказания поддержки артиллерийским огнем по требованию коменданта форта.

Получив эти приказания, местное морское командование продолжало держать у форта лин. кор. «Республика» и миноносец «Прыткий», а в Кронштадте, в двухчасовой готовности,—линкор «Гангут»; на случай возможного появления германских военных судов, наши суда получили указание начинать военное действие только тогда, когда их начнут германцы. Но обстановка менялась с чрезвычайной быстротой. Уже 26-го апреля Начальник Морских Сил Щастный телеграфировал из Москвы Старшему Морскому Начальнику в Кронштадте: «Получено приказание: дать приказ гарнизону Ино взорвать укрепления, помочь ему с корабля «Республика». Принять на борт гарнизон Ино, если возможно. Морского боя не принимать и вернуться в Кронштадт. Троцкий» [1]).

На это определенное приказание Старший Морской Начальник ответил: «приказание передано коменданту Ино. Минирование заканчивается. К вечеру форт будет взорван». Однако, и определенная директива о взрыве форта была отменена еще до ее выполнения: Высший Военный Совет [2]) принял другое решение—защищать форт исключительно сухопутными силами, что по мнению Совета, менее нарушало Брест-Литовский договор.

Первое из приведенных распоряжений было встречено Петроградской Трудовой Коммуной с некоторым недоумением и беспокойством, так как обстановка вовсе не требовала немедленного принятия таких крайних мер, ввиду чего на совещании военного совета Петроград-

---

[1]) Дело Генмора 1 опер. ч. Телегр. Щастного от 26-го—IV—18 г. № 750. Из материалов, приведенных тов. Троцким в I томе труда «Как вооружалась Революция» явствует, что директива о взрыве форта Ино на самом деле была дана без его ведома.

[2]) Высший Военный Совет был организован после подписания Брестского мира. 4-го марта декретом Совнаркома упраздняется Ставка, уничтожается должность верховного главнокомандующего, и начинается расформирование всех штабов, фронтов и армий. Руководство войсковыми частями и работой по созданию новой армии возлагается на Высший Военный Совет в составе военного руководителя т. Бонч-Бруевича и двух комиссаров Прошьяна и Шутко. 18-го марта председателем ВВС назначается тов. Троцкий, заместителем т. Склянский и членами тт. Подвойский и Мехоношин. ВВС просуществовал до 2-го сентября, когда был образован Революционный Военный Совет Республики.

ского района, при обсуждении создавшегося положения, было решено всетаки форт не взрывать, а подготовить его лишь к взрыву, удерживать его, и уничтожить лишь в крайнем случае. Правда, того же 26-го апреля к станции Белоостров подошел отряд белой финской гвардии в 200 чел., причем при переговорах белое командование заявило, что они не имеют приказа переходить границы; тем не менее местами началась перестрелка ружейная и пулеметная. Но 27-го апреля на форт прибыли из Петрограда представители командования Петроградского округа (тт. Зиновьев и Лашевич), при переговорах которых с представителями белой гвардии удалось придти к соглашению, на основании которого, белогвардейцы обязались не атаковывать форта, а гарнизон—не выходить с территори форта. К этому времени комендант форта (Ананьин) перебежал к белогвардейцам. На форту уже было сосредоточено 600 матросов, около 300 чел. Сестрорецкого отряда (в пути было около 700 чел. из Петрограда, посланных Выборгским районным комитетом, и 700 чел. латышей Тукумского полка), к которым и переходила защита форта на основании последней директивы, внесшей вновь успокоение в Петроградском районе.

Как только изменение директивы о судьбе форта было передано Начальником Морских Сил [1]) в Штаб Балтийского флота, последний немедленно отменил приказание о взрыве батарей; вернул корабли, приказав им однако, быть в 8-часовой готовности к выходу по требованию сухопутного командования; на форт, по приказанию Военного Руководителя Северного участка, были направлены подкрепления, а руководство обороной поручалось бывш. генералу Федотову. В то же время морское командование было озабочено своевременной планомерной подготовкой форта к взрыву, на случай крайней необходимости; это видно из директивы Старшему Морскому Начальнику в Кронштадте (от 28-го апреля), гласившей:

1. Вывести боевой запас и важнейшие части крупных орудий, мелкую артиллерию, а равно и снабжение форта в Кронштадт, оставив необходимое для гарнизона.

2. Подготовить форт к взрыву, с расчетом вывести форт из действия совершенно.

3. Приказание о взрыве последует от командования флотом по выполнении всех работ по подготовке.

4. До того, как форт будет взорван, его охранять, дабы он никоим образом в целом виде не перешел бы в руки белогвардейцев или немцев.

Сопоставляя обе директивы о судьбе форта Ино, полученные из Москвы, видно, что по одному и тому же весьма важному вопросу в один и тот же день было принято два диаметрально противоположных решения: высшее морское командование передавало приказание правительства о взрыве форта, а высшее военное командование—о сохранении его и обороне его сухопутными средствами. Такое положение создавалось вследствии несогласованности вопросов подчинения флота и крепости, благодаря чему все доклады о форте Ино шли одновременно

---

[1]) Дело Генмора, 2 оп. ч. № 80,

и по линии сухопутного, и по линии морского командования. Ненормальность такого положения была очевидна, почему Начальник Морских Сил, после переговоров с военным руководителем Петроградского района, вошел с ходатайством о подчинении крепости Кронштадт — командованию флотом. Судьба форта решилась совершенно неожиданным образом несколько позднее, в середине мая.

Опасение захвата Петрограда и Кронштадта Германией и меры по обеспечению флота. Наступательный образ действия финнов, участие германских войск в операциях в Финляндии, близость германских войск и по южному берегу Финского залива к Петрограду (Нарва), а главное — неуверенность в том, что Германия в каждый данный момент, придравшись к самому пустому случаю нарушения Брестского договора, не откроет военных действий с целью захвата Петрограда, вынуждали Советское правительство все время быть на чеку и, на случай захвата Кронштадта и Петрограда, им были предприняты следующие мероприятия: 1) Морское Командование получило приказание перевести из Петрограда и Кронштадта вверх по Неве за мосты все суда размеры которых позволяли проход через разводные части петроградских мостов. Был возбужден вопрос о проводке дредноутов, которые, однако, по ширине своей не могли пройти через разводные части; эта идея, ввиду ее слишком трудного осуществления, была оставлена; 2) Народный Комиссар по Морским Делам тов. Троцкий направил (3-го мая) морскому командованию директиву, чтобы последнее, принимая меры к организации обороны Кронштадта и флота, вместе с тем имело бы разработанный план уничтожения военного имущества, запасов, судов, портовых сооружений и т. п. на тот случай если бы вопреки ожидания оказалось невозможным удержать Кронштадт и флот в наших руках [1]); 3) Постановлением Высшего Военного Совета, Кронштадт с фортами Ино и Красная Горка в оперативном отношении были подчинены Командованию Балтийским флотом; [2]) 4) Высший Военный Совет; констатируя недостаток командного состава во флоте, предписал морскому командованию немедленную и строгую регистрацию всех бывших офицеров флота, в целях принятия государственной властью в порядке принудительном решительных мер к обеспечению флота необходимым командным составом; [3]) и 5) Ввиду переживаемого флотом критического периода и неполучения от морского командования систематических докладов, 7-го мая Народный Комиссар по Морским Делам назначил особо-уполномоченного т. Флеровского, без которого Начальник Морских Сил не мог предпринимать никаких ответственных шагов [4]).

Одновременно, по почину морского командования, старший Морской Начальник в Гельсингфорсе т. Зеленой обратился к германскому командованию с целым рядом запросов и протестов, имевших целью с одной стороны—оградить флот от вызывающих действий финского правительства, с другой—выяснить совершенно неясную стратегическую и политическую обстановку. Весьма важным вопросом для нашего флота

---

[1]) Дело М. И. К. № 15010, стр. 195.
[1]) Дело М. И. К. № 15015, стр. 20.
[2]) Дело М. И. К. № 15765, стр. 51.
[3]) Дело М. И. К. № 15765, стр. 54.
[4]) Дело М, И. К. № 15765, стр. 51.

являлось, как уже указывалось, установление временной демаркационной линии в Финском заливе, подлежавшей окончательному утверждению специальными государственными комиссиями. Этот вопрос, по мнению т. Зеленого, поднимался несвоевременно и не имел достаточной мотивировки, но тем не менее, по настоянию Советского правительства, он был предложен на разрешение германского и финского белого командования, оставившими, однако, запрос без всякого ответа [1]).

Позднее (6-го мая), на тех же основаниях, морское командование послало т. Зеленому следующую директиву, характерную для создавшейся обстановки:

«Прошу вручить Германскому Командованию следующее. Несмотря на то, что об'явления войны между Россией и Финляндией не было, правительство последней захватом наших судов, самочинными арестами и задержанием их, не вызываемыми никакими поводами, стремится стать на путь, вынуждающий нас к нарушению тех обязательств, которые приняты нашим правительством по Брестскому договору.

Германское морское командование не может не признать, что несмотря на неисчислимые потери имущества, позиций, батарей в Финляндии, командование русским флотом соблюдало договор и оно вправе расчитывать на то, что столь произвольные действия финляндского правительства будут приостановлены германским командованием. Договору противоречит прежде всего захват наших судов и препятствия, создаваемые для эвакуации нашего имущества.

Настойчиво представляя германскому командованию о мерах, которые русское командование ожидает от него для освобождения судов и имущества, командование в то же время указывает на опасность и нежелательность могущего создаться положения, если русский флот в полном его составе сам принужден будет, не взирая ни на какие последствия, стать на защиту своих законных прав и интересов.

Русский флот с каждым новым нарушением Брестского договора со стороны Финляндии ставится этим в условия все более неприемлемые».

Нач. Мор. Сил Балт. моря Щастный [2]).

Судьба русских судов и учреждений, оставшихся в финских портах. Вызывающее отношение белофиннов особенно ярко сказалось на судьбе судов и учреждений еще остававшихся в различных финляндских портах после ухода ядра Балтийского флота в Кронштадт. Часть русских судов осталась в Котке. За ними 2-го мая была организована экспедиция в составе ледоколов «Силач» и «Бомбардир». Подойдя к Котке, ледоколы выяснили, что Котка занята белой финской гвардией и наши суда ею задержаны. При этом «Бомбардир» был отпущен, а «Силач», как вооруженный пулеметами, был задержан и освобожден много позже, после длительных переговоров с германским и финским командованием; часть судов (15 пароходов) в тот же день пришла в Кронштадт.

Гораздо более сложной оказалась судьба Абосской позиции. Из донесения офицера, отправленного в Або Штабом Балтийского флота,

---

[1]) Дело М. И. К. № 15809, стр. 18.
[2]) Дело М. И. К. № 15012, стр. 22—37.

видно [1]), что все имущество Шхерного отряда, Дивизии Траления, Тралартели Абосского порта и службы связи, а также весь провиант, были секвестрованы местными властями, как в самом городе Або, так и на островах. Германскими властями отведены в Ревель канонерская лодка «Бобр» [2]), заградители «Мезень», «Ильмень» и «Свирь», посыльное судно «Спутник» и буксиры «Снег» и «Ниеншанц». Моторный катер с «Ильменя», оставшийся в Або, был взят германским вспомогательным крейсером «Меве». Попытки получить какие-нибудь документы о секвестре имущества оказались тщетными.

Оставшийся личный состав бывших в Або морских учреждеиий (около 70 офицеров и чиновников и 100 матросов) почти весь был арестован без об'явления причин и содержался в очень плохих и строгих условиях, получая ничтожное количество пищи.

Позднее (12 мая) на вспомогательном крейсере «Меве» были отправлены в Либаву все арестованные матросы украинцы, латыши и поляки с семьями, причем их так строго осматривали перед посадкой, отбирая даже старые сапоги, самые малые запасы провизии и т. п., что даже немцы были вынуждены за них заступиться.

С матросами обращались, как с военно-пленными, а в то же время считали их официально лишь «изолированными» во избежение экцессов со стороны молодых белогвардейцев. Что же касается до судов, интернированных в Гельсингфорсе, то их выход был сопряжен с длительной перепиской и выполнением массы мелких политических формальностей. Тем не менее с первых чисел мая начался уход и этих судов отдельными эшелонами. Первая группа в составе эскадренных миноносцев «Всадник», «Легкий», «Мощный», «Видный», «Громящий», «Достойный», «Разящий», «Поражающий» и нефтеналивных транспортов «Нина» и «Елена» пришли в Кронштадт 9-го мая; 16-го мая пришли заградитель «Нарова», канонерская лодка «Грозящий», э. м. «Сильный», спас. судно «Волхов», транспорт «Рига» и блокшивы №№ 8 и 9. Наконец, последним вышло из Гельсингфорса уч. судно «Память Азова», бывшее флагманским кораблем старшего морского начальника, и прибывшее в Кронштадт в начале июня.

Последние недели пребывания русских судов в Финляндии были ознаменованы особенно возмутительным отношением со стороны белофинских властей: в начале мая военные власти об'явили с'езд на берег для русских матросов запрещенным, под угрозою ареста; не разрешалась даже посылка матросов на берег по делам службы. 8-го мая был арестован у ворот порта комиссар при Старшем Морском Начальнике тов. Жемчужный, вскоре после этого расстрелянный, несмотря на все протесты со стороны морского командования. [3])

Сведения о готовившемся наступлении на Петроград. Около 10 мая сведения о намерениях белофиннов приняли более конкретный характер: по агентурным данным, Финляндия предполагала наступать на Петроград с севера, для чего в Сердоболе будто бы были подгото-

---

[1]) Донесение от 15 мая 1918 г. Дело М. И. К. № 15012, стр. 94—95.
[2]) Впоследствии перешел в состав эстонского флота и переименована в «Lembit».
[3]) Телеграмма А. П. Зеленого—Щастному от 8-го мая 1918 г.

влены пароходы и баржи для переброски десанта через Ладожское озеро, а к бухте Яима на Ладожском озере немцы подвезли в разобранном виде две небольшие подводные лодки и устраивали для них базу на случай появления нашего флота в озере. С другой стороны, наше положение могло значительно ухудшиться с передачей белофиннам форта Ино, о чем военное и морское командование узнали из сообщений газет и сведений, полученных от финского парламентера: передача форта Ино Финскому правительству была будто бы предрешена Советским правительством, причем форт предполагалось передать со всей материальной частью и вооружением.

Тревожность обстановки усилилась фактом второстепенного значения. 10-го мая около 23 ч. 30 м. к деревне Устье (на берегу Копорского залива, в 20 верстах западнее Красной Горки) с моря подошли две лодки и обстреляли наш пост пулеметным огнем; пост ответил огнем, после чего лодки ушли в море. [1])

Во всяком случае, обостренность положения требовала принятия экстренных мер для встречи возможного удара германского империализма на Петроград, вследствие чего Военный Совет, руководивший обороной подступов к Петрограду, требовал от морского командования самых срочных и энергичных мер для установления, насколько серьезны полученные сведения и, в случае их основательности, организации обороны Ладожского озера, дабы парализовать противника. [2])

13-го мая сведения эти получили подтверждение со стороны Военного Руководителя Высшего Военного Совета Республики, тов. Бонч-Бруевича, сообщавшего Военному Руководителю Петроградского Района (т. Шварцу) о необходимости обратить особое внимание в сторону Выборга, Биорке, Кексгольма, Сердоболя; имелись основания предполагать замысел крупной операции из Финляндии, совместно с действиями со стороны Нарвы, ввиду чего перерыв пути между Нарвой и Ямбургом приобретал особо важное значение. В виде предупредительной меры, предлагалось иметь возможно больше судов в Ладожском и Онежском озерах и на реках Свирь и Нева.

Получив это уведомление, Военный Руководитель просил Начальника Морских Сил принять все меры к скорейшему проводу судов в Ладожское озеро, Свирь и Онежское озеро и к зоркой охране по р. Неве и в Кронштадте, а также послать разведку в Ладожское озеро и в море; кроме того, надлежало быть в готовности для быстрой постановки минных заграждений. [3])

Мероприятия морского командования по обороне Петрограда. Морское командование тотчас же назначило Начальника Охраны водного района р. Невы (Залесский), которому были даны в подчинение: канонерские лодки «Храбрый» и «Хивинец», пароходы «Бойкий» и «Славный» и буксиры «Свеа» и «Титан», 10 катеров и дивизион миноносцев—угольщиков. На охрану, находившуюся под главным руководством Начальника Минной Дивизии, возлагалось: 1) Несение дозорной и охранной службы подчиненного ей района реки Невы. 2) Наблю-

---

[1]) Дело М. И. К. № 15766, стр. 4.
[2]) Дело М. И. К. № 15766, стр. 4.
[3]) Дело М. И. К. № 16039, стр. 105.

дение за берегом р. Невы. 3) Поддержка сухопутных позиций, защита переправ и содействие сухопутному командованию при наступлении неприятеля с севера. [1])

Взрыв форта Ино. Сведения относительно передачи форта Ино также весьма обеспокоили Высшее Военное и Морское командование.

После получения директивы (от 26-го апреля) положение форта оставалось без перемен и белофинны активных действий не предпринимали; на форт продолжали поступать подкрепления, а около форта, согласно дополнительного распоряжения Высшего Военного Совета, постоянно держался один большой корабль и миноносец для морской поддержки гарнизона. Постепенно производилось разоружение и эвакуация имущества форта в Кронштадт, а самый форт подготовлялся к взрыву. Как уже указывалось, с 8-го мая форт перешел в оперативное подчинение Начальника Морских Сил, но дальнейший ход событий показывает, что часть распоряжений по форту продолжала идти по сухопутным инстанциям. Слухи о передаче форта белофиннам побудили Военного Руководителя Высшего Военного Совета запросить Народного Комиссара по Иностранным Делам о действительном положении вещей. Ответ т. Чичерина был передан 13-го июня Военным Советом Северного участка—Начальнику Морских Сил; он заключался в следующих трех пунктах:

«Во первых, русское правительство несколько дней тому назад обратилось к германскому правительству по поводу требования сдачи форта Ино, подчеркивая, что форт Ино необходим для безопасности Петрограда и предложило найти приемлемый для обоих сторон ответ. Во вторых, ответ германского правительства еще не получен, но граф Мирбах [2]) сообщил, что должен приехать курьер и привести с собой ответ. В третьих, если до получения ответа от германского правительства будет произведено решительное нападение на форт Ино, то, очевидно, должно вступить в силу принятое решение и должно быть произведено уничтожение форта, причем Кронштадт ни в коем случае не должен принимать участия в военных действиях из за форта Ино. 12 мая 1918 г. 1487. Л. Троцкий. Бонч-Бруевич. [3])»

Это предписание вполне определенно указывало, что вопрос о форте Ино еще не получил окончательного решения, а с другой стороны подтверждалось принятое решение взорвать форт, если будет произведено нападение белофиннами.

Казалось, обстановка не предвещала никаких неожиданностей, как вдруг, в 23 ч. 40 м. 14-го мая форт Ино был взорван Комендантом Крондштадтской крепости тов. Артамоновым. Находившиеся у форта крейсер «Олег» и миноносец никакого участия во взрыве не принимали и на рассвете 15-го мая вернулись в Кронштадт с последним эшелоном гарнизона форта. Вот что говорит сам Комендант Кронштадтской крепости в своем рапорте об обстоятельствах, побудивших его к столь решительному поступку:

---

[1]) Дело М. И. К. № 14552, стр. 88.
[2]) Германский посол в Москве.
[3]) Предп. Воен. Сов. Сев. участка от 13/V—18 г. № 1348/382 м. на имя Наморси. Дело Генмора 1 оп. ч. № 80.

«14-го мая в 23 ч. 30 м. форт Ино был взорван по моему личному распоряжению. Я пришел к решению взорвать форт на основании следующих соображений: оперативного, политического и гражданского.

1) Форт Ино представляет из себя совокупность батарей, предназначенных совместно с батареями форта Красная Горка лишить германский флот возможности проникнуть в Кронштадт, который рассматривался как последнее убежище нашего флота. В силу такого назначения, форт Ино имел весьма сильный фронт на море и чрезвычайно слабую линию сухопутной обороны, состоящую из ряда опорных пунктов, расположенных в непосредственной близости от батарей, из коих только 12-ти дюймовая башенная была защищена с тыла. В месте наибольшего удаления сухопутной ограды от берега, глубина форта не превышает $1^1/_2$ версты; кроме того, фортовая гавань располагалась у восточной охраны форта вне линии опорных пунктов. 24-го апреля форт был окружен финскими войсками, передовые посты коих расположились в расстоянии около 250 шагов от башенной батареи с одной стороны, и в 100 шагах от гавани—с другой.

В ответ на требование командира финского отряда сдать форт, ему было отвечено отказом и принят ряд мер к созданию обороны форта, для чего на форт прибыл 6-й Латышский Тукумский полк—около 400 штыков, Новгородский красноармейский батальон — около 450 штыков, Выборгский красноарм. батальон—около 200 штыков и 125 пулеметчиков 1-го пулеметного полка. Из перечисленных частей, только Латышский представлял из себя организованную воинскую часть, прочие же являлись не дисциплинированными слабо обученными командами, не привыкшими исполнять без рассуждений получаемые боевые приказы. Кроме того, на форте имелось около 250 человек записавшихся во 2-й Кронштадский Артиллерийский дивизион, из коих удалось сорганизовать личный состав для 2-х батарей (Канэ). 12-ти и 10-ти дюймовые батареи остались без прислуги и взять ее было не откуда, ввиду полного отсутствия обученных людей. Вследствие невозможности использовать вышеупомянутые батареи, замки с них были сняты и увезены в Кронштадт, дабы, в случае внезапного захвата форта белой гвардией, эти орудия не могли бы быть обращены против Кронштадта.

Таким образом, значение форта в смысле возможности борьбы с флотом противника было сведено на нет. Весь вопрос сводился к выигрышу времени для возможно полной эвакуации с форта ценного имущества.

Опыт показал, что, при настоящем положении рабочих, продуктивность труда настолько упала, что для вывоза тяжелых орудий потребовались бы многие месяцы. Гарнизон же форта был занят устройством проволочных заграждений и рытьем окопов на восточном фасе форта, лишенном каких либо укреплений. Форт был минирован, для чего были заложены подрывные заряды общим весом в 300 пудов пироксилина; под основание башень было заложено по 24 пуда пироксилина. К взрыву предполагалось прибегнуть, как к последнему средству, дабы форт не попал в руки белой гвардии в нетронутом виде. За последние 4 дня уполномоченным по ведению переговоров со стороны финнов капитаном Доннером было трижды заявлено, что по имеющимся у него

официальным сведениям, форт должен быть передан Финляндии со всем вооружением, причем капитан Доннер настойчиво просил указать ему срок передачи форта. С другой стороны, вследствие недисциплинированности частей гарнизонта форта, не взирая на неоднократно отдаваемые приказания, непрерывно велась беспорядочная стрельба по району расположения финских войск, что вызывало неоднократные протесты финского командования.

12 мая командир финского отряда, расположенного вокруг форта Ино, майор Остерман, заявил, что в случае продолжения стрельбы, он не будет протестовать, а примет самые решительные меры. Таким образом мне пришлось считаться с возможностью захвата форта по инициативе командира отряда. При расположении белогвардейских постов в непосредственной близости форта и полной невозможности рассчитывать на мало мальски серьезное сопротивление со стороны коголибо, кроме латышей, являлась опасность внезапного захвата форта и следовательно порчи минных проводов, что лишило бы меня возможности взорвать форт.

Считаясь с этой возможностью и принимая во внимание, что дальнобойные орудия форта были обезврежены и бесполезны для нас, я пришел к решению взорвать форт, чтобы эти орудия не могли оказаться полезными для противника.

2. Из-за общего политического положения для меня было ясно, что в случае ультиматума германского правительства о передаче форта со всем вооружением, таковой ультиматум будет выполнен, а следовательно мне пришлось бы взорвать форт вопреки приказания свыше, т. к. передать его без взрыва я не считал возможным. Поэтому я решил произвести взрыв не ожидая приказания о его сдаче, дабы разрешить таким образом вопрос о форте Ино, и избавить Комиссариат по Иностранным делам от необходимости еще раз согласиться на исполнение германских требований.

Я считал, что, взрывая форт по своей инициативе, я беру на себя очень серьезную ответственность, но зато абсолютно лишаю германцев возможности тем или иным способом завладеть орудиями форта.

3. Я полагал, что бесконечные уступки, делаемые германскому правительству, приучат его к мысли, что в России не осталось людей способных причинить ему реальные неприятности, а потому считал своим долгом, как русского гражданина, использовать случай—доказать противное.

Приняв решение взорвать форт на основании вышеизложенных соображений, я принял все меры для того, чтобы взрыв окончательно разрушил форт, а с другой стороны — чтобы не пострадал гарнизон. Все работы по минированию форта были произведены заблаговременно и весьма тщательно. Эвакуация гарнизона началась с утра 14 мая, причем все распоряжения отдавались исключительно мною: к 5-ти часам вечера на форту оставались лишь латыши и часть артиллеристов, все прочие войска были вывезены, причем для сохранения в тайне предстоящего взрыва, до этого времени о нем знали только комиссар форта, комендант форта и командир и председатель фракции латышского полка. С 6-ти часов вечера началась эвакуация артиллеристов и ла-

тышей и к 9-ти часам вечера на форту остались только сторожевые посты латышей—всего около 30-ти человек. В 10 ч. 30 м. они были сняты с постов, на паровозе доставлены на пристань и отправлены в Кронштадт. В 10 ч. 40 м. я с некоторыми лицами командного состава и минерами покинули форт на яхте «Зарница» [1]). Взрыв форта должен был произойти в 11 ч. 30 м. вечера с минной станции, расположенной на форту Красная Горка, для чего был использован телефонный кабель, по которому был пропущен ток.

После отхода «Зарницы», на форту не осталось ни одного человека, и в продолжении 50 минут он был без охраны. Такой срок был необходим, чтобы дать время стоящему в 2-х верстах от форта крейсеру «Олег» сняться и отойти на безопасную дистанцию. Считаясь с риском порчи проводов белогвардейцами, и вместе с тем, зная расположение их постов и штаба, а также трудности найти минные провода в темноте, я считал срок в 50 минут недостаточным для предотвращения взрыва, если только о нем не было заблаговременно известно. Мои предположения оказались основательными и взрыв произошел в указанный срок.

Я находился в этот момент в 10—11 верстах от форта и ясно видел ряд одновременных взрывов по всей линии форта; через несколько секунд последовал громадный взрыв в расположении 6-ти и 12-ти дюймовых погребов и затем в продолжении часа—около 40 больших и малых взрывов. Полагаю, что форт Ино взрывами окончательно уничтожен и потерял всякое значение. Эвакуация гарнизона прошла совершенно спокойно, несчастий с людьми не было. Все продовольственные грузы были вывезены, со всех орудий были сняты замки.»

Комендант Кронштадской Крепости *Артамонов.*

В настоящее время еще не представляется возможным на основании архивных документов выяснить в точности те мотивы, которые руководили главными деятелями по делу взрыва форта Ино. Кронштадтский Совет Рабочих и Советских Депутатов тотчас же назначил особую комиссию под председательством тов. Гридюшко для расследования обстоятельств взрыва форта [2]), и на запрос председателя Комиссии, Старший Морской Начальник в Кронштадте ответил, что со своей стороны считал взрыв форта вызванным обстановкой и для того момента вполне своевременным [3]).

---

[1]) Небольшой крепостной пароход ледокольного типа, служивший яхтой Коменданта Кронштадской крепости (не смешивать с яхтой «Зарница», входившей во время империалистической войны в состав военного флота).

[2]) В архивных делах не удалось розыскать дел этой комиссии.

[3]) Дело М.И.К. № 14558.

ГЛАВА IV.

Завязка Гражданской войны.

(продолжение).

(Период от взрыва форта Ино до падения германского империализма).

Общая стратегическая обстановка в начале лета 1918 г. (май—июнь). Первые месяцы после окончательного оставления Финляндии проходили для флота в обстановке неопределенности и выжидания. Все старания морского командования были направлены к дальнейшему свертыванию флота, с целью оставить лишь боеспособное ядро, и к подготовке морских сил и береговых частей на случай возобновления военных действий. Ни Брестский мир, ни окончание Гражданской войны в Финляндии, торжественно об'явленное 17 мая главной квартирой белофиннов [1]), не давали гарантии прочного мира, долговременной «передышки». Военное командование предвидело в то время возможность начала боевых операций, и притом на два фронта: с одной стороны против немцев и финнов, с другой стороны—против «союзного» десанта на Мурмане [2]).

В описываемый период среди населения Финляндии происходило сильное брожение, причем боролись два течения: одно за скорейшее наступление на Россию, как только это позволит состояние дорог и будут окончены весенние полевые работы. Это течение—наиболее сильное, возглавлялось шведской народной партией и поддерживалось, будто бы, германцами; оно считало, между прочим, необходимым занятие финнами г. Петрограда, который, оставаясь в руках русских, представлял постоянную угрозу самостоятельной, но слишком слабо населенной, Финляндии.

Другое течение, также довольно сильное, обнимавшее старофиннов и аграриев, высказывалось против наступления на Россию, которая считалась ими все же достаточно сильною для того, чтобы рано или поздно отплатить Финляндии за ущерб, который последняя намеревалась ей причинить; указывалось, что Россия никогда не примирится с потерей Петрограда, а равно Мурманска, Олонецкой и Архангель-

---

[1]) М. С. Свечников. «Революция и гражданская война в Финляндии».

[2]) 24-го мая в Мурманске высадился английский десант под начальством ген. Пуля, о чем подробнее см. в описании операций Северо-Двинской флотилии.

ской губерний. Но с другой стороны, продовольственный вопрос стоял в Финляндии настолько остро и разногласия на почве дальнейшей внешней политики были настолько сильны, что назревала серьезная опасность возникновения новой гражданской войны в стране, и единственным выходом из создавшегося положения считалось скорейшее вторжение в пределы России, чтобы отвлечь внимание населения от внутренних неурядиц и об'единить враждующие партии, а также ослабить продовольственный и товарный кризисы. При этом предполагалось, что высадка английских и союзных войск на Мурмане ускорит вторжение, с целью возможно более быстрого перерыва сообщения по Мурманской жел. дороге и захвата Петрограда для того, чтобы воспрепятствовать или, во всяком случае, затруднить организацию и отправку на север подкреплений с нашей стороны союзным войскам. (В то время «союзники» официально действовали еще только против германцев). Помимо этого, замечались начавшиеся разногласия и борьба за власть между главными деятелями Финляндии: Свинхувудом, стоявшим во главе младофинской партии, которая выдвигала его в вице-короли Финляндии, и генералом Маннергеймом, опиравшимся на сильную Шведскую Народную партию (военная партия), которая добивалась назначения его военным диктатором Финляндии. Предполагалось, что скорейшее открытие военных действий против России предотвратит дальнейшее обострение отношений между названными деятелями [1]).

Высадка десанта «союзников» в Мурманске еще усугубила вероятность начала военных действий со стороны германцев и финнов, так как представляла серьезную угрозу дальнейшему закреплению германского влияния в Финляндии и вызывала опасения, что союзникам удастся создать новый восточный фронт; для противодействия этой угрозе, германцы и финны могли в свою очередь перейти к активным действиям с целью занять Междуозерный район и дальнейшим движением на Вологду преградить союзникам путь для операций от Белого моря в южном направлении. Что же касается до цели появлении союзников на нашем Севере, то она заключалась прежде всего в желании воспрепятствовать германцам овладеть Мурманом и портами Белого моря; вторая цель, более широкая и активная, лишь намечалась в то время: она заключалась в том, чтобы наступлением вдоль Мурманской железной дороги на Петрозаводск—Званку и от Онеги на Архангельск и Вологду, опираясь в тоже время на давление чехо-словаков с востока, поставить Советскую Республику в безвыходное положение и заставить ее держаться одной с союзниками политики; кроме того, эта главная цель подкреплялась мечтами о возможности создать новый восточный фронт против Германии и, в то же время, об установлении своего влияния на внутренние дела России. Откуда бы ни последовал нажим на Советскую Россию—со стороны ли германского или со стороны английского империализма—он был бы непременно сопряжен с оккупацией Петрограда, что ставило флот в почти безвыходное положение. Действительно, крайне малочисленная армия, защищавшая подступы

---

[1]) Дело М. И. К. № 15015, стр. 42. Отношение Морского Генерального Штаба по Морской регистрационной службе от 29 мая 1918 г. № 672.

к Петрограду, носившая официально обозначение «завесы», по плану должна была сразу же после начала военных действий отступать к востоку от города, лишь ненадолго задерживаясь на Парголовских и Гатчинских позициях и отдав Петроград во власть неприятеля. В случае наступления противника со стороны Карельского перешейка — бой должен был развиваться к северу от Петрограда, а при неудаче и отходе красных войск—бой перебрасывался в самый город.

Состав и группировка наших сил и сил германского империализма была в этот период следующая: *Неприятель.* [1]) На Нарвском направлении—около 6 пехотных дивизий, 1 кавалерийская дивизия и 1 самокатная бригада (50 батал., 24 эскадр., 100 легких и 48 тяжелых орудий); на Псковском направлении—около 7 пехотных дивизий (72 бат., 14 эск., 112 легких и 56 тяжелых орудий); со стороны Финляндии—имелись указания о присутствии около 2 пехотных и 2 кавалерийских дивизий (германских) и 5 батал. финских белогвардейцев (23 батал., 48 эскадр., 32 легких и 16 тяжелых орудий). Важнейшие оперативные направления немцев: первое — через Финляндию—Выборг—Петроград; второе—через Финляндию — Олонецк — Петроград; третье — Псков — Петроград; четвертое—Псков—Бологое—Ржев; пятое—южное побережье Финского залива—Петроград, при условии поддержки сухопутной операции—флотом. Петроградский район в то время делился на пять участков: Карельский, Ямбургский, Новгородский, Старорусский и Ново-Ржев-Сокольницкий, на которых состав сил достигал: 1) в составе Карельского участка численность всех войск: 3271 штыков, 178 шашек, 84 пулемета, 20 легких орудий, 8—37 м/м. орудий, 3 броневых машины и один бронепоезд; 2) Ямбургский участок: 3860 штыков, 589 шашек, 51 пулемет, 8 легк. орудий, 5 броневых машин и 15 аппаратов; 3) Новгородский участок: 937 штыков, 52 шашки, 65 пулеметов, 11 легких орудий, 2—37 м/м орудия; 4) Старорусский участок: 257 штыков, 150 шашек и 3 легких орудия; 5) Новоржевский участок: 3394 штыков, 150 шашек, 43 пулемета, 3 легких орудия. Кроме частей участков, в Петрограде находился Красный Корпус, численностью в 4438 штыков, 295 шашек, 17 легких орудий, 12 легких гаубиц, 8 тяжелых гаубиц, 4 тяжелых пушек, 46 аппаратов и 12 прожекторов [2]).

Ввиду слабости сил в распоряжении сухопутной обороны, Военный Совет Петроградского района, в согласии с Начальником Морских Сил, приступил к формированию морской бригады (4 батальона по 1.000 чел.), из состава гарнизона крепости Петра Великого.

При отходе наших сухопутных частей на восток, флоту ставились задачи: 1) облегчить отход поддержкой правого фланга Ямбургского участка, 2) обеспечить тыл армии, т. е. поддержать фланги Карельского и Междуозерного участков, защитить рубежи рек Невы и Свири, обеспечить войсковые перевозки по Ладожскому озеру и не допустить неприятельских перевозок. После выполнения этих двух задач и планомерного отхода сухопутных частей на восток, флот естественно оказался бы окруженным со всех сторон, так как дальнейшему отходу

---

[1]) В конце мая 1918 г.
[2]) Дело М. И. К. № 16039, стр. 36.

самого флота препятствовало мелководье внутренних водных путей. Поэтому перед флотом вставала третья задача—воспрепятствовать неприятелю захватить суда в неповрежденном виде и не дать ему возможности вывести из Кронштадта и Петрограда морским путем громадное количество ценных запасов и материалов, которые все равно не удалось бы полностью уничтожить; решение этой задачи заключалось в надежной закупорке Морского канала и фарватеров затоплением наших судов. Таким образом, Балтийский флот был уязвим более всего с суши, а не с моря, откуда всякая операция неприятеля все же была связана с известным риском для последнего.

Состав Морских Сил Балтийского моря. В соответствии с изложенными задачами и возможностью снабдить флот личным составом, топливом и другими необходимыми запасами, морское командование составило временное боевое расписание флота [1]), разделявшее все суда на 3 категории: на находящиеся в готовности, в резерве и на хранении. Несколько позднее, Морской Генеральный Штаб самостоятельно произвел подобное же распределение флота по категориям, а также рассчет личного состава, применительно к условиям мирного времени. Это распределение и рассчет были утверждены Высшим Военным Советом (20—VI).

Весь флот был разделен на 3 категории· а) действующий флот, б) вооруженный резерв и в) суда состоящие на долговременном хранении. Число команд для первой группы было определепо в 75% полной табели комплектации 1915—16 г., для 2-й группы—25% и для 3-й группы—10% той же комплектации. По такому расчету, на 1918—19 г. состав команды на всех морях (кроме Черного) достигал 16182 чел., вместо бывших до войны 66614 чел., (а к 1 января 1917 г.—154004, к декабрю 1917 г.—129744). Командный состав (без портовых и центральных учреждений) насчитывал строевых—1013 чел., инженер-механиков—163 и медиков—80.

Суда Балтийского флота по категориям распределялись следующим образом: 1 категория—в действующем флоте: 2 линейных корабля, 2 крейсера, 24 эскадренных миноносца, 3 подводных лодки, 4 заградителя, 4 тральщика, 4 сторожевых суда, 3 канонерских лодки, 11 транспортов, 3 посыльных судна, 2 яхты, 1 ледокол, 2 водолея, 44 буксира и катера; 2 категория—в вооруженном резерве: 4 линейных корабля, 1 крейсер, 3 эскадренных миноносца, 3 подводных лодки, 6 тральщиков, 3 транспорта; 3 категория—суда, состоящие на долговременном хранении: 1 линейный корабль, 6 крейсеров, 34 эскадренных миноносца, 13 подводных лодок, 3 заградителя, 5 сторожевых судов, 2 тральщика, 13 учебных судов, 10 транспортов, 5 ледоколов, 11 буксиров [2]).

Распределение это, оказавшееся не вполне соответствующим действительной необходимости, было по просьбе командования флотом несколько изменено и в окончательном виде боевое расписание Балтийского флота, сохраняя в общем вышеуказанное соотношение между

---

[1]) Приказ по флоту Балт. м. от 16/V—18 г. № 292.
[2]) Дело М. И. К. № 15765, стр. 149.

отдельными классами судов, предусматривало в составе действующего флота линейные корабли «Полтава» и «Андрей Первозванный», крейсера «Богатырь» и «Олег», 8 эскадренных миноносцев типа «Новик», 15 эскадренных миноносцев прочих типов, 6 подводных лодок, 8 минных заградителей, 12 тральщиков и целый ряд сторожевых и вспомогательных судов.

В отношении комплектования судов различных категорий личным составом, начальник морских сил также внес целый ряд изменений. По его мнению, вооруженный резерв судов должен был соответствовать бывшему «паровому отоплению», а хранение в портах—бывшей «сдаче к порту». С целью срочного приведения резервных судов и хранящихся в портах—в состоянии боевой готовности, начальник морских сил считал необходимым держать на них постоянно 100% личного состава по основной табели. Его подсчет личного состава, несмотря на последнее обстоятельство, являлся более экономичным: командный состав—700 чел., инженер-механиков—200 чел., врачей—80 чел., лек. помощников—96, санитаров—129, матросов—10.200. [1]) (Предложения и указания морского командования были проведены в жизнь лишь приказами по Балтийскому флоту. но не были подтверждены приказом центральных морских властей).

Дислокация флота. В начале рассматриваемого периода, непосредственно после прихода флота из Гельсингфорса, дислокация флота носила неорганизованный характер; затем, в связи с первыми тревожными слухами о возможности занятия Петрограда германцами и белофиннами, большая часть эскадренных миноносцев и мелких судов была переведена из Кронштадта в Петроград. Наконец, когда понемногу задачи флота начали вырисовываться более определенно и окончательно был установлен его состав—все суда были распределены между Кронштадтом, Петроградом и озерными районами. Боевое расписание на 1918 г. внесло еще большую ясность в вопрос о дислокации, и действующий флот составлялся тогда из следующих отдельных групп судов: 1) Морские Силы Кронштадта. Лин. кор. «Полтава» и «Андрей Первозванный», заградители «Нарова», «Ловать», «Урал» и «Волга», 7 эскадренных миноносцев, 6 подводных лодок, 4 тральщика (остальные суда — 3 линкора-дредноута, 2 линкора, 1 брон. крейсер, 4 крейсера, 2 заградителя и ряд вспомогательных судов—в резерве и на хранении); 2) Морские Силы Петрограда. Крейсер «Богатырь» и «Олег» (в резерве и на хранении: 2 крейсера, 12 подлодок, 22 эск. миноносца, строющиеся суда, тральщики, транспорты); 3) Морские Силы Невы и Ладожского озера. В действующем флоте—а) минная дивизия, лучшие эскадренные миноносцы (типа «Новик»): «Победитель», «Забияка», «Гавриил», «Константин», «Лейт. Ильин», «Кап. Изыльметьев», «Кап. Миклуха Маклай», и 4 эскадренных миноносца) и б) Невская речная флотилия: кан. лодки «Хивинец», «Храбрый» и «Грозящий», 3 эск. миноносца, дивизион моторных катеров с действующего флота (в резерве—8 эсминцев типа «Новик»); 4) База Шлиссельбург: дивизион сторо-

[1]) Дело М. И. К. № 63, стр. 122.

жевых судов (в составе 4 ст. судов типа «Куница»), 4 тральщика и около 20 различных вспом. судов; 5) Онежское озеро: 3 минных заградителя («Припять», «Яуза» и «Березина») и 4 эскадренных миноносца.

Воздушные силы. 27 апреля приказом Морского Генерального Штаба была упразднена, ввиду прекращения военных действий, воздушная дивизия Балт. моря, расформированы штабы бригад и отряд корабельной авиации. Из состава дивизии была сформирована воздушная бригада особого назначения, в составе трех дивизионов, из которых два дивизиона—по три отряда, и один дивизион—в два отряда (по шести аппаратов в отряде).

Место пребывания одного дивизиона—Ораниенбаум, одного дивизиона истребителей—Красное село и третьего дивизиона (двухотрядного)—временно г. Самара.

Оперативные задания флоту. В зависимости от общих задач флота при обороне Петрограда, вырабатывались более детальные оперативные задания отдельным его частям.

Первоначально, ввиду недостаточной ясности обстановки, постоянному ее изменению и отсутствию достоверной информации о вероятных противниках, не было выработано стройного плана кампании, и флот разновременно получал различные директивы, выработанные морским командованием совместно с Военным Советом Петроградского района (Военсовпет). В конце мая (21/V), Старший Морской Начальник в Кронштадте получил от морского командования директиву, согласно которой ему поручалось руководство подготовкой к обороне Кронштадта и его района и общее командование обороной его, в случае наступления противника; сама директива гласила следующее:

I. Подготовить все к выполнению плана постановки позиционного морского минного заграждения (план разработан в штабе нач. морских сил). Приказание о начале постановки будет отдано командованием, причем время для постановки дается не более двух дней. 2) При поставленном заграждении, у него надлежит иметь дозор сторожевых судов и миноносцев. 3) Заграждение должно защищаться линейными судами и за этим заграждением должен быть оборудован маневренный район. 4) Надлежит теперь же сделать разведку у берегов для выяснения пунктов, откуда судам возможно оказывать содействие берегу. 5) Подготовить вопрос о содействии судами—обороне Красной Горки со стороны сухого пути. 6) Разработать план затопления старых и вспомогательных судов при подходах к Кронштадтскому рейду. 7) Организовать воздушную разведку.

II. В отношении крепости надлежит: 1) Всемерно содействовать укомплектованию и вооружению фортов крепости. 2) Главное внимание обратить на внутренние форты, оборона которых является при данной обстановке весьма существенной и важной. 3) Разработать совместную с фортами стрельбу судов.

III. Кронштадт предположено защищать, даже в случае падения Петрограда и для обороны его надо сделать все возможное; однако, если средств не хватит противостоять упорной осаде и моральное состояние защитников будет не на высоте, то Кронштадтская крепость,

суда и склады подлежат полному уничтожению, дабы неприятелю не осталось ничего. Надлежит иметь разработанный план уничтожения. (Дополнительной директивой предписывалось в случае внезапного появления неприятеля в Кронштадтских водах — оказывать ему сопротивление, а в случае невозможности—приступить к уничтожению кораблей и порта). [1])

Согласно полученным указаниям, был разработан план уничтожения крепостных портовых сооружений, складов и другого оборудования, но все эти меры предполагалось привести в исполнение лишь после эвакуации населения Кронштадта, которому, несомненно, грозила бы опасность от взрывов. Одновременно предприняты были меры к ограждению гор. Кронштадта, судов и команд флота от шпионажа и террористических покушений. Предусмотренные той же директивой планы постановки минного заграждения в районе маяков Шепелевский-Стирсуден, были также вскоре утверждены (12 / VI) в следующем виде:

По получении радио «Выполнить операцию № 1», заграждается район мыс Осиновый—банка Диомид—маяк Стирсудден, причем ставятся мины большие и малые (против подлодок). Вся операция выполняется в ночное время в два приема: сначала заграждаются районы маяк Стирсуден—банка Диомид—входной фарватер и входной фарватер — мыс Осиновый (свободный фарватер для подхода—в красном луче маяка Шепелева, шириною 5 каб.); во вторую ночь усиливается район входной фарватер—банка Диомид глубоко поставленными минами против подводных лодок. Для постановки заграждений района Стирсуден — банка Диомид предназначался заградитель «Волга» (220 мин), для постановки заграждений района банка Диомид — входной фарватер — заградители «Нарова« (350 м) и «Урал» (360 мин) и, наконец, для последнего района—входной фарватер — мыс Осиновый — заградитель «Ловать» (80 мин). После окончания постановки, заградителям надлежало вернуться в Кронштадт, принять новый запас мин, и выполнить вторую часть операции, причем «Уралу» и «Волге» предстояло ставить мористую линию малых мин, а «Нарове»—вторую линию.

В то же время Старший Морской Начальник в Петрограде получил приказание Нач. Морских Сил разработать оперативный план на случай движения неприятеля на Петроград. Этот план должен был сводиться к следующему: 1) Крейсера «Баян» и «Адмирал Макаров» должны быть переведены в Морской Канал и поставлены в готовность для стрельбы по берегу, для оказания содействия сухопутным частям. 2) По особому приказанию, корабли эти должны быть затоплены для заграждения канала. 3) Крейсера «Олег» и «Богатырь» с началом боевых действий должны быть переведены в Кронштадт. 4) Надлежит наметить место для заграждения фарватеров в р. Неву прочими судами, как коммерческими, так и военными, которые будут находиться к этому времени в Петрограде и которых нельзя будет эвакуировать за мосты. 5) Вблизи мест в канале, назначенных для стоянок крейсеров «Баян»

---

[1]) Дело М. И. К. № 16038, стр. 32.

и «Адмирал Макаров», надлежит иметь наблюдательный пункт и организовать связь с командованием сухопутной обороны [1]).

В отношении воздушных сил, находившихся в распоряжении морского командования, последнее предложило начальнику воздушной бригады особого назначения принять следующие мероприятия на случай наступления неприятеля на Петроград и оккупации его:

А. Относительно Ораниенбаумского отряда. 1) Быть в тесном контакте с Начальником Морских Сил в Кронштадте и производить по его указанию разведки.

2) В случае наступления неприятеля и необходимости отступить в связи с отходом наших войск, летчикам на аппаратах вылететь в Ладожское озеро, а авиационной команде отступить в базу Шлиссельбург, где поступить в распоряжение начальника базы. В случае такого отхода, все оставленное в Ораниенбауме имущество должно быть уничтожено.

Б. Относительно школы высшего пилотажа в Красном Селе. 1) Войти в связь со штабом Военного Руководителя Петрограда и производить разведку в сторону Ямбурга и финляндской границы у Белоострова и севернее Свири.

2) По приказанию из штаба Нач. Морских Сил или военного руководителя Петрограда высылать отряды истребителей.

3) Теперь же озаботиться выборами операционных баз в районах Шлиссельбурга, Лодейного Поля и Ладоги.

4) В случае наступления неприятеля и отхода наших войск, уничтожить все оставляемое имущество, авиационным командам отступать совместно с армией, а летчикам с аппаратами вылететь в район, по указанию штаба Военного Руководителя Петрограда [2]).

В конце июня (30/VI) все перечисленные разновременные директивы были вновь пересмотрены, и, по соглашению Военного Руководителя с Начальником Морских Сил, Военный Совет Северного Участка и Петроградского района при совместных действиях военно-сухопутных и морских сил по обороне Северного участка поставил флоту следующие оперативные задания:

1. Оборона подходов к Кронштадту с моря и содействие огнем судовой артиллерии сухопутным частям, обороняющим южное и северное побережья Финского залива. (Старший Мор. Начальник в Кронштадте А. П. Зеленой).

II. Оборона Невской губы, устьев реки Невы и содействие огнем судовой артиллерии сухопутным силам на обоих побережьях губы, от меридиана города Кронштадта к востоку до мостов в Петрограде. (Старший Морской Начальник, Начальник 1 бриг. крейсеров — А. Н. Сполатбог).

III. Оборона реки Невы на всем ее протяжении и содействие сухопутным частям на данном участке. (Нач. Отр. судов р. Невы — П. И. Залесский).

---

[1]) Дело М. И. К. № 14552, стр. 249. План был разработан весьма подробно, но позднейшие директивы внесли значительные изменения. Окончательный план см. стр. 78, «План кампании на 1918 г.».

[2]) Дело М. И. К. № 16038, стр. 194.

IV. Оборона Ладожского озера, охрана побережья озера, устьев рек и входов в канал, поддержка сухопутных частей, опирающихся на озеро. (Старший Морской Начальник в р. Неве и Лад. оз.—Нач. Минной Дивизии—А. П. Екимов).

V. Оборона водного рубежа рек: Свири, Вытегры и Онежского озера и поддержка флангов сухопутных частей, опирающихся на озеро (эскадренные миноносцы, предположенные к посылке в состав этого отряда, по распоряжению Высшего Военного Совета подготовлялись тогда для отправки в Каспийское море, а заменяющие их суда—ремонтировались; Нач. Онежской флотилии—Д. И. Федотов).

Для выполнения первого задания, т. е. обороны подходов к Кронштадту Морским Командованием предполагались и подготовлялись следующие мероприятия:

А). Постановка трех родов мин заграждения в заливе, между маяками Стирсудден и Шепелевский.

Б). Несение сторожевой службы у минного заграждения миноносцами и сторожевыми судами.

В). В случае форсирования неприятельским флотом заграждения,—принятие боя всеми могущими выйти в море кораблями на этой позиции.

Для выполнения этих заданий, в тот период вследствие ремонта и значительного некомплекта личного состава на судах, могли выйти только: а) на постановку мин заграждения: «Урал», «Нарова», «Волга» и «Ловать»; б) для несения сторожевой и охранной службы—один дивизион миноносцев; в) выйти в море и принять бой—линейные корабли «Севастополь», «Полтава» и брон. кр. «Рюрик».

Для содействия сухопутным частям, оборонявшим южное побережье залива, предполагалось поставить для обстрела берега у батареи Серая Лошадь на бочках лин. кор. «Севастополь» и «Полтава». Предполагалось соединить телефоном береговые наблюдательные посты с кораблями и уже производились работы по организации стрельбы по квадратам. Обстрел северного берега, за неимением наблюдательных постов, надлежало производить по площадям линейным кораблем «Андрей Первозванный» и миноносцами, и с фортов «Обручев», «Тотлебен» и «Риф», с управлением огнем с форта «Тотлебен». Морское командование намеревалось по требованиям и указаниям сухопутного командования высылать миноносцы для обстрела побережья.

Для производства разведки, имелся в распоряжении морского начальника Ораниенбаумский отряд гидроаэропланов, хотя незначительный запас бензина (100 пудов) не давал уверенности в возможности пользования воздушной разведкой. В случае обхода неприятелем Кронштадта, или в случае полной потери надежды на оборону крепости, предполагалось произвести судами флота заграждение всех фарватеров и входов в гавань Кронштадтского порта.

Остальные суда, которые не были способны по своей осадке и величине самостоятельно войти и подняться вверх по реке для усиления отрядов обороняющих р. Неву и Ладожское озеро, надлежало привести в полную непригодность к использованию для военных целей.

Для выполнения II задания, т. е. обороны устьев реки Невы и Невской губы, предполагалось:

А) Установка на бочках в Морском канале крейсеров «Богатырь» и «Олег» для обстрела северного и южного побережья Невской губы, по указаниям и корректировке с береговых наблюдательных постов.

Б) В случае потери надежды удержаться на позиции под Петроградом, заграждение Морского Канала и всех фарватеров Невы—затоплением судов.

Для выполнения III-го задания, т. е. для обороны р. Невы, морским командованием был выделен отряд судов, который предполагалось установить по Неве в особенно важных пунктах. Судам этого отряда давались задания: оборона водного рубежа реки, обстрел правого берега, по указанию сухопутного командования, недопущение переправы неприятеля и прикрытие нашего отступления. К моменту отдачи директивы суда этого отряда еще не заняли свои места:

а) у Фарфорового завода—канонерская лодка «Хивинец», не прибыла вследствие ремонта, б) у кирпичных заводов—кан. лодка «Грозящий» — задержана у Обуховского завода, г) у Ивановских порогов — пароход «Бойкий»—задержан у Обуховского завода установкой орудий, д) у мызы Павлово, у местечка Московская Дубровка и у города Шлиссельбурга—угольные эскадренные миноносцы типа «Финн».

Для установки на перечисленные пункты, а также для несения охраны и сторожевой службы в реке и в базе Шлиссельбург, в отряд назначались эскадренные миноносцы «Финн», «Уссуриец», «Гайдамак», «Всадник», «Амурец» и «Туркменец Ставропольский», из которых (вследствие необорудованности базы Шлиссельбург для стоянки военных судов, как в смысле материального снабжения, так и в смысле кормления команд, а главным образом из за ремонта) в Шлиссельбурге посменно должны были находиться по два миноносца, несшие вышеуказанную службу, а другие стояли в Петрограде.

Для несения охранной и наблюдательной службы на участках реки между охранными судами, в отряде имелось пять быстроходных моторных катеров, находившихся в это время в Петрограде вследствие отсутствия бензина и орудий, и пять судовых паровых катеров, на которых производился мелкий ремонт механизмов.

Для наблюдения по всему течению р. Невы, организовывалась Служба Связи, устанавиливались наблюдательные посты и прокладывались телефонные линии для связи постов между собою и связи судов, несших охрану реки. (Из постов открыты были наблюдательные посты в местечке Пелла и Шлиссельбурге).

Для выполнения IV-го задания, т. е. обороны Ладожского озера и поддержки флангов сухопутных частей, опиравшихся на озера, флотом были выделены следующие суда:

а) стор. суда: «Куница», «Ласка», «Соболь», «Горностай», которые базировались на Шлиссельбург и охраняли Кошкинский фарватер и западное побережье озера, до финляндской границы.

б) Тральщики «Запал» и «Клюз», для траления, базировались на Шлиссельбург.

в) Подводные лодки «Вепрь» и «Тур» — для производства глубоких разведок, из них «Вепрь» в Шлиссельбурге, а «Тур» в ремонте (срок готовности 2 недели).

г) Для несения сторожевой службы в озере, из числа назначенных для этой цели 12-ти эск. миноносцев были готовы к походу только пять, а именно «Забияка», «Константин», «Свобода», «Гавриил» и «Изяслав», стоявшие на Неве выше мостов; их переход в озере задерживался отсутствием точного ограждения на Ивановских порогах и не оборудованностью базы Шлиссельбург для обслуживания такого числа судов. Остальные миноносцы задерживались производством ремонта, окончание которого на миноносцах «Азард», «Лейтенант Ильин», »Капитан Изыльметьев», «Десна», «Самсон», «Капитан Миклуха-Маклай» можно было ожидать через две — три недели, на эск. мин. «Автроил»—через три месяца, а на эск. миноносцах «Победитель» и «Орфей» срока указать было нельзя.

В виду неготовности многих мелкосидящих судов флота, ремонтировавшихся чрезвычайно медленно после перехода во льду из Гельсингфорса, временно для усиления сторожевой и дозорной службы по восточному побережью Ладожского озера предполагалось выделить часть пароходов торгового флота Шлиссельбургского и Ладожского районов, на передачу которых последовало уже согласие Петроградской Трудовой Коммуны. Пароходы предполагалось вооружить мелкой артиллерией.

Для освещения восточного побережья Ладожского озера, морское командование временно выделяло два миноносца из числа судов, назначенных для охраны Невы.

За неимением в Ладожском озере достаточного числа мореходных судов, ранее не представлялось возможности поставить на должную высоту охранную службу, и неслась лишь охрана Кошкинского фарватера и западного побережья озера; в тоже время без наблюдения оставались восточная и южная части, так как за отсутствием в этих частях на русской территории бухт и баз для укрытия от непогод, разведки могли производиться только мореходными судами.

В самом непродолжительном времени ожидалось открытие постов службы связи в наиболее важных пунктах побережья, в устьях рек Волхова, Свири, в Лодейном поле, а также для разведок намечалась доставка в Шлиссельбург, Новую Ладогу и Лодейное поле гидроаэропланов. Морское командование предполагало, в случае открытия военных действий, немедленно занять острова в северной части озера, главным образом, Валаам, Коневец и группу Манчин-Саари.

Для выполнения V-го задания, т. е. для обороны Онежского озера и водных рубежей Свири и Вытегры, морское командование не могло предоставить судов, за неименнем в готовности таких, которые могли бы пройти через пороги реки Свирь; заградители же «Припять», «Яуза» и «Березина» находились в ремонте, причем срок готовности первого из них был две недели.

Для формирования Онежской флотилии Морским Отделом Штаба Северного участка и Петроградского района были назначены пароходы речного транспорта, на передачу каковых получено было согласие Петроградской Коммуны. На эти пароходы, числом около 10, устанавливалась 75 м/м или 47 м/м артиллерия и пулеметы. Кроме того, для обороны водных рубежей Северного участка, Морским Отделом Штаба формировались озерно-речные флотилии Волхов-Ильменская и

Волжско-Селигерская. Флотилия Волхов-Ильменская должна была нести оборону водных рубежей рек Волхова, Ловати, Мсты, Сязи и озера Ильмень.

Волжско-Селигерская флотилия имела назначением несение обороны водных рубежей в верховьях реки Волги и ее притоков Мологи, Шексны, Селигеровки и озера Селигер [1]).

Для планомерного и срочного осуществления намеченных задач с технической стороны требовалось:

1) Ускорить ремонт судов на заводах, для чего необходима была доставка топлива, сырья и увеличения отпуска кредитов на ремонт, оборудование баз флота в озерных портах Шлиссельбурге, Новой Ладоге, Лодейном Поле, устьи Вытегры, Вознесеньи и работ по службе связи. 2) Доставка бензина для надобностей гидроавиации и для автомобильных отрядов, бензина или смеси для обслуживания грузовых автомобилей, занятых перевозкой срочных грузов и при работах по установке телефонной связи. 3) Обеспеченная доставка в Новую Ладогу (ст. Званка) и к устью р. Вытегры барж с нефтью, пригодной для горения в судовых котлах (мазут). 4) Обеспечение провизионным запасом новых баз флота в Шлиссельбурге, Новой Ладоге, Лодейном Поле, Петрозаводске, Вознесеньи и наличие их в тыловых интендантских складах на учете для флота. 5) Предоставление военным ведомством технических средств, как то: кабели, провода, телефоны, телеграфные аппараты Юза и искровые станции, для оборудования связи по восточному побережью Ладожского озера,—в Новую Ладогу, и по северо-западной части Онежского озера — в Повенец, Петрозаводск, Лодейное поле, Вознесенье и устье Вытегры. 6) Привлечение технических средств водного округа путей сообщения по ограждению порогов на р. Неве для прохода больших миноносцев в Ладожское озеро и меньших—в Онежское. 7) Выделение организованной боевой сухопутной части в распоряжение морского командования для переброски ее, в случае занятия о-ва Валаама, Коневца и группы о-вов Манчин-Саари, для охраны баз с берега. 8) Точное установление способа связи военных руководителей сухопутных сил района с морским командованием, их поддерживающим со стороны водных районов. 9) Ассигнование Начальникам озерно-речных флотилий кредитов на ремонт и доставку плавучих средств, на наем помещений и на содержание личного состава по штатам.

План кампании на 1918 г. [2]) К началу июля стали проявляться признаки обострения отношений Германии к Советской России (19-го июня в Москве был убит германский посол Мирбах) и к этому времени морское командование разработало «План кампании на 1918 г.», позволявший проводить все операции по обороне подступов к Петрограду и по их заграждению с полной планомерностью и целесообразностью. План этот охватывал все операции, предстоявшие флоту по различным поставленным ему заданиям, для выполнения которых Начальник Морских Сил, получив известие о начале военных действий.

---

[1]) Об этих флотилиях даны подробные сведения во 2 части настоящего тома.
[2]) Дело М. И. К. № 16038, стр. 60.

а также соответствующие указания из Москвы или от Высшего Военного Совета, должен был послать радио: *Всем*—«Выполнить оперативное приказание № 1». (Это приказание надлежало передать также по Юзу и всеми другими способами).

Главнейшие мероприятия и действия, подлежавшие выполненю по получению этой радио, предусматривались «Планом кампании» в следующем виде:

А. Для Кронштадта.

«Для воспрепятствования неприятельскому десанту, а также для обеспечения побережья от обстрела неприятельским флотом, выставляется минное заграждение между Шепелевским и Стирсудденскими маяками. Операция производится под охраной форта Красная Горка, л. к. «Андрей Первозванный», эск. миноносцев: «Войсковой», «Украина», «Эмир Бухарский», «Легкий«, «Меткий», «Мощный», «Ловкий», и 4 подводных лодок. Так как миноносцы находятся в ремонте и к моменту начала операции могут оказаться не готовыми, то Старшему Морскому Начальнику предоставляется право выслать все те исправные миноносцы, которые окажутся в это время в Кронштадте. О количестве исправных миноносцев Старший Морской Начальник немедленно по получении радио доносит Начальнику Морских Сил, который, в случае их малого количества, высылает миноносцы из Петрограда.

Л. к. «Андрей Первозванный» и «Полтава» должны иметь все время не менее 0,8 полного запаса угля. Тоже самое касается снабжения топливом всех предназначенных для операции миноносцев и подводных лодок.

С момента выхода заградителей, л. к. «Андрей Первозванный» в гавань больше не возвращается и одновременно приступается к заграждению фарватеров, как ниже указано [1]). Заграждение фарватеров производится по следующему плану:

1. Вход на Большой рейд. В воротах ряжей подрываются и затопляются: «Нарова», «Волга», «Ловать», «Аргунь», »Урал«, и «Онега» (блокшив № 9).

2. Между Кронштадтом и фортом Меньшиков. 1-я линия (с моря) «Диана», «Аврора», «Память Азова»; 2-я линия — «Освободитель», «Народоволец» и «Азия». Между линиями затопляются баржи и мелкие буксиры, загруженные ломом железа и камнями.

3. В воротах гаваней: а) Каботажной—внутренняя брандвахта; б) Купеческой — «Петр Великий»; в) в Лесных воротах — «Заря Свободы»; г) в Военных воротах — «Африка»; д) в Воротах Усть-Канала баржа с канцелярией Завед. гаванями и суда, стоящие в Петровском доке; е) в воротах, ведущих из Средней гавани в Купеческую—2 транспорта из числа стоящих в Купеческой гавани; ж) в про-

---

[1]) Только п. 2 (заграждение фарватеров между Кронштадтом и фортом Меньшиков), не выполняется полностью, а также производятся только подготовительные действия по п. 3 (Лесные ворота) и п. 4 (проход между фортами № 4 и 5). Это делается для того, чтобы заградители могли бы зайти в гавань за минами для постановки второй линии заграждения и снова выйти. Проход между фортами №№ 4 и 5 оставляется для миноносцев, которым придется может быть долго оставаться в море и пополнять свои запасы.

ходе из Средней в Военную — «Терек»; з) Средние ворота — баржи с углем и ломом железа; и) Бастион—транспорт; к) Бастион в Военной гавани — старый ботапорт; л) Перед Николаевским доком—плавучие краны.

4. Северные фарватеры. Если позволит время, проходы между ряжами заграждаются затоплением барж с камнем и ломом железа.

Использование именно указанных здесь кораблей не является обязательным и старшему морскому начальнику предоставляется право их заменить другими судами, из числа стоящих в Кронштадте. Все корабли, которые затопляются для заграждения фарватеров, основательно разрушаются взрывами, что сделает под'ем их в целом невозможным.

Лин. кор. «Андрей Первозванный» и миноносцы «Войсковой», «Украйна», «Эмир Бухарский» имеют задачею не только охранять заградители, но также поддерживать фланги Карельского участка. Миноносцы «Ловкий», «Меткий», «Мощный», «Легкий» и подводные лодки несут сторожевую службу у заграждения, т. е. не дают неприятельским подводным лодкам пройти его и предупреждают нейтральные суда об опасности. Если еще до окончания постановки заграждения неприятель начнет наступление на Карельском участке, то охрана заградителей переходит только к форту Красная Горка, а «Андрей Первозванный», «Войсковой», «Украина» и «Эмир Бухарский» занимают свои места к северу от о-ва Котлин, где совместно с северными фортами крепости поддерживают левый фланг Карельского участка. Подробный план этой операции должен быть разработан Старшим Морским Начальником совместно с руководителем Карельского участка. Общая схема плана должна быть представлена Начальнику Морских Сил.

Охрана минного заграждения от неприятельских тральщиков и от прорыва неприятелем возлагается на форт Красная Горка и подводные лодки. Одновременно с получением радио «исполнить оперативное приказание № 1» приступается к полной эвакуации населения Кронштадта и команд судов, стоящих в гавани, которые не будут заняты заграждением фарватеров. Команды направляются в Петроград в Крюковские казармы, откуда поступают по указанию Военного Руководителя на пополнение сухопутной армии. Эвакуация из Кронштадта в Петроград производится через Ораниенбаум, Петергоф и Лисий нос.

Б. Для Петрограда.

Крейсера «Олег» и «Богатырь» высылаются в Морской Канал, где занимают позиции и поддерживают огнем правый фланг Ямбургского участка. (Подробный план разрабатывается Старшим Морским Начальником, совместно со штабом Военного Руководителя Петроградского Округа). Приступается к заграждению фарватеров по следующему плану [1]):

1. Морской канал. Вход между дамбами—крейсер «Богатырь»; начало молов Коммерческого порта—крейсер «Олег»; вход из Невы—крейсер «Адмирал Макаров» и транспорт «Волхов».

---

[1]) Подробная инструкция для затопления судов была выработана позднее; инструкция для затопления строившихся судов, стоявших у различных судостроительных заводов—дело М.И.К. № 16038, стр. 191—193.

2. Корабельный фарватер: а) Выход из р. Невы—крейсер «Баян», пос. с. «Кречет», и яхта «Штандарт»; б) выход в залив — Невский плавучий маяк.

3. Гребной фарватер. Все мелкие суда, находящиеся с внешней стороны Морского Канала.

4. Галерный фарватер: а) у выхода из р. Невы—«Полярная Звезда», «Ермак», «Амур»; б) у выхода в залив — миноносцы резервной дивизии.

5. Петровский фарватер: Баржи Петроградского Порта с камнями и мусором.

6. Елагинский фарватер: Баржи Петроградского порта с камнями и мусором.

В. Для Невы и Ладожского озера.

Приводятся в полную боевую готовность те силы, которые должны защищать Неву, Ладожское озеро и Онежское озеро, т. е.:

I. В Неве.

1) канонерские лодки «Хивинец», «Храбрый», «Грозящий»; 2) миноносцы «Финн», «Москвитянин»; 3) 8 вооруженных моторных катеров; 4) сторожевые суда «Выдра» и «Ласка»; 5) четыре вооруженных буксира; 6) 8 вооруженных судовых паровых катеров. (Начальник восточной и средней части Невы. совместно с руководителем Карельского участка разрабатывает подробный план связи и совместных действий с руководителем Карельского участка и Штабом Военного Руководителя Петроградского Округа).

II. В Ладожском озере.

Эск. мин. «Туркменец Ставропольский» (флаг Ст. Мор. Нач. Невы и Ладожского озера): 1-й дивизион эск. мин. «Победитель», «Забияка», «Орфей», «Константин»; 2-й дивизион эск. мин. «Десна», «Самсон», «Азард»; 5-й дивизион эск. мин. «Гайдамак», «Амурец», «Уссуриец», «Всадник»; дивизон сторожевых судов «Хорек», «Куница», «Соболь», «Горностай» и две подводные лодки.

На эти суда возлагается следующая задача:

1) воспрепятствовать неприятельским десантам и перевозкам войск; 2) обеспечить наши собственные перевозки войск и 3) на западном и восточном побережьях озера поддерживать фланги Карельского и Междуозерного участков.

При этом, Старший Морской Начальник входит в тесный контакт с руководителями Карельского и Междуозерного участков и разрабатывает совместно с ними подробный план, общую схему которого он представляет Начальнику Морских Сил [1]).

---

[1]) Приведенное здесь разделение Морских Сил Невы и Ладожского озера на две категории, отдельно для Невы и отдельно для Ладожского озера, не являлось обязательным для Старшего Морского Начальника, имевшего полное право перебрасывать по мере надобности силы из Невы в Ладожское озеро.

Г. В Онежском озере.

Здесь формируется Военным Руководителем Округа особая фло-тилия из реквизированных пароходов, в задачи которой входит защита рубежа реки Свири и действия на Онежском озере. Флот всемерно со-действует этому формированию не только материальной частью, но и судовым составом. Сюда предназначены заградители «Припять» (в краткосрочном ремонте) «Яуза» и «Березина» (оба достраиваются в Лодейном Поле) и эск. миноносцы «Дельный», «Деятельный», «Расто-ропный» и «Сторожевой» (все четыре—в ремонте).

Д. На всем театре.

По получении радио «исполнить оперативное приказание № 1» на всех судах, которые не принимают участия в выполнении загра-ждения фарватеров или боевых действиях, открываются кингстоны и корабли садятся на дно [1]).

Для вспомогательных операций в распоряжении Начальника Мор-ских Сил имеются еще следующие суда:

1. Отряд траления: яхта «Стрела» и тральщики «Запал», «Клюз», «Ударник», «№ 24», «Китобой», «Невод», «Якорь» и «Гарпун».

Суда этого отряда по мере надобности находятся в распоряжении Старших Морских Начальников Кронштадта, Невы и Ладожского озера.

Назначение их в Кронштадте—обеспечить заградители при испол-нении ими своей операции от мин, выставленных неприятельскими подводными лодками, а в Ладожском озере—борьба с возможными не-приятельскими минными заграждениями.

Е. Авиация.

В распоряжении флота имеется Ораниенбаумский отряд (12 гидро-аэропланов) и школа высшего пилотажа в Красном Селе (около 60-ти сухопутных аппаратов и истребителей).

На Ораниенбаумский отряд возлагается морская разведка в районе Кронштадта. Кроме того, он выставлеят три поста в два аппарата каждый,—в Шлиссельбурге, Лодейном Поле и Новой Ладоге.

Школа высшего пилотажа формирует разведчиков и истребителей. Разведчики должны, базируясь на Шлиссельбург, Лодейное Поле и Красное Село, освещать Карельский, Междуозерный и Ямбургский участки. Истребители базируются на Красное Село и высылаются по мере надобности распоряжениями Штаба Военного Руководителя Петро-градского Округа или Штабом Морских Сил.

В настоящее время базы для сухопутных аппаратов в Шлиссель-бурге и Лодейном Поле еще нет и они только еще подыскиваются. Гидроаэропланы же могут уже сейчас действовать.

Ж. Служба связи.

Формируется восточный район Службы Связи, который должен выставить целый ряд постов в Финском Заливе, по Неве, Свири и в Ладожском озере.

---

[1]) Дело М. И. К. № 15015, стр. 113.

Оперативное приказание № 2.

Когда армия отойдет на новые позиции, или если Начальник Морских сил увидит, что положение настолько угрожающе, что можно ожидать захвата судов,—он посылает вторую радио: «Всем. Исполнить Оперетивное Приказание № 2». По этой радио делается следующее:

I) На всех судах закладываются патроны и делается проводка для взрыва погребов с боевыми запасами. Последнее выполняется гальваническим способом тогда, когда все люди покинут корабль. Команды судов, по выполнении этой работы, формируют сухопутный отряд и отступают теми способами, которые будут еще доступны, на линию Волхова. Линейный корабль «Андрей Первозванный», миноносцы и подводные лодки, находящиеся при нем, до последней возможности поддерживают огонь по неприятелю, а потом также взрываются и топятся. Тоже самое касается Морских Сил Невы и Ладожского озера. Исключение составляют те суда, которым осадка позволяет пройти в реку Свирь и далее в Онежское озеро. Команды лин. кор. «Андрей Первозванный» и миноносцев эвакуируются на специально назначаемых старшим морским начальником в Кронштадте буксирах и сторожевых судах в Ораниенбаум и Петергоф, или куда представится возможным в зависимости от обстановки.

II) В портах. Закладываются подрывные патроны и взрываются все важные сооружения (мастерские, доки и т. п.). Подробные планы разрабатываются на местах и представляются Начальнику Морских Сил.

III) В Кронштадтской крепости. Взрываются все форты и погреба с боевыми запасами. План представляется Начальнику Морских Сил.

IV. Авиация. Гидроаэропланы вылетают в Онежское озеро. Сутопутные аппараты вылетают на место по указанию Военного Руководителя Петроградского Округа. Команда присоединяется к армии.

Все действия, производимые по второй радио, об'единяются Старшим Морским Начальником в Кронштадте в руках одного лица—Главного Руководителя по уничтожению судов порта и фортов в Кронштадте. В Петрограде все эти действия ложатся на местного Старшего Морского Начальника».

Военный Совет Петроградского района тогда-же (13/VI) признал все мероприятия, разработанные в плане, и их последовательность, вполне отвечающими обстановке и со своей стороны добавил, что считает необходимы: во первых, чтобы Старшие Морские Начальники в Кронштадте и Петрограде установили надежную связь с военными руководителями Карельского и Ямбургского участков, обеспечивающую согласованность их действий и чтобы Морские Начальники были бы осведомлены о моменте, когда содействие флота явится уже бесполезным и им можно приступить к выполнению следующего по плану оперативного распоряжения.

Во вторых, чтобы морские команды, освобождающиеся с судов флота в Кронштадте, в случае выполнения «оперативного приказания

№ 2», направились бы организованными частями по возможности в баржах до Усть-Ижоры (вверх по Неве), где Старшему Морскому Начальнику этих команд надлежало поступить в распоряжение военного руководителя Карельского участка. В третьих, чтобы были доставлены сведения о вероятной численности этих команд для заготовки на них продовольствия в Усть-Ижоре и других пунктах [1]).

Состав морских сил противника, их дислокация и задачи. Состав германских морских сил, базировавшихся на порты Финского залива, и задания, поставленные им германским морским командованием, не были в то время в точности известны [2]).

Несколько позднее (в августе), по донесению командиров коммерческих судов, [3]) на Биорке базировались 2 германских крейсера (повидимому «Штральзунд», «Грауденц»), 7 эскадренных миноносцев, 4 тральщика, около 20 моторных тральщиков, 1 госпитальное судно и 1 ледокол (по другим сведениям, кроме того в Финском заливе видели линкоры типа «Виттельсбах», что весьма вероятно, так как к концу мировой войны германцы использовали эти старые линкоры в качестве маток для моторных катеров—тральщиков, снабдив их сильными под'емными средствами и оборудовав специальные надстройки для под'ема и установки на них таких катеров).

Повидимому, главной задачей германских морских сил являлось наблюдение за Красным Балтийским флотом, охрана финляндского и эстонского побережий и тральные работы для очищения торговых путей Балтийского моря и Финского залива от русских мин, мешавших торговому судоходству и ввозу в Германию столь необходимого ей сырья и продовольствия. Тральные работы являлись, несомненно, первейшею задачею германского морского командования, что видно хотя бы из неоднократных требований германского правительства сообщить ему все планы наших минных заграждений в Балтийском море и Финском заливе, согласно Брестскому договору. По этому договору, каждая из договаривающихся сторон должна была производить очистку Балтики от мин, ею поставленных, своими средствами. Это условие было нарушено Германией, заключившей особый договор с Финляндией, без нашего ведома и участия, вследстствие чего все захваченные у нас Германией в Гельсингфорсе средства траления были переданы ею Финляндии. Морской Генеральный Штаб, ввиду такого нарушения Брестского договора, на все требования германского правительства выдать ему планы наших минных заграждений, очищение которых при новых условиях возлагалось на Финляндию,—отвечал отказом. Командование Балтийским флотом считало, что, если Высший Военный Совет не предполагает в будущем операций в Финском заливе и Балтийском море, то планы наших минных заграждений в наших бывших водах можно было бы сообщить германскому правительству. Морской Генеральный Штаб, со своей стороны, предложил регулирование всего дела траления

---

[1]) Дело М. И. К., 16031, стр. 59.

[2]) В настоящее время этих сведений также нет в нашем распоряжении и лишь с выходом в свет последних томов официальной германской истории мировой войны на море, этот вопрос удастся выяснить.

[3]) Дело М. И. К. № 15765 стр. 243.

поручить целиком Русско-Германской Комиссии в Берлине. Имея в виду, что важный вопрос о демаркационной линии в Финском заливе заведомо тормозился германским правительством, Морской Генеральный Штаб запрашивал Военный Совет: 1) Продолжать ли отказывать в выдаче планов, что может становиться все труднее и труднее; или же—2) согласиться на выдачу планов, но поставить это в зависимость от заключения соглашения о демаркационной линии, или же—3) предложить еще раз Германии решить все вопросы по Морской части, связанные с Брестским договором, в особой Русско-Германской Комиссии в Берлине. На этот доклад Высший Военный Совет предложил: 1) Продолжать оттягивать до последней возможности определенный ответ относительно выдачи планов минных заграждений; 2) В случае, если по обстановке придется по приказанию Совета Народных Комиссаров дать определенный ответ Германии, то непременным условием выдачи планов должно быть: а) установление демаркационной линии в Финском заливе и б) замирение с Финляндией под гарантией Германии. [1]) (Немцы лишь 14-го августа согласились на созыв комиссии в Либаве из представителей России, Германии и Финляндии). [2])

На Ладожском озере в распоряжении бело-финнов имелись лишь торговые суда, пригодные для установки на них мелкой артиллерии и для перевозки десантных войск. По агентурным данным, Финляндия располагала следующими перевозочными средствами для переброски в случае надобности войск через Ладожское озеро: пароходы «Валаам», «Коневец», два монастырских парохода «Сергий» и «Николай» и пароходы «Огтава», «Който», «Карьяла», «Ладога», «Конкордия», «Выборг» (Випури), «Янас-Лахти», «София», «Истава», «Хаапана» и целый ряд буксиров, крытых барж, парусников и лайб, приспособленных для перевозки войск и могущих вместить до 20.000 человек. Все перечисленные суда находились в 1918 году на зимовке в Сердобольской бухте и базировались на нее в своих передвижениях по Ладожскому озеру. Топливом они были обеспечены вполне (так как отапливались дровами).

Морской Генеральный Штаб предложил морскому командованию принять меры к своевременному уничтожению этих судов нашими минными судами. [3]).

Деятельность Красного Балтийского флота в период с мая по июль. Оперативные планы и план кампании, разработанные морским командованием, не пришлось воплотить в жизнь в рассматриваемый период, и деятельность нашего флота развернулась в сравнительно скромных размерах, допускавшихся условиями Брестского мирного договора. Флот подготовлялся к намеченным заградительным операциям и нес дозорную и разведочную службу на Финском заливе и на Ладожском озере.

Особенное внимание было обращено на район Ладожского озера. Здесь, базируясь на Шлиссельбург, с начала июня находились постоянно

---

[1]) Дело М. И. К. № 15675, стр. 170.
[2]) Дело М. И. К. № 63, стр. 146.
[3]) Дело М. И. К. № 15766, стр. 15.

2—4 эскадренных миноносца и 4 сторожевых судна, для дежурства на озере и наблюдения за побережьем до финляндской границы. Эти суда получили инструкцию:

1) Нести сторожевую службу в районе по усмотрению Нач. Морских Сил реки Невы и Ладожского озера; 2) Боевые действия первыми ни в коем случае не начинать; 3) Суда, направляющиеся в наши воды, останавливать и осматривать и, только в случае явно враждебных намерений с их стороны, принимать репрессивные меры, вплоть до применения оружия.

Кроме того, в глубокую разведку отправлялись наши подводные лодки. Почти с самого начала описываемого периода морское командование стало получать сведения о будто бы строившейся финнами в Сердоболе подводной лодке. Так, 27-го июня т. Троцкий сообщил Главнокомандующему, что по сведениям разведки, в Ладожской озере будто бы происходит сборка подводных лодок, причем одна из них плавает уже под финляндским флагом; если бы данные разведки подтвердились и было бы установлено, что подводная лодка находится под финляндским флагом, то Высший Военный Совет предлагал принять самые решительные меры к уничтожению ее, а также к недопущению продолжения работ по дальнейшей сборке подлодки. В случае необходимости предпринять решительные шаги по уничтожению подводных лодок, предлагалось произвести эту операцию с полным сохранением тайны.

Начальник Морских Сил Балтийского моря на эту директиву ответил, что им посланы в разведку наши подводные лодки, но что воспрепятствование открытой силой работе по сборке подводной лодки на финляндской территории и ее уничтожение явились бы с нашей стороны открытием военных действий, на что он просил дать ему точное исчерпывающее приказание, тем более, что уверенности в присутствии подводной лодки нет, так как дозорные суда сами ее не видели. Нашим подводным лодкам даны были точные инструкции: не открывать огня первым, но в случае явно неприязненных действий— не останавливаться перед открытием огня. [1])

Кроме того, для усиления разведки вдоль Северного побережья Ладожского озера, как агентурной, так и воздушной, предприняты были следующие меры: 1) Организовывалась агентурная разведка в Финляндии и Карелии. 2) Была послана в район Ладожского озера воздушная разведка и организовывались базы для воздухоотрядов в Шлиссельбурге, Лодейном поле и в Ладоге. 3) Послана была на разведку в Ладожское озеро подводная лодка. 4) Сторожевую службу в Ладожском озере несли 4 угольных миноносца, 4 сторожевых судна и одна подводная лодка.

Ощущалась крайняя необходимость в скорейшем проведении штатов службы связи, открытии кредитов на оборудование базы, открытии контр-разведки в Шлиссельбурге и пересылке бензина для авиации, за полным отсутствием какового невозможна была воздушная разведка. [2])

Однако, бело-финны в действительности, повидимому, не предполагали в то время никаких операций на Ладожском озере, а наша

[1]) Дело М. И. К. № 15766, стр. 42.
[2]) Дело М. И. К. № 15765, стр. 170.

подводная лодка, заходившая в Сердоболь, не обнаружила там никаких признаков строившихся подводных лодок. [1])

В Финском заливе за эти месяцы германский флот вовсе не показывался в виду нашего побережья и наших судов.

Обострение отношений с Германией (июль—август). Неопределенные отношения с Германией неожиданно обострились и создавшаяся обстановка легко могла повести к открытому разрыву: 9-го июля в Москве был убит левыми эсерами дипломатический представитель Германии граф Мирбах. Советское правительство выразило Германскому свое сожаление и негодование по поводу этого убийства. Возникло опасение, что Германией будут предприняты аггресивные шаги. [2]) Высшее Военное и Морское Командования поспешили принять ряд предохранительных мероприятий, и уже с 11-го июля Начальник Морских Сил установил дежурство 1 линкора, 1 минного заградителя и одного эсминца на внешнем рейде Кронштадта. [3])

15-го июля Высший Военный Совет постановил, ввиду возможного обострения отношений с Германией, принять меры предосторожности и быть готовыми к выполнению разработанных планов: предписывалось минные заграждения пока не ставить, но иметь необходимые суда в полной готовности к постановке по первому требованию; суда и средства, предназначенные для заграждения фарватеров и входов,—установить немедленно близ намеченных пунктов, но самого заграждения также пока не производить. Ввиду этого постановления, Начальник Морских Сил приказал немедленно приступить к разводке судов по местам, а отряду заградителей—быть в суточной готовности и проверить инженерные минные заграждения.

16-го июля Высший Военный Совет Республики, ввиду сложившейся тревожной обстановки, разослал следующую директиву:

Ввиду признаков возможного в ближайшем будущем общего наступления противника, Высший Военный Совет приказывает: 1) Во всех частях завесы перегруппировать войска таким образом, чтобы наиболее важные пункты и направления были заняты наиболее надежными частями при твердых и опытных в боевом отношении начальниках, войска на важных пунктах и направлениях расположить в боевом порядке, выделив необходимые резервы; в передовых частях и резервных окопаться и создать необходимые опорные пункты, обратить самое серьезное внимание на достижение перекрестного обстрела всех подступов ружейным огнем, а также совместным огнем пехоты, пулеметов и артиллерии, где возможно необходимо при менять фланговый огонь пулеметов. 2) Усилить меры разведывания, дабы наступление противника не захватило наши войска внезапно и врасплох. 3) Принять меры самого бдительного охранения, не изматывая однако части чрезмерными нарядами на охранения. 4) Установить между частями прочную связь по фронту и в глубину и сообщать друг другу все необходимые сведения относительно обстановки и выработанных планов действий, дабы достигнуть полной согласованности в действиях соседних частей.

---

[1]) Дело М. И. К. № 62, стр. 6.
[2]) Дело М. И. К. № 16038, стр. 74/75 и № 15015, стр. 89.
[3]) Дело М. И. К. № 16038, стр. 64.

5) Принять меры, чтобы все части с их начальниками и каждый красноармеец поняли и усвоили поставленные им задачи и боевые свойства местности в районе их расположения. 6) Всюду, где следует, устроить необходимые фортификационные постройки и искусственные препятствия и подготовить к разрушению железные и шоссейные дороги, мосты на них и прочие сооружения. 7) Сформировать подрывные команды и дать им задачи на разрушения, точно указав, что именно в каком случае надлежит разрушить. 8) Если неприятель начнет теснить, то с железных дорог снимать рельсы на значительное протяжение и увозить их с собой, или прятать так, чтобы противник ими не мог воспользоваться, однако сообразовать порчу дорог и снятие рельс с возможностью увезти подвижной состав и эвакуировать грузы, для чего начальникам отрядов и подрывных команд поддерживать тесную связь с лицами, производящими эвакуацию и с железнодорожными агентами движения. 9) Во всей полосе завесы подготовить действие партизанскими отрядами из местных жителей, оказав им помощь боевыми средствами и указанием этим отрядам приемов их действий; партизанские отряды должны действовать в тылу и на флангах противника отдельно, а не рядом с войсками, но в связи с ними.

10) Во всех местностях, откуда придется отойти под натиском противника, оставлять хорошо организованные боевые разведовательные группы и надежных организаторов народного восстания в тылу противника. Высший Военный Совет указывает на всю важность оказания наибольшего сопротивления наступлению противника и требует от всех, от старшего руководителя до рядового стрелка красноармейца включительно, полного подчинения, строжайшей дисциплины и решительного отпора противнику, если бы он начал наступление. Правда за нами, вперед, если будет нужно, за нашу свободу.

Председатель Высшего Военного Совета Троцкий и другие подписи [1])».

Но кроме чисто предохранительных и оборонительных мер, Советское правительство решило тогда же покончить с неопределенным положением относительно демаркационной линии, и 16-го июля Высший Военный Совет постановил положить в основу переговоров с Финляндским правительством тот территориальный «status», который имелся в отношении Финляндии ранее, и придерживаться следующих положений:

1. Отказаться от включения в состав Российской Республики территории бывшего форта Ино и района Райвола, при условии сохранения за Российской Республикой всей территории Мурмана и Мурманского побережья и возложения на Финляндию обязательства не иметь и не строить никаких сооружений и устройств военного характера в районе, прилегающем к Невской губе.

2. Установить морскую границу на Финском заливе возможно западнее от Кронштадта, возбудив переговоры в отношении оставления за Российской Республикой островов Финского залива.

3. Потребовать от Финляндии возвращения захваченного имущества, или возмещения за него соответствующего кредита.

---

[1]) Приведенные распоряжения показывают, насколько серьезна была в то время опасность новой войны с Германией.

4. Ранее вступления в мирные переговоры, потребовать установления в Финском заливе демаркационной линии, установив последнюю возможно западнее от Кронштада.

5. Возложить на Народный Комиссариат по Морским Делам сообщение соответствующего этому постановлению письменного заключения председателю мирной делегации т. Воровскому. [1])

Мероприятия морского командования. Опираясь на директивы Высшего Военного Совета, морское командование сосредоточило в Шлиссельбурге несколько более многочисленные легкие силы, чем обычно, а для обеспечения направления со стороны Финского залива— держало в боевой готовности линейные корабли «Полтава» и «Андрей Первозванный». Одновременно, усиленно подготовлялись к взрыву как крепостные учреждения и форты, так и суда. Между прочим, при подготовке к взрыву форта Красная Горка были обнаружены изменнические попытки предотвратить взрывы помощью перерезывания кабеля, а затем (14/VII), при минировании того же форта, злоумышленники пытались вызвать его преждевременный взрыв [2]). В отношении затопления судов на Петроградских фарватерах тогда же была выработана подробнейшая инструкция [3]), предусматривавшая в деталях действия различных начальников, командиров судов и команд по планомерному выполнению оперетивных предначертаний. В этой инструкции имелось разграничение в смысле выполнения «оперативного приказа № 1» и «№ 2»: по второму из них, на судах надлежало произвести возможно большие разрушения корпуса, механизмов и боевого вооружения, с целью приведения в полную негодность для дальнейшего использования после под'ема.

При обсуждении вопроса о возможном спасении нашего флота на случай вероятного наступления Германии, между прочим, был предложен проект внезапного выхода всего нашего боеспособного флота, с целью прорыва в Стокгольм, где и предполагалось интернироваться; но проект этот был отвергнут, так как ни дисциплина во флоте не давала гарантии на осуществление этого проекта, ни наша слабость и большой соблазн разделения нашего флота (хотя бы между Германией, Швецией и Финляндией), если бы даже он и достиг благополучно Стокгольма [4]).

На возможность различных осложнений как-бы указывало и появление германских судов в районе видимости нашего дозора и постов: 28-го июня стоявшие близ Шепелевского маяка сторожевое судно «Руслан» и плавучий маяк «Лондонский» донесли, что на горизонте показались и вскоре скрылись два двухтрубных больших германских эскадренных миноносца; в тот же день дозорный миноносец сообщил, что с транспорта «Ш», стоявшего на мели против маяка Стирсуддена, производилась выгрузка на два парохода и в его направлении слышен был взрыв [5]).

---

[1]) Дело М. И К. № 15765, стр. 164 и № 63, стр. 111.
[2]) Дело М. И. К. № 15015, стр. 87.
[3]) Дело М. И. К. № 62, стр. 2.
[4]) Дело М. И. К. № 63, ст. 46.
[5]) Дело М. И. К. № 15015, стр. 90.

Улучшение отношений с Германией. Однако, в конце июля, после назначения германским послом Гельфериха, появилась надежда, что германская политика будет менее агрессивна. Поэтому напряженность момента несколько уменьшилась, а 6-го августа Высший Военный Совет даже приостановил эвакуацию Петрограда [1]).

Новая опасность возобновления войны с Германией. Но уже на следующий день, 7-го августа, германский посол без всякой видимой причины выехал в Петроград, а затем и за границу; посольство полностью переехало в Петроград. Совет Народных Комиссаров, признавая вообще положение серьезным, заподозрил в этом внезапном от'езде еще более тревожные признаки в отношении возможных активных действий германцев и сообщил Морскому Генеральному Штабу, что является необходимой постановка минного заграждения с оставлением в заграждении прохода для проводки судов и установление правильной лоцманской службы.

В тот же день Начальник Морских Сил [2]) отдал распоряжение 8-го августа приступить к разводке судов по плану, а отряду заградителей—приготовиться к походу [3]).

8-го августа, ввиду тревожной политической обстановки и возможности перехода в Шлиссельбург Минной Дивизии, распоряжением Начальника Морских сил предписывалось отправить в Шлиссельбург не менее 3 барж с углем, нефтеналивной транспорт «Елена», с полным запасом нефти, и пароход «Михаил»—с провизией [4]).

Агентурные сведения указывали, что в связи с высадкой десанта союзников в Онеге и диверсией на Архангельск, Германия готовится сама к наступательным действиям на Петроград, с целью захватить флот [5]).

9-го августа получено было предписание Председателя Совета Народных Комиссаров (В. И. Ленина) о немедленной (без всяких промедлений) постановке минного заграждения [6]). Вследствии невыясненности причины от'езда германского посольства в Петроград, неясности намерений Германского Правительства и общей сложности международного положения—Председатель Совета Народных Комиссаров считал, что положение в отношении возможности активных действий германцев должно быть признано тревожным, и поэтому в Петроград был командирован Председатель Центрального Исполнительного Комитета тов. Свердлов, с полномочиями распоряжаться всеми вооруженными силами Петрограда в пределах утвержденных планов обороны [7]).

Заградительная операция 10 августа 1918 г. 10-го августа, согласно предписания Старшего Морского Начальника в Кронштадте, в 2 часа ночи отряд заградителей в составе: «Урал», «Нарова», «Волга» и «Ловать», в сопровождении эск. мин. «Миклуха Маклай», «Азард» и «Эмир Бухарский», вышел из Кронштадта в море для постановки минного заграждения по заранее выработанному плану. Загр. «Нарова» начал поста-

---

[1]) Дело М. И. К. № 14554, стр. 63.
[2]) Дело М. И. К. № 14560, стр. 14.
[3]) Дело М. И. К. № 15024, стр. 44.
[4]) Дело М. И. К. № 14554, стр. 59.
[5]) Дело М. И. К. № 15766, стр. 105.
[6]) Дело М. И. К. № 14560, стр. 18.
[7]) Дело М. И. К. № 15015, стр. 97.

новку в 5 ч. 55 м. и закончил ее в 17 ч. 13 м., поставив всего 303 мины.

Заградит. «Урал» начал постановку в 6 ч. 5 м. и закончил ее в 10 ч. 4 м., поставив 350 мин. Загр. «Волга», начал постановку в 6 ч. 10 м. и закончил ее в 8 ч. 35 м., поставив 220 мин. После выполнения операции, заградители «Урал», «Нарова» и «Волга» возвратились в Кронштадт. Заградитель «Ловать», которому была поручена постановка южной части заграждения, начал постановку в 6 ч. 35 м. Поставив первую линию заграждения, заградитель при разворачивании сел на камень (не указанный на карте). Будучи снят с камня 11-го августа, при помощи портовых буксиров заградитель в 2 ч. 22 м. начал постановку Ost-вой линии и закончил ее в 2 ч. 32 м., поставив 62 мины, после чего вернулся в Кронштадт.

О выставленном заграждении Начальник Морских Сил тотчас же сообщил в Москву, причем уведомил, что ввиду невозможности принять бой на позиции в море и для лучшего обеспечения обороны Кронштадта, он считает более целесообразным третью и четвертую линии заграждений поставить в пределах обстрела батарей «Обручев» и «Риф» и судов, стоявших в гавани. Это же изменение плана вызывалось и техническими соображениями и удобствами постановки мин. В случае утверждения нового варианта постановки, эти мины предполагалось поставить 13-го августа на рассвете, так как, за неимением достаточного числа специалистов, приготовить мины раньше не представлялось возможным [1]).

10-го августа на нашем заграждении взорвался наш транспорт «Колывань», не исполнивший сигнала сторожевого судна, и погиб со всем личным составом [2]).

Появление неприятельских судов. [3]) Германцы оценивали обстановку, повидимому, также, как и мы, и 10-го августа выслали в восточную часть Финского залива целый ряд своих судов, обнаруженных нашей разведкой: воздушная разведка Ораниенбаумского отряда усмотрела между островом Лавенсаари и Кургальским рифом 3 миноносца, 1 миноносец — севернее Лавенсаари, миноносец и транспорт—в Нарвском заливе, и у Гогланда — два судна, шедшие северным курсом; кроме того, наблюдательный пост Сан-Галли обнаружил в море один крупный корабль и два миноносца. На следующий день воздушная разведка вновь определила присутствие каких-то судов в районе Лавенсаари— Гогланд.

Заградительная операция 14-го августа. Предположения морского командования относительно дальнейших постановок минных заграждений получили одобрение центральной власти, а 13-го августа Народный Комиссар по Иностранным Делам об‘явил район, ограниченный параллелями 60°12′ и 59°57′ и меридианом 28°30′ к Ost от Гринвича— загражденным минами.

13-го августа было приказано заградителю „Нарова" принять 120 мин, а заградителю „Волга"—до полного запаса—240, с тем,

[1]) Дело М. И. К. № 62, стр. 19.
[2]) Дело М. И. К. № 14554, стр. 136.
[3]) Дело М. И. К. № 14560, стр. 21. № 15766, стр 104. № 62, стр. 11.

чтобы на следующий день произвести постановку минного заграждения; для закрытия оставленного прохода предписывалось иметь в готовности заградитель „Урал". [1])

14-го августа, по приказанию Старшего Морского Начальника в Кронштадте, заградитель „Нарова" и „Волга" в сопровождении э. м. „Миклуха Маклай" и „Азард" в 6 ч. утра вышли из Кронштадта в море для постановки минного заграждения, согласно заранее выработанного плана. В 8 ч. 23 м. заградитель „Нарова" начал постановку мин и закончил ее в 9 ч. 35 м., поставив 280 мин.

Заградитель „Волга", начал постановку в 8 ч. 38 м. и закончил ее в 11 ч. 57 м., поставив 220 мин. После окончания операции заградители возвратились в Кронштадт. Во время минной постановки, э. м. „Азард" находился в дозоре и ходил переменными курсами; в 8 ч. 14 м. на миноносце обнаружилось неисправность в рулевой машинке, заклинило руль и он застопорил машину, находясь в 3-х милях от Финляндского берега. Через 2—3 минуты, несколько вправо и впереди кабельтовых в трех от миноносца, упал снаряд, приблизительно 4—6 дюймового калибра. Миноносец дал задний ход машинам и стал отходить в S-вом направлении. Через минуту второй снаряд упал за кормой миноносца. В это время управление было переведено на гидравлическое, и „Азард", развернувшись, вышел из под обстрела. Уже после постановки этого дополнительного заграждения, телеграммой от 14-го августа, Председатель Совета Народных Комиссаров предлагал задержать его постановку, но было уже поздно, о чем Начальник Морских Сил и донес [2]).

15-го августа финляндское правительство через Берлин опротестовало постановку нами заграждения между Биорке и Стирсуденом.

Военные мероприятия со стороны Германии и деятельность германского флота за период август—октябрь. Сосредоточение германских войск у подступов к Петрограду, усилившееся движение германских судов в сопредельных с Советской Республикой водах, вызывающие действия германского морского командования по отношению к нашим торговым судам (задержание и осмотр) и участившиеся планомерные тральные работы вблизи наших берегов как будто указывали, действительно, на близость разрыва с Германией. В середине августа Военно-Морской Контроль сообщил, что по агентурным сведениям Германия планомерно стягивает свои войска к нашим границам в районе Пскова и Финского залива, а также отправляет войска в Финляндию; по тем же сведениям, в самой Финляндии велись подготовительные работы, усиливались германские войсковые части, производились работы на форте Ино; [3]) в августе численность германских войск в Финляндии достигла 50 тыс. чел., а к сентябрю она увеличилась до 120 тыс. чел., причем 2 корпуса были расположены близ Выборга, где заготавливалось до 10 тыс. саней и усиленно готовились к зимней кампании [4]).

Морское командование приняло ряд мер к усилению дозорной и сторожевой службы в Финском заливе и 15-го августа из Шлиссель-

---

[1]) Дело М. И. К. № 16038, стр. 87.
[2]) Дело М. И. К. № 15766, стр. 110—111.
[3]) Дело М. И. К. № 15015, стр. 104.
[4]) Дело М. И. К. № 14554, стр. 223.

бурга были направлены в распоряжение Начальника Кронштадской Морской Базы экс. миноносцы „Азард“ „Автроил“ и „Миклуха Маклай“ [1]) а с 19-го августа было установлено у Шепелевского маяка дежурство заградителей „Нарова“ и „Урал“ для обеспечения срочности и успешности заграждения проходов, оставленных между минными заграждениями, поставленными в предыдущие операции [2]).

Наша воздушная разведка в то время испытывала большую нужду в бензине, который был на исходе, вследствие чего создавалась угроза полного ее прекращения.

В течение второй половины августа наши дозорные суда и береговые посты обнаруживали почти ежедневно в непосредственной близости от наших берегов большие соединения германских военных судов, главным образом тральщиков, и слышали взрывы, указывавшие на энергичное проведение тральных работ, которые велись под прикрытием крейсеров; неоднократно значительные отряды транспортов (до 20) были усмотрены направляющимися в Биорке и, повидимому, производили здесь высадку германских войск. [3])

С 20-го августа германские воздушные силы начали вылетать на разведку [4]). Германские миноносцы постоянно держались в дозоре. Из наших торговых судов в этот период германские суда задержали транспорты „Ильза“, „Актив“ и спас. судно „Эрви“. „Ильза“, шедший очередным рейсом в Гельсингфорс за нашими военнопленными и оставшимся гражданским населением, был задержан 22-го августа и отпущен лишь на следующий день; транспорт „Актив“, направлявшийся из Систо-Палкино в Кронштадт с грузом бревен, был отведен германскими миноносцами в Биорке и отпущен на следующий день [5]). (С этого времени все наши коммерческие суда осматривались в море германскими миноносцами.)

Деятельность Красного флота за период август-октябрь. Условия Брестского договора попрежнему стесняли оперативную свободу Красного флота, и германское морское командование неоднократно своими протестами, обращенными к Советскому Правительству, напоминало о необходимости их соблюдения. Один из этих протестов, относившийся к появлению нашей подлодки в Финском заливе 27-го июля, являлся плодом досужего воображения, так как наши подлодки в этот период дальше большого Кронштадтского рейда не выходили [6]). Второй протест касался использования эск. мин „Искуссный“ в качестве дозорного и лоцманского судна: германское морское командование указывало на недопустимость несения лоцманской службы военными судами, вследствие чего наше морское командование отдало приказ о высылке в дозор исключительно вспомогательных судов [7]).

Единственной операцией военного характера за этот период являлось траление входного фарватера в Кронштадт до меридиана Шепелев-

---

[1]) Дело М. И. К. № 14554, стр. 223.
[2]) Дело М. И. К. № 15766, стр. 131.
[3]) Дело М. И. К. № 15766, стр. 92—98; № 14560, стр. 49; № 14554, стр. 259—266, 292.
[4]) Дело М. И. К. № 15766, стр. 92—94.
[5]) Дело М. И. К. № 14554, стр. 343, 373
[6]) Дело М. И. К. № 62, стр. 17.
[7]) Дело М. И. К. № 16038, стр. 82.

ского маяка, выполненное тральщиками «Клюз» и «№ 24» 22-го и 23-го августа; мин заграждения при этом обнаружено не было [1]).

В Ладожском озере наши суда также деятельно занимались дозором и разведкой, а с 23—24 августа подводная лодка «Пантера» обследовала район близ острова Восчаного, не обнаружив ничего подозрительного [2]).

Взрывы на форте Красная Горка. В рассматриваемый период на форте Красная Горка произошел загадочный и так и нераз'ясненный случай: 20-го августа в 9 ч. 40 м. на форту во время сильной грозы начались взрывы. Первыми взрывами были уничтожены 4—10″ и 3—6″ орудия Кане. Дальше, всю ночь происходили отдельные взрывы снарядов в погребах. Взорвалось 6 погребов на батарее 10″ орудий, 4 погреба на батарее 6″ орудий (Кане). Комиссия, обследовавшая разрушения и выяснявшая причины взрыва, в своем заключении говорит: «. . . вся обстановка взрыва вполне допускает, что взрыв произошел от возникновения индуктивного тока в минной сети во время грозы, однако, не исключает возможности и злого умысла, тем более, что по показаниям начальника минной станции все капсюли были вынуты из запальных шашек [3])».

Угольный кризис. Производство всяких военных операций сильно затруднялось отсутствием запасов и подвоза топлива и постоянными приказаниями из Центра о передаче из незначительных наличных запасов угля различным учреждениям. Насколько велика была нужда в топливе видно из доклада Нач. Морских Сил—Морскому Генеральному Штабу по поводу последовавшего в середине августа (16—VIII) приказания передать 3.000.000 пуд. угля Высшему Совету Народного Хозяйства. Отсутствие подвоза угля заставило Начальника Морских Сил отдать приказ о прекращении отопления на целом ряде устаревших судов и о приведении других судов в состояние долговременного хранения [4]).

К середине августа запас топлива был настолько ничтожен (около 4.000.000 пудов, при месячном расходе более 1.000.000 пудов), что новое требование отпустить Совету Народного Хозяйства 3.000.000 пудов лишало весь флот без исключения возможности существовать зиму и выполнять оперативные задачи, намеченные планом кампании, отказаться от которых было невозможно. Главнейшие из этих задач—несение сторожевой службы у минных заграждений, проводка судов через них и несение дозорной службы в Ладожском озере. Эти задачи требовали ежемесячно около 200.000 пудов, имея в виду, что у минного заграждения нужно было иметь 8 судов и в Ладоге—8 судов. Суда эти выставляли 4 поста и несли дозорную службу. От постановки добавочного заграждения (с целью прикрыть оставленные свободными входы) приходилось отказаться, точно также как и от буксировки парусных судов через проход в заграждениях, что в последнее время было поручено охране водного района. Все остальные суда, по приведении их в со-

---

1) Дело М.И.К. № 16038, стр. 82.
2) Дело М.И.К. № 14554, стр. 343.
3) Дело М.И.К. № 15015, стр. 107, Акт Комиссии.
4) Приказ Нач. Морских Сил от 7-го и 10 мая, д. № 50181.

стояние зимнего хранения, должны были бы прекратить отопление и свести команды на берег [1]).

Отсутствие угля задерживало также приведение судов в состояние долговременного хранения. По всем изложенным причинам, Высший Военный Совет постановил прекратить всякий дальнейший отпуск угля другим учреждениям, и, наоборот, принять меры к получению Морским Ведомством хотя бы небольших запасов топлива [2]).

Ослабление напряженности обстановки. Германия не предпринимала никаких активных действий против Советской Республики, вероятно, исключительно вследствие неблагоприятной дли нее стратегической обстановки на западном фронте, где с первой половины августа началось наступление одной из английских армий, вскоре затем поддержанное сильнейшим натиском всего фронта союзников. Однако, до самого конца августа 1918 г. морское командование сохраняло выжидательное положение, и лишь сильный шторм заставил ввести в Кронштадтскую гавань все суда, разведенные по местам для затопления [3]).

К сентябрю стал намечаться перелом в отношениях Германии к Советской России: 29 августа наш дипломатический представитель в Берлине телеграфировал Народному Комиссару по Иностранным Делам, что германское правительство согласилось прекратить траление мин у наших берегов [4]). Поэтому, в связи с другими признаками ослабления германского давления, Высший Военный Совет постановил (3—IX) приступить к постановке Балтийского флота на долговременное хранение, с тем однако условием, чтобы до появления ледяного покрова два линейных корабля типа «Севастополь» (или 1 типа «Севастополь» и 1 типа «Республика») оставались бы в состоянии вооруженного резерва [5]).

Ввиду изменившейся политической обстановки, дававшей возможность предполагать, что в ближайшее время у нас не произойдет разрыва с Германией, приходилось считаться с тем, что затопление судов на фарватерах окажется невозможным вследствие ледостава, а потому Начальник Морских Сил 13-го сентября отдал распоряжение все ценные и новые суда оставить на зиму в Петрограде и начать подготовительные работы по заграждению Морского канала, для чего предлагалось Старшему Морскому Начальнику в Петрограде перед ледоставом поставить крейсера 1-ой бригады в Морском Канале и представить план закупорки фарватеров при условии ледяного покрова; одновременно Старшему Морскому Начальнику в Кронштадте предлагалось расставить суда, предназначенные для закупорки входов в гавани—вблизи ворот, и также представить соответствующие планы [7]).

Намечался перевод линкоров-дредноутов из Кронштадта в Петроград, ввиду чего в Морском Канале начались промерные гидрографические и землечерпательные работы и очистка его от затонувших лайб

---

[1]) Дело М.И.К. № 14554, стр. 245.
[2]) Дело М.И.К. № 15765, стр. 87.
[3]) Дело М.И.К. № 15766, стр. 120.
[4]) Дело М.И.К. № 15765, стр. 209.
[5]) Дело М.И.К. № 14555, стр. 87.
[6]) Дело М.И.К. № 14555, стр. 201.
[7]) Дело М.И.К. № 14555, стр. 201.

и баржей; результат работ был проверен проводкою по каналу старого линкора «Заря Свободы», которому предварительно была придана осадка дредноута.

Улучшение отношений с Германией не мешало последней еще некоторое время придерживаться агрессивной политики и неохотно итти на уступки, в особенности когда дело касалось установления пресловутой демаркационной линии в Финском заливе, и на первом же заседании Русско-Германской-Финской Комиссии, состоявшемся 25-го сентября, обнаружились большие расхождения между взглядами Советской России и Германии на этот наболевший вопрос. На заявление нашего представителя, что до обсуждения вопроса о выдаче нами планов минных заграждений и о тралении их, необходимо решить вопрос о демаркационной линии в Финском заливе, последовала нота германского правительства, гласившая, что установление демаркационной линии на Балтийском море является излишним, ввиду ст. 5 Брестского договора, согласно которой все русские военные суда должны быть переведены или оставлены в русских гаванях, почему исключается возможность всякого столкновения между русскими и германскими военными судами вне гаваней. Наша точка зрения, высказанная германскому правительству, доказывала необходимость ее установления, как гарантии, что на Кронштадтском рейде не появятся неожиданно иностранные суда; строго пассивный и чисто оборонительный характер нашего требования демаркационной линии не представлял никому никакой угрозы. Первоначальный категорический отказ германцев и финнов обсуждать этот вопрос, ввиду начавшихся неудач немцев на западном фронте сменился колебанием, и в результате, 5-го октября, переговоры были прерваны до первых чисел ноября [1]).

Состояние Балтийского флота и дальнейшие перспективы его существования. Обстановка, создавшаяся в результате перехода флота в Кронштадт, условия Брестского мира и недостаток топлива и личного состава заставляли морское командование понемногу сокращать состав действующего флота.

Положение с личным составом было в то время весьма неудовлетворительно. Среди командного состава оставался незначительный процент бывших кадровых офицеров и большая часть его состояла из запасных и наскоро обученных во время войны. Значительная часть командного личного состава была деморализована и не находилась на высоте, соответствовавшей трудности обстановки и положения: она не пользовалась авторитетом у команд и проявляла мало энергии и инициативы для налаживания дела и службы. Некомандный состав, после всех революционных событий, перехода флота на вольный наем и значительного расстройства службы, после многочисленных формирований отрядов для сухопутного фронта, настолько сократился в числе и был настолько мало подготовлен технически, что совершенно невозможно было говорить об использовании его для боевой готовности судов. На пополнение личного состава при тогдашних условиях, когда мобилизация морских команд в пределах Республики могла дать лишь незначительное

---

[1]) Дело М.И.К. № 15765, стр. 219—274.

число опытных специалистов, (а для их обучения и приспособления к различным типам судов требовалось значительное время) — нельзя было расчитывать, в особенности, принимая во внимание недостаток соответствующего командного состава для обучения и тренировки мобилизуемых [1]). Отразилось на моральном состоянии личного состава и вовлечение его в контр-революционную борьбу, с целью противодействия Советскому Правительству, в результате чего Начальник Морских Сил Щастный был вызван в Москву, предан суду и расстрелян, а на его место состоялось назначение Начальника 1 бригады линкоров—Зарубаева [2]).

Таким образом, со стороны пригодности личного состава уже встречались большие затруднения для использования судов, как боевых единиц, но наибольшим препятствием, и самым неумолимым, являлся

Фиг. 4. Линейный корабль типа «Петропавловск».

другой фактор обстановки — угольный кризис, о чем уже упоминалось выше.

Все эти причины, вместе взятые, т. е. состояние личного состава и материальной части и угольный кризис, повели к падению боеспособности нашего флота, который, по мнению Высшего Морского Командования, не мог в то время оказать противнику мало-мальски серьезного сопротивления. Минные заграждения и орудия Кронштадтских фортов могли лишь на короткое время задержать продвижение неприятельского флота. Отражением безнадежности обстановки и являлись оперативные планы этого периода и «план кампании 1918 г.», предусматривавшие нестолько боевую деятельность флота, сколько его уничтожение и затопление на фарватерах. (Требование об уничтожении флота поддерживалось и представителями английского адмиралтейства) [3]).

---

[1]) Доклад Нагенмора Дело М.И.К. № 15766, стр. 90—93.

[2]) Указанные события Исторический отдел предполагает подробнее осветить в трудах по «Истории Революционного Движения во флоте».

[3]) Л. Троцкий. «Как вооружалась революция», т. I, стр. 138.

Наступление затишья, вызванное поражением Германии на западном фронте, позволяло, казалось бы, поставить большинство судов Балтийского флота на долговременное хранение, а личный состав— использовать для комплектования речных флотилий, в которых ощущалась существенная необходимость в связи с развитием Гражданской Войны на восточном и южных фронтах. И, действительно, в июле началась, а в августе энергично продолжалась отправка отрядов моряков на фронты, а также снятие и отправка судовой мелкой и средней артиллерии, мин заграждения и других предметов снабжения на Волгу и в Архангельск, для формировавшихся Онежской, Северо-Двинской и Волжской флотилий.

Коренное изменение международной обстановки в связи с военными неудачами Германии на западном фронте, выдвинуло в срочном порядке на очередь вопрос о дальнейшей судьбе Балтийского флота, ввиду того, что с поражением Германии, уже не опасной молодому

Фиг. 5. Линейный корабль «Андрей Первозванный».

Советскому Государству, на ее место мог встать для борьбы с «большевизмом»—англо-французский империализм. В связи с условиями Брестского мирного договора—с одной стороны, и недостатком угля— с другой, при прежней политической обстановке Советом Народных Комиссаров была установлена общая принципиальная программа деятельности Балтийского флота на ближайшее время: «подготовка и постепенная постановка всех судов флота на долговременное хранение».

Это задание практически сводилось к приведению всего Балтийского флота в такое состояние, переход из которого (в случае надобности) в боевую готовность потребовал бы нескольких месяцев времени. Теперь выдвигался вопрос, насколько, ввиду изменившейся обстановки, правильно такое решение о Балтийском флоте.

Было очень вероятно, что Антанта, в результате военного успеха одержанного над Германией, потребует включения в условия мирного договора каких-либо ограничений в отношении флота последней, а в связи с этим возникал вопрос о возможности изменений условий

Брестского договора, касавшихся Балтийского моря вообще и Финского залива в частности. С другой стороны, возможность воссоединения Прибалтийского края с Россией также выдвигала на очередь во всей своей полноте проблему Балтийского моря и Финского залива.

Конечно, всякое решение вопроса о Балтике в первую очередь требовало наличия у нас реальной морской силы. При этом, ввиду весьма быстрого темпа изменений обстановки, наличие дееспособного флота на Балтийском море могло потребоваться очень скоро—во всяком случае к весне, когда физико-географические условия Балтийского морского театра делали последний пригодным для навигации и действия морской вооруженной силы. Между тем работы по «консервированию» кораблей шли своим чередом, и могло случиться, что в нужную минуту Балтийский флот не смог бы быстро привестись в боевую

Фиг. 6. Крейсер «Олег».

готовность, и в конечном результате не удалось бы разрешить вопрос о Балтике так, как этого требовали интересы Советской России.

Все изложенные обстоятельства выдвинули два основных вопроса, которые и были поставлены для разрешения Правительству:

1. Признается ли при настоящей обстановке правильным продолжение выполнения работ, согласно директиве о постановке по возможности всех судов Балтийского флота на хранение.

2. Если директива эта при настоящих условиях признается не соответствующей, то каковы будут те общие задания, коими должно руководствоваться Морское Ведомство в этом деле.

Перевод всех судов флота в состояние вооруженного резерва, т. е. такое состояние, когда любой корабль мог быть приведен в состояние боевой готовности в несколько дней,—не мог быть осуществлен, так как на получение потребного для этой цели количества угля и нефти не было никакой надежды, ввиду топливного кризиса. С другой стороны, сохранение всех судов не диктовалось

и военными требованиями, ввиду наличия в составе Балтийского флота большого числа старых или устаревших судов, боевая ценность которых была очень невелика. Поэтому Морское Ведомство полагало, что полным решением вопроса было бы сохранение в состоянии вооруженного резерва лишь наиболее сильных и современных судов, а именно: 4-х линейных кораблей типа «Севастополь», лин. кораблей «Андрей Первозванный» и «Республика», крейсеров «Рюрик», «Олег», «Богатырь», всех эск. миноносцев типа «Новик», всех новых подводных лодок, заградителя «Амур» и самого минимального необходимого числа вспомогательных судов, тральщиков, сторожевых судов, баз и мастерских.

Этот состав флота являлся идеалом, к которому нужно было стремиться, рассчитывая при этом на положительное решение тех задач, кои могли бы быть возложены на Балтийский флот весной. Но так как для содержания всех этих кораблей в состоянии вооруженного резерва необходимо было к имевшемуся в Морском Ведомстве запасу угля—добавить около 4 миллионов пудов, и не было уверенности в получении этого количества, то в зависимости от действительной возможности получения угля приходилось отказаться от сохранения в резерве крейсеров «Рюрик», «Олег», «Богатырь» и лин. кор. «Андрей Первозванный» и «Республика». Наконец, если бы получение и этого необходимого количества угля и выполнение сокращенной программы явились бы невозможными, то пришлось бы ограничиться сохранением в резерве только двух дредноутов, всех миноносцев, подводных лодок и потребных вспомогательных судов. Что касается до остальных судов Балтийского флота, то прежняя директива о приведении их в состояние хранения должна была сохраниться в полной мере.

Излагая 18 октября все эти соображения и комбинации Высшему Морскому Командованию, Командующий Морскими Силами Республики считал необходимым: 1) Теперь же преподать Балтийскому флоту и Морскому Ведомству соответствующие директивы; 2) Теперь же возвратить флоту весь переданный Высшему Совету Народного хозяйства, но еще неисрасходованный последним уголь, 3) Теперь же произвести закупку недостающего количества угля; 4) Укомплектовать суда, подлежащие оставлению в резерве, произведя тщательный отбор личного состава, как командного, так и некомандного и в случае нехватки специалистов и командного состава—пополнить таковую за счет выпусков из командных курсов, классов и школ специалистов; 5) Теперь же разработать и приступить к выполнению программы работ на заводах по производству в течение зимнего времени необходимого ремонта и доснабжения судов, оставленных в резерве, согласуя их с работами по приведению прочих кораблей Балтийского флота в состояние долговременного хранения и по приготовлению боевых материалов и припасов для флота и фронтов (это требование было сопряжено с обеспечением заводов Морского Ведомства соответствующим запасом топлива); 6) Обеспечить Ведомство соответствующим сверхсметным ассигнованием, для проведения в жизнь указанных мероприятий не позднее 1-го апреля 1919 года [1]).

---

[1]) Дело М. И. К. № 1458, стр. 89—92.

Таким образом, к моменту выхода Германии из Мировой войны и освобождению Советской России от Брестской «петли», пожелание Морского Командования сводилось к сравнительно скромному требованию сохранения лучших судов Балтийского флота в состоянии вооруженного резерва.

Опасность возникновения новой войны — против Антанты — не казалась тогда реальной, и работы по фактическому разоружению флота—приведению его в состояние долговременного хранения—продолжались, а после очистки Морского Канала начался переход новейших судов в Петроград: 30-го октября состоялся переход из Кронштадта первого дредноута-линкора «Полтава».

ГЛАВА V.

Гражданская война на Балтийском морском театре в 1918 г.

(Октябрь 1918 г. — Январь 1919 г.).

Падение германского империализма. Вследствие поражения Германии на Западном фронте, в ней вспыхнула буржуазная революция; Германия принуждена была заключить перемирие и выйти из состояния войны с Антантой. Германский флот покинул воды Финского залива, и, таким образом, Красный Балтийский Флот оказался освобожденным от оков, наложенных на него Брестским миром. Перед ним открывались широкие возможности содействия Красной Армии, наступавшей в тот период против белоэстонцев. Можно было предполагать, что с уходом главного противника на Балтийском театре—германского флота—напряженная обстановка сменится состоянием покоя, поэтому морское командование продолжало постепенный переход на мирное положение. 4-го ноября последовало приказание прекратить несение сторожевой службы в Ладожском озере и иметь только одно судно в готовности для выхода в море [1]).

Но уже через день, 5-го ноября, ввиду возможности по условиям момента появления в Балтийском море военных судов Антанты, Морской Генеральный Штаб обратился к Народному Комиссару по Иностранным делам с просьбою снестись с германским правительством о незамедлительном сообщении нам всех поступающих к последнему сведений о передвижениях Морских Сил Антанты в Каттегате, Бельтах и Зунде, чтобы появление их не застало бы нас врасплох и позволило бы принять соответствующие подготовительные меры по обороне подступов к Петрограду и Кронштадту [2]).

Смена противников. С этого момента начала намечаться смена противников: место германского империализма заступил английский и влияние первого во вновь созданных прибалтийских государствах весьма быстро сменилось влиянием Антанты, лишний раз доказав, что противником Советской Республики являлась не столько Германия,

---

[1]) Дело М. И. К. № 14557, стр. 42.
[2]) Дело М. И. К. № 62, стр. 22.

сколько мировая буржуазия. Новое изменение политической коньюнктуры повлекло за собою приведение флота в боевую готовность: того же 6-го ноября Начальником Морских Сил были отданы следующие приказания: 1) Немедленно возобновить сторожевую службу в Ладожском озере; 2) догрузить уголь и приготовить л. к. «Андрей Первозванный»; 3) заградителю «Нарова» быть в 4-х часовой готовности; 4) крейсеру «Олег» быть в суточной готовности; 5) эск. миноносцам «Азард» и «Автроил» приготовиться к переходу в Шлиссельбург; 6) эск. миноносцы «Амурец», «Уссуриец», «Гайдамак» (на которые срочно установить пушки с «Новиков»), и тральщики «Запал», «Клюз», «Ударник» и № 24 назначаются для охраны Невы; 7) минное заграждение приготовить к постановке и выставить по получении особого приказания; 8) гарнизон Кронштадта и фортов пополнить мобилизованными моряками [1]).

За этими первыми распоряжениями по приведению флота в боевую готовность, последовало приказание об изготовлении подводных лодок «Пантера», «Вепрь», «Тур» «Рысь» и «Тигр» к переходу из Петрограда в Кронштадт, с причислением к ним уч. с. «Память Азова» в качестве матки [2]); эскадренные миноносцы «Легкий» и «Меткий» были назначены в распоряжение заградителя «Нарова«, на случай постановки минного заграждения [3]).

Общая обстановка в то время была чрезвычайно туманной и запутанной, и трудно было определить, каковы будут взаимоотношения между Германией и Советской Россией; одно казалось ясным—нашими вероятными противниками на Балтийском театре могли выступить: державы согласия (преимущественно Англия), Швеция и Финляндия. Появление на Балтийском море Морских Сил Антанты, конечно, зависело главным образом от того, в какой мере положение Германии позволяло ей поддерживать и защищать поставленные ею в течение мировой войны заграждения в Каттегате, Бельтах и Зунде. Правда, условия перемирия заставляли Германию очистить все поставленные ею минные заграждения и могло случиться, что обстоятельства заставят ее тотчас же вытралить мины в перечисленных районах. Тогда Антанта могла свободно перебросить в Балтийское море морские силы любой мощности, в зависимости от тех задач, которые она себе ставила на этом театре.

Оперативные планы на случай войны с Антантой. В предвидении возможности начала военных действий со стороны Антанты, Морской Генеральный Штаб разработал несколько вариантов заданий, которые можно было поставить на разрешение Балтийскому флоту и определил необходимый и достаточный для их выполнения судовой состав. Эти планы (от 14—XI—1918 г.) были в основе одобрены председателем Революционного Совета тов. Троцким [4]). В зависимости от линии поведеня германского правительства по отношению к Советской России Морской Генеральный Штаб намечал два варианта:

---

[1]) Дело М. И. К. № 14557, стр. 107 и № 15755, стр. 20.
[2]) Дело М. И. К. № 15755, стр. 34 и № 14557, стр. 168.
[3]) Дело М. И. К. № 14557, стр. 138.
[4]) Дело М. И. К. № 15755, стр. 10—19.

Вариант А. При содействии со стороны Германии.

В этом случае обстановка и цели могли быть следующими:

1. Германия берет на себя защиту против появления в Балтийском море судов Согласия.

2. Германия обязуется нам помочь в случае выступления против нас Швеции.

3. Германия доставляет нам в Ревель необходимое количество угля и прочих предметов снабжения судов, как будет нами указано.

4. Нами с Германией разрабатывается план совместных действий на море.

Если такое соглашение с Германией могло бы быть достигнуто, то тогда можно было бы перенести нашу зимнюю морскую базу в Ревель (впрочем лишь для «Новиков» и подводных лодок, так как дредноутам в Ревеле зимовать неудобно), откуда наши суда могли бы предпринимать зимние операции против портов и побережья Прибалтийского края и, в случае надобности, и против Финляндии, в той мере, в которой это будет вызываться политической и военно-сухопутной обстановкой.

В соглашение с немцами можно было бы включить и обязательство с их стороны предоставить в наше распоряжение в Балтике некоторое количество их военных судов, для усиления нашей оперативной группы.

Вариант Б. Без содействия Германии, в одиночестве.

Если Германия не признает возможным нарушить условия своего перемирия с Согласием и будет его фактически исполнять, нам нужно иметь в виду, что появление судов Согласия в Балтике и Финском заливе становится весьма вероятным, а потому Ревель во всякий момент может оказаться занятым с моря. Нашим судам придется при этом варианте базироваться только на Кронштадт и следовательно им остается всего 3—4 недели до конца навигации. Появление судов Согласия в Балтике в этом случае можно ожидать через несколько недель, а их подводных лодок—еще раньше, и нашим судам, при выполнении операций, придется считаться с риском их нападения.

Обстановка при этом варианте характеризуется для нас следующими данными: Балтийское море открыто, поддержки у нас нет и угля весьма мало, следовательно все, что сможет сделать наша группа судов в 3—4 недели, остающиеся до конца навигации, это: 1) оказать моральное воздействие на Прибалтийские порты своими кратковременными появлениями и угрозой обстрела; 2) перевозить морем отдельные партии людей и агитационную литературу; 3) перевезти некоторое небольшое число сухопутных сил, но налегке (без лошадей, орудий и обоза); и 4) оказать содействие сухопутным частям с моря, поддерживая их фланги огнем с судов.

Однако, надо было иметь в виду, что при этом варианте, в случае появления в Финском заливе достаточных сил Согласия, а также с прекращением навигации в восточной части залива, наша группа судов должна укрыться в Кронштадте, где и будет заперта льдом и противником.

Исходя из состояния материальной части, личного состава и снабжения Балтийского флота, а также из тех вариантов, которые предусматривали возможные при данных обстоятельствах цели для его деятельности, оперативная группа была зафиксирована на первое время в составе одного дредноута, четырех эскадренных миноносцев типа «Новик» и шести больших подводных лодок. В случае возможности укомплектования, сюда предполагалось еще добавить один крейсер типа «Олег». Наличие дредноута было необходимо в качестве угрозы таким портам, как Ревель и Гельсингфорс, а также для обстрела подступов к нашему минному заграждению у Кронштадта; четыре больших миноносца имели своим назначением операции у мелководных берегов, выполнение срочных поручений и перевозок и борьбу с подводными лодками; наконец 6 подводных лодок должны были нести службу по охране нашего побережья от неприятельских больших судов и стеснять свободу действий противника; крейсер мог бы оказаться полезным, как поддержка миноносцам. По расчетам Штаба Командования флотом, ежемесячный оперативный расход топлива (по опыту мировой войны) для такой группы судов выразился бы в 10.000 т. угля и 3.000 т. нефти. В виде конкретных мероприятий по морской части, подлежавших немедленному выполнению, Морской Генеральный Штаб предлагал следующее:

1. Немедленно организовать отряд судов в составе: 1 дредноута, 4-х миноносцев типа «Новик», 6-ти больших подводных лодок, и в случае возможности укомплектования, одного крейсера типа «Олег», с необходимым для такого отряда числом вспомогательных средств: судов траления, плавучих баз, транспортов и проч. Отряд этот должен приступить незамедлительно к обучению и тренировке личного состава и быть в полной оперативной готовности в распоряжении Главнокомандующего.

2. Закончить постановку минного заграждения у Кронштадта и организовать его охрану.

3. Немедленно войти в переговоры с Германией по всем пунктам варианта *А*, с целью в первую очередь выяснить возможно ли нам расчитывать на защиту входов в Балтику немцами и получить от них уголь. Предложить Германии установить с нами тесную связь для осведомления нас о всех передвижениях военных судов Согласия в сторону Балтийского моря.

4. До получения ответа от Германии надлежит считать, что мы находимся в условиях варианта *Б*. Исходя из этого, испросить у Высшего Военного Революционного Совета директив для оперативной деятельности отряда, сообразованных с изложенными выше условиями и состоянием флота.

Фактическое выполнение намеченных мероприятий. 15-го ноября Председателем Революционного Совета Республики было одобрено представление о содержании в состоянии готовности отряда из одного дредноута, 4-х эск. мин. типа «Новик», 6 подводных лодок, одного крейсера типа «Олег», с необходимым числом вспомогательных судов, по

усмотрению и расчету Командования флотом [1]), на основании чего в состав действующего флота были зачислены лин. кор. «Петропавловск», крейсер «Олег», эск. миноносцы «Автроил», «Азард», «Гавриил» и «Миклуха Маклай» и подводные лодки «Тур», «Тигр», «Пантера», «Вепрь», «Волк» и «Ягуар» [2]); к этим судам был добавлен лин. кор. «Андрей Первозванный» [3]) и подлодка «Рысь». Самый флот с 17-го ноября был переведен в подчинение Командующего 7-й армией [4]). В отношении забот о снабжении флота топливом, морское командование исхлопотало срочное возвращение от Главного Управления Водного Транспорта нефтеналивных пароходов «Тамара» и «Татьяна», а в целях экономия угля 16-го ноября отдало распоряжение о снятии дозора на Ладожском озере [5]).

17 ноября Председатель Рев. Воен. Совета Республики, ввиду возможности появления с моря неприятеля, предложил Командованию Флотом немедленно поставить дополнительное минное заграждение согласно выработанного плана. Заградитель «Нарова» тотчас получил приказание по приходе к нему эск. миноносца «Легкий» — поставить заграждение.

18 ноября последовало воспрещение выпускать русские суда в Лужскую губу и в иностранные порта.

Заградительная операция 17-го ноября и начало Гражданской Войны. 19 ноября в 8 ч. 15 м. заградитель «Нарова» и эск. мин. «Легкий» снялись с якоря с Малого Кронштадтского рейда и пошли к месту постановки заграждения 8-ми узл. ходом. На заградителе было 310 окончательно приготовленных мин.

Эск. мин. «Меткий», данный в распоряжение загр. «Нарова», накануне был послан к Лондонскому маяку с приказанием быть к 10 ч. утра у красного светящегося буя со сведениями об обстановке. В 10 ч. 40 м. заградитель и миноносец «Легкий» подошли к заранее поставленной вехе, легли на курс и в 10 ч. 47 м. начали постановку. Эск. мин. «Легкий» шел головным в расстоянии 3—4 кабельтовых (ход 6 узлов, время сбрасывания между минами 20 секунд—расстояние между минами 200 фут.). В 11 ч. 34 м. закончили постановку 1-й линии и заградитель лег курсом O-st, а миноносец следовал на левом траверзе. Когда заградитель ложился на новый курс для постановки второй линии, по нему был открыт огонь с береговой батареи, видимо находившейся у деревни Пумола. Батарея пристреливалась, так как падение снарядов приближалось к кораблю. Заградитель, увеличив ход до 10 узлов, и, идя переменными курсами, чтобы уменьшить возможность попадания, начал выбрасывать приготовленные для постановки 159 мин, причем часть мин была сброшена с чеками; несмотря на удаление переменными курсами, один снаряд попал в корму, сбив носовую вельботную шлюпбалку, причем вельбот упал и повис на кормовых талях. Осколками другого снаряда был пробит в нескольких

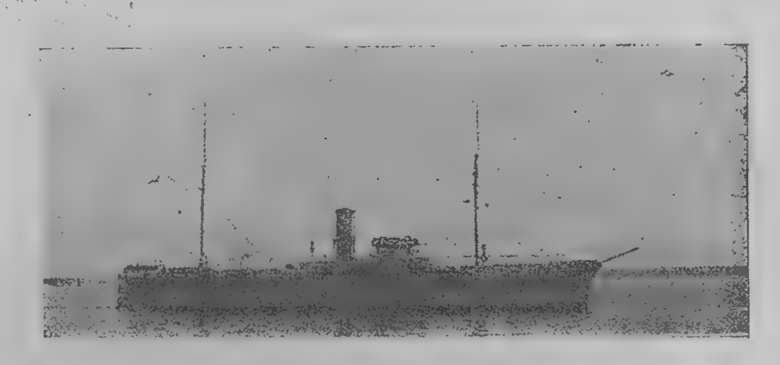
[1]) Дело М.И.К. № 15755, стр. 35.
[2]) Дело М.И.К. № 14557, стр. 238.
[3]) Дело М.И.К. № 14557, стр. 233.
[4]) Дело М.И.К. № 15755, стр. 20.
[5]) Дело М.И.К. № 14557, стр. 207.

местах барказ. После некоторого перерыва, был открыт огонь с другой батареи и хотя попаданий не было, но падение снарядов было настолько близко от борта, что брызги попадали на верхний мостик. В 12 ч. 15 м. стрельба прекратилась. Всего было выпущено около 40 снарядов. Эск. мин. «Легкий» обстрелял батарею. В 13 ч. 55 м. суда ошвартовились в гавани для новой приемки мин [1]).

Уничтожение финской батереи Пумола, 20-го ноября. Обстрел нашего заграждения показал, что Финляндия не считалась с состоянием нейтралитета. На этот дерзкий вызов Советская Республика ответила уничтожением батареи Пумола обстрелом с форта Красная Горка, и день 20-го ноября—день вооруженного выступления Советской России против буржуазных государств—считается началом Гражданской войны.

Тотчас по получении известия о стрельбе по заградителю «Нарова», Советское Правительство предписало:

«Завтра 20-го утром батарее «Красная Горка» снести огнем батарею Пумола. Расход снарядов не ограничен [2])». 20-го ноября, в 9 ч. 28 м., 12 дюймовые батареи форта Красная Горка открыли огонь по финской батарее Пумола. Третьим выстрелом батарея Пумола была захвачена в вилку. До 13 ч. 30 мин. было выпущено 63 тротиловых снаряда 12" калибра. Около 15 ч., по заходе солнца в тыл 12" батареи ф. Красная Горка, когда финляндское побережье было освещено лучше, бомбардировка по бат. Пумола возобновилась и было выпущено еще 27 снарядов. Кроме того, было выпущено 5—12" снарядов по башням бывшего форта «Ино». Бомбардировка была закончена около 17 часов. Точные результаты обстрела не были известны, но Комендант Кронштадтской крепости предполагал, что цель бомбардировки достигнута и батарея Пумола снесена артиллерийским огнем.

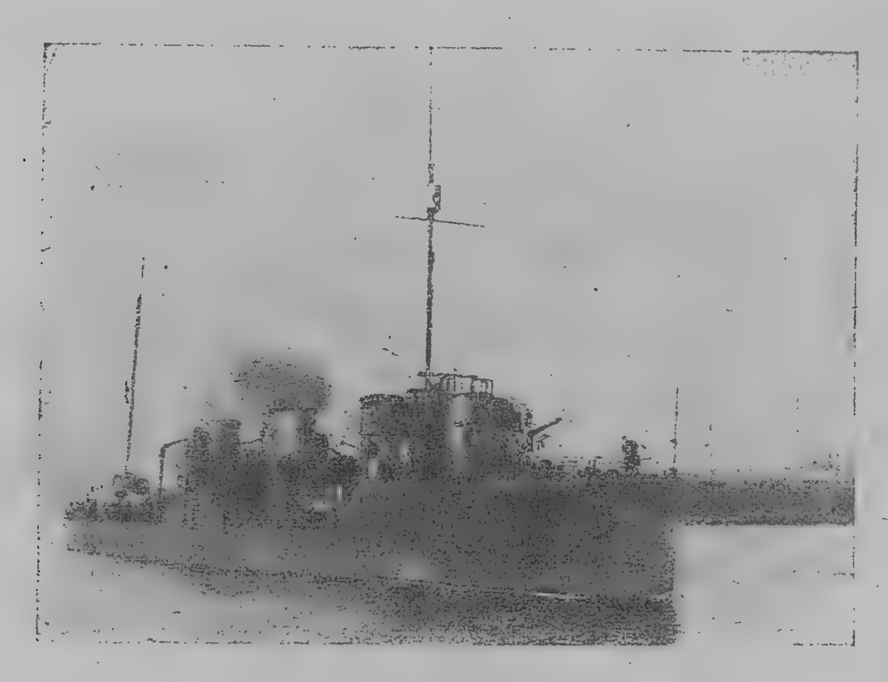
Фиг. 7. Заградитель «Нарова».

По полученным впоследствии агентурным сведениям, были нанесены следующие повреждения: 1) Совершенно разрушены батареи Пумола, деревня Пумола и шоссейная дорога на протяжении от Пумола до деревни Витикюля. По дороге от Пумола до Витикюля всякое движение невозможно, так как на указанном протяжении имеются глубокие воронки и вообще дорога приведена в полную негодность. 2) Нанесены серьезные повреждения деревне Витикюля, в которую попало несколько снарядов. По подсчету финских белогвардейцев, с ф. Красная Горка

[1]) Дело М.И.К. № 15015, стр. 161. Рапорт. ком. загр. «Нарова».
[2]) Дело М.И.К. № 14557, стр. 249.

было выпущено и упали в районе батареи Пумола около 80 штук 12 дюймовых снарядов [1]).

Заградительная операция 21 ноября. 21 ноября Начальник Морских Сил сообщал, что северная часть заграждения закончена и что новых линий в этом районе ставить не предполагается, ввиду ограниченности места для маневрирования заградителя и возможности нового обстрела финскими батареями. Для постановки южной части заграждения, в 8 ч. 30 м. 21 ноября из Кронштадта вышли в море заградитель «Нарова» с конвоирами эск. мин. «Меткий» и стор. судном «Гарпун». В 11 ч. заградитель начал постановку W-ой линии заграждения и закончил ее в 11 час. 43 мин. Всего поставлено 160 мин. В 11 ч. 55 м. заградитель начал постановку Ost-вой линии заграждения

Фиг. 8. Эскадренный миноносец типа «Азард» (почти однотипны— «Гавриил», «Константин» и «Свобода»).

и закончил ее в 12 ч. 30 м. По окончании постановки заградитель с конвоирами возвратился благополучно в Кронштадт и приступил к приемке угля и мин для выполнения третьей части операции [2]).

План десантных операций. Развивавшееся наступление наших северных армий на южном берегу Финского залива с целью овладения Нарвой, а затем и Ревелем, поставило на очередь содействие флота наступлению Красной армии десантными операциями на побережье. Разработаны были планы таких операций в районе Нарвы и Ревеля. Для их осуществления требовались перевозочные средства, к подготовлению которых и были предприняты соответствующие меры. Для высадки в район Нарвы предполагался сравнительно незначительный

---

[1]) Дело М. И. К. № 15015, стр. 175. Донесение Кронштадтского Отдела Военно-Морского Контроля от 4/XII.

[2]) Дело М. И. К. № 15015, стр. 164—169.

десантный отряд, поэтому для него требовались суда небольшого тоннажа, которые были переданы Главным Управлением Водного Транспорта. Что касается судов для десантной операции в районе Ревеля, то тут требовались суда большого тоннажа и ввиду дальности расстояния встал во всей своей остроте вопрос о топливе.

Главное Управление Водного Транспорта категорически отказывалось снабжать суда топливом, ввиду неимения такового, а Морское Ведомство также переживало острый топливный кризис и не имело никакой возможности уделить из своих более чем скромных запасов угля для этой операции, поэтому в конце концов пришлось от последней совершенно отказаться, ограничившись только десантом у Нарвы [1]).

В состав отряда были назначены кр. «Олег», эск. мин. «Автроил», «Азард» и «Меткий», транспорты «Актив», «Ильза» и «Нарген».

Фиг. 9. Подводная лодка типа «Пантера» («Тур»», «Тигр», «Вепрь»).

Предполагалось, что транспорты примут десант частью в Петрограде; частью в Кронштадте и будут готовы к выходу 25 ноября. По получении приказания, отряд должен был выйти из Кронштадта и следовать в Нарвскую Губу; по приходе туда, транспортам с войсками надлежало войти в реку Нарову, а «Олегу», «Автроилу» и «Азарду»—остаться на рейде и вступить в тесную связь с войсками, оперировавшими в районе Нарвы. Начальником отряда судов с десантом был назначен командир крейсера «Олег», военный моряк Салтанов, который должен был руководствоваться распоряжениями Командующего войсками этого района.

Сведения о появлении в Финском заливе морских сил Антанты. Уже 19 ноября представитель Советской России в Швеции т. Воровский телеграфировал, что по местным сведениям английская эскадра прошла Каттегат на пути в Балтийское море. По тем же сведениям, цель ее—высадка десанта в Ревеле. Более определенных данных о составе этих сил нельзя было получить, а между тем намеченные десантные опера-

[1]) Воспоминания Нач. 2-й Бригады лин. кор. в/м. Н. Паттон.

ции требовали обеспечения их с моря от внезапного появления неприятеля. Наиболее продуктивную и удобную разведку—воздушную—пришлось приостановить, вследствие полного отсутствия бензина, из миноносцев же был в готовности один лишь «Автроил» (на «Азарде»—поломка рулевой машинки), которого Начальник Морских Сил не решился послать в разведку в одиночестве, вследствие отсутствия уверенности в безопасных от мин курсах и опасения обстрела с островов Соммерс и Лавенсари [1]). Поэтому к Ревелю была выслана подлодка «Тур».

Десантная операция 27—28 ноября. (Карта—фиг. 11). Повидимому, намечавшийся выход в море наших судов стал преждевременно известен неприятелю (эстонцами), что видно из перехваченной 25 ноября радио на немецком языке, адресованной в Ревель морскому руководителю и гласившей, что «приближение русского крейсера здесь известно, он будет принят, как следует» [2]).

27 ноября отряд в составе крейсера «Олег», эск. мин. «Меткий» и транспортов с десантом: «Ильза», «Красный Пахарь» и «Революция», в 10 ч. снялся с якоря с Малого Кронштадтского рейда, для следования по назначению. Руководителем операции состоял командир крейсера «Олег», военмор Салтанов. Одновременно, в разведку к Ревелю вышла подводная лодка «Тур», первоначально следовавшая за отрядом; затем она отделилась и направилась в разведку на Ревельский рейд. В 12 ч. 20 м. кр. «Олег», шедший по с‘емке с якоря сзади транспортов, обогнал их и ставши головным, следовал с отрядом 7-ми узловым ходом; вскоре пришлось сбавить ход до 6 узлов, так как транспорты отставали. Отряд благополучно прошел острова Лавенсари, Нерва и Гогланд, причем маяки действовали и определение не представляло затруднений. С наступлением темноты крейсер «Олег» уменьшил ход до 4,7 узла, но транспорты все же отставали и иногда совершенно скрывались в темноте. Крейсер «Олег» должен был для обстрела берега подойти к Гунгербургу с рассветом, поэтому транспорты были оставлены под охраной эск. мин. «Меткий», а крейсер продолжал следовать по назначению.

28 ноября около 5 час. утра, по проходе о. Тютерс, с крейсера были замечены в южном направлении огни, оказавшиеся ракетами, пускавшимися на берегу. В 7 ч. 34 м. получена была радио, извещавшая о выходе эск. м. «Автроил» из Кронштадта в дозор к о-ву Гогланд. Около 9 ч. крейсер «Олег» подошел к Гунгербургу и застопорил машины в ожидании рассвета. В 10 ч. 20 м. на горизонте показались эск. мин. «Меткий» с транспортами. В это время крейсер «Олег» открыл огонь по местности за Гунгербургом, сделав два залпа. Падение снарядов заметить не удалось, но их разрывы были слышны. Берег на обстрел не отвечал. По сообщению захваченного в плен рыбака, минных заграждений в губе не было поставлено, в городе ни войск (кроме пограничной охраны), ни батарей не имелось, а фронт был расположен около самой Нарвы. Сведения эти были сообщены подошедшему эск. мин. «Меткий», для передачи начальнику десант-

[1]) Дело М. И. К. № 14557, стр. 326.
[2]) Дело М. И. К. № 15755, стр. 84.

ного отряда. В 10 ч. 45 мин. «Олег» поднял сигнал «эск. мин. «Меткий» с транспортами итти в реку и высадить десант». Головным пошел тр. «Ильза», капитан которого раньше ходил в Гунгербург и был знаком с фарватером, за ним следовал эск. мин. «Меткий», а далее—два остальных транспорта. В 13 ч. 20 м. эск. мин. «Меткий» сообщил по радио, что высадка десанта закончена. Согласно просьбе начальника десанта оказать содействие наступлению отряда огнем с крейсера, было сделано несколько залпов по направлению к гор. Нарва, которые легли (донесение по радио эск. мин. «Меткий») на три версты за деревней Рига. Ночь и часть следующего дня кр. «Олег» простоял на якоре и в 14 ч. снялся с якоря и пошел для осмотра берега и выбора позиции для обстрела станции Корф и горы Вайвара. Обходя берег, крейсер в 14 ч. 50 м. коснулся дна, застопорил машины, положил круто руля от берега и сошел с мели. Через 5 мин. крейсер снова сел на мель, имея глубину под носом 23 фута, а корму на свободной воде (по карте в этой точке глубина—8 саж.). Вызванные срочно по радио трансп. «Ильза» и «Революция» ответили, что за темнотой выйти не могут и придут на рассвете. Начата была перегрузка снарядов из погребов в корму и в 20 ч. 20 м. крейсер дав ход—сошел с мели и стал на якорь, не рискуя в темноте выходить на чистую воду, ввиду возможности снова стать на мель.

В 20 ч. 20 м. получена была радио с эск. мин. «Меткий», гласившая, что Нарва взята и что начальнику десанта необходимо переговорить с командиром крейсера «Олег». Ночью в 4 ч. 20 м. на кр. «Олег» была принята радио с просьбой обстрелять Вайварские горы.

На рассвете 30 ноября показался на горизонте эск. мин. «Автроил». Одновременно с экс. м. «Автроил» подошел к крейсеру эск. мин. «Меткий», который также передал просьбу обстрелять Вайварские горы, где будто бы находилась неприятельская батарея. Крейсер в то время не сошел еще с мелководья, поэтому его командир поручил эск. мин. «Автроил» обстрелять указанный пункт, но в это время на пар. «Усть-Нарова» (захваченном в Гунгербурге), подошел начальник десантного отряда, сообщивший, что последний вернулся из Нарвы в Гунгербург, выставив разведку по направлению к Вайваре (на 7 верст) и от дер. Риги, и просил об обстреле линии окопов вдоль железной дороги.

В 11 ч. 25 м. кр. «Олег», следуя за шедшим впереди вельботом с промером, благополучно отошел от мелкого места. Подошедшим транспортам было приказано возвращаться в Кронштадт. В 13 ч., согласно просьбе и указаниям начальника десанта, начат был обстрел берега. Было дано несколько залпов по местности за Вайварскими горами, а затем по ст. Корф. О результатах обстрела сведений не имелось. В 15 ч. был поднят сигнал: «Эскадренным миноносцам следовать за мной», и крейсер вышел в море для следования в Кронштадт. В 19 ч. 30 м. у Лавенсарского буя крейсер обогнал возвращавшиеся транспорты, из коих на тр. «Ильза» было 85 пленных немцев, и в 22 ч. 50 м. стал на якорь в одной мили от Лондонского плавучего маяка. 1 декабря в 9 ч. 30 м. крейсер «Олег» с миноносцами снялся с якоря и в 12 ч. 30 м. вернулся на Малый Крон-

штадтский рейд. При оценке этой операции, необходимо отметить почти полное отсутствие связи между морскими силами, участвовавшим в ней, и сухопутными частями: стрельба по берегу велась без корректировки, случайно, вследствие чего, повидимому, было обстреляно расположение наших же частей.

Разведка подводной лодки «Тур», 27—29 ноября[1]. (Фиг. 11). Подводная лодка «Тур» вышла 27-го ноября в 10 час. из Кронштадта, В 8 час. следующего дня подлодка находилась на створе Екатеринентальских маяков. Здесь она погрузилась и в подводном положении обошла Ревельский рейд, и пробыла на нем с рассвета до 11 часов. На рейде никаких судов не было обнаружено, а в гавани, повидимому, не стояло никаких больших судов. Оставаясь в подводном положении, подлодка повернула на обратный курс, и всплыла у траверза плавучего маяка Ревельстейн. На обратном пути также не было обнаружено никаких военных судов. В Кронштадт подлодка вернулась 29-го ноября, совершив весь поход весьма успешно, в трудной обстановке.

Новые сведения о появлении в Финском заливе морских сил Антанты. Повидимому, ко времени прихода подлодки «Тур» на Ревельский рейд, английская эскадра туда еще не дошла. Но радиотелеграммы, перехваченные того же 29-го ноября и переданные на английском языке, определенно указывали на присутствие английского флота в Финском заливе и на желание эстонского военного командования использовать помощь Англии против десантной операции нашего флота. В этот день были перехвачены радио следующего содержания, адресованные «Союзному флоту» в Ревель: 1) Прошу немедленно послать по берегу легкие силы. 2) (Через пл. м. Сарычев). К югу от Наргена все готово для вост. курса. 3) Лоцмана получают отсюда распоряжения. 4) Мы получили Вашу просьбу и просили Вашего решения войти в гавань.

Ввиду получения этих радио, Командующий 7 армией приказал выслать разведку[2], усилить охрану Финского залива и южного побережья[3] и проверить слухи агентурной разведкой. В согласии с этой директивой, морское командование организовало разведку, высылая в море эскадренные миноносцы и подводные лодки, а также по мере возможности пыталось установить и воздушную разведку. 30-го ноября решено было выслать подводную лодку с задачей осмотреть Ревельский рейд и наблюдать за движением судов у Ревеля, с приказанием атаковывать все военные суда, кои будут итти на восток. Дозор подводных лодок предполагалось установить постоянный, насколько позволит состояние льда. В тот же день вышел на разведку до Стеншера эск. мин. «Азард», а три самолета-истребителя были высланы в Гунгербург, откуда ежедневно должны были совершать полеты до Ревеля и обратно[4]. Эск. мин. «Азард» вернулся с разведки 1-го декабря, не обнаружив ничего подозрительного.

[1]) Дело М. И. К. № 15755, стр. 84.
[2]) Дело М. И. К. № 15755, стр. 85.
[3]) Дело М. И. К. № 15755, стр. 98.
[4]) Дело М. И. К. № 15755, стр. 125.

Дальнейшие сведения об английском флоте были получены двумя путями: во первых, по сообщению Народного Комиссара по Иностранным Делам от 2-го декабря, что во внешнюю гавань Виндавы вошла английская эскадра в составе 4 крейсеров, 6 эскадренных миноносцев и нескольких тральщиков [1]); во вторых, 2-го декабря были перехвачены следующие открытые радио на английском языке, адресованные союзному флоту: 1) «Наши летчики будут встречать вас у Суропа и Оденсхольма. Эстонское временное правительство»; 2) «Наши лоцмана готовы встретить вас. Сообщите где и когда. Эстонское временное правительство» и 3) перехваченная 3-го декабря: «Вследствие свежей погоды наши лоцмана ждут вас у Суропа. Эстонское временное правительство».

Из числа английских крейсеров, появившихся в Финском заливе, в ночь с 4-го на 5-е декабря взорвался на минном заграждении и погиб

Фиг. 10. Английские крейсера типа «С», входившие в состав английской эскадры, базировавшейся на Ревель. (Крейсер «Cassandra» погиб в Балтийском море на минном заграждении в ночь на 5-е декабря 1918 г.).

легкий крейсер «Cassandra» (постр. 1916 г., водоизм. 4120 тонн, скор. хода 29 узл., артиллерия 5—6," 2—3"; торпедное вооружение 12—21" надв. аппаратов).

Положение Красного Балтийского флота в декабре 1918 г. В связи с появлением союзного флота в Балтийском море, положение нашего флота, Кронштадта и Петрограда становилось очень серьезным. Высшее военное и морское командование учитывали возможность высадки десанта союзников в одном из портов Балтийского моря или Финского залива, связанных с границами Советской Республики удобными железнодорожными путями сообщения. Наиболее пригодными пунктами для высадки десанта как в смысле пригодности берегов, так и в отношении оборудования гаваней и укрытия от ветров являлись следующие порта [2]):

[1]) Дело М. И. К. № 14558, стр. 65 и № 15755, стр. 104.

[2]) Расчет взят для большого флота с транспортами. Для небольшой быстроходной эскадры срок уменьшается почти вдвое.

	Расстояние от входа в Балтийское море.	
	Миль.	Часов хода (при скор. в 10 узл.).
А. Балтийское море.		
1) Либава	320	32
2) Виндава	350	35
3) Ганге	550	55
Б. Рижский залив.		
1) Рига	620	62
2) Пернов	580	58
3) Рогокюль-Гапсаль	620	62
В. Финский залив.		
1) Балтийский порт	660	66
2) Ревель	690	69
3) Гельсингфорс	700	70
4) Нарвская губа	830	83
5) Биорке	850	85

Вследствие климатических условий (замерзаемость Финского залива), высадка десанта в восточной части Финского залива угрожала лишь в течение декабря месяца. Но в остававшиеся в распоряжении Антанты несколько недель можно было ожидать начала десантной операции уже спустя 4-5 суток после появления десантного флота у входа в Балтийское море.

Красный Балтийский флот, с 3-го декабря постановлением Рев. Военного Совета Республики перешедший в подчинение Командования 7-й армии [1]), мог выделить для борьбы с неприятелем, во первых, уже упоминавшийся Действующий отряд в составе лин. кор. «Петропавловск» и «Андрей Первозванный», крейсера «Олег», 4-х эскадренных миноносцев типа «Новик» и 7 подводных лодок»; во вторых—эск. мин. «Амурец», «Уссуриец» и «Гайдамак»—базировавшиеся на Петроград и несшие до заморозков охрану Невы, и, наконец, в третьих—сторожевые суда: «Хорек», «Куница» и «Соболь»—выполнявшие (также до

[1]) Начальнику Морских сил вменялось в обязанность на ближайший период выполнять все оперативные задания командования 7-ой армией, не выделяя из Балтийского флота отдельных отрядов и сохраняя его, как единицу, под общим командованием. Дело М. И. К. № 15755, стр. 149.

Фиг. 11. Схематическая карта путей подлодок «Тур» и «Тигр» во время разведок.

заморозков) дозор на Ладожском озере; все остальные суда Балтийского флота находились в состоянии долговременного хранения, боевая готовность их была не более 10%—15% от полной, и укомплектованы они были на 10%—15%. Из судов Действующего отряда, линкор «Петропавловск» закончил ремонт к 1 декабря и почти вовсе не плавал, линкор «Андрей Первозванный» и крейсер «Олег», как увидим ниже (см. стр. 147), при полном числе котлов могли развить не более 10 узлов хода, миноносцы и подводные лодки нуждались в постоянном ремонте.

Перечисленные выше судовые средства являлись всем, на что можно было рассчитывать в оперативном отношении. Если бы было возможно получить больший запас топлива, а также специалистов для укомплектования, то материальная часть разоруженных судов позволила бы привести в боевое состояние значительно большие силы; однако, из-за скорого окончания навигации в восточной части Финского залива и Невской губе, они в текущую компанию приготовлены быть не могли.

Командование флотом только что было реорганизовано: 2-го декабря Революционный Военный Совет Республики постановил поставить во главе Балтийского флота Революционный Совет Балт. Флота, в составе Начальника Морских Сил Зарубаева и членов тов. Позерн и Нацаренуса. Ему вменялось в обязанность на каждый действующий корабль, на ряду с его командиром, назначить одного комиссара. Этим мероприятием клался конец безответственной комитетчине.

Против нашего слабого флота, державы Антанты имели возможность выставить подавляющие силы, освободившиеся на прочих морских театрах после поражения Германии.

Операциям неприятельского флота мы могли оказать некоторое сопротивление нашими действующими морскими силами, главным образом—подводными лодками, но конечно неприятель, обладая значительно превосходными силами, всегда мог заставить отступить наши силы и выставить надежное охранение против наших подводных лодок. Наши морские силы, обладая единственной базой — Кронштадтом, могли оперировать только до закрытия навигации, т. е. в течение 2-3 недель, а затем им предстояла участь быть скованными льдом и скрываться в гавани. Последнее особенно относилось до подводных лодок, которые и в мелком льду плавать совершенно не способны. Нужно подчеркнуть, что с того момента, когда из-за льда наши суда оказались бы вынужденными отступить к востоку—в Кронштадт, неприятель получил бы полную возможность оперировать по всей западной части Финского залива совершенно безнаказанно [1]).

Военное командование ясно сознавало необходимость заблаговременно озаботиться мерами по обеспечению Кронштадта (от захвата его сухопутными силами по льду, а также вместе с ним и всего Балтийского флота), поэтому Командующий Северным фронтом получил 3-го декабря следующую директиву:

---

[1]) Дело М. И. К. № 15755, стр. 111.

«В связи с общей обороной Карельского Перешейка и южного берега Финского залива надлежит обратить особое внимание на оборону крепости Кронштадта. Оборону эту организовать таким образом, чтобы в случае падения Петрограда, крепость могла бы продержаться до подхода подкреплений, для чего необходимо: 1. Организовать надежную огневую оборону крепости средствами судовой и крепостной артиллерии, с целью держать под действительным огнем все подступы к Кронштадту, как со стороны моря, так и со стороны побережий Невской губы, обратив также внимание на непосредственную защиту Кронштадтского порта. 2. На вооружение крепости использовать все орудия до старых образцов включительно. 3. В период после замерзания Финского залива принять меры перед Кронштадтом и фортами от случайного захвата их открытой силой по льду. 4. Организовать содействие обороне Кронштадта огнем дальнобойной артиллерии со стороны южного берега Финского залива на участке Красная Горка—Ораниенбаум—Петергоф, действительное даже при падении наших приморских батарей у Серой Лошади и Красной Горки. 5. Организовать ближайшую оборону сообщений Кронштадта с Ораниенбаумом. 6. Своевременно обеспечить крепость достаточным количеством огнестрельных припасов. 7. Усилить всемерно средства связи Кронштадта с сухопутным фронтом. 8. Гарнизон крепости довести до бригады пехоты с соответствующей легкой артиллерией и вспомогательными частями. 9. Продовольствие крепости, считая гарнизон и население, заготовить на сто тысяч чел. на срок двух месяцев; принять за основу плана и обороны необходимость приведения крепости в боеспособный вид к 15 января [1]).»

Для обследования мероприятий по обороне и осмотра крепости и линкора «Петропавловск», Кронштадт 5-го декабря посетили члены Революционного Военного Совета Республики [2]). Вскоре Кронштадтская крепость перешла в непосредственное подчинение Командующего 7-й армией [3]).

Директивы Высшего Командования Балтийскому флоту. Оперативные задания Высшего Военного Командования, данные Балтийскому флоту в начале декабря 1918 г. сводились к трем пунктам: 1) Усиление разведки в море, вплоть до посылки подводных лодок к Либаве и Виндаве [4]); 2) постановка дополнительных минных заграждений для усиления Кронштадтской позиции и 3) содействие Красной Армии, усиленно продвигавшейся по направлению к Ревелю—путем поддержки ее правого фланга обстрелом с судов и высадкою десанта в тыл неприятеля. Этому пункту придавалось Высшим Военным Командованием особое значение, причем Морскому Командованию предписывалось в случае занятия армией Ревеля—одновременно флотом занять и закрепить за собою остров Нарген, защищающий вход на Ревельский рейд [5]).

[1]) Дело М. И. К. № 15755, стр. 147. Телеграмма Главкома от 3/XII № 107.
[2]) Дело М. И. К. № 15755. стр. 153.
[3]) Дело М. И. К. № 14558, стр. 124.
[4]) Дело М. И. К. № 15755, стр. 132, 160.
[5]) Дело М. И. К. № 15755, стр. 129.

Разведка подлодки «Тигр». (Карта-фиг. 11). В соответствии с первой частью директивы, 3-го декабря подводная лодка «Тигр», вышла в море на разведку, имея назначением осветить район Ревеля [1]). Вследствие неисправностей механизмов и свежей погоды, она дошла только до острова Нерва, в море неприятеля не обнаружила и 4-го декабря вернулась в Кронштадт. На острове Нерва ею была усмотрена батарея из четырех орудий, калибром 120 мм. или 6" со щитами, повидимому, установленная финнами или немцами летом 1918 г. [2]). Несколько позднее (8/VII) Предс. Рев. Военного Совета тов. Троцкий предписал уничтожить эту батарею и обследовать разведкою состояние батареи на о-ве Лавенсари [3]) Посылка подводных лодок в дальнюю разведку к Либаве задерживалась их неисправным состоянием [4]).

В день возвращения (4/XII) подлодки «Тигр» была, кроме того, произведена воздушная разведка двумя гидро-самолетами, также не давшая никаких результатов [5]).

Разведка эскадренных миноносцев «Азард» и «Автроил» 4 — 7 декабря. (Фиг. 11). Сухопутным командованием намечалась десантная операция в бухте Кунда, поэтому 3 декабря было дано предписание принять самые решительные меры, чтобы суда принимавшие участие в первой десантной операции, закончили бы погрузку угля в самый минимальный срок и были бы готовы к новой операции [6]). В тот же день эск. мин. «Автроил» и «Азард» было приказано приготовиться к походу к 9 час. утра 4-го декабря. С инструкцией для выполнения операции должен был прибыть комиссар (тов. Фрунтов), которому надлежало итти в операцию с миноносцами. Предполагалось, если погода позволит, сначала выполнить постановку минного заграждения и, не возвращаясь в Кронштадт, проследовать далее по назначению; если же постановка заграждения не могла быть выполнена, то мины надлежало выгрузить [7]). Постановка минного заграждения была временно отложена, и 4-го декабря в 12 ч. 35 м. оба эскадренные миноносца вышли в море для выполнения операции по соглашению с Командованием 7-ой армии. Миноносцам поручалось разрушить артиллерийским огнем железно-дорожные пути, станцию Сойда, а в случае дополнительных приказаний—и ст. Иеве. Кроме того, на них возлагалась задача осмотреть и обстреливать побережье «виков»—глубоких заливов Монвик, Кашпервик и Папонвик [8]). «Азард» обстрелял ст. Орро и Иеве, выпустив около 200 снарядов, а «Автроил», находившийся далее к W-у,—побережья заливов («виков»), причем им было выпущено около 150 снарядов. 7-го декабря оба миноносца вернулись в Кронштадт, никого в море не обнаружив [9]).

По требованию сухопутного командования, надлежало немедленно вновь выслать в море миноносцы на разведку. В распоряжении мор-

---

[1]) Дело М. И. К. № 15755, стр. 139.
[2]) Дело М. И. К. № 15755, стр. 149.
[3]) Дело М. И. К. № 15755, стр. 166.
[4]) Дело М. И. К. № 15755, стр. 160.
[5]) Дело М. И. К. № 15755, стр. 135.
[6]) Дело М. И. К. № 15755, стр. 131.
[7]) Дело М. И. К. № 14550, стр. 94—95.
[8]) Дело М. И. К. № 15755, стр. 138.
[9]) Дело М. И. К. № 15755, стр. 153.

ского командования имелись лишь эти два миноносца в боевой готовности, поэтому Начальник Морских Сил поспешил ответить, что наличные миноносцы находились в походах с 20-го ноября, а кроме того, им предстояла постановка минного заграждения [1]). Эту постановку «Автроил» и «Азард» выполнили 8-го декабря, поставив западную линию северной части позиции, причем финские батареи не помешали операции. Дальнейшие операции затруднялись отсутствием топлива. 7-го декабря фактически оставалось всего лишь одна тысяча тонн нефти, т. е. два полных запаса эскадренных миноносцев типа «Новик», ввиду чего Начальник Морских Сил предупредил Высшее Командование, что в ближайшие дни он будет принужден прекратить всякие дальнейшие операции.

Гибель германского парохода «Аркона» 4-го декабря. 4-го декабря утром пароход «Аркона» имея на буксире транспорт «Аз» (оба—переданные Германской Судоходной Комиссии) вышел в море под проводкой наших лоцманов за Лондонский плавучий маяк. Следуя далее по назначению, тр. «Аркона» взорвался на мине и погиб со всем экипажем, кроме тяжело раненых капитана и одной женщины, которая вскоре умерла. Транспорт «Аз», имевший на своем борту несколько сот германских военнопленных, некоторое время носился в море, был взят финским миноносцем и отведен в Биорке. Сведения эти были получены нашей Ликвидационной Комиссией от немцев только 8 декабря. Наше заграждение пароходы благополучно прошли под проводкой наших лоцманов. Дувшие SW и NW ветра должны были гнать плавучие мины в Кронштадт, так что оставалось предположить постановку неприятелем минного заграждения где то на входных фарватерах.

Траление. Еще до получения известия о гибели парохода «Аркона», ввиду предполагавшихся в ближайшее время десантных операций, морское командование приказало протралить сектор бело-красного луча Шепелевского маяка: 8-го декабря в 8 ч. 10 м. 2-й дивизион тральщиков в составе «Клюз» (под брейд-вымпелом нач. дивизии) «Ударник», «Запал» и «№ 24», вышел на работу; мин обнаружено не было, но опыт траления показал, что в ближайшее время состояние льда уже не позволит заниматься тральными работами [2]).

Наступление ледостава. Уже к 9-му декабрю установился сплошной лед до 2 дюймов толщины между Кронштадтом и Петроградом, поэтому последовало распоряжение держать в Кронштадте вполне исправные подводные лодки в полной готовности к выходу в море и при них в виде плавучей базы—уч. судно «Воин»; остальные подводные лодки были оставлены в Петрограде [3]). Ледяной покров сильно затруднял производство операций, и 10 декабря Начальник Морских Сил доносил, что имевшиеся в его распоряжении ледоколы не поспевали справляться с работой по освобождению затертых льдом судов по Неве и в Морском Канале. Он предупреждал, что Лондонский плавучий маяк придется снять в ближайшие дни, так как его затирает льдом, а после его

---

[1]) Дело М. И. К. № 15755, стр. 163.
[2]) Дело М. И. К. № 14558, стр. 136 и 159.
[3]) Дело М. И. К. № 15755, стр. 173.

снятия посылка судов через минное заграждение [1]) станет не безопасной.

Состояние льда и связанное с ним отсутствие предостерегательных знаков создало крайне тежелые условия плавания. Линкор «Андрей Первозванный», вышедший в море и имевший задачей уничтожить батарею на о-ве Нерва, сел на мель у Тулбухина маяка, и все имевшиеся средства были отправлены к нему для его снятия; подводную лодку «Тур», предназначенную итти в разведку к Либаве, только на третий день удалось вывести ледоколами из Петрограда; подводная лодка «Ягуар» и тральщик «Китобой» были затерты льдом в Морском Канале; транспорт «Сухона» оказался затертым в Неве, между Шлиссельбургом и Петроградом. Более 20 пароходов и даже ледоколов были затерты льдом в разных местах Невы и Морского Канала. Ледоколы ломали себе рули и винты, а между тем готовность сильнейшего из них—«Ермака»—затягивалась, и вступление его в строй ожидалось не ранее 3 недель.

Мнение Начальника Морских Сил о возможности выполнения десантной операции 12-го декабря. После взрыва германского парохода «Аркона», Начальник Морских Сил считал затруднительным выполнение каких-либо сложных оперативных заданий, вследствие полной невозможности тралить из за морозов и состояния льда [2]). На 12-е декабря была назначена Военным Командованием десантная операция, поэтому 11-го декабря было отдано распоряжение о приведении в готовность к походу эск. мин. «Спартак» (б. «Миклуха-Маклай») и тральщиков [3]). Но вследствие неожиданно быстрого наступления ледостава, Начальник Морских Сил принужден был 11-го декабря, перед самым началом десантной операции, донести Командующему 7-й армией следующие свои соображения и опасения:

1. Из за полной неисправности транспортов «Актив» и «Ильза», для перевозки десанта может быть дан только один (мелкосидящий) транспорт «Нарген», могущий поднять всего лишь 200 человек пехоты.

2. Опыт последних дней показывает, что лед в Неве и канале окреп, и что совершенно нельзя быть уверенным в возможности вывести суда из Петрограда («Олег» и транспорты).

3. Проход между минными заграждениями западнее Кронштадта опасен, так как из-за массы плавучего льда пришлось убрать буи и плавучий маяк, а вехи снесены льдом; по этим причинам л. к. «Андрей Первозванный» при выходе в море из Кронштадта сел на мель.

4. Вследствие дувших последние дни северных ветров нельзя быть уверенным, что губа Кунда не забита льдом, а при этом условии высадка невозможна.

5. Три парохода, взятые в Гунгербурге, принадлежат к типу маленьких речных не мореходных судов, а потому нет уверенности в том, что эти пароходы при наличии льда и северных ветров, развивающих крупную волну у южного берега, смогут добраться до губы Кунда.

---

[1]) Дело М.И.К. № 15755, стр. 173.
[2]) Дело М.И.К. № 15755, стр. 173.
[3]) Дело М.И.К. № 15755, стр. 181 и 175.

6. Крейсер «Олег» может подойти к берегу в районе губы Кунда только на 5 миль (9 верст), а на таком расстоянии нельзя иметь надлежащее наблюдение за берегом (десантом) и рассчитывать на надежную связь; наши мелкие суда в бухте Кунда близко к берегу подойти также не могут.

7. По только что полученным агентурным сведениям, заслуживающим доверия, в Финском заливе можно предполагать присутствие английских подводных лодок. Мы не располагаем единственным рациональным средством борьбы с ними—большим числом мелких сторожевых судов.

8. Из за состояния погоды (морозы) и быстрого утолщения льда, совершенно нельзя назначить (хотя бы приблизительно) время прибытия десанта к месту высадки и возможность высадки.

На основании изложенного, он просил определенных приказаний производить ли десантную операцию, а также указаний—куда направить десант, если его нельзя будет высадить в Кунде, т. е. вернуть ли его в Петроград или пытаться высадить в Гунгербурге [1]).

Высшее сухопутное командование согласилось с мнением Начальника Морских Сил о невозможности производства дальнейших десантных операций при сложившейся обстановке, и 12-го декабря они были окончательно отменены, за неимением исправных транспортов, состоянием льда и недостатком угля [2]).

Поход л. к. «Андрей Первозванный» к о-ву Нерва. Линкор «Андрей Первозванный» был успешно снят с мели у Толбухина маяка и направился 12-го декабря к острову Нерва для выполнения задания по уничтожению финской батареи; но оказалось, что на острове никаких военных сооружений не имелось [3]).

Наша разведка. Выполнение разведки с каждым днем затруднялось все более и более. Воздушная разведка становилась совершенно невозможной, так как наши гидроаэропланы не имели колес или салазок, а только поплавки; наиболее рациональная при данной обстановке дальняя разведка подводными лодками также прекратилась после аварии единственной исправной подводной лодки «Тур», затертой льдом при выходе из Петрограда, в Морском Канале, повредившей себе дизеля (главные механизмы) и требовавшей двухнедельного ремонта. Оставалась разведка помощью эскадренных миноносцев при поддержке крейсеров, но для этого выхода из положения у морского командования в то время имелся в распоряжении лишь один исправный эскадренный миноносец и один крейсер, способный развить скорость хода не свыше 15 узлов. Начальник Морских Сил считал, что открытую разведку можно было бы произвести только лишь целым разведочным отрядом, но такого отряда не имелось в его распоряжении; от разведки Рижского залива он окончательно отказывался. Поэтому, по его мнению, надежная морская разведка становилась совершенно невозможной [4]).

---

[1]) Дело М.И.К. № 15044, стр. 30.
[2]) Дело М.И.К. № 15044, стр. 52.
[3]) Дело М.И.К. № 15044, стр. 51.
[4]) Дело М.И.К. № 15755, стр. 190.

Действия неприятеля. Обстрел позиций Красной Армии. (Карта-фиг. 12). В начале декабря обстановка несколько прояснилась в отношении роли Германии в создавшейся политической коньюнктуре: 11 декабря последовало распоряжение Председателя Рев. Военного Совета Республики отдать приказ нашим судам и подводным лодкам, находившимся в море, не трогать германских военных и торговых судов; следовало иметь ввиду, что согласно заявления германского правительства, Германия занята перевозкой своих войск морем из Финляндии, причем с нашей сторон і было заявлено, что мы нападать не будем, но, для избежания недоразумений, Германии предлагалось сообщать нам о времени и месте выхода германских судов, и их путях [1]). Зато со стороны Антанты, Эстонии и Финляндии с середины декабря начали проявляться признаки усиленной боевой деятельности.

15 декабря (по донесению командиров 1-ой и 6-ой стрелковых дивизий) 4 судна неизвестной национальности появились против дер. Пурце, что севернее Изенгофа, и обстреливали шоссе Пурце и мост через реку у этой деревни в продолжении 2-х часов, после чего суда отошли к западу, но вскоре снова открыли огонь. Стрельба производилась снарядами калибром не менее 6 дюймов. По получении этого известия, 16 декабря на разведку по южному берегу к W-у от Гунгербурга вышли эск. мин. «Азард» и «Спартак»; 17-го декабря они вернулись, донеся, что никого в море, кроме коммерческих пароходов, не видали. Повидимому, эти неприятельские суда являлись английскими, теми же самыми, которые 17-го декабря (по официальным сообщениям Эстонского правительства) обстреляли на большом расстоянии позиции Красной Армии у Везенберга, в 60-ти верстах от Ревеля, чем будто бы приостановили ее движение. [2])

Нападение на форт Тотлебен. 18 декабря с форта Тотлебен было сообщено, что группы людей по 10-15 человек, всего до 60-ти чел., находясь в 6 верстах от форта, двигаются к нему. С форта был открыт предупредительный огонь, а затем—несколько выстрелов шрапнелью, из коих один нанес поражение наступающим. За передней линией появились новые группы. В 12 ч. был открыт огонь из полевых пушек. Одновременно было приготовлено на Котлине 2 роты пехоты к отправке на форт. В 1 час наступавшие остановились в 4 верстах от форта, производя какие то работы. Число наступавших как будто уменьшилось. С форта Тотлебен снова был открыт огонь из пушек. Наступавшие огня не открывали. Форты Обручев, Риф и Красная Горка были в готовности открыть огонь. Линкору «Андрей Первозванный» было приказано находиться в 4-х часовой готовности, с тем, чтобы утром выйти на Северный фарватер.

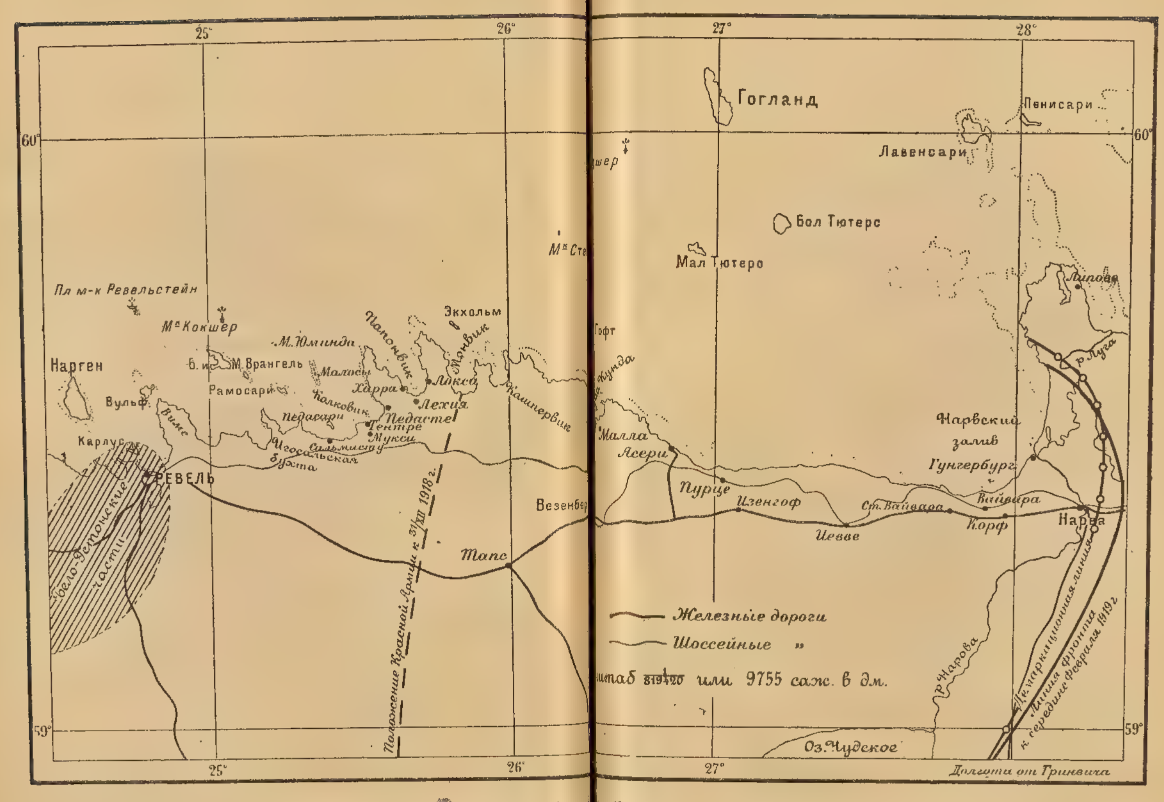
В 14 ч. 30 м. наступавшие отступили и отошли к берегу на Териоки. Воздушная разведка не могла быть произведена за невозможностью аппаратам подняться со льда, а разведка по льду—из за его слабости [3]).

---

[1]) Дело М.И.К. № 15755, стр. 174.

[2]) Обстрел производили английские крейсера (см. ниже стр. 125).

[3]) Дело М. И. К. № 15049, стр. 79—80.

Фиг. 12. Схематическая карта к операциям по поддержке правого фланга Красной Армии ...ря. (Данные о расположении сухопутного фронта заимствованы из труда изд. В. В. Р. С. «Боевая работа Красной Армии и Флота 1918—1923 гг.». При наибольшем продвижении ... в сторону Ревеля, около 30/XII, ее правый фланг упирался в море у дер. Сальмисту).

По поводу этого случая агентура сообщила, что в Финляндии предположено начать наступление по всему фронту, а предварительно произвести поиски разведчиками, и эти поиски начаты в разных местах Карельского участка (наступление на форт Тотлебен).

18 декабря, в связи с наступлением на ф. Тотлебен, были посланы 2 роты на усиление гарнизона и последовали следующие распоряжения: 1) л. к. «Андрей Первозванный» развести пары и по готовности выйти на Северный фарватер, насколько позволяет лед; 2) Ораниенбаумской авиационной станции произвести разведку; 3) Выслать на батареи северного фарватера №№ 6 и 7 полевые пушки и гарнизон; 4) Доносить о всех переменах немедленно [1]).

Выслать пешую разведку не представлялось возможным, так как лед таял. В 16 час. из Кронштадта отвалил ледокол с ротой пехоты на ф. Тотлебен. Этот ледокол тотчас по прибытии должен был итти к месту последней остановки наступавших людей, где видно было что то похожее на шалаши (В Штабе Нач. Кронштадтской Базы, между прочим, существовало предположение, что это были попросту рыбаки, которые на зиму устраивали на льду шалаши). На следующий день предполагалось отправить на форт Обручев одну роту, на №№ 6 и 7— полуроту и 3-х дюймовые пушки; кроме того устанавливалось наблюдение и освещение прожекторами со всех фортов [2]).

Предполагался обстрел Териоки и Финского берега 10-ти дюймовыми орудиями фортов Обручев и Риф [3]), но Нач. Морских Сил запретил обстрел до выяснения обстановки [4]).

Так как на старых фортах не было помещений на зиму для гарнизона, то разрешено было передать крепости к. л. «Грозящий», «Хивинец», уч. с. «Верный» и загр. «Ловать» [5]).

В 8 ч. 30 м. утра 19-ю декабря «Андрей Первозванный» вышел и стал на якорь на Северном фарватере [6]), но ввиду отсутствия признаков возобновления наступления со стороны финского побережья— линкор 21-го декабря вернулся в Кронштадт, с приказанием оставаться в суточной готовности [7]).

Задания флоту со стороны Командования 7-й армией на зимний период и состояние ремонта на судах к концу декабря 1918 года. Со стороны Командования 7-ой Армии флоту была пред‘явлена задача планомерной установки в боевой готовности судов в Кронштадте, чтобы иметь возможность зимой обстреливать из гавани оба берега материка. План этот был разработан и его предполагалось привести в исполнение при постановке судов по замерзании.

Положение с ремонтом судов и их вступлением в строй оставалось чрезвычайно неудовлетворительным, главным образом вследствие небрежного отношения личного состава к материальной части своих кораблей.

---

[1]) Дело М. И. К. № 14558, стр. 273.
[2]) Дело М. И. К. № 14558, стр. 244—245.
[3]) Дело М. И. К. № 15755, стр. 201.
[4]) Дело М. И. К. № 15755, стр. 226.
[5]) Дело М. И. К. № 63, стр. 277.
[6]) Дело М. И. К. № 15049, стр. 87 и 63, стр. 286.
[7]) Дело М. И. К. № 63, стр., 286.

Так 8-го декабря, после вывода л. к. «Петропавловск» из дока, на нем оказались затопленными отделения малого руля и кормовых дизелей, причем были подмочены моторы руля и дизеля[1]). Того же числа на подводной лодке «Ягуар» был пожар, вследствие чего готовность лодки затянулась.

Эти случаи побудили Председателя Револ. Военн. Совета Республики отправить Революционному Совету Балтийского Флота телеграмму, в которой он указывал на частые поломки и неисправности на судах, назначенных к состоянию в боевой готовности, на ряд случаев упущения личного состава, в результате коих происходили аварии, выводившие суда на разные сроки из строя; эти аварии показывали на недостаточную опытность и сплоченность личного состава; т. Троцкий требовал принятия самых энергичных и решительных мер к надлежащему подбору личного состава кораблей, не останавливаясь ни перед чем, но стремясь лишь к безусловному получению опытных людей и собирая их со всего флота. Требуя назначения на суда ответственных комиссаров, и принятия мер по быстрому производству всякого рода погрузок и ремонтных работ, он разрешал Революц. Военному Совету Балтийского флота, в целях ускорения работ по приведению судов в состояние готовности, применять на заводах Морского Ведомства и портах все те меры и способы, которые могли увеличить производительность их работы.

Вместе с тем предписывалось производить следствие о всяком случае аварии, или недосмотра, подобно происшедшим на подв. лодке «Ягуар», с привлечением виновных к законной ответственности; подчеркивалось, что при существовавшей обстановке, работы должны вестись с удесятеренной энергией, не останавливаясь ни перед чем, при чем всякая халатность, нерадение или небрежность должны в корне пресекаться; вместе с тем, вся ответственность возлагать на Рев. Военный Совет Балтийского флота.

Особенно осложнился вопрос с ремонтом подводных лодок. Заводы затягивали работы, ввиду отсутствия мастеровых (предполагалось дать мастеровым продовольственный паек для привлечения их к работе). Подводные лодки «Тур» и «Ягуар» надолго вышли из за аварий из строя, и таким образом для действующего флота оставалось только пять подводных лодок.

К 24 декабря состояние кораблей боевого отряда было таково: Линкор «Петропавловск»—закончил все работы, принято 120 тонн угля, готов; линкор «Андрей Первозванный» — предположено ввести в док по окончании навигации, готов; крейсер «Олег» в полной готовности; эск. миноносцы—«Автроил»—готов; «Азард»—в Кронштадте, готов; «Спартак»—в Кронштадте, готов; «Гавриил»—в доке, выход 25 декабря; подлодки: «Пантера»—готова; «Тигр»—готова; («Тур», «Рысь», «Вепрь» и «Волк» в различных стадиях неисправности). «Ягуар»—в ремонте после возгарания батарей.

Из ледоколов, в распоряжение морского командования находились «Руслан», «Ворон», «Тотлебен», «Трувор», «Город Ревель»; «Ермак» к тому времени был выведен из дока и на нем шел ремонт механизмов[1]).

---

[1]) Дело М. И. К. № 15755, стр. 228—230.

В таком положении находился Красный Балтийский флот к периоду последних боевых действий за кампанию 1918. г.

Сведения о составе неприятельских сил. К 23 декабря получены были агентурные сведения, что английские суда находятся в Ревеле. Сведения подтверждались обстрелом неизвестными судами тыла наших войск. По сведениям эстонских газет, 13 декабря английская эскадра пришла в Ревель.

По показаниям матроса, бежавшего из Ревеля, в Ревеле находились 2 английских крейсера и 5 миноносцев. Для проверки этих сведений, была выслана на разведку подводная лодка «Пантера», задача которой состояла в выяснении наличия на Ревельском рейде военных судов; присутствие судов на рейде указало бы, что в Ревеле имеются большие суда, не могущие войти в гавань. Подлодке дана была инструкция: германских судов не трогать, при встрече же с английскими—атаковывать последние. Морские силы Эстонии и Финляндии могли состоять в то время исключительно из бывших русских судов, оставленных при эвакуации, или захваченных белогвардейцами. Небольшие эстонские морские силы, в составе кононерских лодок «Lembit» (бывш. «Бобр», 1100 тонн, 12 узл. артиллерия—2—120 мм., 4—75 мм.) и «Laine» (400 тонн, 12 узл., артиллерия—2—47 мм.) и несколько пароходов, были об‘единены 21-го декабря под командованием бывш. капитана торгового флота Питка [1]).

Первые операции английских морских сил. Английская эскадра, в составе нескольких крейсиров типа «С» (постр. 1916—18 г., 4120 тонн, 29 узл., артиллерия—5—6″/$_{50}$, 2—3″ противоаэропл., 8—21″ надв. торпецн. аппаратов) и несколько эскадренных миноносцев, находились под начальством к.-адм. Синклера, вскоре замененного капитаном Тезигер. По просьбе эстонского правительства, английские суда обстреляли расположение красных войск в районе Кунды, Ассери и Пуртсе.

Обстрел бухты Кунда англо-эстонскими морскими силами [2]). (Карта — фиг. 12). В ночь с 22-го на 23-е декабря, три эстонских судна — канлодки «Lembit» «Laine» и гидрограф. судно «Lood», под начальством Питка, направились к бухте Кунда для ее обстрела и высадки десанта. Во-время похода выяснилось, что вследствие неопытности личного состава, суда не могли развивать ход свыше 6 узлов.

В 10 ч. 40 мин. отряд подошел к Кунде. Канлодка «Lembit» приступила к обстрелу местной фабрики, «Laine» обстреливала гавань; затем с канлодки «Laine» и гидр. судна «Lood» был высажен десантный отряд в 40 человек. По словам Питка, настроение белоэстонцев было несколько подавленное и они опасались подхода судов Красного флота, и лишь после прибытия (в 11 ч. 40 м.) двух английских эсминцев из Ревеля, их действия стали белее решительными.

Для ликвидации десанта, красноармейские части повели наступление, на что английские и эстонские суда отвечали артиллерийским

---

[1]) и [2]) «I. Pitka. Mini malestused suure ilmasoja algusest esti vabadussoja lopuni». Tallina Eesti kirjastuse naisuse kirjastus 1921.—И. Питка. Мои воспоминания от начала великой мировой войны до конца освободительной войны Эстонии. Перевод П. Орас и И. Лудри.

огнем; первые из них вскоре направились к Ревелю. С наступлением темноты, десант был принят на суда, которые вернулись в Ревель.

Операция отряда Особого Назначения к Ревелю. По мнению Председателя Революционного Военного Совета Республики, тов. Троцкого, обстрел порта Кунда английскими судами имел не столько оперативную, сколько политическую цель: доказать полную беспомощность Красного Балтийского флота и неоспоримое никем господство флота Антанты в водах Балтийского моря и Финского залива. Необходимо было убедить неприятеля и весь мир в противном. Кроме того, обстановка, складывавшаяся на сухопутном фронте, также требовала содействия флота продвижению Красной Армии по направлению к Ревелю. Действительно, части нашей 7-й армии занимали фронт, упиравшийся своим правым флангом непосредственно в побережье Финского залива. Совершенно естественно поэтому, что как Командующий 7-ой Армией, так и Высшее Командование считали необходимым обеспечить это слабое наше место от обстрела его неприятельскими судами и от высадки десанта где-нибудь в тылу нашей армии. Обеспечить этот фланг от угрозы неприятеля мог только наш флот, а потому Командование 7-й Армией и Высшее Военное Командование серьезно было этим озабочены и неоднократно просили Морское Командование оказать посильную помощь нашим флотом.

В связи с успешным продвижением частей нашей 7-ой Армии и овладением ею ст. Тапс, производство морской операции по обстрелу гор. Ревеля, вообще говоря, являлось весьма желательным, чтобы поднять дух рабочих этого города и дать толчек к активному их выступлению для свержения белоэстонского правительства, и этим помочь нашей армии овладеть Ревелем.

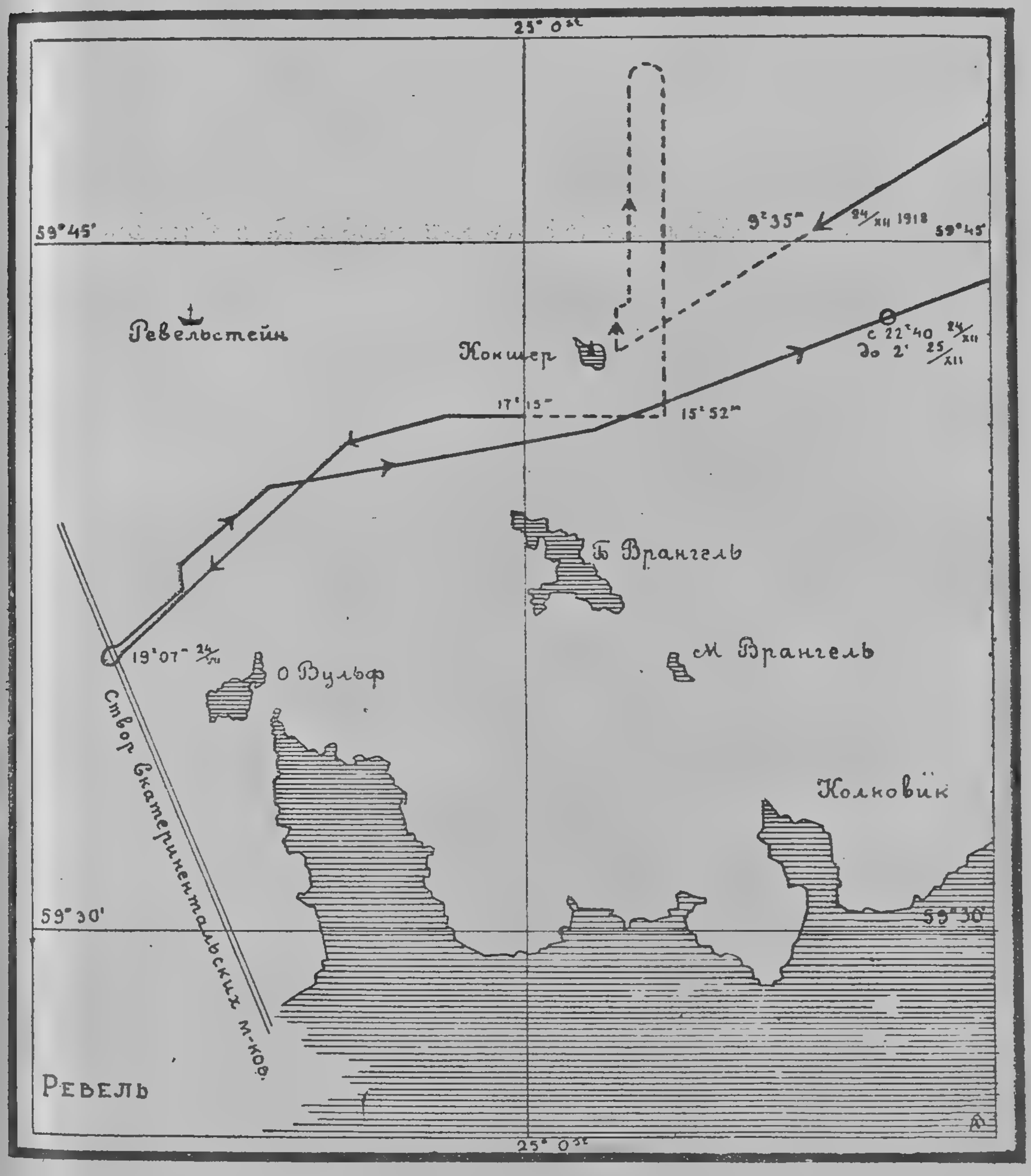
На основании изложенных соображений, была задумана операция глубокой разведки и обстрела г. Ревеля, причем согласно предписания тов. Троцкого предполагалось принять все меры к уничтожению английских судов, базировавшихся на эстонские порта. Для выполнения намеченной операции, из состава морских сил был выделен отряд особого назначения (линкор «Андрей Первозванный», кр. «Олег», эск. мин. «Автроил», «Азард» и «Спартак») под начальством члена Рев. Военного Совета Балтийского флота тов. Раскольникова [1]).

Для предварительного выяснения наличия неприятельских морских сил в восточной части Финского залива, в разведку была послана 23-го декабря подводная лодка «Пантера», имевшая задачей обследовать район Ревельского рейда, а 24-го декабря предполагалось выслать на разведку в бухту Кунда эскадренные миноносцы «Спартак» и «Азард», и ввиде поддержки выдвинуть за Шепелевский маяк крейсер «Олег». В случае обнаружения сильнейшего неприятеля, миноносцы должны были от него уходить, а слабейшего—атаковать, притянув к себе (если понадобится) крейсер «Олег». Последний выдвигался только как поддержка, а не участвовал сам в операции разведки, так как мог развить максимальный ход в 15 узлов, и следовательно, в случае наличия в районе Кунда английских судов (скорость коих была несомненно

[1]) Дело М. И. К. № 60, стр. 14.

больше 18 узлов), он уйти от противника не мог бы и должен был бы принять бой в самых невыгодных для себя условиях.

План операции. План всей операции был разработан в следующем виде: Отряду Особого Назначения надлежало выйти в море; начальник отряда, тов. Раскольников на эск. мин. «Спартак» совместо с двумя

Фиг. 13. Схематическая карта разведки подлодки «Пантера» в районе Ревеля, 23—25 декабря 1918 г. (Пунктиром обозначено плавание в подводном положении).

другими миноносцами должен был итти на Ревельский рейд и, в случае обнаружения противника, обстрелять гавань и порт и тем самым вызвать из гавани морские силы последнего. Кр. «Олег» предстояло держаться в районе о-ва Гогланд, а л. к. «Андрей Первозванный»—в районе м-ка Шепелевского. В случае появления сильнейшего неприятеля, миноносцы должны были отступать на кр. «Олег», а затем, под его при-

крытием, отходить к Кронштадту, на л. к. «Андрей Первозванный». План этот, разработанный Командующим Морскими Силами Республики (тов. Альтфатером и Раскольниковым), был в готовом виде предложен Начальнику Морских Сил и его Штабу, командующему 7-й Армией, и по юзу передан Председателю Рев. Военн. Совета Республики, (т. Троцкому), которым и был одобрен.

Ввиду отсутствия разведывательных данных о силах противника, по мнению Командующего Морскими Силами Республики при выполнении предполагавшейся операции нужно было считаться с возможностью встретиться с одною из следующих трех комбинаций обстановки:

1. Отряд из двух крейсеров и пяти миноносцев, обстрелявший Кунду—действительно английский, составляющий лишь часть английских сил, кои назначены для операции и находятся в Финском заливе.

2. Отряд, бывший в бухте Кунда,—английский и является тем самым, который был в Ревеле, причем никаких других английских сил в Финском заливе нет, и

3. Отряд, бывший в б. Кунда,—финляндский или эстонский, состоящий из вооруженных судов, или из захваченных наших канонерских лодок и старых миноносцев.

Если верна первая комбинация, то операция должна быть достаточно обеспечена, и выпуск наших кораблей «Андрей Первозванный» и «Олег» в район Гогланд—Кунда является рискованным, ибо можно нарваться на серьезные силы англичан, от которых уйти не будет возможности, так как линкор «Андрей Первозванный» при самых благоприятных условиях может дать 15 узлов, а крейсер «Олег»—18 узлов, и, следовательно, может произойти катастрофа, которая едва ли целесообразна по общей обстановке. Если правильна 2 версия, основанная на внезапности, то, в случае появления наших больших сил,—англичане, пользуясь преимуществом хода, уйдут. Наконец, если справедлива 3-я версия, то наши большие суда принесут большую пользу. Исходя из этих соображений, операция намечалась в таком виде: высылаются вперед все три миноносца: «Азард», «Спартак» и «Автроил» (из которых «Азард» уже находился в море), «Спартак» выйдет 25-го декабря с рассветом, а «Автроил» (бывший еще в Петрограде), пройдет с помощью ледоколов в Кронштадт и будет служить поддержкой. На уступе назад—кр. «Олег» (уже ушедший в море и находящийся к западу от Шепелевского маяка), и наконец л. к. «Андрей Первозванный», который для поддержки будет держаться у Шепелевского маяка. Утром предполагалось от «Азарда» точно узнать, какие силы находятся между маяком Шепелевским и Гогландом, что дало бы возможность, выпуская утром же прочие суда, иметь эти необходимые данные и, значит, не действовать с закрытыми глазами. После соединения эсминцев «Спартак» и «Азард», если в б. Кунда и в «Виках» неприятеля нет, оба идут совместно в Ревель, где обстреливают порт. В случае обнаружения превосходных сил противника, миноносцы могут, следуя надлежащим ходом, уйти, имея на пути своего отхода поддержку уступами на восток, ввиде крейсера «Олег» и далее, л. к. «Андрей Первозванный». Если миноносцы обнаружат противника в бухте Кунда (при составе его, предусмотренном 2 и 3 версиями), то они могут его атаковать, подтянув к себе кр. «Олег». По расчету,

подводная лодка «Пантера» утром 24-го декабря должна быть в районе Ревеля и в установленное время будет запрошена об обстановке, и, таким образом, будет получена и другая данная по разведке, а именно, что имеется в районе к западу от Гогланда. Что касается до выходов в море и операций л. к, «Петропавловск», то корабль этот кончил лишь неделю тому назад работы и приемки, ни разу еще не выходил в море, и совершенно не налажен в смысле личного состава, почему выход его в море может лишь осложнить всю операцию, и будет сделан лишь в самом экстренном случае.

В дополнение к этому плану, Командующий 7 Армией дал со своей стороны инструкции: 1) Не обстреливать побережья в районе Гунгенбурга, бухты Кунда и «Виков», так как в этом районе могут находиться наши красноармейские части, и 2) Держать морские вооруженные силы готовыми для обеспечения за нами южного побережья в пределах наших войск, (для выполнения последней задачи могла быть выслана для крейсерства в этих водах только одна п. л. «Тигр»).

Операция эск. мин. «Азард» и кр. «Олег». 24-го декабря выяснилось, что эск. мин. «Спартак» из за отсутствия у него нефти выйти не может, а потому в операцию отправились только кр. «Олег» и эск. мин. «Азард» [1]). Последний имел запас нефти всего в 260 тонн: ввиду неисправности нефтеналивных средств на тр. «Спиноза» — приемка нефти затянулась. Ввиду слабости буксиров и тяжелого льда в гавани, миноносцу приходилось помогать своими машинами, следствием чего явилось нагревание упорных подшипников и холодильников, так как льдом забивались решетки кингстонов главных холодильников; вследствие этого ему пришлось около часу времени итти малым ходом и к месту бывшей стоянки Лондонского маяка он подошел уже в сумерки. Лаг был неисправен, уверенности в действии маяков не было, а потому командир решил встать на якорь. В 7 час., исправив лаги повреждения клапана нефтепровода (повреждение частое, вследствие износа всего нефтепровода), миноносец снялся, и имея под парами 3 котла, дал самый полный ход (25 узлов). У маяка Нерва нашел густой туман от SO, с сильной снежной пургой; ход был уменьшен до 16 узлов и курс изменен вплотную к о-ву Тютерс. Пройдя Тютерс, легли в Нарвскую губу, курсом S. Когда миноносец подходил к месту назначения, туман рассеялся, оставалась небольшая мгла, при видимости в 5—6 миль. Была пробита боевая тревога, причем обнаружилось, что механизмы пушек обмерзли и покрытая льдом палуба затрудняла подачу. К полудню «Азард» вышел на меридиан порта Кунда и пройдя еще три мили к W, никаких кораблей не обнаружил и повернул обратно, ввиду ограниченного запаса нефти. Возвращаясь теми же курсами, он встретил у о-ва Тютерса снова туман и пургу со свежим ветром и большой волной. Миноносец благополучно вернулся в Кронштадт, никого в море не обнаружив. Нефти оставалось 40 тонн, а запас турбинного масла был израсходован целиком [2]).

---

[1]) По словам командира э. м. «Азард», ему не было сообщено командованием о посылке кр. «Олег» в качестве поддержки.

[2]) Дело М.И.К. № 61, стр. 1.

Крейсер «Олег», имея первоначально задачу поддержки эск. мин. «Азард», 24-го декабря в 15 часов снялся с якоря с Кронштадтского рейда и имея пары в 8-ми котлах следовал к Шепелевскому маяку, где встал на якорь.

Заграждение крейсеру пришлось проходить в темноте и в пургу, руководствуясь счислением и пеленгом Шепелевского маяка, который пургой иногда закрывался, буев не было видно.

Разведка подводной лодки «Пантера» 23-го декабря. (Фиг. 13). Подлодка «Пантера» вышла при помощи ледокола на Большой Кронштадтский рейд в 12 час. 23-го декабря и направилась по назначению. Подлодка шла под двумя дизелями в надводном положении; на пути к Ревелю видны были горящие маяки: Сескар, Верхний и Нижний Гогландские, Большой Тютерс, Родшер, Экхольм, буи у банок Средней и Лавенсарской. Не виден был только маяк Стеншер, хотя лодка и проходила в районе его видимости. Вскоре определение стало крайне затруднительным, так как компас и пеленгатор непрерывно заливало водой и они обледеневали. В 3 ч. 24 декабря она прошла траверз Южного Гогландского маяка. В 9 час. 35 м. при подходе к маяку Кокшер, были застопорены дизеля, лодка погрузилась, намереваясь следовать на Ревельский рейд, но оказалось, что оба перескопа неисправны: не подымались, не опускались и не вращались; кроме того, лучший перископ—носовой—имел перекошенное изображение (как оказалось по возвращении из похода, вследствие обрыва тросика для перевода на увеличение), у кормового же обмерзли наружные и внутренние стекла. Поэтому пришлось держаться под водой пока перископы не оттаяли, и одновременно кормовой перископ был пущен на просушку. Через некоторое время перископы начали с трудом ворочаться, под‘ем и спуск кормового перископа также стал действовать, но носовой заело в мертвую и следовательно он торчал бесполезно, только мешая при наблюдении в кормовой перископ. Светлое время лодка ходила под водой, по Ost-ую сторону Кокшера, причем выяснилось, что пропускают клапана циркуляции дизелей, вследствие чего лодка потеряла возможность погружаться на глубину свыше 50—60 фут. Из за большой волны, лодка плохо держала перископную глубину и на 40 футах ее качало.

В 16 час., когда ясность кормового перископа сделалась достаточной, лодка пошла в проход между Кокшером и остр. Б. Врангель.

В 17 ч. 15 м. стемнело. Подлодка всплыла и в надводном положении проследовала на Ревельский рейд под одним дизелем, пустив другой на зарядку. Из за волны и обмерзания, радиотелеграфная мачта не могла быть поднята.

Вскоре обнаружилось, что сгорел реостат циркуляционной помпы; пущена была помпа № 2, не рассчитанная на два дизеля, и поэтому работа шла с перегрузкой. В 19 час., дойдя до створа Екатеринентальских маяков, который был виден самое короткое время, лодка повернула обратно, так как начался снежный шторм. Выйдя за Кокшер, она держалась на курсе под одним дизелем, продолжая зарядку. Решено было утром, если позволит погода, попытаться пройти

[1]) Дело М.И.К. № 61, стр. 3.

на S под водой. В 22 ч. перестал действовать руль (лопнул правый штуртрос). Застопорив дизеля, приступили к исправлению. Держаться против волны электромоторами не удавалось, лечь на грунт не позволяла глубина, потому пришлось стоять без движения в надводном положении. Руль сильно било волной и была опасность, что лопнет второй штуртос. Попытка временно поддержать руль дифференциальными талями была не удачна, так как у первых заведенных талей лопнула цепочка, при заводке вторых—разогнулся гак.

К 2 час. с большим трудом повреждение было исправлено, но настолько ненадежно, что не имея более средств для исправления в случае повторного повреждения руля, лодка не считала возможным в таком положении оставаться на позиции, и под обоими дизелями пошла обратно в Кронштадт. В 8 час. она прошла траверз м-ка Родшер; в 9 час. 15 м. определилась по Ю. Гогландскому маяку и проследовала далее. В 13 ч. 50 м. у банки Средней был встречен кр. «Олег», которому семафором были сообщены сведения о походе и просьба вызвать встречу, в ожидании которой предполагалось стать на якорь у мыса Осинового. В это время пурга прекратилась, стал виден о. Сескар, по которому определено было место. В 16 ч. 25 м., подойдя к Шепелевскому маяку, подлодка встретила эск. мин. «Спартак», к которому она ошвартовилась и также сообщила все сведении о походе. В 22 ч. она стала на якорь у Шепелевского маяка, а в 9 ч. 50 м. 26 декабря направилась далее в Кронштадт, куда и прибыла благополучно в 13 ч.

Таким образом, лодка за весь поход неприятеля не обнаружила. Командир в своем донесении указывал на массу различных повреждений и неисправностей, резюмируя, что он из опыта своего похода и походов п. л. «Тигр» и «Тур» вынес убеждение о необходимости прекратить посылки подлодок в море, так как иначе не представлялось возможным отремонтировать их к весне; в том же состояни, в котором они находились, не было возможности действовать ни торпедами, ни артиллерией.

Обстановка перед началом операции Отряда Особого Назначения. Между тем, пока Начальник Отряда Особого Назначения выжидал донесения от подлодки «Пантера» и эск. мин. «Азард», обстановка несколько изменилась.

24-го декабря была получена оперативная сводка: Из Гунгербурга доносили, что ночью два судна в течение часа освещали прожекторами берег. В 6 часов суда вновь появились и удалились с рассветом. Эстонский эскадрон занял ночью завод Кунда. Имелись сведения, что часть десанта осталась в районе порта Кунда, а часть (около тридцати человек) направилась на мызу Малла. Сводка от 25-го декабря определенно указывала, что в Ревеле английских морских сил не было, но что в ближайшее время ожидалась присылка больших сил английским правительством, по заявлению ген. Моррена решившим поддерживать белоэстонское правительство, но не имевшим стремления оккупировать Эстонию; в Эстонии была об'явлена мобилизация. Тут же сообщались данные о событиях в Латвии. По агентурным сведениям, 27 декабря в Ригу прибыл и встал на якорь в Двине английский легкий

крейсер, кроме того, в устье Двины—английская эскадра в 6—7 вымпелов. По заявлению министра - президента Ульмана эскадра прибыла, чтобы помочь правительству Латвии в его борьбе с большевиками. Оставшиеся в Риге германские части спешно эвакуировались под прикрытием железной дивизии. Немцы сжигали многие склады и взрывали большие склады взрывчатых веществ [1]).

Появление неприятельских судов у Гунгербурга, невыясненность обстановки—с одной стороны, уверенность в отсутствии английских сил в Ревеле—с другой, повлияли на Начальника Отряда Особого Назначения в смысле ускорения выхода в операцию, не дожидаясь возвращения кр. «Олег» и эсминца «Азард».

Из намеченных для операции судов, 25-го декабря эск. мин. «Автроил» был в Петрограде, кр. «Олег» и эск. мин. «Азард»— в море на разведке по выполнению операции в бухте Кунда, и в намеченный для операции день, т. е. 25 декабря, вышли в море лишь эск. мин. «Спартак» и л. к. «Андрей Первозванный», с расчетом, что «Автроил» догонит эск. мин. «Спартак» в море, а эск. мин. «Азард» и кр. «Олег» присоединятся к отряду, возвращаясь с разведки. Фактически эск. мин. «Азард» вернулся с разведки 25 декабря к вечеру, имея всего 40 тонн нефти и потому присоединиться к отряду не мог. Эск. мин. «Автроил», имея небольшую поломку в машине из-за очень тяжелого льда, опоздал, и смог выйти из Кронштадта в море лишь 26-го декабря вечером.

Операция 25—27 декабря. Таким образом, для выполнения операции, в море вышли л. к. «Андрей Первозванный» и эск. мин. «Спартак». Крейсер же «Олег», будучи 25 декабря в море у Шепелевского маяка, получил с ледоколом от Начальника Морских Сил краткое предписание, причем с подробным планом всей операции командир не был ознакомлен.

Имея к этому времени угля на 3-е суток, ввиду срочности намеченной операции кр. «Олег» не имел времени пополнить запасы угля, так как на погрузку при существовавших условиях нужно было потратить около недели времени, так что крейсер вышел в операцию 25 декабря с неполным запасом угля.

Утром 26-го декабря Начальник Отряда Особого Назначения (т. Раскольников), находясь на эск. мин. «Спартак», сообщил по радио Начальнику Морских Сил и Начальнику Морской Кронштадтской Базы, что вследствие опоздания эск. мин. «Автроил» операция откладывается на одни сутки, но вскоре же изменил свое решение, никого, кроме кр. «Олег», об этом не уведомив.

Между тем, получив директиву о новой операции, крейсер немедленно снялся с якоря и пошел к Гогланду, имея пары в 12 котлах и ходу—14 узлов. В 13 ч. 45 м. у банки «Средняя» была замечена подводная лодка, шедшая с моря в надводном положении и сильно обледеневшая. Подлодка не отвечала на позывные, но предполагая, что это «Пантера», возвращавшаяся из разведки к Ревелю, крейсер изменил курс на нее, чтобы переговорить по семафору и выяснить результаты

---

[1]) Дело М. И. К. № 60, стр. стр. 78—81.

разведки. С подлодки было передано, что на рейде у Ревеля никаких судов не обнаружено. В это же время был усмотрен шедший с моря эск. мин. «Азард», который поднял свои позывные, но не мог присоединиться из-за отсутствия топлива.

Подходя по счислению в сильной пурге к северной оконечности Гогланда в 18 ч. 20 м., крейсер стал на якорь, руководствуясь лотом Томсона, в счислимой широте 60°6′N. и долготе 27°5′Ost. 26-го декабря в 6 ч. 45 м. от северной оконечности о-ва Гогланд замечен был сигнал клотиком: «сейчас подойду к вам. Зажгите клотик». Командир не сомневался, что это был «Спартак» и клотик был зажжен. Несколько ранее, 6 ч. 30 м. была получена радио от Начальника Отряда Особого Назначения «сейчас подойду к вам», расшифрованная уже после разбора семафора. В 7 ч. 15 м. эск. мин. «Спартак» подошел к борту и передал: «я иду обстреливать Ревель. Вам быть в готовности на поддержку. Раскольников». Эск. мин. «Спартак» по рассчету мог быть у Ревеля около 10 ч. утра, поэтому крейсер снялся с якоря и держался весь день под машинами, иногда выходя к N от Гогланда для осмотра моря к западу.

Потеря эск. мин. «Спартак». Выйдя 25-го декабря из Кронштадта, передав в море директивы кр. «Олег» и получив от подлодки «Пантера» сведения об отсутствии в Ревеле неприятеля, «Спартак» 26-го декабря около 11 час. утра при ясной и тихой погоде подошел к о-ву Кокшер, оставляя его к N. Идя 16-ти узловым ходом и находясь милях в пяти от о-ва Вульф, около 11 ч. 30 м. «Спартак» открыл по нему артиллерийский огонь, с намерением выяснить, имеются ли там батареи, и сделал несколько галсов курсами Ost и W.

Ввиду того, что Вульф не отвечал, «Спартак» около 12 ч. 20 м. лег на N, а затем на S, перенеся огонь на остров Нарген, с той же целью выяснения нет ли батарей на острове. В это время был замечен небольшой финский пароход, шедший в Ревель. Пароход был остановлен, на него было посажено со «Спартака» несколько человек вооруженной команды и он был отправлен в Кронштадт. На этот арест парохода потрачено было почти 2 часа времени. В 13 ч. 15 м. «Спартак» стал ложиться на створ Екатеринентальских маяков, с намерением итти на Ревельский рейд. Вскоре были замечены дымы нескольких военных кораблей, шедших из Ревеля, повидимому, сильно форсированным ходом. Желая уйти от них, «Спартак» увеличил ход до полного и лег курсом 45°, намереваясь прорваться к Кронштадту, или же укрыться в финских шхерах. Расстояние быстро уменьшилось до 60 кабельтовых и можно было различить 3—4 миноносца и 1—2 легких крейсера, которые открыли по «Спартаку» огонь [1]). Последний отвечал, отстреливаясь лишь из кормового орудия. Расстояние продолжало быстро уменьшаться. Как выяснилось впоследствии, преследовавшие «Спартака» английские миноносцы в это время развивали скорость до 35 узлов, тогда как «Спартак» не мог развить полной скорости, ибо вследствие непривычки личного состава к полным ходам,

---

[1]) По эстонским данным (воспоминания Питка) «Спартак» был захвачен в 2 милях на WSW от Кокшера.

механизмы действовали неисправно и приходилось по очереди стопорить то одну то другую тюрбины, почему средняя скорость не превышала 23—25 узлов.

Около 13 ч. 30 м. газами выстрела носового орудия «Спартака», направленного под слишком острым углом на корму, сбило ящик с картами, разорвало и разбросало последние, произвело разрушение на мостике и контузило штурмана, вследствие чего точное место миноносца не могло быть определено. Минут через 10 было замечено по крупной волне, что миноносец идет по мелкому месту, был изменен курс, но слишком поздно, и «Спартак» сел на банку Девельсей, потеряв винты, а значит и ход.

Неприятельские суда в это время были в расстоянии около 30 каб. от «Спартака». На последнем был прекращен огон и спущен флаг. Подойдя до 15-ти каб., английские суда застопорили машины, спустили шлюпки и на них перевезли на «Спартак» свою команду. Около 19 ч. «Спартак» на буксире был приведен в Ревель и на другой день, вместе с личным составом, передан англичанами—эстонцам.

Потеря эск. мин. «Автроил». Эск. мин. «Автроил», выйдя из Кронштадта 26-го декабря вечером, незамеченно прошел мимо кр. «Олег» и подошел около 11 ч. утра 27-го декабря к м-ку Ревельстейн, о чем донес по радио; здесь он заметил шедшие ему навстречу суда неприятеля. Повернув на Ost, и взяв курс вдоль южного берега, он развил ход до 32 узлов, вследствие чего расстояние до преследовавших его 3-х неприятельских миноносцев не уменьшалось.

Около 12 ч. 30 м., когда «Автроил» находился приблизительно на меридиане м-ка Экхольм, были замечены на Ost один легкий крейсер и два миноносца, шедшие видимо из губы Кунда. Эти суда быстро приближались к «Автроилу», открыв по нему огонь. Одним из первых выстрелов на «Автроиле» была сбита стеньга, после чего он сдался в плен и был отведен в Ревель, где также был передан англичанами эстонскому правительству [1]).

Действия кр. «Олег». Крейсер «Олег», оставленный в виде поддержки у Гогланда, продолжал крейсировать, время от времени сносясь по радио с Начальником отряда, тов. Раскольниковым.

Около 15 ч. эск. мин. «Спартак» перестал отвечать на вызовы по радио. В 16 ч. 55 м. крейсер стал на якорь на прежнее место и в 18 ч. дал радио Начальнику Морских Сил: «в семь часов «Спартак» от Гогланда ушел обстрелять Ревель. На радио не отвечает. Стою на якоре у Гогланда. Имею провизию на сутки, угля на 30 часов. Жду распоряжений». Заметив в 19 часов по направлению острова какие то огни, крейсер снялся с якоря, считая рискованным стоять вторую ночь на том же месте и перешел к о-ву Тютерс, где встал на якорь. 27-го декабря, видя, что «Спартак» на радио не отвечает в течение целых суток и предполагая, что он взорвался на минном заграждении у Ревеля и погиб, крейсер, имея провизии и угля на сутки, просил по радио разрешения итти в Кронштадт. В 10 ч. 20 мин. крейсер

---

[1]) В воспоминаниях Питка нет указаний относительно появления английского крейсера и эсминцев из бухты Кунда.

снялся с якоря и малым ходом лег на о-в Соммерс, имея намерение, в случае не получения разрешения, повернуть к Гогланду и там крейсировать. По разобранным радио, крейсер знал, что эск. мин. «Автроил» вышел на присоединение к эск. мин. «Спартак». В 12 ч. 35 мин. было принято открытая радио «Автроила»: «неприятельские корабли нас обстреливают».

Немедленно повернув, крейсер 12-ти узловым ходом пошел к северной оконечности Гогланда. Введены были все котлы. Вслед за первой открытой радио, была получена шифрованная радио «Автроила»: «вижу неприятельские корабли». В 12 ч. 45 м. крейсер дал радио «Автроилу»: «дать сведения о противнике»; в то же время была принята радио в одно сочетание, которое не расшифровывалось, но по догадке можно было предположить значение: «вижу неприятельское трехтрубное судно, повидимому, легкий крейсер». С этого времени эск. мин. «Автроил» более никаких радио не давал и на вызовы не отвечал. Крейсер вышел на W от Гогланда. Предполагалось, что «Автроил» встретился с неприятелем в районе Ревельстейна и уходя от него со скоростью 25 узлов, мог быть у Родшера в 15 часов; между тем, при ясном горизонте, ни кораблей, ни дымов не было видно. Затем крейсер разобрал радио Начальника Морских Сил о высадке неприятельского десанта в бухте Колковик под прикрытием флота, и, предполагая, что на позиции у Родшера могла быть неприятельская подводная лодка, считал дальнейшее продвижение на W рискованным и бесцельным. Поэтому, с разрешения Начальника Морских Сил, он в 14 ч. 45 м. повернул обратно и пошел в Кронштадт. Нашла пасмурность, видимость уменьшалась, и, подходя к Шепелевскому маяку в пурге и не зная точного места л. к. «Андрей Первозванный», стоявшего у маяка, крейсер в 20 ч. 15 м. стал на якорь; 28-го декабря в 5 час. пришел в Кронштадт и вошел в Среднюю гавань [1]). (Оценка всей операции Отряда Особого Назначения приведена ниже, на стр. 146).

Последние операции в кампанию 1918 г. (Карта—фиг. 12). Неприятель продолжал свои операции по противодействию продвижению Красной Армии и то обстреливал ее правый фланг, то высаживал десантные отряды на южное побережье Финского залива.

25-го декабря в 23 ч. отряд эстонских судов в составе канлодок «Lembit» и «Laine» и гидрограф. судна «Lood», вышел из Ревеля и направился к порту Локса (в залив Папонвик), занятому к этому времени Красной Армией. В 6 час. 26-го декабря отряд подошел к берегу; «Lembit» начал обстрел позиций, а «Laine» и «Lood»—приступили к высадке десанта, который был выслан на разведку. Окончив разведку, десантный отряд вернулся на суда; последние обогнули полуостров Юминда, держась возможно ближе к берегу, и вновь высадили десант для разведки в Тайре. Не обнаружив частей Красной армии, отряд вернулся в Ревель, где эстонское командование очень беспокоилось за его судьбу, принимая во внимание присутствие в море судов Красного Балтийского флота (Отряда Особого Назначения).

---

[1]) Дело М.И.К. № 57, стр. 32—33.

27 декабря у дер. Педасти в заливе Колковик неприятелем был высажен десант.

Операцию прикрывали два миноносца и канонерская лодка. Того же числа под нашим огнем, противник снова погрузился на суда и отошел в западном направлении [1]).

Разведка подлодки «Тигр». (Карта—фиг. 14). Неудача операции эсминцев «Спартак» и «Автроил» наложила свою печать на активность Красного Балтийского Флота, который ограничил свои действия высылкой подводных лодок для наблюдения за деятельностью неприятеля.

Шторм от SW со снежной пургой лишил возможности выслать в срок очередную подлодку «Тигр» в море для наблюдения за неприятелем и лишь 30 декабря она вышла на разведку «Виков» и Ревельского рейда.

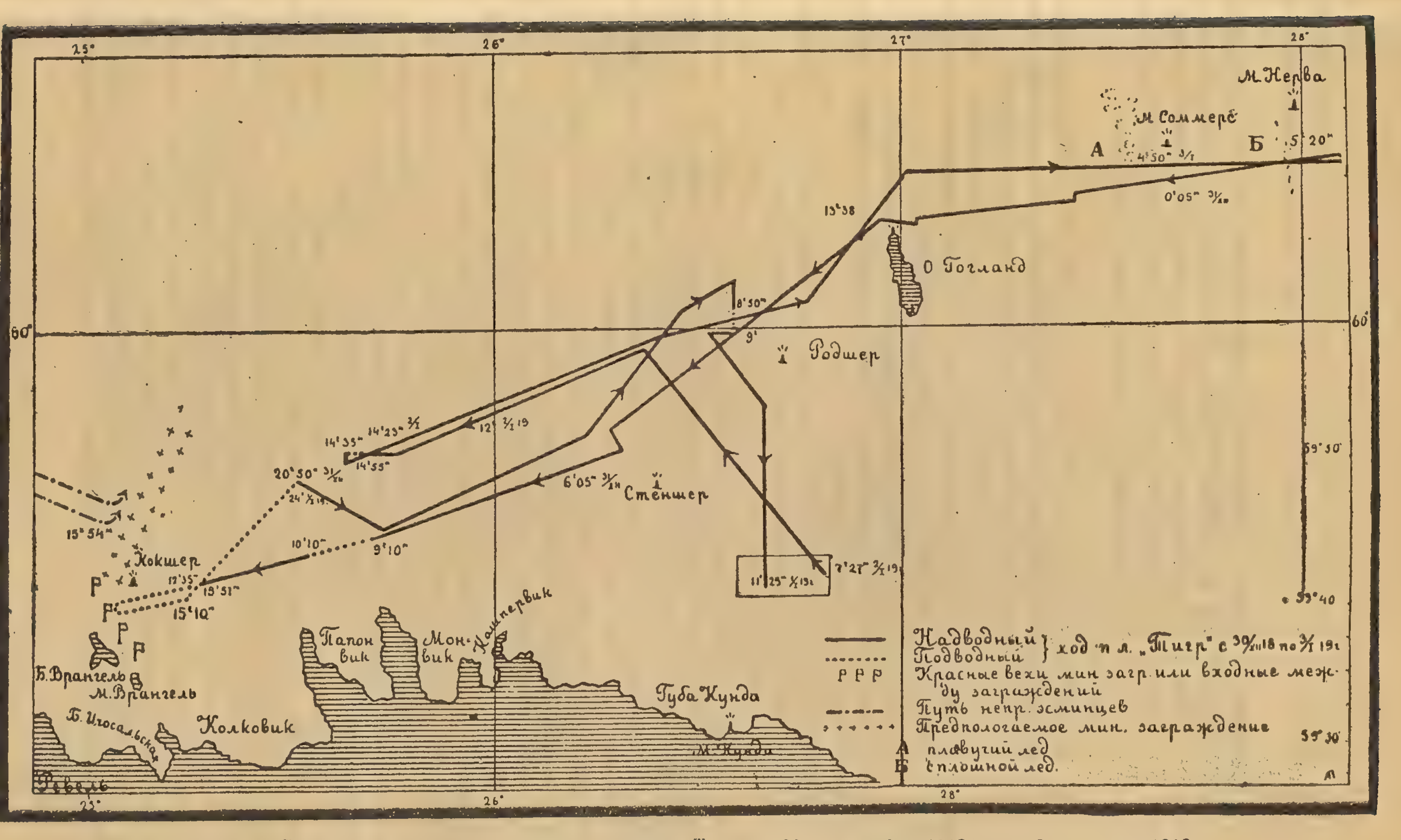
В 13 ч. 35 м. 31 декабря, идя под перископом для обследования районов Кокшера и Ревельстейна и пройдя траверз Кокшера, подлодка обнаружила 4 больших красных вехи с красными флагами. Предположив, что в хи ограждают минные заграждения, она повернула обратно. В 15 ч. 10 м. она всплыла. На горизонте подлодка увидела приближавшиеся дымы. В 15 ч. 51 м. показались мачты, повидимому, миноносцев, шедших курсом на подлодку. «Тигр» погрузился на глубину в 23 фута и услышал слабый взрыв. Миноносцы шли с очень большой скоростью. В 15 ч. 54 м. миноносцы повернули на 90° и дали залп, разрывы которого были слышны довольно слабо. Подлодка погрузились до 70 фут. В 17 ч. 18 м. снова был услышан разрыв снаряда. Предполагая себя обнаруженной по пузырям или масляным пятнам, подлодка погрузилась до 100 фут, но в 18 час. 20 мин. снова услышала разрыв снаряда. В 20 час. 50 мин. подлодка всплыла — горизонт был чист. Желая скрыть свои следы, она в 23 ч. 40 мин. направилась к бухте Кунда.

В 12 ч. 1 января лодка остановилась в видимости берегов бухты Кунда, где пробыла до 7 ч. 20 м. 2 января, большею частью в тумане. К 12 ч. подлодка перешла на видимость берегов «Виков», где, погрузившись, хотела произвести разведку заливов, но ввиду порчи перископа (в перископе оказалась вода), ей пришлось всплыть и, не имея возможности без перископа оставаться на позиции,—дать ход, располагая курсы к Кронштадту. У острова Гогланда была обнаружена работавшая на немецком или эстонском языке станция радиотелеграфа.

3 января в 4 ч. 50 м. подлодка прошла траверз м-ка Соммерс, где уже появился плавающий лед; у маяка Нерва—лед сплошной и лодка шла с трудом. В 13 ч. 5 м. прошел ледокол «Трувор», посланный из Кронштадта за тральщиком к Лондонскому маяку. По каналу, пробитому ледоколом, подлодка самостоятельно следовала далее и в 16 час. 30 мин. ошвартовилась у уч. с. «Воин» в Кронштадтской гавани. В своем донесении командир подлодки вполне отрицательно отзывался о целесообразности дальнейших походов, которые, по его мнению, были сопряжены с большим риском, причем личный состав

---

[1]) Дело М. И. К. № 15816, стр. 44.

Фиг. 14. Схематическая карта разведки подлодки «Тигр» с 30-го декабря 1918 г. по 3-е января 1919 г.

в отношении тяжести работы, низкой температуры в лодке и питания был поставлен в совершенно неудовлетворительное положение; поэтому он ходатайствовал о полном ремонте и улучшении снабжения личного состава [1]).

Директива Высшего Морского Командования и взгляд Начальника Морских Сил на ее выполнимость. На директиву Командующего Морскими Силами Республики (в. м. Альтфатера) заградить минами заливы Колковик, Папонвик, Монвик, Кашпервик, губу Кунда и подходы к Гунгербургу, Начальник Морских Сил (Зарубаев) 5 января ответил следующее:

«В настоящее время, Балтийский флот для выполнения минных постановок располагает только двумя эскадренными миноносцами, пригодными для этой цели—«Гавриил» и «Азард», могущими принять для постановки по 60-ти мин. каждый, т. е. всего на один поход с постановкой—120 мин. Чтобы заграждения были бы действительными, мины необходимо ставить через 150 фут (опыт минувшей войны), не менее как в две линии и по возможности в шахматном порядке. По предварительному подсчету для выполнения всей операции надлежит поставить 1820 мин. следующим образом:

Колковик—400 мин, Папонвик—160, Монвик—200, Кашпервик—120, губа Кунда—140 и подход к Гунгербургу—800 мин.

Так как оба «Новика» могут сразу взять только 120 мин, то, чтобы поставить все эти заграждения, «Новики» должны сделать 15—16 походов. Каждый такой поход, подготовка к нему, т. е. приемка и приготовление мин, топлива и материалов, займет 3 суток и, следовательно, на выполнение всей операции нужно 45—48 дней и этот расчет, конечно, не может быть проведен в жизнь по причинам не полной исправности миноносцев, погоды и состояния льда. Кроме того, как показывает заградительная практика войны, одно минное заграждение необходимо ставить сразу все полностью, а не добавлять его, выполняя работу в несколько приемов, так как такое поставленное заграждение будет иметь перерывы. Имея в виду то обстоятельство, что ледяной покров залива через месяц уже дойдет до максимума и будет простираться до меридиана Гогланда—станет очевидным, что задача эта не выполнима». Указывая далее, что и помощь наличных 3 угольных миноносцев мало ускорит работу и опасна по техническому состоянию их, он считал невозможным выполнение каких-либо операций миноносцами в виду позднего зимнего времени. Точно также он отрицательно относился и к походам подводных лодок, что доказала практика последнего времени; резюмируя вышеизложенное, Начальник Морских Сил считал, что на флот более нельзя рассчитывать в смысле оказания помощи наступленю армии по побережью залива. При наличии морских сил неприятеля в Финском заливе—посылка в море больших судов без охраны и разведки и необходимых тральных работ—также казалась слишком рискованной и не допустимой с точки зрения военно-морской [2]).

Тем не менее походы подводных лодок продолжались.

---

[1]) Дело М. И. К. № 60, стр. 605 и № 1603, стр. 605.
[2]) Дело М. И. К. № 60, стр. 301. Доклад Нач. Мор. Сил.

Действия неприятеля с 29-го декабря по 6 января[1]. (Карта — фиг. 2). В 8 часов утра 29-го декабря к Локсе (зал. Папонвик), подошли канлодки «Lembit» и «Laine», гидрограф. судно «Lood» и пароход «Moonsund» с десантным отрядом в 120 человек добровольцев, сформированным кап. Питка. Суда обстреляли местную фабрику, наши батареи и позиции Красной Армии. Десантный отряд высадился в гавани Локса и занял это местечко. Отряд произвел разведку и в 6 ч. вечера был принят обратно на суда, направившиеся затем в Ревель.

Следующая десантная операция была произведена 31-го декабря. Те же суда вошли в 7 часов утра в залив Колковик, обстреляли сначала имение Кола, а затем район близ моста в Тентре (Циттер); в 8 час. близ этого моста был высажен десант, под прикрытием артиллерийского огня канлодки «Lembit». Красноармейские части открыли ружейный огонь по десанту, но были отброшены обстрелом с «Lembit», который также обстреливался с берега. Затем, по просьбе бело-эстонского сухопутного командования, «Lembit» открыл огонь по почтовой станции Кохала, но несмотря на содействие судовой артиллерии, эстонские сухопутные части продолжали отступать и Красной Армии удалось вскоре выйти на линию Сальмисто-Ванакюла-Кусалу-Козе-Кюрве. Неудачу совместной операции Питка приписывает недостаточной обученности десантного отряда. Не выполнив своей задачи, эстонские суда вернулись 1-го января в Ревель.

3-го января канлодки «Lembit» и «Laine» возобновили обстрел побережья залива Колковик; полевая артиллерия Красной Армии отвечала на обстрел. 4-го января обстрел производился только канлодкою «Lembit», а «Laine» была отослана в Ревель за боевыми припасами и десантным отрядом.

5-го января, после присоединения к «Lembit», канлодки «Laine» и парохода «Moonsund», было приступлено к высадке десанта близ моста у Тентре, прикрывая операцию артиллерийским огнем. Позднее подошли 3 английских эсминца и также присоединились к обстрелу берега, но вскоре ушли в Ревель. Десант, пытавшийся занять дер. Муукси, не достиг успеха. Наши части (по эстонским данным—отряды матросов) энергичным наступлением отбросили бело-эстонцев и обратили их в беспорядочное паническое бегство (см. воспоминания Питка). Наши части продолжали наступление и вскоре оказались в непосредственной близости от белоэстонских судов, по которым они открыли огонь. В руки наших частей чуть не попал пароход «Moonsund», командир которого в панике спрятался в машинное отделение. Но распорядительность штурмана этого парохода и возобновление обстрела с канлодки «Lembit» приостановили наши успехи.

На ночь канлодка «Lembit» встала на якорь за островом Педасар, а остальные суда были отправлены в Ревель, для пополнения десантного отряда. 6-го января «Lembit» начал обстрел наших батарей у Тентре, причем ответный огонь их заставлял канлодку несколько раз

[1]) Воспоминания Питка.
Дело М. И. К. № 14916, стр. 19, 32 и 34.
Дело М. И. К. № 15816, стр. 42.
Дело М. И. К. № 15049, стр. 132.

менять место. В этот день Питка перешел на только что вступивший в строй эсминец «Lennuk» (бывш. «Автроил»), а «Lembit» был отправлен в Ревель для приемки различных запасов. «Lennuk» в течение дня выпустил 120 снарядов по нашим позициям и заставил наши части переменить позиции (обстреливался правый фланг Ревельского полка). По словам Питка, операция обстрела производилась самостоятельно, без связи с сухопутным командованием: несмотря на неоднократные попытки морского командования, связь с пехотой установить не удалось. Вследствие неверных данных, полученных Питка из сухопутного штаба, он обстрелял финские части, прибывшие на подкрепление эстонцев.

Более крупная десантная операция была произведена 8-го января. Эстонские морские силы в составе эсминца «Lennuk», канлодки «Lembit» и судов с десантом «Laine», «Lood», «Hector», (ледокол), моторного катера «Kaleo» и буксира, имея на борту отряд в составе 120 эстонцев и 200 финских добровольцев, направились для занятия гавани Локса (зал. Папонвик). Присутствие хорошо снаряженного финского отряда и его энергичные действия повлияли и на эстонцев подбодряющим образом.

Повидимому, повторные высадки десантных отрядов и обстрел фланга наших частей значительно повлияли на их устойчивость и к 9-му января на сухопутном фронте наступил перелом: наша Красная Армия начала отступать. Наступил момент, когда помощь Красного флота могла бы оказать существенное влияние на ход операций.

Отказ от дальнейших операций Красного Флота в текущую кампанию. Несмотря на то, что боевая деятельность противника настоятельно требовала поддержки 7-й Армии—Красным Флотом, состояние льда заставило временно прекратить всякие операции последнего. Поэтому Следственная Комиссия, доносившая 11 января Главнокомандующему и Председателю Рев. Военного Совета о состоянии Балтийского флота и об обстановке, сообщала, что заграждение Нарвского залива не может быть выполнено имеемыми средствами и что флот не в состоянии оказать помощи 7-й армии; помощь с его стороны могла бы выразиться лишь в постановке 100 малых мин, причем эту операцию возможно было бы произвести тремя пароходами, находившимися в Гунгербурге, для чего мины срочно готовились и по мере готовности направлялись частями в Нарву по железной дороге [1]), в сопровождении специалистов—минеров. (Возвращение этих мин, а также летчиков и аэропланов было потребовано Начальником Морских Сил 21-го января 1919 г.) [2]).

Поход подлодки «Пантера» 15 января 1919 г. Последним боевым походом судов Красного Балтийского флота явилась безрезультатная операция подлодки «Пантера». 15 января подводная лодка «Пантера» вышла в море, но, дойдя только до поворотного буя у Шепелевского маяка, далее пробиться во льду не могла; при этом подлодку несло двигавшимся льдом, что представляло для нее большую опасность из-за

---

[1]) Дело М. И. К. № 60, стр. 293. Телеграмма Следственной Комиссии Главнокомандующему.

[2]) Дело М. И. К. № 15049, стр. 170.

находившихся по близости минных заграждения; она получила несколько повреждений механизмов и принуждена была вернуться в Кронштадт.

В своем донесении, командир подлодки заявлял, что тяжелых условий зимнего похода подлодки не выдерживают. С обледенелыми люками, которые нужно расхаживать и разогревать перед погружением, бездействующим радио-телеграфом, ненадежными торпедными аппаратами, замерзающими перископами и нестреляющими пушками, лодка делается совершенно безсильной при встрече с неприятелем, не будучи в состоянии не только атаковать его, но даже своевременно погрузиться. Движущиеся ледяные поля делают походы окончательно невозможными. Между тем, время проходит, а состояние в боевой готовности не позволяет производить капитального ремонта, и естественно является опасение, что подлодки будут неисправны весной, когда они действительно понадобятся.

Действия неприятеля с 10—18-е января [1]). (Карта—фиг. 12). 10-го января «Lennuk» был отправлен в Ревель для приемок, а «Lembit» с десантным отрядом направилсся в залив Кашпервик, имея задачею высадить десант, атаковать красные части, занимавшие Везо (в глубине залива) и отобрать наш обоз. Но преждевременно открытая стрельба с «Lembit'a» нарушила внезапность операции и обстреляв дороги, ведущие к Везо, эстонские морские силы вышли из залива и направились в бухту Кунда. В ночь на 10-е января Питка получил по радио директивы сухопутного командования (ген. Лайдонер), требовавшего содействия морских сил для занятия Везенберга; полученные одновременно данные об обстановке на сухопутном фронте указывали, что отступление Красной Армии продолжается.

10-го января утром эстонские морские силы в составе эсминца «Lennuk», канлодок «Lembit» и «Laine», гидрограф. судна «Lood» и пароходов «Moonsund» и «Wladimir» подошли к порту Кунда. Приблизившись к фабрике на дистанцию артиллерийского огня, суда отдали якоря и открыли огонь по гавани, фабрике и окрестностям Кунды. Затем, «Laine» и «Lood» подошли ближе к пристани и огнем своих мелких орудий прикрыли высадку десанта с пароходов «Moonsund» и «Wladimir». Вскоре порт Кунда был занят и десантный отряд двинулся вглубь страны сомкнутым строем, не приняв никаких мер предосторожности. Наши части встретили десантную роту пулеметным огнем и быстро ее рассеяли. Эстонские суда не могли оказать никакой поддержки своему десанту артиллерийским огнем, вследствие нашедшего тумана. Поэтому, десант был на ночь принят обратно на суда.

За ночь командующий эстонскими морскими силами получил директиву ген. Лайдонера о высадке десанта с целью наступления по направлению к Везенбергу. На следующее утро, 11-го января, «Lembit», «Lennuk», «Laine» и «Lood» возобновили обстрел наших позиций, а около 10 ч. утра была произведена высадка десанта близ фабрики в Кунде. В порту Кунда болоэстонцам удалось захватить высокую башню, служившую им в дальнейшем наблюдательным пунктом для

---

[1]) Воспоминания К-щего эстонским флотом Питка.
Дело М. И. К. № 14916, стр. 53 54, 56.

корректирования артиллерийского огня с судов. Действия белоэстонского десантного отряда отличались крайней нерешительностью и Питка не смог выполнить директивы относительно продвижения к Везенбергу. Такая нерешительность находит себе об'яснение в том обстоятельстве, что многие из состава десантного отряда, по словам Питка, не умели даже заряжать ружей. К вечеру 11-го января отряд занял фабрику в Кунде, но с обоих флангов его теснили красные части: с запада—отряд моряков, с востока—отряд из местных коммунистов. 12-го января положение осложнилось, красные части пытались перейти в наступление, но были отбиты артиллерийским и ружейным огнем. Для усиления своего десантного отряда, Питка пришлось свезти на берег даже кочегаров. Моральное состояние отряда было весьма подавленное, но неожиданно пришла помощь со стороны финских отрядов, быстро поднявших настроение белоэстонцев и сообщивших, что Везенберг занят финнами и что в этом отношении надобность в помощи десантного отряда Питка отпадала.

В это время было получено приказание сухопутного командования высадить десант у устья реки Пуртсе, чтобы захватить Красную артиллерию, находившуюся в этом районе. Но высадка десанта на этом участке побережья представляла большие неудобства, поэтому Питка решил начать подготовку десантной операции большого масштаба, наметив место высадки в районе Нарвы с целью нанесения решающего удара Красной Армии и захвата обоза и артиллерии.

В качестве подготовительных операций были намечены:

1) Разведка у устья Наровы, 2) постановка минных заграждений на Кронштадских фарватерах и 3)обстрел железной дороги на Нарву у ст. Вайвары, для перерыва сообщения.

Согласно этого плана, эсминец «Lennuk» был направлен рано утром 13-го января к устью Наровы для разведки и обстрела Нарвы, Иеве и Вайвары, а канлодка «Lembit» (с Питка) подошла к заводу Асери и начала обстрел наших позиций. Затем канлодка «Lembit» перешла к устью р. Пуртце и встав на якорь вплотную к берегу, начала обстрел железно-дорожной станции Пюсси, причем ей удалось нащупать отступавшие части Красной Армии и обстрелять Нарвскую дорогу; днем 13-го января «Lembit» вернулась в бухту Кунда. Тем временем эсминец «Lennuk» выполнил свое задание: при подходе к р. Нарове, он спустил эстонский флаг, вследствие чего буксир «Нарова» принял его за эсминец Красного флота, ничего не подозревая подошел к его борту, и был захвачен эсминцем вместе с 6 чел. команды. От захваченных в плен, «Lennuk» добыл ценные сведения о настроении и состоянии Красной Армии. «Lennuk» дал 20 выстрелов по Нарве и по 20 выстрелов по станциям Вайваре и Иеве, и в свою очередь был обстрелян с берега ружейным и пулеметным огнем, не причинившим ему никаких повреждений.

К вечеру того же дня «Lennuk» присоединился к Питка в бухте Кунда, куда была заранее потребована баржа с 50 минами заграждения. После довольно длительных переговоров с Ревелем, эти мины прибыли в бухту Кунда как раз к возвращению «Lennuk'a». После приемки мин, эсминец получил приказание поставить заграждение возможно

ближе к Кронштадту, а затем итти непосредственно в Ревель на присоединение к остальным морским силам. Это минное заграждение было безпрепятственно поставлено, о чем Командующий Эстонским флотом от имени Эстонского Временного Правительства об'явил по радио (пространство между маяком Стирсуден, о-вом Сескар и мысом Колгания; эта радио была нами принята только 21 января).

14-го января Питка со всем флотом прибыл в Ревель и приступил к формированию десантного отряда. Ему удалось набрать еще 200 чел., так что эстонский отряд достиг состава в 400 чел., к которым был присоединен еще финский отряд из 600 чел.; таким образом общая численность десанта достигла сравнительно большой цыфры в 1000 чел. Для помещения такого отряда не хватало наличных перевозочных средств, ввиду чего к отряду Питка был присоединен плавучий маяк «Сарычев».

16-го января на эсминце «Lennuk» была отправлена первая партия десантного отряда в составе 80 чел. с приказанием передать их в бухте Кунда на гидр. с. «Lood»; «Lennuk'у» же надлежало следовать далее, для постановки второго минного заграждения на подходах к Кронштадту, после чего он должен был присоединиться к остальному флоту у устья Наровы.

Остальные суда с эстонским десантным отрядом вышли в тот-же день из Ревеля в б. Кунда, где приняли финский отряд.

Утром 17-го января «Lembit» во главе прочих транспортных и вспомогательных судов, вышел из б. Кунда для выполнения десантной операции. Ввиду имевшихся сведений о наличии в устье Наровы ледокола «Огонь», приспособленного будто бы для постановки минного заграждения, и береговых батарей—на прилегавшем к реке побережьи, Питка решил произвести высадку несколько западнее, между дер. Силламяги и Меррекюль, хотя избранный район и был не очень удобен для высадки, но рассчет был взят на тихую погоду. К 11 ч. утра суда прибыли к назначенному месту и начали обстрел побережья. Тотчас же с берега они были обстреляны нашей батареей и бронепоездом. Энергичный и меткий артиллерийский огонь заставил суда с десантом отойти дальше в море, а «Lembit» и «Lennuk» приступили к систематическим поискам местонахождения батарей и обстрелу бронепоезда. Вскоре последний был отогнан, а батарея—приведена к молчанию. После этого Питка приказал судам с десантом приблизиться и начать высадку. Несмотря на противодействие Красных частей, под прикрытием артиллерийского огня эстонских судов удалось высадить 200 чел. с небольшими запасами; но к вечеру засвежело настолько, что волною разбило несколько шлюпок, ввиду чего пришлось временно прекратить дальнейшую перевозку отряда на берег. Высаженный отряд оказался в весьма тяжелом положении. Для того, чтобы хотя бы отчасти оттянуть от него внимание нашей Красной Армии, Питка еще засветло обстрелял ст. Корф, а с наступлением темноты, на эсм. «Lennuk» подошел вплотную к берегу, и, определившись, начал обстрел Нарвы, имея целью наведения паники в городе и у Командования Красной Армии. Ночью с большим трудом все же удалось перевести на берег и остальную часть десантного отряда. Вскоре десант перешел в наступление и повидимому, сыграл значительную роль при операциях против 7-ой Армии.

18-го января канлодка «Lembit» и эсминец «Lennuk» обстреляли ст. Корф, а затем направились к устью Наровы и обстреляли Гунгербург. На берегу вскоре были подняты белые флаги и навстречу эстонским судам вышли лоцмана, сообщившие, что река уже свободна от мин и что Красная Армия отступает. Тотчас же канлодка «Lembit» вошла в реку и открыла огонь по Нарве из своих 120 мм. орудий, а эсм. «Lennuk» вернулся для поддержки десанта. Десантные отряды двинулись к Нарве и вечером 18-го января подошли к городскому мосту.

19 января Нарва была нами оставлена. Были получены сведения о прибытии в Эстонию финских добровольцев в количестве 5—10 тысяч [1]).

Напоследок неприятель обратился к морякам Красного флота с провокационной радиотелеграммой на русском языке, следующего содержания:

«21 января в 2 ч. 15 м. Нарва пала. Очередь за Петроградом и Кронштадтом. Для того, чтобы отличить настоящих виновников от невиновных людей, предлагается всем матросам и солдатам Кронштадта немедленно арестовать своих комиссаров и отправить на особом корабле в Ревель. Требование должно быть выполнено к 25 января. В случае невыполнения этого требования, после взятия Кронштадта будут расстреляны без разбора все матросы и солдаты».

Подпись—Ревель [2]).

Радиотелеграмма была оставлена без ответа.

24-го января в 15 ч. 40 м. неожиданно над Кронштадтом появился неприятельский гидроаэроплан, в течение 15 минут державшийся низко над островом и гаванями и в 16 ч. 10 м. улетевший по направлению форта Ино [3]).

После занятия Нарвы, эстонские морские силы направились в Ревель для пополнения запасов, но вскоре были вновь потребованы сухопутным командованием в устье Наровы для оказания поддержки эстонской армии. Эта поддержка (по словам Питка) потребовалась потому, что Красную Армию не удалось оттеснить за Ямбургский мост, и последняя подвезла артиллерию и обстреливала весь эстонский фронт от Гунгербурга до Нарвы. Особенно сильной бомбардировке подвергся Гунгербург.

20-го января канлодки «Lembit» и «Laine» вышли из Ревеля в Нарвскую губу, где к ним присоединился вскоре Питка на эсминце «Lennuk». Эстонские суда обстреляли ряд деревень, расположенных к Ost-у от Нарвы и высадили десант. 25-го января обстрел был возобновлен, но в тот же день эстонские суда были потребованы в Ревель для встречи германского транспорта с русскими военнопленными (из пленных на берег в Ревеле были допущены только эстонцы, остальные пленные были направлены обратно в германию). Здесь они

---

[1]) Дело М. И. К. № 14916, стр. 71.
[2]) Дело М. И. К. № 15049, стр. 136—137.
[3]) Дело М. И. К. № 15049, стр. 134.

7-го февраля были поставлены в гавань на зимнюю стоянку, но с таким рассчетом, чтобы весь Ревельский рейд находился под обстрелом их артиллерии.

На этом, до начала кампании 1919 года, операции Красного Балтийского флота закончились и действующий флот почти полностью приступил к ремонту.

Заключение.

Неблагоприятное географическое положение операционной базы Красного флота (Кронштадта), замерзающей ранее, чем южное побережье Финского залива в районе тогдашних совместных операций Красной Армии и Красного флота, отсутствие топлива и общее падение беспособности—явились причинами, не давшими возможности Красному Балтийскому флоту поддерживать правый фланг Красной Армии и содействовать ей высадками десантных отрядов в тыл неприятелю; те же причины мешали нашему флоту препятствовать аналогичным операциям противника.

Как видно из приведенного очерка операций противника, участие в обстреле побережья и высадке десантов принимали почти исключительно эстонские морские силы; английские суда выступали лишь 2—3 раза и то на короткое время, повидимому, лишь для придания «бодрости духа» слабому в моральном отношении белоэстонскому личному составу. Большое значение для действительности эстонских десантных операций имело присутствие финских частей, без наличия которых почти все боевые действия отрядов Питка потерпели бы неудачу. Повидимому, постоянные обстрелы наших позиций сравнительно слабыми эстонскими судами и частые высадки малочисленных десантов, действовавших весьма неорганизованно и не энергично, все же произвели большой моральный эфект на наши красноармейские части и много способствовали переходу последних в отступление. Насколько значительно было впечатление от бомбардировок сухопутных позиций морской артиллерией противника, видно хотя бы из донесений сухопутных начальников (имеющихся в морских архивах), где неоднократно сообщалось об обстреле наших частей «тяжелой» судовой артиллерией, в то время, как наиболее крупные орудия эстонских судов не превышали калибра в 120 м.м. (4,7″), а английских — 6″.

Положение несомненно, резко изменилось бы, если бы вся совокупность обстановки позволила бы Красному Балтийскому Флоту принять энергичное участие в операциях.

Заслуживают быть отмеченными неутомимые походы наших подводных лодок, производивших разведку в зимнее время при весьма тяжелой обстановке, с мало обученным личным составом и неисправной материальной частью.

Причины падения боеспособности Красного Балтийского флота лучше всего выясняются из рассмотрения обследования Балтфлота особой комиссией.

Мнение особой комиссии. Причины, сумма которых привела к катастрофе—бесславной гибели для Красного флота двух миноносцев, были подробно обследованы и разобраны специально для этого назначенной Особой Комиссией. Мнение этой Комиссии подводит и итог боевой деятельности Балтийского флота за 1918 г.

По мнению Комиссии, операция Отряда Особого Назначения имела бы смысл при условии полного действительного владения морем и отсутствия серьезного противника, что обеспечивало бы наш флот от потерь. Между тем, все данные давали к тому времени достаточные основания предполагать о присутствии в районе Ревеля английских военных судов и наличие их ставило всю операцию у гор. Ревеля в весьма рискованные условия.

Разведка, как морская, так и сухопутная, в полной мере отсутствовали, за исключением нескольких посылок в море подводных лодок, которые по своему малому горизонту могли видеть немного, чему кроме того сильно мешало позднее время года, шторма и обмерзаемость перископов. Хотя морская разведка доносила, что неприятеля не видела, но все данные, получаемые Штабом флота из разведывательных сводок 7-й Армии, определенно указывали на приход английской эскадры в Балтийское море и в Ревель. Этот факт подтверждали и обнаруженные неприятельские суда при обстрелах берега и высадках небольших десантов. Хотя мнения командования и разделились в определении национальности неприятеля при его операции в б. Кунде 23-го декабря, но все же больше вероятия давало предположение, что это были английские силы и это учитывалось при разработке операции 25—27 декабря.

Что касается состояния судов флота и его личного состава, то обследовавшая флот Особая Комиссия формулировала результат обследования следующим образом. Ввиду обязательств, принятых на себя Советской Россией по Брестскому мирному договору, все корабли с приходом в Кронштадт и Петроград были обречены на полное бездействие и вся жизнь на них замерла. Корабли до конца сентября стояли без всякого дела и не производили ни работ, ни занятий. Вся настоящая опытная команда с них ушла, а к жалким остаткам обученных людей нанимались неизвестные молодые и старые люди, желавшие получать сравнительно большое жалованье и паек. Естественно, что от подобного состава команды и нельзя было ожидать никакой продуктивной работы. Наконец, в конце сентября Высшим Морским Командованием решено было выделить из всего состава флота так называемое «ядро» и свести его в некоторое морское тактическое соединение. В это ядро должны были входить: лин. кор. «Петропавловск», «Андрей Первозванный», крейсер «Олег», несколько эск. мин. типа «Новик», несколько угольных миноносцев и 6 подводных лодок. Это ядро решено было поддерживать в так называемой «боевой готовности», а остальные суда флота, не вошедшие в ядро, приводились в состояние долговременного хранения и к сдаче к порту. В конце ноября начались работы по приведению упомянутого ядра в состояние боеспособности, начались работы по вооружению, стали доукомплектовывать суда, набирая командный состав со всего флота, а матросский—с однотипных судов. Таким образом, к моменту необходимости начала морских операций, численно

вся действующая часть флота была укомплектована, качество же укомплектования и сам состав заставляли желать много лучшего.

Командный состав, за малым исключением, был слишком молод и неопытен; матросы же, набранные с разных судов—не сплавались, были тоже молоды и неопытны, а специалисты - матросы—мало сведущи в обращении с новыми для них механизмами, к которым их только что поставили. Вся длинная военно-морская история говорит, что с подобным личным составом при отсутствии военного духа и долговременной практики, трудно ожидать каких-либо удачных результатов. Все это ясно обрисовалось еще при первой морской операции флота, при высадке десанта в Гунгербурге. Эта операция показала, что корабли пребывают в совершенно неудовлетворительном состоянии. Так например: кр. «Олег», имея чуть ли не все котлы под парами—с трудом мог развить вместо 20 узлов только 10 узлов, миноносцы «бродили», но постепенно ломались и вместо положенных 30 узлов полного хода—некоторые из них могли давать лишь до 25-ти узлов, и то на короткое время. Л. к. «Андрей Первозванный», имея котлы под парами на 14—15 узлов, не мог на пробе машин дать и 10 узлов. Подводные лодки беспрестанно чинились, ходили на пробу, ломались и вновь чинились. Курсы стрельб регулярно не проходились, например кр. «Олег» последнюю стрельбу производил только летом 1917 года; «Андрей Первозванный» произвел первую свою стрельбу лишь после операции.

Общий недостаток топлива в порту, конечно, имел большое влияние на пребывание кораблей без движения и морских походов, результатом чего была общая склонность команды к укачиванию, даже при небольшой качке, что имело место в последней операции. Миноносцы вообще не стреляли. Практические занятия по боевому расписанию на кораблях хотя и производились, но при малой опытности вновь набранной команды и руководящего командного состава, и при условии общего существовавшего во флоте нежелания работать и добросовестно исполнять свои обязанности, ощутительных результатов, очевидно, дать не могли. Все эти занятия как бы производились для формы, или отбытия номера по расписанию.

Настроение духа личного состава было в достаточной мере хорошее и было желание итти в операцию, но недостаток настоящей военной дисциплины и отсутствие должного воспитания сказывались в том, что это желание существовало лишь при условии, что операция выльется в безнаказанное обстреливание берега, но не встречу с боевыми организованными силами противника. Недостаток получаемого питания, очевидно, сильно сказывался на общем настроении духа команды и продуктивности ее работы, особенно кочегаров, которые, из за слабости, валились с ног, не выдерживая долго напряженной работы у котлов.

Относительно обеспеченности операции от внезапного появления сильнейшего неприятеля со стороны Гельсингфорса, в плане предусматривалась посылка к плав. м-ку Эрансгрунд эск. мин. «Азард», который, в случае появления неприятельских судов с севера, мог бы своевременно сообщить об этом по радио нашим миноносцам, оперировавшим

у Ревеля. Но, как было уже упомянуто, «Азард» с отрядом не вышел, и в операции участия не принимал. Таким образом, в действительности операция была ничем не обеспечена от внезапного появления неприятельских судов со стороны Гельсингфорса, что отчасти учитывалось, так как Начальник Морских Сил Республики рекомендовал Начальнику Отряда в таком случае пытаться уходить наиболее южным фарватером—в Нарвскую губу, а оттуда под берегом в—Кронштадт.

Особая комиссия не могла не коснуться в своем обследовании личного состава его организации, взаимоотношений и пр. При этом выяснилось, что комплектование судов личным командным составом делалось распоряжением Штаба Флота, при участии военно-морского контроля, который предварительно Штабом запрашивался; бывали случаи, когда такие назначения опротестовывались комиссарами, судовыми комитетами или коллективами, и наконец, даже общим собранием команды корабля. Иногда эти же организации выдвигали своего кандидата и требовали его назначения. Был случай на кр. «Богатырь», когда явившегося на крейсер, назначенного Штабом дивизии, артиллерийского офицера,—судовой коллектив отправил обратно, написав на своем официальном бланке в Штаб дивизии, что на крейсере артиллериста вообщее не надо и он просит таковых больше не присылать. Замечались иногда стремления команд замещать открывающиеся на корабле вакансии из своего наличного командного состава, не сообразуясь с технической пригодностью и опытом назначаемого. Нужно сказать, что ввиду молодости и неопытности командного состава, Штабу Флота приходилось назначать на ответственные должности заведомо для него недостаточно компетентных и подготовленных лиц.

Приемом, учетом и назначением на суда некомандного состава, со времени декрета о роспуске старослужащих и о переходе флота на вольнонаемные начала, ведало Бюро найма и учета моряков Балтийского флота. Работа у Бюро была громадная, но оно не могло с ней справиться вполне удовлетворительно, так как в числе многих других причин сами суда вносили беспорядок. Зачастую Судовые Комитеты самостоятельно брали приходящих к ним наниматься, сплошь и рядом не сообщая в Бюро. Для характеристики приводим цифры: Бюро зарегистрировало к 1 января 1918 года 13.184 чел., по сведениям интендантства общее число—около 24.000 чел., а по сведениям продовольственных кооперативов—около 36.000 чел.

Вообще, командный состав никакого участия в комплектовании не принимал,—об этом заботился судовой комитет, комиссар, коллектив, иногда спрашивая мнение соответствующего командного состава, обыкновенно же без его ведома, так что бывали зачастую случаи, когда командир судна, его помощник и прочие лица командного состава впервые сталкивались с новыми лицами на корабле после того, как последние провели уже на нем некоторое время.

О взаимоотношениях комиссаров, коллективов, судовых комитетов и командного и некомандного состава Особая Комиссия высказывалась очень подробно и вполне отрицательно. Управление кораблем не было единоличным. Вмешивались и коллектив и комитеты и даже общие собрания команд, выносившие резолюции.

Массовые недоразумения возникали на почве пред'явления к командному составу разных требований со стороны комитетов, коллективов и общих собраний команд, так например, пред'являлось требование, чтобы командный состав фактически грузил уголь, выселялся из кают-кампаний, назначался на работы вроде мытья посуды, чистки котлов, картофеля, переноса провизии, назначения в обходы за рядового. Все эти случаи не имели характера сведения личных счетов, или желания наказать, а просто комитеты и общие собрания считали очевидно такие решения принципиально правильными.

Командный состав в большинстве не соответствовал своему назначению, как в смысле технической подготовки, так и в смысле отношения к служебным обязанностям. Об этом последнем очень характерно высказывается в своем неофициальном письме Начальнику Морского Генерального Штаба—Начальник Морских Сил: «. . . Хуже с офицерством, я на офицерство зол—обнаглело, изленилось, гораздо больше приносят мне неприятностей, чем все остальные. Не проходит недели, чтобы не приходилось улаживать какую нибудь историю» . . .[1]).

После перехода флота на вольный наем и вследствие пребывания его в вынужденном бездействии из за Брестского договора,—большинство опытных хороших специалистов ушло из флота и рассеялось по всей России и на нем осталось сравнительно небольшое число подготовленных и опытных бывших кадровых офицеров, работавших добросовестно, тогда как большинство состояло из неопытных и технически неподготовленных молодых, наскоро подученных во время войны. Элемент этот, не имея твердого военного фундамента, быстро разложился при отсутствии определенного порядка и определенной власти и в рассматриваемый период только мог дискредитировать авторитет командного состава, занимаясь преимущественно добыванием продовольствия и относясь к службе без всякого интереса. Он опустился и сделался апатичным, причем лучшая его часть дошла до этого из за отсутствия порядка в службе и запуганности арестами.

О материальной части судов и говорить не приходится,—она оставляла желать много лучшего, на ней сильно сказались долговременное вынужденное бездействие флота, демобилизация, недостаток угля и проч. материалов, отсутствие капитальных ремонтов за все годы империалистической войны, почти непрерывная напряженная работа и, наконец, обрисованное выше положение с личным составом.

В то время, когда Республика сильно нуждаясь в организованной и боеспособной сухопутной силе, направила в эту область много своих лучших сил, в тот момент, когда надо было начинать «созидание»,—наш Балтийский флот, находясь под игом Брестского мирного договора, был прикован к гавани, не мог ничего предпринять, не мог оказать Республике никакой активной помощи в своей области, и поэтому на него в то время не было обращено должного внимания; и флот этот, пережив предыдущие фазы революции, продолжал в сущности находиться в том ее периоде, когда надо было разрушать старое.

Момент перехода от разрушения к созиданию не был почувствован на флоте, и политические комиссары, стоявшие во главе его и

[1]) Дело М.И.К. № 22288, стр. 104.

дававшие тон массам, сами отстали от центра и видимо не были с ним достаточно в контакте. С другой стороны—массы, видя, что практически ничего не меняется, что комитеты (выборные) продолжают существовать, что к командному составу продолжают относиться поголовно как к врагам Республики—не признавали никакого начальства и не слушались никого, кроме своих общих собраний. Они видимо считали, что оказывают этим услугу делу революции. В свою очередь, командный состав, видя, что отношения к нему не меняются, что на него продолжают смотреть, как на врага только потому, что он принадлежит к этому составу, считал, что это делается по указанию свыше и не рисковал поэтому искать защиты в случаях явной несправедливости и незаслуженных оскорблений. Создавалась атмосфера взаимного недоверия и враждебности, которая не рассеивалась, так как не было авторитетного вмешательства и указаний сверху.

В сущности, это подчеркивалось в показаниях комиссаров, данных ими Комиссии и особенно ясно это сказалось на собрании начальников и комиссаров под председательством Председателя Революц. Военного Совета Республики (т. Троцкого), 18 января 1919 года, когда изложенный последним взгляд на роль и обязанности как командиров, так и комиссаров и коллективов, был видимо совершенно нов как тем, так и другим.

Вот почему Особая Комиссия, рассмотрев весь материал и опрашивая большинство как командного состава, так и комиссаров и представителей судовых комитетов и коллективов,—вынесла твердое убеждение, что Балтийский флот нуждается не в частичных исправлениях, а в коренной реформе.

Далее, особая комиссия высказывала пожелание о немедленном создании (по опыту строительства Красной Армии) Морского Отдела Революц. Военного Сов. Республики со Штабом, Политическим Управлением и Инспекцией, который дал бы полную возможность Рев. Военн. Сов. Балтийского флота наладить дело и изжить так называемое «демобилизационное» настроение, господствовавшее в Балтийском флоте, дать возможность перейти к созидательной или вернее собирательной работе и, руководствуясь общими основными директивами Морского Отдела, превратить Балтийский флот из кучи железа, вооружения и людей—в боевую единицу, способную оказать не малую помощь Республике в ее военных операциях. Особая Комиссия считала необходимым особо подчеркнуть то тяжелое состояние, в каком находился Балтийский флот, а также указать, что вывести его из этого положения смогла бы лишь сильная центральная власть, которая обратила бы серьезное внимание на флот, твердой рукой без всяких послаблений проводила бы свои мероприятия и тем самым не только задержала бы дальнейшее разложение флота, но и дала бы возможность превратить Балтийский флот из железных коробок наполненных людьми, состоящих на казенном иждивении,—в боевой плавающий флот, со своей внутренней стройной организацией, с своими административными и политическим органами управления и снабжения [1]).

[1]) Дело М. И. К. №№ 7 и 8, стр. 52—53; 54—58.

Разбирая подробно состояние Балтийского флота и учитывая обстановку, Особая Комиссия нашла, что:

1. Все суда, числившиеся «в готовности»—требовали некоторого ремонта, организации и обучения по крайней мере до открытия навигации.

2. Ремонт можно было произвести только при отказе на ближайшие 2—3 месяца от оперативной деятельности и

3. Эта деятельность зимой, при не вполне исправных судах, ледяном покрове и присутствии в Финском заливе регулярных английских судов, являлась весьма и весьма рискованной в смысле вероятных потерь наших судов.

Кроме того Комиссией были обследованы все недостроенные суда и намечен ряд судов к достройке, с тем, чтобы изготовить их к открытию навигации.

Часть II.

Кампания 1919 г.

ГЛАВА VI.

Первое наступление на Красный Петроград.

(Май—Июнь 1919 г.).

Меры по поднятию дисциплины и боеспособности флота. В начале 1919 года, в течение зимних месяцев, были приняты меры по выполнению пожеланий Особой Комиссии, обследовавшей состояние флота осенью 1918 г. На общем собрании всех начальников и комиссаров, собранном в Петрограде 18 января, Председатель Революционного Военного Совета тов. Л. Д. Троцкий указал, насколько личный состав, по своей работе и отношению к революции, упал в сравнении с первым ее этапом, когда матросы стояли на первом месте, как «краса и гордость революции». Следствием этой оценки явилось постановление Совещания по вопросу о Балтийском флоте, работавшего под председательством т. Троцкого; этим постановлением предписывалось:

1) Реввоенсовету Балтийского флота в семидневный срок произвести точный учет всех военных моряков Балтийского флота; 2) Бюро найма упразднить. Его аппарат передать в распоряжение Реввоенсовета Балтфлота; 3) все судовые комитеты упразднить. Коллективам раз'яснить, что они являются партийными учреждениями и в деле воспитательном должны оказывать содействие комиссарам судов только по их требованию, под их руководством и только в тех пределах, какие они укажут; 4) Реввоенсовету Балтфлота в недельный срок назначить комиссаров на суда; 5) взаимоотношения комиссаров и командного состава определяются существующими положениями и инструкциями; 6) создать трибуналы, как судебный орган Реввоенсовета Балтийского флота; 7) раз'яснить командному составу, что отвечать перед Трибуналом командиры будут не за нарушение ими прав коллективов, а за неиспользование своих собственных прав; 8) в трехдневный срок затребовать и получить от Чрезвычайной Комиссии списки арестованных моряков, с указанием тех обвинений, которые им пред'явлены; 9) копии списков переслать т. Троцкому и предложить Чрезвычайной Комиссии производить аресты только с ведома Реввоенсовета флота;

10) Реввоенсовету Балтфлота выяснить, откуда взялся избыток между списочным числом военных моряков 13.000 чел. и числом едоков—36.000 чел. [1]).

19-го января Начальником Морских Сил Балтийского моря был назначен А. П. Зеленый, а 25-го марта в состав Революционного Совета—В. И. Зоф.

Вполне выяснившийся противник в лице английского флота в Финском заливе ставил перед Балтийским флотом серьезную задачу подготовиться к началу кампании 1919 года. Не говоря о капитальном ремонте судов боевого ядра и о намеченной достройке некоторых новых судов, перед Балтийским флотом вставали еще и следующие задачи, которые могли быть осуществлены только с открытием навигации:

1. Линейным кораблям, крейсерам и миноносцам необходимо было пройти хотя бы самый сокращенный курс артиллерийских стрельб, т. к. личный состав судов был неопытен, набран был с различных кораблей и в значительной своей части совершенно не проходил никаких практических стрельб.

2. Миноносцам необходимо было произвести торпедные стрельбы, хотя бы одиночные, так как теснота маневренных пространств, при возможных морских операциях, вряд ли позволила бы действовать группами.

3. Подводным лодкам необходимо было самым энергичным образом приняться за практические погружения и торпедные стрельбы, так как личный состав их, начиная с командиров, был крайне молод и неопытен, а предстоявшие им плавания в столь тесных районах потребовали бы от личного состава максимума находчивости и знания своего дела.

4. Хотя тральщикам и заградителям также необходимы были практические занятия, но от производства их, повидимому, приходилось заранее отказаться, так как по открытии навигации на них ложилось выполнение боевых задач по тралению и постановке минных заграждений для защиты подходов к Кронштадту.

Вопрос подготовки флота и его будущих действий осложнился катастрофическим положением с топливом, которое к 1 мая иссякало окончательно.

В отношении снабжения боевыми припасами, особенный недостаток ощущался в 4″ патронах. Их имелось в наличии только по 400 патронов на пушку, что при большой скорострельности этих пушек было недостаточно, особенно при стрельбе по береговым целям [2]).

Состав Балтийского флота к весне 1919 года. Приказом по флоту Балтийского моря от 15 марта был сформирован Действующий отряд в составе:

Лин. кораблей: «Петропавловск», «Андрей Первозванный», крейсера «Олег», эск. миноносцев: «Азард», «Гавриил», «Гайдамак», «Всадник», «Уссуриец», «Амурец», заградителей: «Нарова», «Урал»,

---

[1]) Дело М. И. К. № 15025, стр. 3.
[2]) Дело М. И. К. № 16571, стр. 1. Доклад Н-ка Мор. Сил.

тральщиков—1 дивизион: «Невод», «Китобой», «Якорь», «Гарпун»; 2 дивизион: «Запал», «Ударник», «Клюз», «№ 24»; дивизиона сторожевых судов: «Куница», «Соболь», «Горностай», «Хорек», «Ласка», «Выдра»; вспомогательных судов: «Океан», «Сухона», «Водолей № 2».

Действующий отряд должен был пополняться по мере готовности еще следующими судами: лин. кор. «Севастополь», крейсером «Светлана«, эск. мин. «Кап. Изыльметьев» и «Лейтенант Ильин»; подводными лодками: 1-й дивизион—«Вепрь», «Волк», «Тур», «Ягуар»; 2-й дивизион—«Тигр», «Пантера», «Рысь», «Ерш»; заградителем «Волга», 2 тральщиками (в постройке), вспомогательным судном «Тосно» (база подводных лодок).

Дислокация действующего отряда. К моменту сформирования отряда, дислокация его была следующая:

1) В Кронштадте: лин. кор. «Петропавловск», «Андрей Первозванный», эск. мин. «Азард», «Гавриил», заградитель «Нарова», 1-й дивизион тральщиков: «Китобой», «Невод», «Гарпун», «Якорь», вспом. судно «Водолей № 2»; 2) в Петрограде: крейсер «Олег»; 3-й дивизион эск. мин. «Всадник», «Гайдамак», «Амурец», «Уссуриец»; заградитель «Урал»; 2-й дивизион тральщиков: «Запал», «Ударник», «Клюз», «№ 24», вспомогательные суда: «Океан», «Сухона»; 3) в Шлиссельбурге: дивизион сторожевых судов: «Куница», «Выдра», «Ласка», «Хорек», «Соболь», «Горностай».

В оперативном отношении Действующий Отряд был подчинен непосредственно Начальнику Морских Сил, а Начальником его был назначен С. Н. Дмитриев. Оперативной базой Действуюшего Отряда в кампанию 1919 года являлся Кронштадт.

Состав и дислокация воздушных сил. В кампанию 1919 г. Балтийский флот обслуживался морским воздушным дивизионом особого назначения в составе: 1) бомбовозы и разведчики (базировались на Ораниенбаум), общим числом около 10—12 аппаратов типов *Испано*, *М—9*, *М—15 bis* и *М—20;* 2) истребители (базировались на Петергоф), общим числом 7 — 8 аппаратов, типов *Нью - Порт*, *Спадо* и *Сопвич*.

Готовность флота к весне 1919 г. Снабжение судов производилось в самом минимальном количестве, в виду неимения в наличии должных запасов. Ремонт судов в Кронштадте производился главным образом Пароходным заводом, который, вследствие отсутствия мастеровых и недостатка угля, не мог работать с достаточной мощностью. Эти обстоятельства, вместе с поздним вводом судов в док, задержали готовность судов к плаванию. Ремонт же судов в Кронштадте во время навигации ложился главным образом на средства самого Действующего Отряда, на транспорт-мастерскую «Кама».

Оборона базы к началу кампании сводилась лишь к огневой защите фортов. За время кампании была организована и выполнена защита рейдов и гаваней бонами и пушками, а также усилена противовоздушная оборона.

Необходимо принять во внимание, что в Кронштадте во все время кампании находились три независимых друг от друга в оперативном отношении Начальника: 1) Начальник Кронштадтской базы, 2) Комен-

дант крепости и 3) Начальник Действующего Отряда. При активных действиях противника против Кронштадта, отсутствие единого командования на месте было весьма ощутительно и могло повести к нежелательным последствиям.

К началу навигации (1 мая) из находившихся в Кронштадте судов были готовы: линейный корабль «Петропавловск», эск. мин. «Гавриил», тральщики: «Якорь», «Невод», «Гарпун», заградитель «Нарова» и транспорт «Водолей № 2». В Петрограде готовых судов не было.

Неготовность судов следует отнести к тому, что Отряд начал формироваться лишь с 1 февраля, а к работам было приступлено позже. Большинство же судов за 1917 и 1918 годы пришли в запущенное состояние и, естественно, не могли быть за такой срок приведены в порядок к началу навигации.

За кампанию 1919 г. в состав Действующего Отряда вступили по мере готовности: эск. мин.: «Константин», «Свобода» и «Гарибальди» (бывш. «Кап. Изыльметьев»); подводные лодки: «Вепрь», «Волк», «Пантера» и «Тигр» и база подводных лодок «Тосно»; тральщик «Стрела» и заградитель «Волга». Кроме того к отряду была прикомандирована яхта «Александрия», на которой помещался Начальник Отряда со своим Штабом. Дивизион сторожевых судов в Шлиссельбурге (типа «Ласка») был отчислен от Отряда, как действовавший в Ладожском озере, а затем, по оперативным соображениям командования флотом, от Отряда были отчислены заградители «Волга» и «Урал» [1]).

2 апреля был утвержден доклад Морского Генерального Штаба о создании и Ладожской флотилии в составе: канонерской лодки «Храбрый», 4 миноносцев 7 дивизиона, 4 тральщиков и одного транспорта, (соответственно увеличивался состав Действующего Отряда); организовывалась также Служба Связи в районе Ладожского Озера, причем для обслуживания постов прикомандировывался один номерной миноносец и один буксир [2]).

Планы заграждения подходов к Кронштадту и Петрограду. В самом начале кампании (3—4 мая) был составлен новый план заграждения главнейших фарватеров на подходах к Кронштадту и Петрограду. План заграждения первого из них предусматривал затопление устаревших военных судов и торговых судов у входа на Большой рейд, во входах в гавани, на Северном фарватере и в Морском канале, до меридиана Петергофа. Петроградский район, по важности пунктов заграждения фарватеров, делился на две категории: 1) Пункты заграждения Морского канала, на которых суда предполагалось топить постепенно, начиная с меридиана Петергофа, по получении соответствующего приказания, в первую очередь. 2) Пункты заграждений более мелких (фарватеров Корабельного и Галерного) в устье р. Невы, которые предполагалось заградить по мере остающегося свободного времени и средств.

Обстановка на сухопутном фронте к началу кампании 1919 г. Еще к концу 1918 г. эстонская армия, вышедшая из периода реорганиза-

---

[1]) Дело М. И. К. № 16042, стр. 1. Доклад Нач. Действ. Отряда.
[2]) Дело М. И. К. № 15025, стр. 20.

ции и подкрепленная белогвардейским добровольческим «Северным Корпусом» под начальством Родзянко, перешла в контр-наступление и к февралю оттеснила наши части на линию Нарва—Чудское озеро—Верро—Валк. К середине мая белогвардейцами намечалась крупная операция с целью захвата Красного Петрограда. Эстонский флот, при поддержке морских сил Антанты, должен был содействовать успеху сухопутной операции высадкой десанта в тыл Красной Армии в Лужской губе, и воспрепятствовать выходам в Финский залив Красного флота, который мог бы угрожать левому флангу Эстонской армии.

Состав неприятельских морских сил. Эстонский флот к началу кампании 1919 г. состоял из двух эскадренных миноносцев: «Wambala» и «Lennuk» (бывшие «Спартак» и «Автроил»), канонерской лодки «Lembit» (б. русская канлодка «Бобр», захваченная германским флотом и попавшая в руки эстонцев после его ухода из Финского залива) и нескольких тральщиков и вспомогательных судов. В течение зимы в состав эстонского флота вошел ледокол «Tasuja» (бывш. русский ледок. «Геркулес»), вооруженный 1—130 м.м. орудием (на корме) и 2—75 м.м. (на носу). Состав морских сил Антанты в точности не был известен, но, по агентурным сведениям, 7 мая в Ревель прибыла дополнительная эскадра из 6-ти вымпелов, предназначенная для операций в Финском заливе. 8 мая в Гельсингфорс пришел английский лидер «Shakaspeare», под флагом адмирала Вальтера Коуэн (Cowan), командовавшего соединенной эскадрой в Финском заливе [1]).

Первая операция эстонских морских сил против Красного Балтийского флота в кампанию 1919 г. 26-го апреля в Ревеле были получены известия, что Красный флот вышел в море и что на сухопутном фронте Красная армия намерена перейти в наступление. Ввиду этого, Питка заручился обещанием английского адмирала о содействии английских морских сил и выслал в устье Наровы ледокол «Tasuja»; ледокол встретил у Наровы довольно толстый лед и, произведя 23 выстрела из 130 мм. орудия по позициям Красной Армии, вернулся в Ревель. 29-го утром были отправлены в море эсминцы «Lennuk» («Автроил») и «Wambala» («Спартак») для постановки минного заграждения в районе острова Лавенсари, но наличие льда не позволило выполнить постановку. Заграждение это было поставлено 6-го мая.

В середине мая английский крейсер «Curacoa» подорвался на мине в Финском заливе и принужден был следовать для ремонта в Копенгаген.

Первое наступление на Петроград 14-го мая. [2]) (Карта—фиг. 15). Сформированная при помощи Антанты, русская белогвардейская армия под руководством ген. Родзянко [3]) 14-го мая прорвала Красный фронт

---

[1]) Адм. Коуэн командовал I эскадрой легких крейсеров, которая повидимому находилась в 1919 г. целиком в Балтийском море. Эскадра эта состояла из крейсера «Delhi» и еще нескольких крейсеров типов «D» и «C». (Элементы крейсеров типа «D»: 4700 тонн, скор. хода—29 узл.; вооружение—6—6″/45, 2—4″ противоаэр. 4—21″ тройных торп. аппар.). Кроме того, в составе английских сил находились эсминцы, подлодки и тральщики.

[2]) Операция эта у белоэстонцев носит наименование «ингерманландской», ввиду того, что в ней кроме «северного корпуса» ген. Родзянко участвовали отряды добровольцев - ингерманландцев (см. воспоминания Питка).

[3]) «Боевая работа Красной Армии и флота» 1918—1923 г. Воспоминания Питка.

Фиг. 15. Схематическая карта к совместным операциям Красного Флота и Кр[...] кампанию 1919 г. (Данные о расположении сухопутного фронта заимствовано из труда «Боевая работа Красной [...] 1918—1923 гг.». Изд. В. В. Р. С.).

на участке Нарва—Гдов. В дальнейшем, под угрозою десантов, высаживавшихся в тылу нашей армии, последняя принуждена была отойти, и к 19-му мая заняла позицию в 45 верстах западнее линии Ораниенбаум — Гатчина.

Вся эта операция прошла при сильной поддержке неприятельского флота с моря. Подготовка к операции началась еще 9-го мая, когда обнаружена была с форта Красная Горка воздушная разведка противника [1]). Первые боевые действия неприятельских морских сил выразились в обстреле 13-го мая четырьмя судами нескольких деревень в районе Доможировки, на Нарвском направлении [2]).

Одновременно с прорывом красного фронта, неприятельский флот 14-го мая обстрелял наше побережье в непосредственной близости от Кронштадта.

14 мая, по донесению поста Сан-Галли, в 20 ч. 48 мин. показался от NW эскадр. миноносец «Lennuk», который сигналил ратьером, но, за дальностью, пост разобрать сигнала не мог. Подойдя ближе к посту, миноносец продолжал вызывать пост ратьером, но пост на сигнал не отвечал [3]).

Вслед за этим, радиостанция Кронштадт приняла следующую радио: «Кронштадт. За нами идет эскадра с десантом и продовольствием. На фронтах сдаются без боя. Не губите жизней и народных денег. Приготовьтесь к сдаче. Друзья России» [4]).

В тот же день «Lennuk» обстрелял пост Сан-Галли и маяк Шепелевский. Здание поста было разбито попавшим в него снарядом, причем команда поста не пострадала, а перешла для наблюдения на артиллерийскую вышку [5]); на Шепелевском маяке произошел пожар. Одновременно «Lembit» обстреливал расположение наших сухопутных частей к востоку от устья Наровы. (Эсминец «Wambala» в это время еще не вышел из ремонта) Этими обстрелами были начаты военные действия на Балтийском театре в кампанию 1919 г.

15 мая, в 13 ч. 20 мин. в Лужскую губу вошли: канлодка «Lembit», один транспорт, два теплохода, канлодка «Laine» и один пароход, к которым в конце дня присоединились эсминец «Lennuk» и несколько транспортов с отрядами ингерманландцев-добровольцев. В 16 ч. 30 м. неприятелем была занята деревня Лужицы [6]).

Во время высадки десанта, английский флот, ранее стоявший в Нарвской губе, взял на себя обеспечение операции со стороны Кронштадта. Целью высадки являлось наступление в сторону Ямбурга, где белоэстонская армия встретила сильное сопротивление. Обстановка, в которой проходила высадка, показывает на слабую организацию нашей службы связи и на отсутствие должной взаимной осведомляемости между нашим морским и сухопутным командованием. Когда эстонские суда с отрядами ингерманландцев приблизились к южному побережью Луж-

---

[1]) Дело М. И. К. № 16039, стр. 97.
[2]) Дело М. И. К. № 15816, стр. 84.
[3]) Дело М. И. К. № 16037, стр. 105.
[4]) Дело М. И. К. № 16037, стр. 90.
[5]) Дело М. И. К. № 16037, стр. 88.
[6]) Дело М. И. К. № 16037, стр. 91.

ской губы для высадки десанта и направления теплоходов с войсками вверх по р. Луге к Ямбургу, красноармейские части приняли эстонские суда за свои и оказали первую помощь шлюпкам, принимая концы и подтягивая гребные суда к берегу [1]).

16 мая в Лужской губе держались те же неприятельские суда. В 16 ч. неприятель начал высадку в Лужской губе, в районе Косколово. В 20 ч. десант силой до 350 чел. при пулеметах занял район Пески—Лужицы—Косколово и начал наступление. В это время эстонские морские силы получили приказание главнокомандующего ген. Лайдонера высадить десант на побережьи Копорского залива, для занятия села Копорье. Поэтому, в 23 часа неприятельская эскадра в составе эсминца «Lennuk» и английских судов начала обстрел редким огнем района деревень Кандыкуля—Калище (восточный берег Копорского залива), но вскоре была отогнана перекидным огнем ф. Красная Горка [2]).

Утром 17-го мая эстонские морские силы приступили к высадке десанта в Копорском заливе. В Лужском заливе был оставлен лишь один пароход, а все прочие суда, («Lembit», «Laine», «Lood», «Tasuja» 2 теплохода, 2 транспорта и, в качестве транспорта,—плавучий маяк «Некмангрунд»), направились к пристани у Пейпия. К 8 часам суда с десантом подошли к пристани, а одновременно к отряду присоединился эсминец «Lennuk». После высадки у Пейпия, часть судов с десантом была отправлена для высадки небольшого отряда у Кашинского стекольного завода, но вскоре форт Красная Горка открыл по ним огонь из 12″ орудий, ввиду чего они принуждены были удалиться. Десант пошел в наступление и вскоре занял район включая Систо-Палкино. За время этой операции финский форт Пумола выпустил по форту Красная Горка 8 снарядов, легших большим недолетом (до 30 каб.). [3]) В Копорском заливе эстонские суда оставались до утра следующего дня.

Операции Красного Балтийского флота во время первого наступления на Петроград. Обстановка требовала немедленных действий со стороны Красного флота, но к сожалению в боевой готовности в то время находились лишь эск. мин. «Гавриил», 4 тральщика и 2 сторожевых судна, а линкор «Андрей Первозванный» не закончил еще ремонта, мог ввести в действие лишь половинное число котлов и развивал скорость хода не свыше 8 узлов. [4]) Тем не менее, 16-го мая Начальник Действующего Отряда получил директиву произвести операции: а) рекогносцировку Копорского залива и Лужской губы, б) обстрел побережья и в) уничтожение десанта противника, производившегося в Лужской губе. Для операции предназначались л. к. «Андрей Первозванный», эск. мин. «Гавриил», 4 тральщика и 2 сторожевых судна. [5]) Но 18-го мая директива была изменена и предлагалось выполнить новое задание: а) рекогносцировку Копорского залива за меридианом

---

[1]) Воспоминания Питка.
[2]) Дело М. И. К. № 15816, стр. 90.
[3]) Дело М. И. К. № 16037, стр. 73.
[4]) Дело М. И. К. № 16037, стр. 87—телегр. Наморси в Мор. Ген. Штаб.
[5]) Дело М. И. К. № 16037, стр. 70.

мыса Шепелев и до Деманстейнской банки, б) обстрел побережья в Копорском заливе.

Для выполнения нового задания был предназначен отряд в том же составе, т. е. л. к. «Андрей Первозванный», эск. мин. «Гавриил», 4 тральщика и 2 сторожевых судна.

План операции был разработан довольно подробно и заключал следующие пункты:

I. Подготовка: 1) Снабжение всех судов топливом с расчетом на 12 часов 12—узлового хода. 2) Снабжение провизией на 3 дня.

II. Разведка: 1) Наблюдение береговых постов. 2) Высылка сторожевого судна в район банка Диомид-Деманстейнская банка, перед восточной линией эстонского заграждения.

III. Выполнение операции: 1) Силы, за исключением разведчиков, следуют соединенно до мыса Шепелева. 2) В районе маяка Шепелева тральщики отделяются и следуют в Копорский залив под прикрытием эск. мин. «Гавриил»; л. к. «Андрей Первозванный» с одним сторожевым судном остается вблизи м. Шепелева, не выходя за пределы нашего заграждения; 3) Тральщики обследуют район мыс Шепелев — мыс Долгий Нос — банка Деманстейнская; 4) Во время обследования тральщиками указанного района, эск. мин. «Гавриил» держится вне нашего заграждения, но не заходя к югу; 5) В случае обнаружения заграждения, тральщики протраливают проход вблизи берега; 6) Если не будет обнаружено заграждения, эск. мин. «Гавриил» входит в Копорский залив и осматривает побережье, с расчетом держаться в пределах обстрела 12″ орудий л. к. «Андрей Первозванный»; 7) Если в Копорском заливе будут обнаружены силы противника, тральщикам производить работу только вне обстрела их, и в случае нападения, отходить под прикрытие «Гавриила», а затем—л. к. «Андрей Первозванный»; 8) Если будут обнаружены катера или другие слабые силы противника, тральщики нападают на них и, поддерживаемые эск. мин. «Гавриил», стараются их уничтожить; 9) По выполнении задачи, эск. мин. «Гавриил» с тральщиками возвращается к л. к. «Андрей Первозванный», и затем весь отряд следует в Кронштадт.

IV. Обеспечение операции: а) Наблюдение—выдвигается одно дозорное судно от Шепелевского маяка на *NW*, в расстоянии 10 миль; б) При выполнении операции иметь постоянно в виду: 1) Возможность встречи с подводной лодкой, 2) обстрел судов с форта Ино, 3) при следовании судов из Кронштадта и обратно иметь артиллерию в полной боевой готовности и прислугу у орудий, 4) при обстреле судов отряда с форта Ино, немедленно же отвечать огнем 12″ орудий, 5) при интенсивном обстреле, если кораблям будет угрожать явная опасность,—отойти на Кронштадт; в) Возвращение в Кронштадт: 1) Забота о своевременном зажигании маяков, 2) обставление судами границ минного заграждения. 3) охрана стоянки судов, если им придется ночевать у Шепелевского маяка.

V. Обстановка на море 18 мая в 00 час. 00 м. В море, в районе восточной части Финского залива, Лужской губы и в Копорском заливе было обнаружено присутствие значительного числа судов

противника; в разное время было замечено от одного до трех крейсеров; возможно присутствие подводной лодки.

Противник высадил десант на побережье Лужской губы и Копорского залива; побережье последнего до Систо-Палкино занято противником. Считалось весьма вероятным, что противником поставлено минное заграждение в районе м-к Шепелев—мыс Долгий Нос—банка Деманстейнская.[1])

Бой эск. мин. «Гавриил» с неприятельскими миноносцами, 18 мая (фиг. 16). 18 мая, в 5 часов, отряд в составе л. к. «Андрей Первозванный», эск. мин. «Гавриил», стор. судов «Гарпун» и «Невод» и тральщиков «Клюз», «Запал», «Ударник» и «№ 24» вышел в море. Так как л. к. «Андрей Первозванный», из за неисправности котлов, не мог держать ход и принужден был стать на якорь на Большом рейде, то Начальник Отряда (С. Н. Дмитриев) перешел на эск. мин. «Гавриил» и в 7 час. 45 мин. с тральщиками пошел в Копорский залив, приказав л. к. «Андрей Первозванный» по готовности догонять отряд.

В 10 ч. 10 м. эск. мин. «Гавриил» с тральщиками вошел в Копорский залив. Ввиду отсутствия неприятеля[2]), Начальник Отряда решил продолжать операцию, не дожидаясь л. к. «Андрей Первозванный». Дойдя до меридиана 29°, отряд лег курсом 201° и в это время от о. Сескар показались дымы и силуэты судов, в расстоянии 80—100 каб. На траверзе Стеклянного завода, ввиду приближения неприятеля, было приказано тральщикам убрать тралы, и в 12 ч. 20 м. отряд повернул обратно.

В это время ясно обозначились четыре английских миноносца: один трехтрубный и три двухтрубных, шедшие на пересечку курса. В 12 ч. 33 м. на эск. мин. «Гавриил» была пробита боевая тревога и открыт огонь с расстояния 70-ти каб.; неприятель немедленно ответил обстрелом. Сблизившись до 47 каб., противник повернул последовательно, пересекая курс «Гавриила» за его кормой. Пройдя линию курса «Гавриила», противник повернул «все вдруг» на противоположный курс и пересек вторично линию курса «Гавриила».

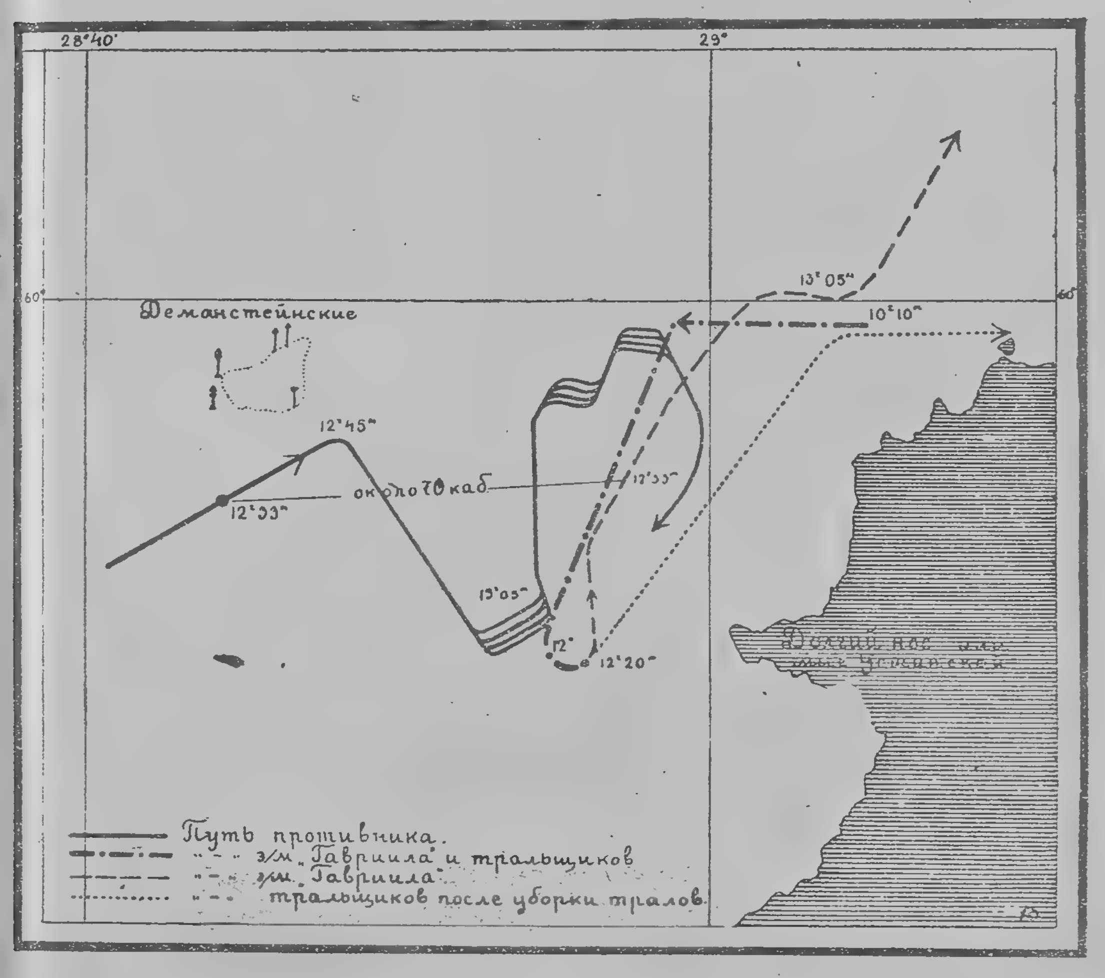
В это время эск. мин. «Гавриил» мог действовать только одной кормовой пушкой. На дистанции в 32 каб., противник лег на *NO*. «Гавриил» принужден был итти 10-ти узловым ходом, чтобы прикрыть отход тральщиков. Стрельба противником велась прекрасно и только благодаря переменным ходам и курсам, «Гавриилу» удалось уклониться от неприятельского весьма меткого огня, но по этой причине и огонь «Гавриила» был недействителен. Попаданий в наши суда не было, но на «Гаврииле» оказалось в надводной части 17 мелких

---

[1]) Дело М. И. К. № 16037, стр. 68.

[2]) В своих воспоминаниях Питка указывает, что обнаружив дымы наших судов, он счел свое положение безвыходным, тем более, что незадолго до этого эсминец «Lennuk» был им отправлен в Ревель. Поэтому Питка, снабдив десант продовольствием, с остальными судами перешел под берегом из Копорского залива в Лужскую губу, а затем отправился для доклада к английскому адм. Коуэну, находившемуся у острова Сескар. Получив от Питка сведения об обстановке, английские суда почти немедленно вышли навстречу нашему отряду, а эстонские суда были отправлены в Ревель для приемок, за исключением одного транспорта, на котором Питка остался в устье р. Луги. 19-го мая эсм. «Lennuk» вернулся и перешел в Копорский залив. 23-го мая «Lennuk» обстреливал деревни Калищ, Керново, Копорье.

пробоин от осколков. По подходе к Шепелевскому маяку, тральщики прошли под берегом. Бой продолжался до 13 ч. 25 мин., при наименьшей дистанции в 32 каб. Минного заграждения до параллели мыса Долгий Нос тральщиками не было обнаружено. В 13 ч. 25 мин. неприятель повернул, прекратив преследование, а наш отряд в тот же день вернулся в гавань. Задание было выполнено лишь частично, так как обстрелу берегов воспрепятствовало появление превосходных сил противника. [1])

Фиг. 16. Схематическа карта боевого столкновения эск. мин. «Гавриил» с 4-мя английскими эсминцами, 18 мая 1919 г.

Во время операции, форт Ино дважды начинал обстрел наших судов: первый раз в 10 ч. 10 м., причем ф. Красная Горка в свою очередь открыл огонь по ф. Ино, где после после второго залпа наших 12" орудий был замечен пожар, и огонь с форта Ино прекратился; второй раз—в 16 ч. 10 м., при возвращении наших судов, но после первого же залпа 12" орудий форта Красная Горка — форт Ино замолчал [2]).

[1]) Дело М. И. К. № 16041, стр. 5. Отчет Операт. части Штаба Действ. Отр. Дело М. И. К. № 16037, стр. 75 и 18. Телегр. Наморси и Нач. Действ. Отр.
[2]) Дело М. И. К. № 14547, стр. 440.

С помощью высаженного неприятелем десанта, наступление неприятеля на сухопутном фронте увенчалось успехом и наши сухопутные силы принуждены были отступить. Отход правой группы нашей 7-ой армии обнажил правый фланг Гдовской группы, которая также отошла на новые позиции в 30—40 верстах западнее Луги. В Псковском направлении противник отбросил Красные части к р. Кень и 25-го мая занял Псков.

Оценка обстановки Главнокомандующим всеми вооруженными Силами Республики. По поводу сложившейся обстановки, Главнокомандующий обратился к командующему 7 Армией (т. Ремезов) со следующей директивой от 21 мая: «Все те указания, которые были мною сделаны по поводу последних событий на западном фронте, прошу проводить в жизнь с полнейшей энергией, контролируя их быстрое и энергичное осуществление подчиненными вам лицами командного состава. Прошу принять все решительные меры к тому, чтобы в будущем не могли бы повторяться такие явления, как на фронте Нарва—Гдов, где шесть наших полков с быстротой разложились и рассыпались от незначительного удара противника. В частности обращаю ваше особое внимание на Карельский перешеек и на южный берег Ладожского озера. На Карельском перешейке, ввиду близости некоторых участков финляндской границы к Петрограду, необходимо держать обороноспособные и в достаточном числе войсковые части. На Карельском перешейке столь непредвиденный развал наших частей, как то случилось на Нарвском фронте, может привести к непоправимой катастрофе, — может повлечь за собой потерю Петрограда; что же касается южного берега Ладожского озера, то обращаю ваше внимание на то большое значение, которое это направление приобретает ныне с открытием навигации на Ладожском озере. Верст на десять южнее Ладожского озера проходит железнодорожная линия Петербург—Вологда, и местами не далее двух - трех переходов — чрезвычайно важная железнодорожная линия Петроград — Москва. Внезапной высадкой десанта на южном берегу Ладожского озера и движением кратчайшим направлением к вышеуказанным двум железнодорожным линиям, противник получает возможность прервать таковые, испортив на них мосты и другие весьма трудно восстанавливаемые сооружения, чем может отрезать Петроград с востока и от центра Республики. Ввиду этого, необходимо теперь-же обратить самое строгое внимание на то, чтобы наша Ладожская флотилия получила должное развитие увеличением числа наших вооруженных судов и попыткой нашей при первом же случае уничтожить совершенно на Ладожском озере флотилию противника. Только при этих двух условиях южный берег Ладожского озера может потерять для противника вышеуказанное стратегическое значение. Что же касается Балтийского флота, то необходимо энергично вести создание флотилий миноносцев, которые бы имели возможность, маневрируя, действовать и на Ладожском озере и в Финском заливе. Что же касается броненосцев «Андрей Первозванный» и «Петропавловск», то с неудачным опытом передвижения «Андрея Первозванного», необходимо оба эти броненосца обратить в плавучие батареи, меняя их местонахождение буксирным

порядком, и, за счёт экономии топлива, остающегося после этого, развить работу флотилий миноносцев. Принять самые энергичные меры, чтобы в ближайшее время собрать все те полки, которые убежали с фронта Нарва — Гдов, произвести строгое расследование о действиях этих полков в полном об'еме, а равно установить, на кого ложится ответственность за потерю артиллерии. Все войска, назначенные мною на Западный фронт, направляются по месту назначения самым спешным порядком».

Подписал Главком Вацетис. Член Реввоенсовета Аралов [1]).

Мероприятия Морского Командования по ликвидации попытки захвата Петрограда. Начальник Морской Петроградской Базы в то же время получил от Рев. Воен. Совета Балтфлота директиву, согласно которой на него возлагалось руководство следующими операциями по обороне подступов к Петрограду и р. Неве: 1) Операция по заграждению фарватеров ночью помощью затопления судов, согласно составленного плана; 2) обстрел с л. к. «Гангут» и «Полтава» подступов к Петрограду с севера; 3) оборона р. Невы от ее устья до Ивановских порогов; 4) организация сухопутных отрядов из судовых команд и морских береговых частей. Для выполнения указанных операций, предписывалось использовать следующие средства: 1) а) пароходы Главного Управления Водного Транспорта и суда Морского Ведомства, и б) все плавучие средства Петроградской Базы; 2) а) по 2 башни с л. к. «Гангут» и «Полтава» и по 4—120 м/м орудия с борта каждого из указанных кораблей, б) в случае определившегося энергичного наступления на Петроград с Карельского участка, для усиления обстрела должен быть переведен на южный берег л. к. «Севастополь»; 3) а) вся артиллерия судов, стоящих на Неве, которая может быть приведена в готовность судовыми средствами, б) миноносцы №№ 213 и 142, а также прочие суда, состоящие в его распоряжении, в) по прекращении операции в Кронштадте предполагалось выделить в его распоряжение экс. миноносцы и другие суда; 4) Все судовые и морские береговые команды Петрограда.

Для подготовки к указанным операциям надлежало: 1) войти в сношение со Штабом 19 Стрелковой дивизии по вопросу об организации стрельбы и связи. 2) Принять меры к скорейшему возможному приведению в исправность судовыми средствами артиллерии судов, стоявших в р. Неве. 3) Снестись с сухопутным командованием о доставке вооружения для морских отрядов, а также о предоставлении для них необходимого сухопутного снабжения, припасов и обозных средств [2]).

Между тем, высшее военное командование принимало все меры к нанесению белогвардейским армиям решительного контр-удара, в котором флот должен был также принять посильное участие. Ввиду того, что неприятельские морские силы все чаще и чаще появлялись в Копорском заливе, с 22-го мая стала производиться воздушная разведка этого района, причем наши аппараты при этом обстрелива-

---

[1]) Дело М. И. К. № 16037, стр. 32.
[2]) » » » № 16037, стр. 35

лись неприятельскими судами, а 23-го мая один из красных самолетов атаковал неприятельского летчика [1]).

Операция действующего отряда 29 мая. На 29-е мая Морское Командование наметило операцию более крупного масштаба. Директива, касавшаяся этой операции, была составлена Рев. Военным Советом Балтийского Флота и на основании ее Начальнику Действующего Отряда предлагалось [2]): «1) Не допустить в период наступления наших войск вдоль побережья Копорского залива высадок неприятельского десанта на названном побережьи; 2) прикрыть, в случае надобности, от нападающих неприятельских судов приморский фланг наших наступающих войск. При выполнении заданий надлежит иметь в виду следующее: а) наступление сухопутных войск должно начаться с рассветом 29-го мая, когда начнется движение для занятия исходного положения; в) раньше срока не следует обнаруживать перед неприятелем своих передвижений; г) выход в Копорский залив за наше заграждение большими судами рекомендуется лишь в случае действительной надобности; д) при превосходстве сил противника надлежит действовать сообразуясь с обстоятельствами; е) необходимо иметь тесную связь с береговыми постами и береговыми радио-телеграфными станциями; ж) действовать надлежит решительно, но необходимо принимать все меры предосторожности; з) в случае обстрела судов, все распоряжения относительно обстрела форта Ино и других двух батарей на Финском берегу остаются прежними.

В той же директиве Начальнику Действующего Отряда были даны сведения об обстановке на море и на сухом пути. Согласно этим сведениям, в Копорском заливе было установлено присутствие неприятельских (английских) подводных лодок, а где то на побережьи—наличие неприятельской авиостанции, гидросамолеты которой совершили несколько налетов на форт Красную Горку [3]). На сухом пути, части Красной Армии в это время занимали побережье от Долгова к северу; все же пункты, расположенные к югу и западу от Долгово, были в руках противника [4]).

В связи с назначением наступления наших сухопутных сил, 29 мая вышел в операцию отряд в составе: л. к. «Петропавловск», эск. мин, «Азард», 2-ой дивизион тральщиков и сторожевые суда «Гарпун» и «Якорь».

В 7 ч. 30 м. суда эти заняли исходное положение: л. к. «Петропавловск» — на якоре на меридиане Толбухина маяка, эск. мин. «Азард»—на якоре в трех каб. мористее «Петропавловска», «Гарпун» и «Якорь» — на якоре на меридиане батареи Серая Лошадь, «Клюз» и «Ударник»—на якоре в 3-х каб. на Ost от «Петропавловска».

---

[1]) Дело М. И. К. № 1411, стр. 41—42 и 63.

[2]) Дело М. И. К. № 16037, стр. 36.

[3]) Возможно, что гидросамолеты базировались на авионосец «Vindictive», который в этот период находился в Финском заливе. По данным справочника «Jane's Fighting Ships 1921 г.», «Vindictive» 6 июля сел с 15 узл. хода на банку Миддель-грунд у Ревеля и был снят лишь по прошествии 8 дней, после выгрузки 2212 тонн грузу. При посадке авионосец получил значительное повреждение корабельного набора и был отремонтирован в 1920—21 г. в Портсмуге; ремонт обошелся в 200.000 ф. ст.

[4]) Дело М. И. К. № 16037, стр. 36.

Начальник Действующего Отряда находился на «Петропавловске».

В 19 часов, согласно радио Начальника Морских Сил, сторожевые суда были отправлены для наблюдения за подводными лодками в район Шепелев—Деманстейнская банка, тральщики для этой же цели— к шаровым вехам, а Начальник Отряда с «Петропавловском» и «Азардом» пошел 18-ти-узловым ходом к выходу. При подходе к Шепелевскому маяку, эск. мин. «Азард» был отправлен самостоятельно на разведку в Копорский залив.

В 20 ч. 45 м. «Азард» вернулся, обнаружив в заливе лишь одну неприятельскую подводную лодку. В 22 ч. 20 м. с Финского берега прилетел гидро-самолет и сбросил на наши суда безрезультатно 3 бомбы. В 22 ч. 40 мин. весь отряд стал на якорь в исходном положении. В этот же день была произведена нами воздушная разведка Копорского залива и района о-ва Сескар [1]).

Весь день 30 мая отряд простоял на якоре. В этот день также была произведена нами воздушная разведка Копорского залива и рейда Биорке.

31 мая, получив сведения, что неприятельские миноносцы обстреливают Систо-Палкино, Начальник Отряда приказал тральщикам и сторожевым судам итти вперед, согласно прежнего плана, а сам в 11 ч. 45 м. с «Петропавловском» и «Азардом» пошел к выходу. По проходе первой шаровой вехи, эск. мин. «Азард» был послан в залив, чтобы отогнать неприятеля.

К 12 ч. 15 м. эск. мин. «Азард» открыл огонь по неприятельскому миноносцу и стал отходить к л. к. «Петропавловск», который, подойдя к шаровой вехе у Шепелевского маяка, лег на обратный курс и застопорил машины.

В 13 ч. 40 м. с W показались 8 неприятельских миноносцев, открывших огонь по эск. мин. «Азард» и сторожевому судну «Гарпун». Обстрелянные 12″ и 120 м/м артиллерией «Петропавловска», они ушли лишь после того, как сблизились с ним до 47 каб. «Азард» был дважды безрезультатно атакован подводной лодкой [2]). При возвращении отряда, с «Петропавловска» неоднократно был замечен позади траверза след перископа подводной лодки, находившейся к Ost-у от нашего западного минного заграждения, т. е. очевидно прошедшей безнаказанно под ним.

В 14 ч. 50 м. неприятельский гидро-самолет сбросил безрезультатно бомбы по нашим тральщикам. В 15 ч. 10 м. отряд снова занял исходное положение. 31 мая, при воздушной разведке Копорского залива и района Сескар, наш аппарат был обстрелян неприятельскими судами [3]).

1 июня суда простояли на якоре, занимая исходное положение [4]). Во время нашей воздушной разведки Копорского залива, наши аппараты атаковали неприятельслие суда, обстреливая их из пулеметов.

---

[1]) Дело М. И. К. № 1411, стр. 41—42 и 63.
[2]) Дело М. И. К. № 16037, стр. 54—Телегр. Нач. Действ. Отр.
[3]) Дело М. И К. № 1411, стр. 41—43 и 63.
[4]) Дело М. И. К. № 16041, стр. 5. Отчет по Оп. части Шт. Действ. Отряда.
Дело М. И. К. № 16037, стр. 129. Телегр. Нач. Мор. Сил.

Наличие в Копорском заливе неприятельских подводных лодок— с одной стороны, и отсутствие миноносцев для противолодочной охраны линкора «Петропавловск»—с другой, воспрепятствовали Действующему Отряду целиком выполнить полученное задание. Оценка действий флота и всей обстановки приведена в донесении Начальника Морских Сил— Командующему 7-й армией, гласившем:

«Совершенно секретным вашим приказом от 27 мая Балтийскому флоту дана следующая директива:

«Балтийскому флоту с рассветом 29 мая быть в Копорском заливе, очистить его от противника, приобрести господство на нем и, установив дежурство судов, не допустить высадок на побережье». В течение 3-х дней флот выполнял по мере сил возложенную на него задачу. Вчера выяснилась тактика противника:—демонстрация миноносцами у берегов, для вывода наших судов в Копорский залив и атаки их подводными лодками, занимающими соответствующие позиции. Вчера атаки подлодок, по донесению Начальника Действующего Отряда, не удались. Сегодня неприятель повторяет вчерашний маневр. Лодки противника, по прежнему, обнаружены на позициях. Выполнение задачи, в связи с соответствием сил противника и наших, может быть возложена только на л. к. «Петропавловск». Выход последнего в море, при описанных обстоятельствах и с отсутствием у нас охраняющих миноносцев, считаю чрезвычайно рискованным. Такой риск может быть оправдан лишь обстоятельствами чрезвычайной важности. На основании изложенного доношу, что в ближайшие 4—5 дней, до готовности других миноносцев, без упомянутых чрезвычайных обстоятельств (если наличие таковых будет признано мною), или без получения категорического конкретного вашего приказания, Балтийский флот обречен на временное бездействие и вынужден выполнять выжидательную роль резерва, бросаемого в дело только в экстренном случае» [1]).

Деятельность Красного Флота с 1—13 июня. 1 июня Начальник Морских Сил получил от Командующего 7 армией приказание «всемерно обеспечить побережье Копорского залива от высадок в тыл и в фланг нашей пехоте, успешно двигавшейся на юг и юго-запад» [2]).

2 июня, согласно телеграмме Начальника Морских Сил: «Произвести демонстрацию миноносцами для отвлечения неприятельских миноносцев, обстреливающих Ново-Устье» [3]), были посланы в Копорский залив эск. мин. «Азард» и «Гавриил». В Копорском заливе неприятель не был обнаружен, при возвращении же миноносцы были обстреляны (большими недолетами) с расстояния 80—90 кабельтовых двумя большими неприятельскими миноносцами [4]).

В течение 3 июня был получен ряд радио с Красной Горки о движении в Копорском заливе двух неприятельских миноносцев и подводных лодок. В 14 ч. 55 м., согласно радио Начальника Морских Сил «повторить вчерашнюю демонстрацию в Копорском заливе» [5]) эск.

---

[1]) Дело М. И. К. № 16037, стр. 128.
[2]) Дело М. И. К. № 16037, стр. 202. От-ние Команд. 7 армией от 1 июня.
[3]) Дело М. И. К. № 16037, стр. 108.
[4]) Дело М. И. К. № 17041, стр. 7.
[5]) Дело М. И. К. № 16037, стр. 137.

мин. «Гавриил» и «Азард» вышли в Копорский залив. Миноносцы были атакованы в заливе неприятельской подводной лодкой, выпустившей торпеду с расстояния 12—15 каб., прошедшую под носом эск. мин. «Гавриил». Перископ подводной лодки был обстрелян, а находившиеся на горизонте неприятельские миноносцы сделали несколько залпов по нашим миноносцам; последние не отвечали в виду большой дальности[1]).

Уничтожение английской подлодки «L 55», 4-го июня. 4 июня, получив радио Красной Горки о появлении в Копорском заливе неприятельских миноносцев и транспорта, Начальник Отряда в 15 ч. 50 м. выслал туда эск. мин. «Азард» и «Гавриил», а сам на л. к. «Петропавловск» в 16 ч. 10 м. снялся с якоря и дошел до линии средних заграждений, где остановился для прикрытия наших миноносцев от 4-х неприятельских, находившихся по западную сторону наружного заграждения, в расстоянии около 120 каб. [2]).

«Азард» и «Гавриил» имели бой с 3-мя английскими миноносцами на больших дистанциях, безрезультатный для обоих сторон.

Фиг. 17. Английская подлодка «L 55», потопленная 4 июня 1919 г. эскадренными миноносцами «Азард» и «Гавриил».

В 17 ч. 37 м. слева от курса нашими миноносцами были замечены две шедшие на них торпеды и вслед за тем показалась рубка и часть корпуса подводной лодки, приблизительно в расстоянии 5-ти каб. Положив лево на борт, миноносцы уклонились от торпед, которые прошли по носу, открыли огонь и полным ходом пошли на подлодку, с намерением ее таранить [3]). После первых же выстрелов из носовых орудий, на месте подводной лодки появился огромный столб черного цвета, высотою не менее, чем при взрыве мины заграждения, и видны были взлетевшие вверх обломки. На месте взрыва, до которого оставалось только 15—20 саж., был виден сильный водоворот и с громадной силой выходил воздух, образуя белую пену [4]).

---

[1]) Дело М. И. К. № 16037, стр. 202. Донесение Нач. Действующего Отряда.

[2]) Дело М. И. К. № 16037, стр. 169. Телегр. Нач. Действ. Отряда.

[3]) По воспоминаниям участников этой операции, обстоятельства, сопровождавшие гибель английской подлодки рисуются в нижеследующем виде. Не дойдя 1 каб. до подлодки, «Гавриил», шедший головным, уклонился вправо и поднял сигнал «иметь задний ход», изменив первоначальное намерение таранить подлодку. «Азард» же в это время уклонился влево и произвел по подлодке выстрел из носовой пушки ныряющим снарядом, после чего последовал на месте подводной лодки сильнейший взрыв.

[4]) Дело М. И. К. № 16037, стр. 168. Выписка из донесения Нач. Дивизии эскадр. миноносцев.

Как оказалось впоследствии [1]), была потоплена английская подводная лодка новейшего типа «L» (вступила в строй в 1919 г., водоизм. $\frac{\text{надв. } 960}{\text{подв. } 1150}$ тонн, скор. хода $\frac{\text{надв. } 17{,}3}{\text{подв. } 10{,}5}$ узл.; артиллерия: 2 — 4″ орудия, торп. аппараты: 6 носовых 21″).

В 19 ч. 05 м. все суда, возвратившись из похода, стали на якорь в исходном положении.

Вечером, согласно распоряжения Начальника Морских Сил, «Петропавловск» и «Азард» вошли в гавань для приемки топлива, а на рейд вышел кр. «Олег». В гавани находился л. к. «Андрей Первозванный» в 8-ми-часовой готовности для поддержки крейсера «Олег», а на рейде—в полной готовности крейсер «Олег» и эск. миноносец «Гавриил».

5 июня в Кронштадте наблюдалось 3 падения снарядов крупного калибра, из них один—против кладбища, и один—в городе. По донесению тральщиков, стрельба производилась с форта Ино. Ввиду этого, л. к. «Андрей Первозванный» в 14 ч. 20 м. был выведен на Большой рейд, с приказанием, в случае открытия огня с форта Ино—отвечать равным числом выстрелов. Но обстрел более не возобновлялся.

В течение нескольких последующих дней наши тральщики, стоявшие в дозоре, обнаружили работу неприятельских моторных тральщиков, занимавшихся тралением в районе фарватеров, ведших от Стирсуддена к Копорскому заливу [2]). (Из воспоминаний Питка видно, что в начале июня теплоход «Olev» поставил несколько минных заграждений на наших путях).

Наш Действующий Отряд, усиленный с 6-го июня эск. мин. «Гайдамак» и тральщиком «Китобой», продолжал вести наблюдение за морем. Никаких операций не предпринималось и лишь 10-го июня эск. мин. «Азард» и «Гавриил» имели боевое столкновение с двумя английскими эсминцами. Еще с вечера было установлено их якорное место в районе Стирсуддена, по внешнюю сторону нашего минного заграждения. Ночью наши эсминцы застигли неприятеля врасплох и открыли по нему огонь. Английские эсминцы немедленно стали сниматься с якоря и в свою очередь обстреляли наши эсминцы светящимися снарядами. Вскоре на одном из английских эсминцев начался пожар, после чего неприятель стал отходить [3]).

Обстановка стала менее напряженной и 7-го июня заградитель «Нарова», находившийся в продолжение 3 недель в четырехчасовой готовности, был переведен на 12-ти часовую [4]).

Взрыв форта «Павел» 11 июня. Несколько загадочным обстоятельством является пожар на форте «Павел». 11 июня в 11-м часу здесь начался пожар и вслед за ним—взрывы находившегося на форту склада старых мин заграждения. Взрывы продолжались весь день, до 1 часу

---

[1]) Справочник «Jane. Fighting Ships», 1920 г.
[2]) Дело М. И. К. № 16037, стр. 205—206.
[3]) Дело М. И. К. № 16037, стр. 196.
[4]) Дело М. И. К. № 16037, стр. 173—174.

45 м. ночи, когда последним, очень большой силы взрывом, было разрушено около одной трети корпуса форта..[1]).

Восстание форта Красная Горка, 13-го июня. Совершенно неожиданно обстановка существенно осложнилась. Насколько непредвиденным обстоятельством явилось востание гарнизона Красной Горки видно уже из характера и последовательности полученных об этих событиях донесений.

13 июня около 9 ч. утра Начальник Службы Связи Кронштадта донес по телефону, что Красная Горка и пост Сан-Галли дают непонятные ответы на телефонные запросы. Выяснилось, что между 4 и 8 ч. утра гарнизон Красной Горки, совместно с артиллерией, произвел возмущение. Была принята радиотелеграмма Красной Горки: «Присоединяйтесь к нам, иначе Кронштадт будет уничтожен». Вслед за первой радио, последовала вторая: «Биорке. Красная Горка в вашем распоряжении». Восстание произведено было под лозунгом: «довольно братской крови».

К этому времени в море находились: у мыса Серая Лошадь—сторожевое судно «Китобой» и у мола на Большом рейде—тральщик «Ударник».

Запрошенный по радио, «Китобой» показал свое место и донес что «в море ничего не видно». Ему было приказано немедленно отойти на меридиан Толбухина маяка, линейному кораблю «Андрей Первозванный»—выйти на Большой рейд, а л. к. «Петропавловск»—приготовиться к стрельбе по форту Красная Горка из гавани [1]).

В 11 ч. 30 м. Начальник Действующего Отряда получил от Революционного Военного Совета Балтфлота приказание:

1) Привести в готовность все боевые суда отряда («Андрей Первозванный»—в полную, «Петропавловск»—в двухчасовую, «Олег»—в часовую, миноносцы: дежурный—в полную, а остальные—в четырехчасовую готовность).

2) Суда расположить таким образом, чтобы: а) они могли вступить в кратчайший срок в бой с наступающим с моря противником; б) могли производить обстрел берегов по возможности не выходя за меридиан Толбухина маяка.

3) В случае обстрела Кронштадта или судов флота с береговых батарей—следует немедленно отвечать [2]).

Около 15 ч. Красная Горка, после пред'явленного ей 15-ти-минутного ультиматума о сдаче, открыла по Кронштадту редкий огонь. Один снаряд упал в гавани около яхты «Зарница», другой—в порту, и несколько—на рейде, где стоял л. к. «Андрей Первозванный». «Петропавловск» и «Андрей Первозванный» также открыли огонь из 12" орудий. В виду того, что стрельба л. к. «Петропавловск» из гавани при наибольшем угле возвышения все же давала недолеты, он вышел на рейд, где стал на бочку, а «Андрей Первозванный» стал на меридиане Толбухина маяка. С уменьшением расстояния, стрельба судов

---

[1]) Дело М. И. К. № 16041, стр. 16. Донесение Нач. Действ. Отряда; № 16037, стр. 216. Телегр. Нач. Морсил.

[2]) Дело М. И. К. № 16037, стр. 219. Директивы Рев. Воен. Совета Балтийского флота.

стала, повидимому, более действительной, так как на форту Красная Горка был усмотрен пожар. «Андрей Первозванный», в виду хорошей пристрелки с Красной Горки, стрелял на ходу. В 16 ч. восстал форт Обручев, но вел себя совершенно пассивно. Пассивность его об'яснялась тем, что форт из-за ограниченности углов поворота орудий стрелять по городу и острову не мог [1]). Революционным Военным Советом Балтийского флота на ф. Обручев была послана телефонограмма следующего содерждания: «Команде форта Обручев. Восставшие против рабочих и крестьян собственной страны во имя интересов генералов и помещиков,—заявите в течение получаса, что вы не пойдете против рабочих и матросов Кронштадта и мы вас простим, а если этого не сделаете, то путем обстрела мы вас уничтожим» [2]). Форт Обручев заявил о своей покорности.

В этот же день начали срочно организовываться отряды моряков для действий на суше против Красной Горки. В 17 ч. эск. мин. «Свобода» был послан произвести разведку, причем обнаружил со стороны Биорке 2 неприятельских миноносца, был обстрелян Красной Горкой и, дойдя до линии нашего заграждения, вернулся. Вернувшись из разведки и приняв нефть, эск. мин. «Свобода» на следующий день вышел на присоединение к л. к. «Андрей Первозванный», к которому уже были прикомандированы эск. мин. «Гавриил» и Начальник 5-го дивизиона эск. мин. с «Гайдамаком» и «Всадником».

В 21 часу, ввиду частых падений снарядов Красной Горки в районе гавани, заградители «Нарова» и «Волга, стоявшие с минами заграждения, вышли и стали на якорь на меридиане Петергофа.

В этот же день Революционным Военным Советом Балтийского флота были посланы следующие радио Красной Горке:

а) «Вас обманули прислужники генералов и помещиков, заставляя вас стрелять по рабочим и матросам Кронштадта. Все должны понять теперь, что вы бессильны, сдавайтесь пока не поздно, иначе вам не будет прощения. Если вы сдадитесь—вы будете прощены, если нет—то уничтожены [3]).

б) «Вы предательски изменили рабочим и крестьянам России, отдавая себя в руки белых. Но мы готовы простить вашу вину, если вы ответите, что никаких злостных намерений против Рабоче-Крестьянской России не имеете. На ответ дается два часа, после чего наши товарищи матросы возьмут атакой Красную Горку, а суда откроют беспощадный огонь. Горе вам тогда. Загладьте вашу вину, пока не поздно [4])».

Измена тральщика «Китобой», 13-го июня. В этот же день тральщик «Якорь» вышел на смену тральщика «Китобой», имея на борту Начальника 1-го Дивизиона тральщиков. Пристав к борту «Китобоя», Начальник Дивизиона перешел на него и через $^3/_4$ часа приказал «Якорю» отойти и итти в Кронштадт. Командир тр. «Якорь» уйти в Кронштадт отказался, заявив, что он пришел сменить «Китобоя» и намерен

---

[1]) Дело М. И. К. № 14923, стр. 109,
[2]) Дело М. И. К. № 16308, стр. 85. Сохранена орфография подлинника.
[3]) Дело М. И. К. № 14547 стр. 636.
[4]) Дело М. И. К. № 16208 стр. 32.

простоять в дежурстве двое суток. Ф. Красная Горка, открывший по тральщикам огонь, заставил их разойтись, причем Нач. Дивизиона снова требовал по семафору ухода «Якоря» в Кронштадт и передачи ему нового шифра, в чем командир «Якоря» снова ему отказал. Ввиду близких падений снарядов около тр. «Якорь», последний отошел от «Китобоя» на значительное расстояние (три мили), когда заметил, что тр. «Китобой» спустил кормовой флаг и держит курс на Красную Горку, а затем на W, имея явное намереняе передаться белым, что и выполнил [1]).

Ликвидация восстания на Красной Горке. День 14 июня прошел в той же обстановке обоюдного обстрела, с Красной Горки — Кронштадта, судов и Ораниенбаума, а с кораблей Действующего Отряда—Красной Горки, батареи Серая Лошадь, которая, тоже перейдя на сторону восставшей Красной Горки, обстреливала наши суда и селение Лебяжье. Л. к. «Петропавловск» действовал своей артиллерией стоя на Большом Кронштадтском рейде, и в целях экономии снарядов, стрелял только тогда, когда стреляла Красная Горка, причем стрельба велась залпами по 2 орудия через каждые 5 минут. Л. к. «Андрей Первозванный» стрелял на ходу из 12″ и 8″ орудий. Стрельба Красной Горки по л. к. «Андрей Первознанный» была очень хорошая, так что кораблю приходилось менять и курсы и хода, чтобы избежать попаданий. Несколько залпов Красной Горки легли вплотную за кормою и перед носом л. к. «Андрей Первозванный», осыпав осколками палубу. От разрыва снаряда, газы попали в кормовую 12″ башню и оттуда пришлось вынести в бессознательном состоянии отравленного ими плутонгового командира и трех комендоров.

Л. к. «Андрей Первозванный», имея в своем распоряжении миноносцы, от времени до времени высылал их на разведку в море, причем были обнаружены неприятельские малые суда и миноносцы, близко, однако, не подходившие.

В 23 ч. 45 м. «Андрей Первозванный», обнаружив у себя неисправность рулевой машины, получил разрешение вернуться на рейд, и так как стоянка его на рейде мешала стрельбе «Петропавловска», то он был введен ночью в гавань и приступил к погрузке угля [2]).

За день 14 июня в обстреле Красной Горки участвовала и батарея Риф.

15 июня, ввиду неисправности «Андрея Первозванного», в район Толбухина маяка был послан крейсер «Олег», который и принял участие в обстреле главным образом батареи Серая Лошадь. «Петропавловск» весь день 15 июня вел интенсивный обстрел форта Красная Горка, который продолжал стрелять по городу, по судам и Ораниенбауму. Попаданий в суда не было, снаряды ложились в районе Купеческой и Средней гаваней, а также в городе, где было незначительное число раненых и убитых жителей.

---

[1]) Дело М. И. К. № 16041, стр. 18. Донесение командира тральщика «Якорь». «Китобой» в дальнейшем явился единственным военным судном на Балтийском театре под андреевским флагом. Он принимал участие в обстрелах нашего побережья, а после окончания авантюры Юденича, перешел вокруг Европы в Черное море.

[2]) Дело М. И. К. № 270. Рапорт. К-ра л. к. «Андрей Первозванный».

Одновременно с обстрелом с моря, велось и наступление на Красную Горку сухопутными силами и отрядами моряков. 15 июня к вечеру Красная Горка перестала отвечать на обстрел.

В 0 ч. 30 м. 16 июня на форт вошли разведчики и цепи моряков и 4-й Стрелковый полк. Форт был занят без сопротивления.

12-ти дюймовая и 6-ти дюймовая батареи оказались целыми. 10-ти дюймовая батарея не имела у некоторых орудий замков. У большинства легких пушек также были унесены замки. Городок форта оказался сгоревшим, а водопровод — разрушенным. Форт был совершенно брошен гарнизоном. В 11 ч. этого же дня от гарнизона батареи явилась делегация с выражением покорности [1]).

В этот же день, в 12 ч. 30 м., после регулярного обстрела батареи Серая Лошадь крейсером «Олег», она была также занята нашими частями. Восстание было ликвидировано и операции против фортов южного берега закончились.

Во время восстания часть гарнизона, комиссары, коммунисты и курсанты были арестованы (всего 275 человек) и помещены в казематы 12″ башенных орудий. Утром 15 июня из них 12 человек были взяты покидавшими форт и уведены в Калище, где, повидимому, были расстреляны. Возмущение форта было организовано и произведено комендантом форта Неклюдовым, который бежал. Часть гарнизона в последующие дни возвратилась с из'явлением покорности и сосредотачивалась в Ораниенбауме, часть же—ушла к белым.

За время бомбардировки Красной Горки было израсходовано снарядов:

На л. к. «Петропавловск»	12″	—	568
« л. к. «Андрей Первозванный»	12″	—	170
« кр. «Олег»	130 мм.	—	750
« эск. миноносцах	100 «	—	145 [2])

В результате стрельбы, 12″ артиллерия л. к. «Петропавловск», в виду выпущенного количества снарядов, оказалась расстреленной и требующей замены [3]).

Гибель двух английских тральщиков. 16 июня, при тралении в Финском заливе, погибли английские тральщики «Gentian» и «Myrtle» (Водоизм. 1250 т., скор. хода — 17 узл., артиллерия — 2—4″).

Гибель крейсера «Олег», 17 июня. (фиг. 21) 17 июня крейсером «Олег» были обнаружены три дыма, двигавшиеся от финского берега к маяку Шепелев; эти дымы стали приближаться, видимо двигаясь на Ost; дойдя до середины залива, они остановились, и, продержавшись некоторое время на месте, пошли снова к Шепелеву. Командир «Олега» предполагал возможность постановки минного заграждения [4]).

17 июня вечером для наблюдения за морем был выдвинут к Толбухину маяку крейсер «Олег», при охране из двух эск. миноносцев и

---

[1]) Дело М. И. К. № 14928, стр. 175—179. Юзограмма Наморси и Командира Кронштадтской крепости.

[2]) Дело М. И. К. № 14923, стр. 128. Телеграмма Нач. Штаба Кронштадтской Базы. Дело М. И. К. № 16141, стр. 17. Донесение Нач. Действ. Отряда.

[3]) Дело М. И. К. № 16036, Рапорт Командира л. к. «Петропавловск».

[4]) Дело М. И. К. № 16037, стр. 266. Телефонограмма командира кр. «Олег».

двух сторожевых судов. Крейсер, находясь в полной готовности, стоял на якоре на SSO от Толбухина маяка, на створе выходных маяков. В 4 часа крейсер был атакован, как выяснилось впоследствие, быстроходным моторным катером, который выпустил в крейсер торпеду и быстро стал уходить. Торпеда попала в левый борт у первой кочегарки, приблизительно около 36 шпангоута. От взрыва крейсер начал довольно быстро крениться. После первого момента паники, которая была ликвидирована минуты через три, команда стала по боевому расписанию и был открыт огонь по удалявшемуся катеру из орудий левого носового плутонга. Одновременно сиреной и сигналом было обращено внимание миноносцев. «Гайдамак» был подозван к борту и ему приказано было донести о подрыве по радио, так как сам крейсер сделать этого не мог из-за выхода из строя динамо-машин (лопнул паропровод). Эск. мин. «Всадник» был послан вслед за удалявшимся катером, но ввиду увеличивавшегося крена был возвращен и также подошел к борту

Фиг. 18. Английский тральщик «Gentian» того же (типа «Myrtle»), затонувшие при тральных работах в Финском заливе 16 июня 1919 г.

крейсера. Все попытки выравнять крен не увенчались успехом и через 10—12 минут после взрыва крейсер, затонувши, лег левым бортом на грунт. Личный состав был снят миноносцами. Погибло 5 человек и 5 человек было ранено, из них два тяжело [1]).

В этот день и на следующий, 18 июня, неприятель производил воздушную разведку района Кронштадта [2]).

20 июня, во время нашей воздушной разведки Копорского залива, о-ва Сескар, Биоркэ и финского берега, были атакованы неприятельские суда у финского берега, причем по ним было сброшено две пудовых бомбы [3]).

Траление и перестрелка с неприятельскими миноносцами 21—23 июня. 21 июня с рассветом наши тральщики под прикрытием двух эск. миноносцев вышли на работу. С NW были обнаружены 5 англий-

[1]) Дело М. И. К. № 1411, стр. 39—46. Рапорт к-ра крейсера «Олег».
[2]) Дело М. И. К. № 1411, стр. 41—42 и 63.
[3]) Дело М. И. К. № 16037, стр. 179. Юзограмма Штаба Наморси.

ских миноносцев, шедших на них, ввиду чего тральщики повернули обратно и вернулись в базу [1]). 22 июня с рассветом тральщики снова под прикрытием эск. мин. «Константин» и «Азард» вышли на работу. Находясь в 5 милях на StO от Стирсуддена, они были обстреляны (с дистанции 70 каб.) тремя миноносцами противника, находившимися на NW от наших судов. Почти в то же время на SW был обнаружен крейсер и еще один силуэт судна. Наши суда, ведя перестрелку с неприятелем, стали отходить. Во время перестрелки, на «Азарде» снарядом противника отбило дульную часть одного орудия, причем были тяжело ранены два чел. из команды. Существенных повреждений ни одним из судов не было получено [1]).

Постановка минного заграждения, 22 июня [2]). 22 июня Начальник Действующего Отряда получил предписание Начальника Морских Сил вновь с 22-го на 23-е июня четырьмя «Новиками» и двумя угольными миноносцами выставить минное заграждение. Батареям Красная Горка и Серая Лошадь приказано было находиться в готовности. При выполнении операции предлагалось опасаться обстрела с финского берега и присутствия неприятельских подводных лодок. Предлагалось также принять меры охраны во время перехода у маяка Шепелева [3]).

Заграждение это предполагалось для усиления всей позиции и выставлялось в районе меридиана 29° Ost от Гр., впереди всех ранее поставленных заграждений.

В ночь на 23 июня первый дивизион эскадренных миноносцев в составе «Гавриил», «Свобода», «Константин» и «Азард» и два угольных миноносца—«Гайдамак» и «Всадник», под общим командованием Начальника 1-го дивизиона эск. миноносцев, вышли в полночь из гавани и стали на якорь на Большом Кронштадтском рейде.

В 1 час 25 мин. Начальник Дивизиона на эск. мин. «Гавриил», снявшись с якоря с Большого рейда, и приказав сигналом остальным судам вступить в кильватер, вышел на постановку заграждения, имея ход 14 узлов. Отряд разделился на две колонны: в первой—«Гавриил» и «Свобода», во второй—«Гайдамак», «Всадник», «Константин» и «Азард». Тральщику «Невод» было приказано сняться с якоря, итти к поворотной вехе и держаться у нее до возвращения отряда. При следовании к месту намеченной постановки, были замечены 2 корабля, повидимому, державшиеся за внешней линией заграждения. Около 3 ч. в море налетел шквал от *SW*, который скрыл миноносцы. Вскоре миноносцы уменьшили ход 12 узлов и в 3 ч. 20 м., обе колонны начали постановку мин. В 3 ч. 30 м. одна из брошенных эскадренным миноносцем «Гавриил» мин разорвалась под его кормой. По мере приближения к финскому берегу, за заграждением стали отчетливо видны силуэты трех больших миноносцев в расстоянии около 40 каб. Окончив постановку, первая колонна в 3 ч. 33 м. увеличив ход, повернула вправо, пересекла линию второй колонны и уменьшив ход до 8 узлов, легла курсом на поворотную вешку. Миноносцы второй колонны, последова-

---

[1]) С 22-го июня по 4 июля все эстонские морские силы участвовали в операциях против германского ландвера в Рижском заливе.

[2]) Дело М. И. К. № 16037, стр. 185. Юзограмма Нач. Морск. Сил.

[3]) Дело М. И. К. № 16037, стр. 185. Тоже.

тельно оканчивая свою постановку, выходили из строя вправо и следовали к поворотной вехе, вступая в кильватер первой колонне. В 3 ч. 46 м. головной миноносец второй колонны кончил постановку и весь отряд соединенно проследовал в Кронштадт, куда было приказано возвращаться и тральщику «Невод». Около 6 ч. отряд вошел в Кронштадтскую гавань [1]).

Боевые действия с 22 июня—1 июля. В этот же день неприятельские гидроаэропланы, производя разведку, сбрасывали бомбы по гаваням Кронштадта, не причинив каких-либо повреждений. [2])

23 июня, занятые нами деревни Долгово и Керново были обстреляны неприятельскими судами, причем нашим передовым частям пришлось отступить. Форт Красная Горка открывал огонь из 12″ орудий редкими залпами с корректировкой из Чувашей. [3])

23 июня в 21 ч. 40 м. пост Сан-Галли доносил, что 3 неприятельских миноносца вышли из Копорской губы в море [4]).

24 июня наши суда, выйдя к Толбухину маяку, встретили большую волну и ветер от WNW силой до 4-х баллов и возвратились в гавань. [5])

25 июня Революционный Военный Совет Балтийского флота предложил Ннчальнику Действующего отряда и Начальнику Морской Кронштадтской Базы принять самые энергичные меры к борьбе с неприятельским катерами и шлюпками, которые неоднократно наблюдались с Красной Горки в море. [6])

29-го июня Красная Горка 12″ батареей в 14 ч. обстреливала большой неприятельский транспорт или заградитель. Перед первым залпом Красной Горки был замечен под кормой транспорта большой столб воды, повидимому, от взорвавшейся мины, после чего транспорт с креном на правый борт начал уходить от обстрела батареи к финскому берегу, но через 15 минут, после взрыва, затонул. Около 15 ч. три неприятельских миноносца и 2 тральщика подошли к месту взрыва [7]).

29 июня было закончено продолжавшееся несколько дней траление нашими судами выходных фарватеров из Кронштадта в море. [8])

Обстановка на Ладожском озере в период май — июнь. Между тем на Ладожском участке Балтийского театра, на который предписывалось обратить особое нимание, согласно директиве Главкома Вацетиса (см. стр. 162), долгое время никаких боевых действий не предпринималось. По имевшимся сведениям, противник располагал здесь двумя вооруженными пароходами «Тампере» и «Мурман» (артиллерия 2 — 4″), невооруженным пароходом «Випури», артиллерийским транспортом «Валаам», 10 моторными катерами, 8 гидросамолетами и 1 самолетом. На сухом пути, на западном берегу наш фронт проходил по финляндской границе; на восточном побережьи — в районе Андрусовской пустыни.

---

[1]) Дело М. И. К. № 16037, стр. 277. Рапорт Нач. 1-го див. эск. мин.
[2]) Дело М. И. К. № 1411, стр. 39/46.
[3]) Дело М. И. К. № 16037, стр. 274. Телефонограмма Комиссара Красной Горки.
[4]) Дело М. И. К. № 16037, стр. 275.
[5]) Дело М. И. К. № 15037, стр. 282. Телефонограмма Нач. Действ. Отряда.
[6]) Дело М. И. К. № 16037, стр. 286. Юзограмма Штаба Наморси.
[7]) Дело М. И. К. № 16037, стр. 293. Юзограмма Командира «Уссуриец».
[8]) Дело М. И. К. № 16039, стр. 138.

Наши морские силы Ладожского района получили следующую инструкцию, составленную Рев. Военным Советом Балтийского моря ввиду прихода в Шлиссельбург эск. мин. «Амурец» и «Уссуриец».

1) Эск. мин. «Амурец» и «Уссуриец» находятся в оперативном подчинении Штаба Балтийского флота; 2) задачи, возлагаемые на миноносцы: а) глубокая разведка на Ладожском озере, б) борьба с морскими силами противника, в) воспрепятствование высадке десанта на побережье Ладожского озера, г) поддержка войсковых частей в прибрежном участке Ладожского озера, 3) готовность назначается 4-х часовая, 4) в случаях экстренных, при обнаружении действий противника, приказание исходит непосредственно от Начальника Базы, 5) Группа миноносцев находится в подчинении старшего командира [1]).

16 июня вступили в строй и были посланы в Шлиссельбург эск. миноносцы «Внушительный» и «Выносливый», с подчинением старшему командиру находившихся там эск. мин. «Уссуриец» и «Амурец». [2])

В тот же день последовало приказание произвести глубокую разведку Ладожского озера миноносцами «Уссуриец» и «Амурец». Миноносцам предлагалось осмотреть западное побережье Ладожского озера до Валаама, не заходя к западу от линии наружных островов. Миноносцы предупреждались о возможном наличии минных заграждений у входа в Сартан Лакс и в районе Кексгольм—Валаам—Манчин-Сари. [3])

Операция у Видлицы, 27 июня. Во второй половине июня была разработана крупная операция Онежской флотилии совместно с сухопутными силами в районе р. Видлицы, ввиду чего 23-го июня эск. мин. «Амурец» и «Уссуриец» получили приказание следовать в Свирицу, в распоряжение начальника Онежской флотилии [4]).

27 июня состоялась десантная операция с обстрелом и уничтожением неприятельской батареи и взятием Видлицы. Состав наших судов был следующий: посыльное судно «№ 1», на котором находились командующий Онежской флотилией (т. Панцержанский) и командующий войсками (т. Гусаров); эск. мин. «Уссуриец», «Амурец», заград. «Яуза», колесные пароходы «Кибальчич», «Гарибальди», ст. судно «Ласка» и «Выдра», и три речных парохода.

«Амурец» и «Уссуриец», при обстреле батарей, сближались с ними до 12 кабельтовых. Выпущено было обоими миноносцами 309 четырехдюймовых снарядов [5]). (Подробно эта операция описана в отделе Онежской флотилии настоящего тома).

28 июня на эск. мин. «Уссуриец», во время погрузки боевого запаса, случайно, при укладке патронов, от удара носком снаряда по капсюлю, произошел взрыв в погребе, от которого взорвалось около 10 патронов. Повреждений в корпусе не было. Выгорели стелажи и почти все помещение командного состава. При взрыве был тяжело ранен и впоследствии скончался один человек. Ремонт требовался около 4—5 недель [6]).

---

[1]) Дело М. И. К. № 16037, стр. 208.
[2]) Дело М. И. К. № 16037, стр. 253; Телеграмма Нач. Морских Сил
[3]) Дело М. И. К. № 16037, стр. 236. Юзограмма Штаба Наморси.
[4]) Дело М. И. К. № 1037, стр. 280.
[5]) Дело М. И. К. № 16037, стр. 293.
[6]) Дело М. И. К. № 16037, стр. 138.

ГЛАВА VII.

Второе наступление на Красный Петроград.

(июль — ноябрь 1919 г.).

В конце июня первая попытка белогвардейцев захватить Петроград была ликвидирована и противник оказался оттесненным за линию р. Луга—озеро Сампо—р. Кень. Но и после окончания неудачной для белых попытки, английский флот, содействие которого белогвардейцам столь ярко выявилось в течение всех операций последних месяцев, продолжал обстрел нашего побережья и развивал энергичную деятельность против Красного Флота.

В первых числах июля неприятельский флот появлялся несколько раз в непосредственной близости наших берегов, причем подвергался энергичному обстрелу наших батарей и атакам наших летчиков, почти ежедневно вылетавших на разведку Копорского залива, районов Сескара и Биорке и забрасывавших неприятеля бомбами. Роль неприятеля ограничивалась поддержкой артиллерийским огнем фланга своих сухопутных частей, причем из-за недостатка в снарядах эстонские суда лишь изредка участвовала в операциях, предоставляя английским судам производство почти ежедневных обстрелов нашего побережья.

Около этого же времени началась подготовка к более крупной операции: эстонские морские силы доставили из Пернова в Нарвскую губу сухопутные части; к остаткам Северного корпуса был присоединен из Либавы отряд Ливена, а главнокомандующим над всем этим довольно пестрым составом, переименованным в армию, был назначен Юденич. Одновременно подготовлялась и обстановка на случай захвата белоэстонцами Красного флота в Кронштадте. Из телеграммы, полученной Колчаковским морским министерством в Омске, видно, что еще не владея Красным флотом, белогвардейцы совместно с английским командованием распределяли высшие должности на флоте и предопределяли его судьбу. Этот интересный и характерный документ приводится здесь полностью:

Копия телеграммы, полученной от российского поверенного в делах в Лондоне, Набокова. [1])

Лондон, № 37/8. Омск, Генмор.
Подана 7/7—1919 года. Принята 13—1919 года.

«Адмирал Пилкин просит передать омск. управ. морск. мин., (результат) свидания с английским командующим в Балтийском море адмиралом на крейсере «Дельфи» в Биорке 27-го июня. Английский адмирал признает полномочия Пилкина в должности командующего флотом. Привлекает его к участию в случае переговоров о сдаче, передать ему сдавшиеся военные корабли в Кронштадт, сохраняя за собой главнокомандование союзными флотами. Согласен на под'ем андреевского флага. Окажет содействие: 1) перевозке отрядов для занятия Кронштадта по сдаче его и (приезда) офицеров из Финляндии и северных государств; 2) снабжением, топливом и продовольствием, последнее имеется; 3) изготовлению к плаванию транспорта для подвоза из-за границы. Считает полезным участие в операциях против Кронштадта судов под андреевским флагом. Мне он обещает содействие: 1) пользование... финскими базами; 2) получение от финнов во временное пользование моторных катеров, не предрешая вопроса о праве собственности. АБ. № 900/13 Набоков».

Боевые действия с 1—10 июля. Все операции этого периода не имели существенного значения.

2 июля форт Красная горка обстрелял неприятельские суда, начавшие обстрел дер. Керново, Долгово и Систо-Палкино, занятые нашими войсками. Ввиду удачных падений снарядов в расположении неприятельских судов — последние прекратили обстрел и удалились к финскому берегу [2]).

3 июля, при воздушной разведке Копорского залива, нашими гидросамолетами сброшено было 4 пудовых бомбы по неприятельским судам, которыми аппараты были обстреляны [3]).

За день 4 июля нами была дважды произведена разведка Копорского залива, района Сескар, Биоркэ и финского берега.

5 июля два неприятельских миноносца появились в Копорском заливе [1]). Нашими летчиками по ним было сброшено 4 пуда бомб [1]).

6, 7, 8 и 9 июля производилась воздушная разведка Копорского залива, Лужской губы, Биорке, финского берега и района Красной Горки, причем 6-го июля нашими гидросамолетами неприятельские тральщики были обстреляны из пулемета, а 7-го июля по неприятельским судам было сброшено $1^1/_2$ пуда бомб, 8-го и 9-го — по 2 пуда бомб [4]).

7 июля неприятельские гидросамолеты производили воздушную разведку района Кронштадта [5]).

---

[1]) Приведена в сборнике «Кто должник». Издание Авиоиздательства, 1926 г. Сохранен текст подлинника.
[2]) Дело М. И. К. № 16037, стр. 348.
[3]) Дело М. И. К. № 1411, стр. 41—42 и 63.
[4]) Дело М. И. К. № 1411, стр 41—42. и 63.
[5]) Дело М. И. К. № 16037, стр. 346.

Боевые действия с 10 — 23 июля. Несомненное влияние на оперативные планы неприятеля должно было иметь появление в составе нашего действующего отряда 5 подлодок, начавших с середины июля энергичную деятельность; столь поздняя готовность подлодок к плаванию об'ясняется затянувшимися зимними походами их, позволившими приступить к их ремонту лишь в феврале.

10 июля подводная лодка «Волк» была выслана на позицию в Копорском заливе, за время пребывания на которой обнаружила три раза неприятельские эскадренные миноносцы. Два раза подлодка пыталась атаковать неприятельские суда, но за дальностью расстояния и большим ходом противника, атаки не удавались. В 12 ч. ночи с 10 на 11 июля подлодка пошла обратно в свою базу [1]).

13 июля в Копорский залив около 1 часу дня вошли 11 неприятельских миноносцев, которые, пробыв в заливе около получаса, скрылись в море в NW-ом направлении; ввиду недостаточной дальности своих орудий—Красная Горка огня не открывала [2]).

13 июля, за день, нашими гидросамолетами трижды была произведена разведка Копорского залива и Лужской губы. Было сброшено $3^1/_2$ пуда бомб по неприятельским судам. Один наш аппарат был безрезультатно преследуем двумя неприятельскими летчиками.

14 июля при разведке Копорского залива и района о-ва Сескар наши гидросамолеты сбросили 2 пуда бомб по неприятельским судам.

16 и 17 июля продолжалась разведка Копорского залива, Лужской губы, района о-ва Сескар и Биорке. Во время разведки наши гидросамолеты сбросили по неприятельским судам 16-го июля—4 пуда бомб, и 17-го—2 пуда бомб. В обоих случаях гидросамолеты были обстреляны. 18, 21 и 23 июля—разведка тех же районов со сбрасыванием бомб, причем неизменно аппараты обстреливались неприятелем.

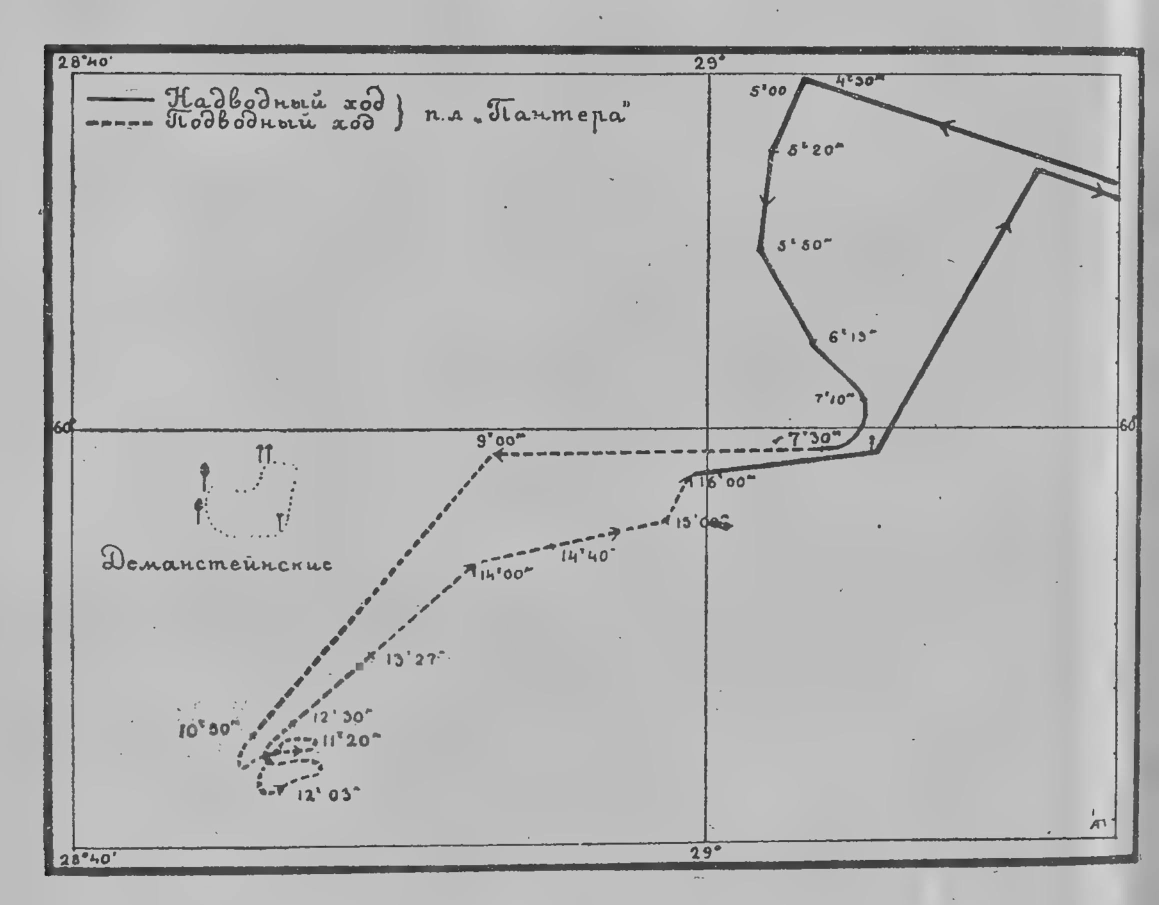
23 июля неприятельские воздушные силы произвели разведку района Кронштадта, сбрасывая безрезультатно по гаваням бомбы [3]).

Атака подлодкой «Пантера» двух английских подлодок 24-го июля. (фиг. 19 и 20).

23-го июля в 23 ч., подводная лодка «Пантера» вышла из Кронштадта в Копорский залив. На следующий день, в 10 ч. 45 м. ею по носу была обнаружена неприятельская подводная лодка, которая то погружалась, то вновь всплывала. Вскоре была обнаружена вторая неприятельская подводная лодка. Обе оказались английские, типов: «Е—9» и «Е—18». Стараясь себя не обнаружить, «Пантера» держалась в солнечной части горизонта. Маневрируя и стараясь приблизиться к неприятелю, «Пантера», заметив, что лодки прекратили погружение и держались над водой, пошла в атаку. Приблизившись на пол мили, «Пантера» развернулась кормой для большей свободы маневрирования, и в 12 ч. 02 м. выпустила правую кормовую торпеду в дальнюю подлодку—типа «Е—18», с расстояния около 6 каб. Повернув градусов на 20°, в 12 ч. 06 м. подлодка выпустила левую

[1]) Дело М. И. К. № 16037, стр. 344.
[2]) Дело М. И. К. № 16037, стр. 346.
[3]) Дело М. И. К. № 1411, стр. 41—42 и 63.

кормовую торпеду в другую неприятельскую подлодку. Первая неприятельская подлодка, дав ход, начала уходить на SO. Вторая подлодка продолжала оставаться на месте. Следов от торпед не было видно. После выпуска второй торпеды, «Пантера» начала разворачиваться влево, чтобы атаковать оставшуюся подлодку носовыми аппаратами. В 12 ч. 20 м., приблизившись на 4 каб., она выпустила обе носовые торпеды и начала медленно уходить на глубину. След обоих торпед был ясно виден; они шли хорошо, но неприятельская подлодка начала разворачиваться и торпеды прошли у нее по носу и по корме.

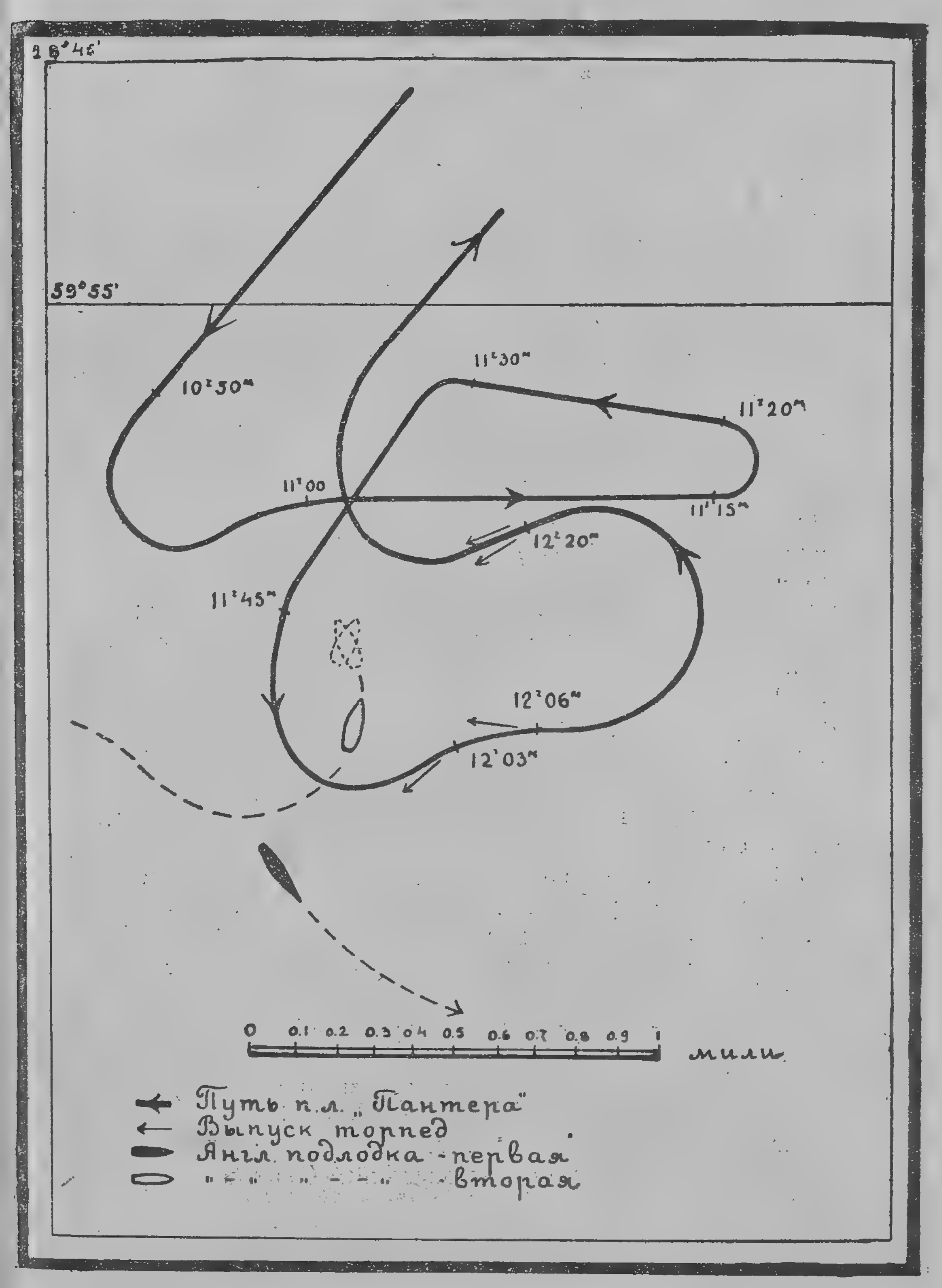

Фиг. 19. Схематическая карта разведки подлодки «Пантера» в Копорском заливе, 24 июня 1919 г.

В 12 ч. 30 м. «Пантера» ушла на глубину 50 фут. и шла на этой глубине, не показывая перископа, опасаясь преследования. В 13 ч. 27 м. она коснулась грунта, на глубине 10 саж.

В 13 ч. 40 м. «Пантера» всплыла до глубины 25 ф. и высунув перископ, чтобы осмотреться, тотчас-же снова погрузилась; но вскоре, в 13 ч. 43 м. был услышан звук разрыва снаряда. Очевидно подлодка была обнаружена. Далее, «Пантера», шла под водой и найдя отличительные глубины, в 16 ч. 10 м., предполагая свое место в $4^{1}/_{2}$ милях от Шепелевского маяка, где преследование вряд ли могло продолжаться ввиду близости наших берегов, всплыла, так как перископ не действовал. Следуя далее в Кронштадт, она в 19 ч. 45 м. ошвартовилась к борту матки «Память Азова».

Боевые действия с 24 июля по 17-е августа. 24 июля производилась воздушная разведка Копорского залива, Лужской губы и района о-ва Сескар. По неприятельским судам было сброшено 2 пуда бомб [1]).

Фиг. 20. Схематический план маневрирования подлодки «Пантера» при атаке двух английских подводных лодок, 24 июня 1919 г.

---

[1]) Дело М. И. К. № 1411, стр. 41—42 и 63.

27-го июля в полночь подводная лодка «Вепрь» вышла в Копорский залив. От Толбухина маяка подлодку сопровождал до поворотной шаровой вехи тральщик «Гарпун».

На следующий день в 10 ч. 15 м. подлодка заметила слева по носу неприятельский тральщик, а справа—большой миноносец. Миноносец ходил переменными курсами и с переменной скоростью. Подлодка начала маневрировать, чтобы выйти на позицию для атаки, но в это время, в 11 ч. 20 м., был обнаружен другой однотипный миноносец, шедший с севера. В 11 ч. 35 м. второй миноносец, повернув, ушел на N, а первый продолжал маневрировать. В 12 ч. 36 м. подойдя на боевую дистанцию, подлодка пошла в атаку. В 12 ч. 40 м. было обнаружено еще два миноносца. Подлодка вошла между тремя миноносцами, причем расстояния до них были столь незначительны, что в перископ были видны лица людей, стоявших на их мостиках; на подлодке были подготовлены к выстрелу носовые и кормовые аппараты и даже последовала команда «товсь». В 12 ч. 48 м. услышан был выстрел и разрыв снаряда вблизи подлодки. Отказавшись от атаки, подлодка начала погружаться. Вслед за первым выстрелом последовал второй и разрыв снаряда вплотную к подлодке. От разрыва сгорел реостат освещения, свет погас; осадило вниз перископ, через сальники которого сильно пошла вода и мотор перископа загорелся; давлением зажало люк и повернуло ручку для закрывания; лопнули водомерные стекла палубных и одной из дифферентных систерн, приток воды в лодку очень увеличился; магнитный компас перестал действовать; подлодка погружалась. В 12 ч. 49 м.—третий выстрел и разрыв снаряда, над носом послышалась работа винтов и тотчас же—легкий удар в нос. В 12 ч. 50 м.—глубина 50 фут. Подлодка постепенно погружалась до глубины 87 фут.; слышны были еще несколько разрывов снарядов. В 13 ч. 07 м., совершенно отказавшись от дальнейшего пребывания на позиции, подлодка легла курсом на Шепелевский маяк и начали приводить в порядок повреждения; в 19 ч. она начала всплывать, причем пошла очень сильно вода в носовой люк и замечен был запах хлора. В 19 ч. 8 м.—полное надводное положение, причем рубочный люк, несмотря на все усилия, не открывался. В 20 ч. 45 м., войдя в гавань, подлодка ошвартовилась у матки «Память Азова».

Командир в своем донесении указывал, что условия для атаки были очень неудовлетворительны, ввиду тихой и ясной погоды, когда перископ виден на большом расстоянии. Маневрирование неприятеля было таково, что он хотел завлечь лодку на мелкие глубины. Кроме внутренних повреждений, были довольно значительные и наружные. Личный состав, несмотря на очень опасный момент, темноту, дым горевшей изоляции и шум вливавшейся воды, не выказал ни малейшей паники или замешательства, оставался на местах и точно исполнял все распоряжения [1]).

29, 30 и 31 июля неприятелем была произведена воздушная разведка района Кронштадта, причем 29-го июля—со сбрасыванием бомб в районе Пароходного завода.

---

[1]) Дело М. И. К. № 16037, стр. 328. Донесение Ком-ра подводной лодки «Вепрь».

30 июля в 6 ч. 35 м. на горизонте по створу Шепелевских маяков, показался быстро шедший катер. Тральщик «Невод», стоявший в дозоре у Толбухина маяка, срочно снялся с якоря, открыв по нему огонь. Катер, подойдя к тральщику на расстояние $1^1/_2$—2 кабельтова, стрелял из пулемета, и выпустил по тральщику торпеду, от которой тот увернулся; в 6 ч. 43 м. катер повернул и быстро удалился.

1, 2, 3, 4 и 5 августа неприятель ежедневно, иногда по несколько раз в день, производил налеты на Кронштадт, сбрасывая бомбы не только по гаваням и территории завода, но и в городе. Так например, 1 августа бомбы были сброшены в Летний сад, когда там происходило народное гулянье.

5 августа наша разведка Копорского залива не удалась, так как наш гидросамолет был атакован аппаратами противника и принужден был вернуться в базу. При разведке района Биорке были обнаружены ангары. Встреченный противник уклонился от боя.

6 августа вылетели наши 4 бомбовоза и 2 истребителя, имея задачей атаку ангаров противника. 3 из них вернулись, не выполнив задания, из-за обстрела противником и неисправности, а 4-й сбросил бомбы на ангары [1]).

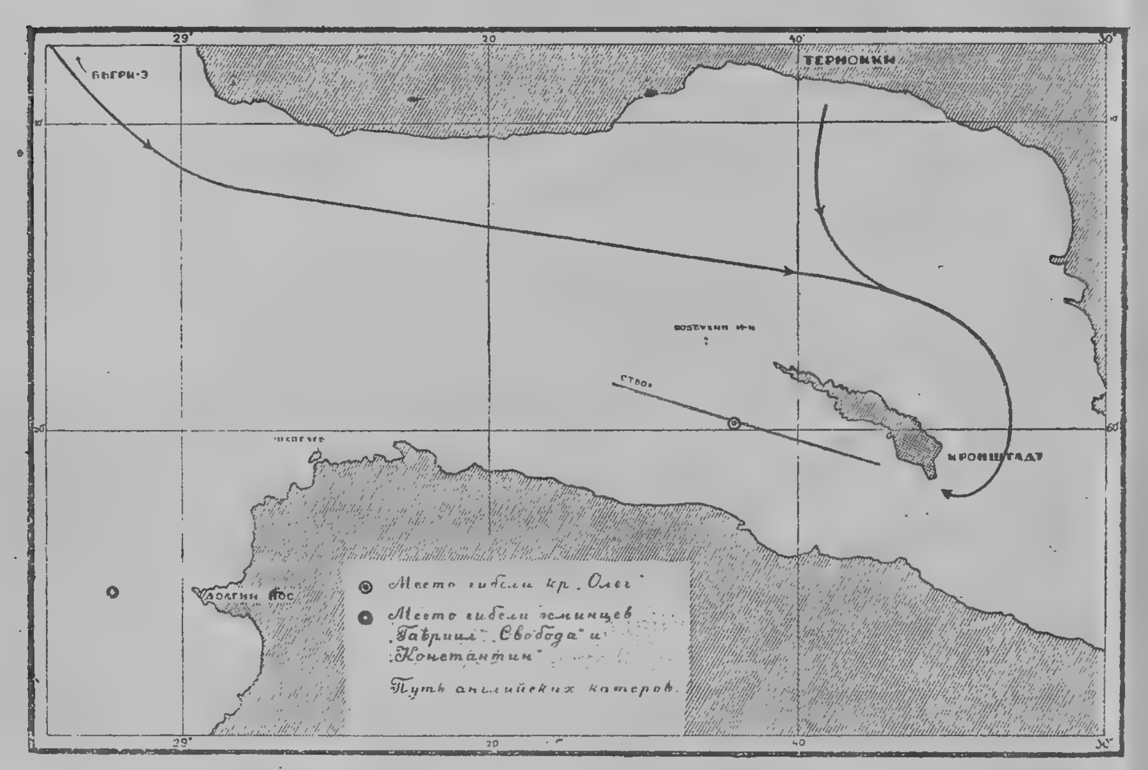
7, 9, 10 и 13 августа—налеты неприятеля на Кронштадт продолжались; сбрасывались бомбы [2]). 13 августа произошел большой пожар лесных складов и Таможни в Кронштадте). 14 и 15 августа—воздушная разведка неприятелем района Кронштадта [3]).

Атака на Кронштадт английских быстроходных моторных катеров в ночь с 17—18 августа (фиг. 21—26). В ночь с 17-го на 18-е августа было произведено нападение на Кронштадт быстроходных английских моторных катеров. Нападение это было осуществлено одновременно с налетом на Кронштадт неприятельских гидросамолетов. Около 3 ч. 45 м. над Кронштадтом, его гаванями и фортами были обнаружены по шуму пропеллеров воздушные аппараты, сбрасывавшие бомбы и стрелявшие из пулеметов светящимися пулями. На всех фортах и судах была пробита аэропланная тревога и лишняя прислуга от орудий была убрана за закрытия, а на судах—в палубы. Естественно, внимание всех было всецело поглощено аэропланами. Около 4 ч. 20 м. стоявший на Малом Кронштадтском рейде сторожевой эскадренный миноносец «Гавриил», отстреливавшийся от атаковавших его гидросамолетов, заметил два катера по направлению к Ораниенбауму около восточного знака Морского Канала и одновременно услышал сильный взрыв у стенки гавани (около металлического крана), в месте расположения мастерских Балтийского завода. Как впоследствии было выяснено, взрыв произошел от торпеды, выпущенной одним из катеров в эск. мин. «Гавриил»; торпеда, пройдя милю, взорвалась о стенку гавани. Открыв по катерам огонь, «Гавриил» первым же выстрелом потопил один из них вблизи восточного знака Морского Канала, другой ушел к Военному углу стенки гавани. Почти одновременно эсминец заметил два или три катера, шедшие с огромной скоростью от Военного угла вдоль стенки, по направлению

---

[1]) Дело М. И. К. № 1411, стр. 39—46.
[2]) Дело М. И. К. № 1411, стр. 39—46.
[3]) Дело М. И. К. № 15050, стр. 164—165.

ко входу в Среднюю Гавань; кроме того, он обнаружил катера, пытавшиеся прорваться из-за Военного угла гавани; этих последних огнем своих пушек он отогнал обратно. По катерам, шедшим вдоль стенки, эсминец не стрелял, опасаясь своими снарядами попасть в суда, стоявшие за стенкой в гавани. Два катера, войдя в среднюю гавань, направились один—к уч. с. «Память Азова», другой—к Рогатке Усть-Канала (вход к доку Петра I). Выпущенными торпедами первый из них взорвал уч. с. «Память Азова», второй—подорвал л. к. «Андрей Первозванный»; в то же время катера обстреливали все время из пулеметов суда и стенки гавани. При выходе из гавани, оба катера в 4 ч. 25 м. были потоплены огнем эск. мин. «Гавриил», причем от попавших снарядов, они загорелись.

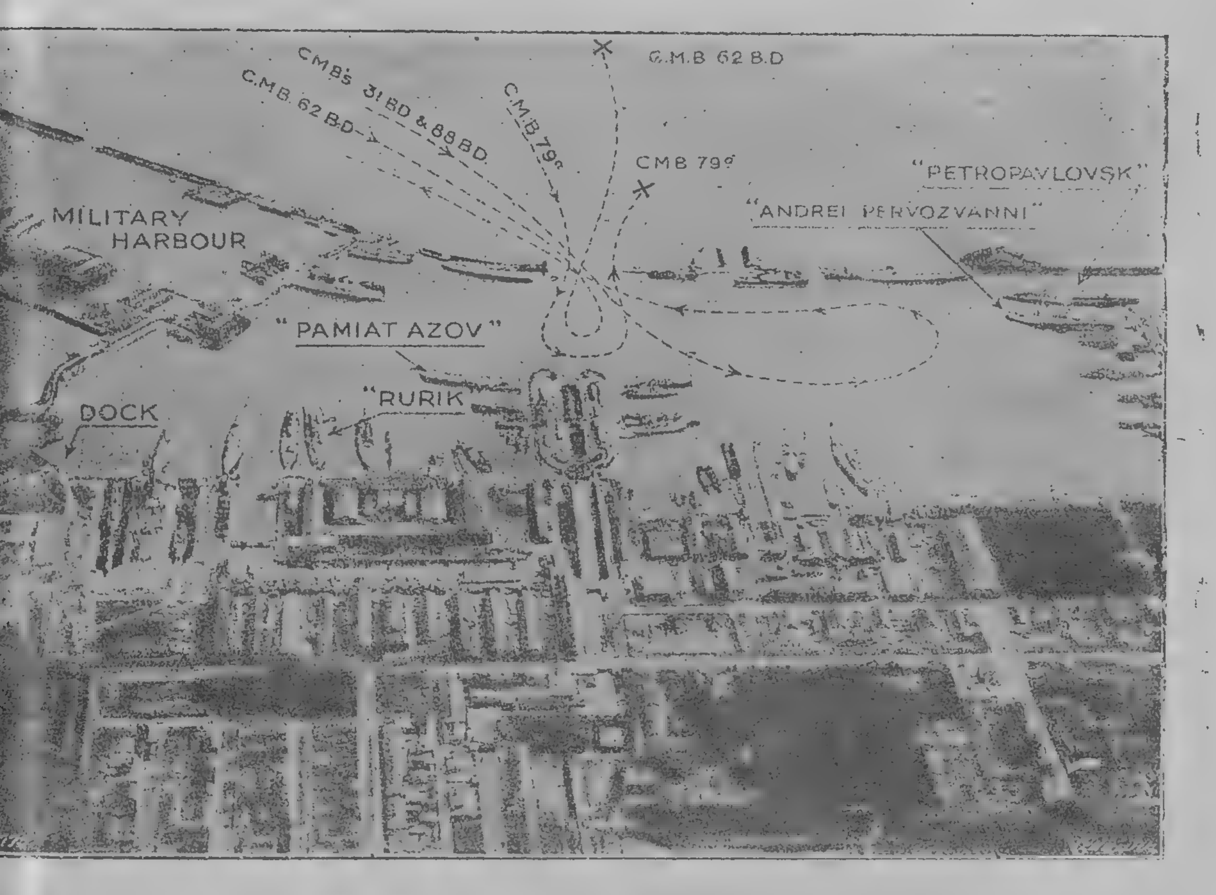
Фиг. 21. Схематическая карта, с указанием места гибели крейсера «Олег», путей английских быстроходных торпедных катеров при атаке на Кронштадт и места гибели эсминцев «Гавриил», «Константин» и «Свобода».

Эск. мин. «Гавриил» послал шестерку, которая в два рейса подобрала 9 человек англичан, из них 3—командного состава. Остальные катера, не пытаясь больше прорваться из-за Военного угла гавани, ушли Северным фарватером. Одновременно прекратились и налеты аэропланов.

По сведениям, добытым Следственной Комиссией, английским катерам была дана точная инструкция производства операции, разработанная на три варианта: первый из них надлежало выполнить в том случае, если они обнаружили бы вход в гавань совершенно свободным, т.-е. при отсутствии бонов в воротах гавани; второй—в случае обнаруженни в воротах бона, и третий—в том случае, если бы обнаруженный боя катерам удалось бы развести. Каждому из катеров были во всех трех

вариантах даны совершенно точные исчерпывающие приказания, сводившиеся к следующему:

1) Уничтожение сторожевого миноносца на Малом Рейде; 2) уничтожение уч. с. «Память Азова»; 3) уничтожение л. к. «Андрей Первозванный»; 4) уничтожение л. к. «Петропавловск»; 5) уничтожение бр. кр. «Рюрик»; 6) уничтожение кр. «Аврора» или «Диана»; 7) уничтожение ботопорта Николаевского дока; 8) Восьмой катер должен был являться запасным и делать то, что не удалось кому-либо из первых катеров.

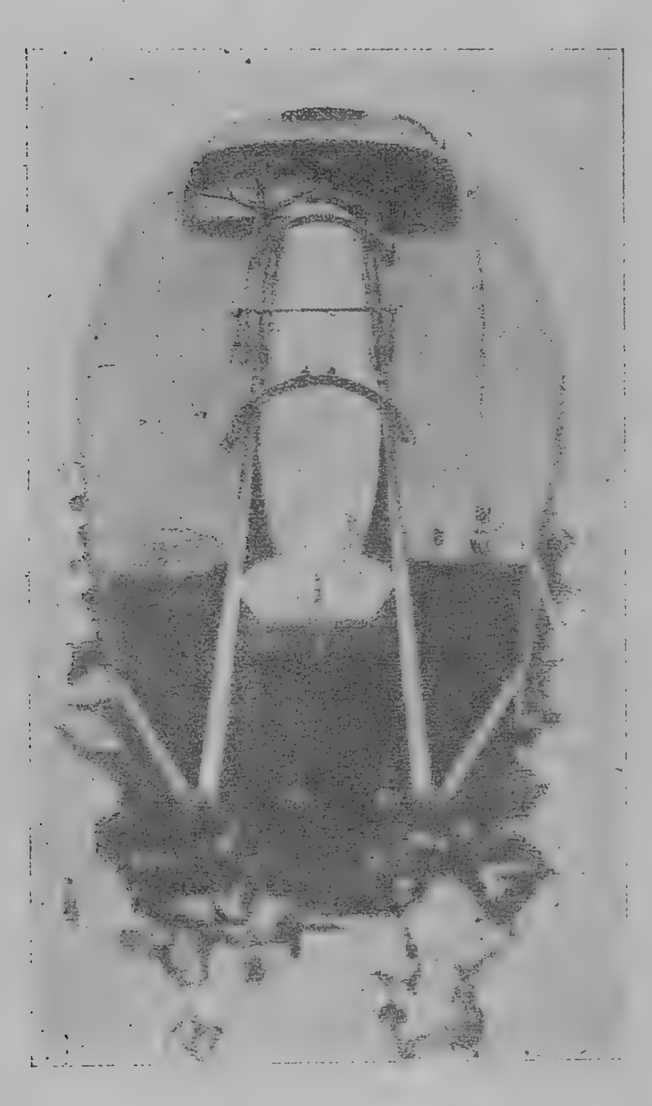
Фиг. 22. Панорама Кронштадтской гавани, снятая английскими летчиками накануне атаки быстроходных торпедных катеров (помещена в журнале «Engineering» 30—III, за 1923 г.). На фотографии пунктиром указаны пути катеров; X—места гибели двух катеров.

Катеров в операцию было назначено 8, но один из них отстал у Териок и в операции не участвовал.

Пять катеров около 1 часу ночи вышли из Биорке, и немного спустя два катера—из Териок. Все они встретились в море, в районе форта Ино, и оттуда пошли соединенно Северным фарватером к Кронштадту. Согласно инструкции, катера шли строем клина, но этим строем они дошли только до линии северных батарей, откуда следовали в строе кильватерной колонны до Военного угла гавани, где разошлись. Катера сопровождались гидроаэропланами, которые должны были показывать дорогу, и в случае гибели катеров—подбирать людей.

В инструкции упоминалось, что каждый аппарат мог принять на себя, кроме летчика, 7 человек, но с ними не мог бы уже подниматься и должен был следовать по воде.

Катера, в свою очередь, тоже должны были оказывать помощь аппаратам, в случае их аварии. Сигнализация ракетами допускалась только в двух случаях: две зеленых ракеты означали повреждение катера и просьба оказать ему помощь, и две красных ракеты—означали наличие бона в воротах гавани, причем, если катера, обнаружив бон в воротах, не смогли бы его развести или подорвать—они, отстреливаясь из пулеметов, должны были уходить обратно.

Фиг. 23. Английский быстроходный торпедный катер. (Вид с кормы. Ясно виден торпедный аппарат с торпедой).

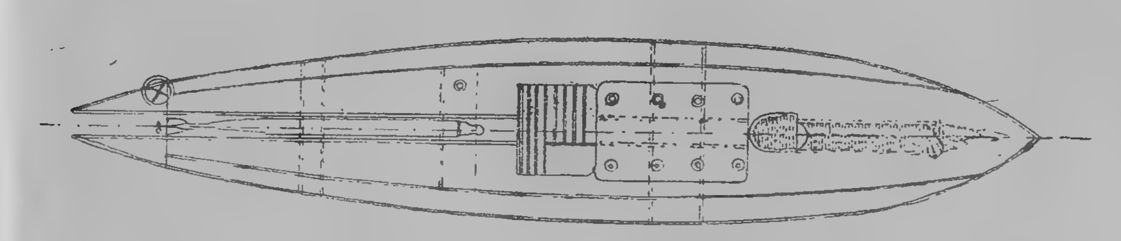
Катера прошли Северным Кронштадтским фарватером таким образом: форт Обручев видел четыре катера между собой и фортом Риф, шедшие очень большим ходом. (Шли они строем клина, почему видны были только четыре катера, в действительности это было только крыло клина из 7 катеров). Форт в это время отстреливался от гидроаэропланов и поэтому не мог немедленно же открыть огонь по катерам. Катера, пройдя траверз форта, обстреляли его из пулеметов. Форт Обручев тотчас же донес о катерах в Штаб крепости, где это донесение было принято дежурным комиссаром и передано в Штаб Начальника Действующего Отряда. Получив это донесение, Штаб Начальника Действующего Отряда уже не успел ничего предпринять, так как принято извещение было одновременно с открытием огня «Гавриилом». Далее, катера прошли между 3 и 4 северными батареями, где они тоже были обнаружены, но батареи ничего не могли против них предпринять. Гарнизон, тем не менее, обстрелял их из винтовок.

Уже после прорыва катеров, форты открыли прожектора и были готовы к бою.

При возвращении, уцелевшие катера шли двумя группами, причем одна из них прошла снова между батареями №№ 3 и 4 и Обручевым и Рифом, а другая—между батареями №№ 5 и 6 и между фортами

Обручевым и Тотлебен, придерживаясь форта Обручев. Катера сильно обстреливали форты из пулеметов и шли видимо полным ходом, попадая в лучи прожекторов. По ним был открыт с фортов орудийный огонь, но стрельба была не успешна. Таким образом, из 7 катеров—три были утоплены орудийным огнем «Гавриила», а четыре, видимо, благополучно ушли. Уч. с. «Память Азова», получившее попадание торпедой в правый борт, затонуло в гавани, легши правым бортом на грунт, а л. к. «Андрей Первозванный» от взрыва торпеды, попавшей в левый борт, получил пробоину в левом носовом отсеке.

Один из потопленных «Гавриилом» катеров был поднят. В числе документов, у пленных офицеров была найдена инструкция, показы-

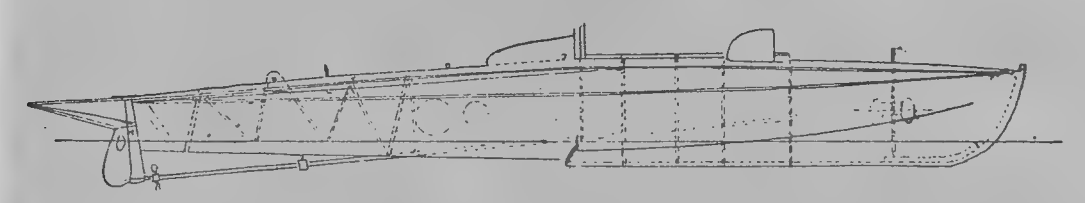
Фиг. 24. Чертеж английского быстроходного торпедного катера (С.М.В.). (Вид сверху).

вавшая, насколько детально и точно были разработаны все подробности операции.

Катера, атаковавшие Кронштадт, принадлежали к так называемым «прибрежным» моторным катерам (Coastal motor boats), сокращенно обозначавшимся С. М. В.

Элементы этих катеров следующие: водоизмещение — 5 тонн, длина—17 м. (55 ф.), ширина—3м. (10 ф.), углубление— 0,9м. (3 ф.).

Торпедное вооружение—1 кормовой неповоротный 45 с. аппарат; артиллерийское вооружение—3—4 пулемета системы Льюиса.

Фиг. 25. Чертеж английского быстроходного торпедного катера (С.М.В.). (Разрез).

Причины удачи атаки. Комиссия, производившая следствие, пришла к единогласному заключению о причинах удачи атаки:

а) Полная неожиданность (по идее) атаки Кронштадта моторными катерами; б) полная уверенность в невозможности осуществления какой-либо морской операции через Северный фарватер, да и вообще невозможность плавания этим фарватером судам, имеющим боевое значение; в) полное отвлечение внимания всех фортов, батарей, сигнальных постов и судов—гидроаэропланами; г) малая осадка катеров, позволявшая при 40—узловой скорости хода проходить над ряжами.

В отношении обороны Кронштадта и гаваней, Комиссия нашла следующие упущения: а) отсутствие организации охраны гаваней

(охрана рейдов имелась); б) отсутствие заграждений ворот гаваней; в) отсутствие наблюдения собственно за побережьем острова; г) неудовлетворительность системы связи фортов и батарей со Штабом Кронштадтской крепости.

Комиссия сочла своим долгом отметить, что катера все же были замечены всеми существовавшими элементами обороны крепости, что указывало на должную постановку службы на фортах и батареях, и особенно отметила деятельность эск. мин. «Гавриил», который несмотря на все вышеприведенные причины, все же во время заметил катера, утопил три из них, а остальным не дал возможности выйти из за Военного угла гавани [1]).

Фиг. 26. Уч. судно «Память Азова», потопленное английским торпедным катером в ночь на 18-е августа. (Было предназначено англичанами к потоплению, как матка подлодок).

18 августа, кроме ночного налета неприятельских гидроаэропланов одновременно с катерами, за день было произведено 5 налетов на Кронштадт, со сбрасыванием бомб [2]).

Боевые действия с 19—31 августа 19 августа нами была вторично произведена атака на неприятельский аэродром и железнодорожный узел в Биорке. В налете участвовало 5 бомбовозов и 2 истребителя; всего было сброшено 17 бомб, весом 10½ пудов и три зажигательных бомбы. Гидроаэропланы во время операции были сильно обстреляны [3]).

С 20-го по 28-ое неприятель почти ежедневно, иногда по три—четыре раза в день, производил воздушные налеты на Кронштадт.

---

[1]) Дело М. И. К. № 1409, стр. 2

[2]) Дело М. И. К. № 1411, стр.39/46 и 63.

[3]) Дело М. И. К. № 1411, стр. 39/46 и 63.

21 августа тральщик «Клюз», сменив тральщика «Невод» у Толбухина маяка, сообщил, что к югу от затонувшего крейсера «Олег» он заметил какой то плавающий предмет. Тральщик «Невод», возвращаясь в Кронштадт, также обнаружил этот предмет, оказавшийся конусообразным буйком со стержнем посередине. Подойдя к буйку, команда тральщика сосредоточилась у борта и один из команды, желая развернуть буек, крючком коснулся его. Последовал взрыв, которым один был убит, а остальные 6 человек были ранены, между ними комиссар и командир тральщика. Взрывом был разрушен командный мостик, походная рубка, шлюпки и нанесены другие мелкие повреждения [1]).

26-го августа 2 эскадренных миноносца противника обстреливали Систо-Палкино. 27-го августа 1 эск. мин. противника обстрелял район Пейпия. В море наблюдались 2 легких крейсера.

28-го августа нами производилась разведка Копорского залива и налет на Териоки, где были сброшены бомбы в устье реки—местную гавань [2]). В тот же день в районе Деманстейнской банки наблюдался 1 легкий крейсер, а в Копорском заливе—6 эскадренных миноносцев противника; 29-го августа один эскадренный миноносец противника обстреливал район Пейпия.

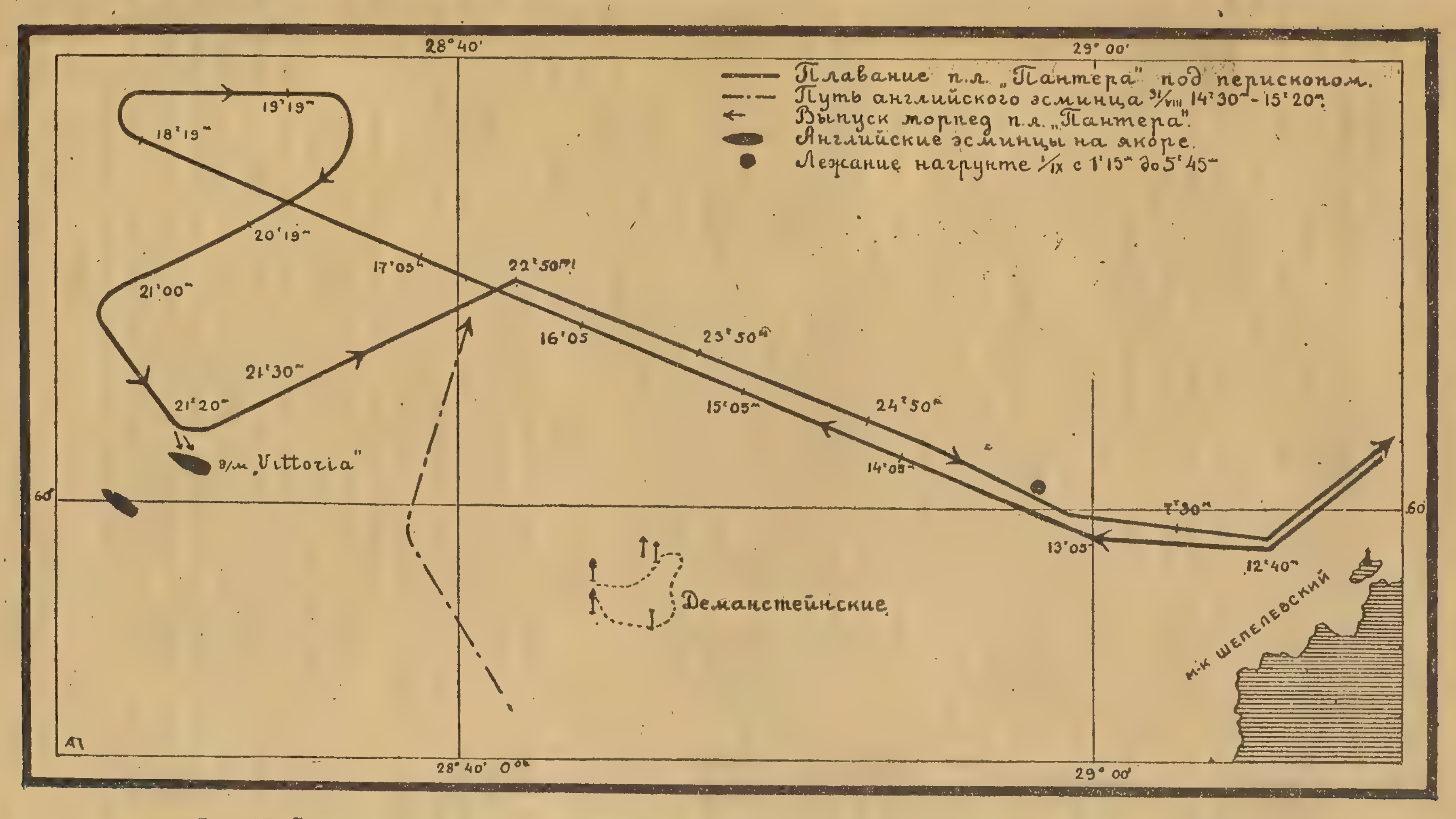
30-го августа 2 моторных катера неприятеля обстреливали из пулеметов Устьенский мост.

31-го августа нами производилась воздушная разведка форта Ино. Аппарат был жестоко обстрелян с форта и судов.

Потопление английского эсминца «Vittoria» подлодкою «Пантера», 31-го августа (фиг. 27). 31 августа подводная лодка «Пантера» в 5 ч. 30 м. вышла из Кронштадта для следования в Копорский залив. Следуя все время в подводном положении, в 14 ч. 30 м. за Деманстейнской банкой подлодка обнаружила четырехтрубный эскадренный миноносец, шедший курсом NW. В 15 часов лодка пришла в район своей позиции. Неприятельский миноносец, изменив курс на Биорке, скрылся в нашедшей мгле. Ввиду мглистого горизонта, лодка погрузилась до глубины 40 фут. В 17 ч., всплыв под перископ, подлодка снова обнаружила на траверзе такой же 4-х трубный миноносец, шедший параллельным курсом. Ввиду большой волны, которою подлодку выбрасывало на поверхность, боясь преждевременно себя обнаружить, она снова погрузилась. В 17 ч. 50 м.—всплытие под перископ, причем вновь был усмотрен тот же миноносец, шедший тем же курсом. В 18 ч., после нового всплытия—обнаружен второй миноносец, недалеко от первого. Около 19 ч. выяснилось, что миноносцы встали на якорь к Ost-у от острова Сескар, у его южной оконечности. Решив их атаковать, «Пантера» погрузилась на 40 фут, установила носовые торпеды на глубину в 2 метра и легла курсом, чтобы выйти ближе к берегу для атаки с NW, так как миноносцы стояли на небольших глубинах, а после атаки необходимо было иметь возможность уйти на большую глубину, не меняя курса; кроме того, желательно было атаковать их с солнечной стороны.

---

[1]) Дело М. И. К. № 16037, стр. 367.
[2]) Дело М. И. К. № 1411, стр. 39/46, 41—42 и 63.

Фиг. 27. Схематическая карта маневрирования подлодки «Пантера» при атаке и потоплении английского эскадренного миноносца «Vittoria».

В 21 ч. 19 м. выпущена сперва одна, и за ней вторая торпеды. Подлодку начало выбрасывать на поверхность, почему приняты были все средства дать дифферент на нос до 10° и она срочно начала погружаться, пока не загрохотала по грунту. Приблизительно через 1/2 минуты после второго выстрела торпедой, услышан был сильный взрыв, от которого все задребезжало. Немедленно после взрыва слышно было несколько выстрелов. В 21 ч. 24 м. подлодка продолжала идти, чертя днищем иногда по грунту, на глубинах от 60 до 80 фут. В 22 ч. 25 м. лодка всплыла под перископ, осмотрелась, но уже настолько стемнело, что ничего не было видно. В 22 ч. 50 м. на глубине 40 фут лодка легла курсом 110°. В 1 ч. 10 м. 1 сентября «Пантера» всплыла с целью провентилировать подлодку и зарядиться, но ночь была недостаточно темна и нельзя было ручаться за беспрепятственную зарядку, тем более, что по направлению к Сескару были видны лучи

Фиг. 28. Английский эск. мин. «Vittoria», потопленный подлодкою «Пантера» 31-го августа 1919 г. (того же типа эсминец «Verulam», погибший на минном заграждении у о-ва Сескар, 4-го сентября).

прожектора; поэтому подлодка немедленно погрузилась и легла на грунт на глубине 100 фут. В 5 ч. 45 м. лодка всплыла, но не видя Шепелевского маяка и не будучи уверена в прокладке, описывала малым ходом циркуляции в ожидании рассвета. В 6 ч. 30 м. открылся Шепелевский маяк, и курс был взят на него. В 11 ч. 20 м., не доходя траверза Толбухина маяка, подлодка всплыла на поверхность и следовала далее в надводном положении. Ко времени всплытия, давление в лодке поднялось настолько, что стрелка барометра вышла за пределы шкалы (свыше 815), воздух был настолько испорчен, что спичка не горела, дизеля плохо забирали и дышать было крайне затруднительно. Подлодка пробыла под водой 28 ч., не освежая воздуха. Пройдено было под водой 75 миль, следовательно почти весь район подводного хода был использован.

В 13 ч. лодка ошвартовилась в Средней Кронштадтской гавани. Атака была удачной, и хотя лодка, быстро погрузившись, не видела попадания, но взрыв был слышен и весь судовой состав был уверен в гибели неприятельского миноносца. Как оказалось впоследствие, «Пантера» потопила английский эскадренный миноносец «Vittoria»

(постр. 1917 г. водоизм. 1367 тонн, скор. хода 34 узла, артиллерия 4—4″ и 1—3″ противоаэропл., торпедное воор.—2 двойных 21″ аппар.; имел оборудование для постановки мин). Неприятель после атаки предпринял охоту за подлодкою: посты службы связи слышали ночью работу моторов, а днем наблюдали до 9 неприятельских эсминцев в районе Копорского залива.

Заградительная операция 2-го сентября. 2 сентября в 23 ч. 40 м. отряд в составе эск. мин. «Свобода», «Константин» и яхты «Стрела» вышел с Большого Кронштадтского рейда в заградительную операцию.

В 1 ч. 10 м. яхта «Стрела» была оставлена у нордовой вешки первой линии заграждения, а миноносцы легли курсом N. С северного берега форта прожектор изредка освещал миноносцы, но не останавливался на них. В 1 ч. 23 м. «Константин» начал постановку мин. В 1 ч. 32 м. начал постановку эск. мин. «Свобода». Отряд окончил постановку в 1 ч. 42 м. Во время постановки заграждения, прожектор продолжал светить, изредка освещая миноносцы; в 1 ч. 55 м. прожектор потух, повидимому, не обнаружив их. В 2 ч. 12 м. отряд лег на створ Николаевских маяков, соединился с тральщиком «Стрела» и в 3 ч. 50 м. пройдя бон, стал на якорь на Большом рейде [1]).

Боевые действия с 2—10 сентября. За этот период крупных боевых действий не производилось и все операции ограничивались: 1) обстрелом неприятельскими миноносцами нашего побережья и 2) усиленною деятельностью наших и неприятельских воздушных сил.

1) Обстрелы побережья [2]). 2 сентября два неприятельских эскадренных миноносца обстреляли пост Дубровский; 3 и 5 сентября были вновь обстреляны посты Дубровский, Сан-Галли и район Пейпия. 10-го сентября неприятельские миноносцы обстреляли дорогу в районе Систо-Палкино, а 11-го сентября—один эсминец держал под огнем нашу батарею в том же районе.

За весь этот период, в море в районе острова Сескара и Демантейнской банки неоднократно наблюдались неприятельские крейсера и миноносцы. 14-го сентября форт Обручев обнаружил в 5 ч. два неприятельских катера, которые, будучи освещены прожектором, скрылись. В 5 ч. 20 м. катера были обнаружены фортом Тотлебен и № 2 северным; повидимому, увидев себя обнаруженными, катера прервали начатую операцию и вернулись в свою базу.

В этот же период английский флот понес существенную потерю: 4-го сентября, на одном из наших минных заграждений взорвался английский эскадренный миноносец «Verulam» (того же типа, что и «Vittoria», см. стр. 191).

2. Деятельность воздушных сил [3]). За рассматриваемый период как наши, так и неприятельские летчики развили усиленную деятельность в смысле воздушной разведки и сбрасывания бомб на суда

---

[1]) Дело М. И. К. № 16037, стр. 415. Донесение Н-ка 1-го дивизиона эск. миноносцев.
[2]) Дело М. И. К. № 1411, стр. 39—46, 54, 63.
» » № 16037, стр. 437.
[3]) Дело М. И. К. № 1411, стр. 51.
» » № 16037, стр. 425.

и на береговые сооружения. 2-го сентября нашими истребителями и бомбовозами был произведен налет на форт Ино, с предварительным демонстративным налетом на Териоки. С 6-ти аппаратов было сброшено $16^1/_2$ пудов бомб. Аппараты были жестоко обстрелены.

На следующий день, 3-го сентября, нами была произведена воздушная разведка района ф. Ино и Лужской губы, причем наш летчик встретился с двумя аппаратами противника.

4-го сентября тральщики «Запал» и «Клюз» под конвоем эск. мин. «Свобода» протралили весь входной фарватер до Шепелевского маяка и обратно, до Осинового мыса. При возвращении суда были атакованы 4-мя неприятельскими гидросамолетами, причем тралы были тральщиками брошены. Атака продолжалась больше часа. Сброшено было 12 бомб. Одной бомбой, разорвавшейся близ борта «Свободы», был тяжело ранен комендор миноносца.

С 5-го сентября участились налеты неприятельской авиации на район Кронштадта.

В этот день неприятель произвел налет на Кронштадт 4-мя аппаратами. Как бы в ответ 7 сентября снова был произведен налет на форт Ино 7-ью нашими аппаратами, сбросившими 25 бомб, общим весом в 25 пудов.

10 сентября один неприятельский гидросамолет сбросил бомбу у форта № 4.

13 сентября был произведен налет 5 аппаратов противника на Кронштадт; были сброшены бомбы в сторожевое судно на рейде, в районе Алексеевского дока и в плавучий 50-ти тонный кран, который оказался поврежденным.

14-го сентября неприятель произвел ночной налет гидросамолетами на Кронштадт, со сбрасыванием бомб, 15 сентября—налет 5 аппаратов. Бомбы были сброшены на форт Тотлебен, в минно-заливочную мастерскую и в Петровский док, где был поврежден стоявший в доке пароход «Эрви». 17 сентября — налет нескольких неприятельских гидросамолетов на Кронштадт, причем бомбами был подожжен портовый лесной склад. Один из аппаратов был сбит и захвачен.

20 сентября—наш воздушный налет на форт Ино. Сброшено было 10 бомб. С 20-го по 29-е сентября продолжалось затишье. В этот день был произведен дважды налет неприятельских гидросамолетов на форт Риф; сброшены бомбы. 2 и 3 октября — налет неприятельских гидроаэропланов на Кронштадт. Одной из сброшенных бомб пробита палуба старого лин. корабля «Заря Свободы». 4-го октября нашими 9-ю гидросамолетами произведен налет на финское побережье. 6 и 11 октября—неприятельский воздушный налет на Кронштадт.

Этими боевыми действиями заканчивается период, предшествовавший второй крупной операции англо-эстонских морских сил—участию в наступлении армии Юденича на Петроград.

Второе наступление на Петроград [1] **11 октября—1 декабря.** (Карта—фиг. 15). Все перечисленные крупные и мелкие операции

[1] «Боевая работа Красной армии и флота», 1918—1923 г. Издание В. В. Р. С. 1923 года.

завершились новым наступлением белогвардейцев на Петроград, предпринятым при поддержке английского и эстонского флотов.

Обстановка на сухопутном фронте к осени 1919 года сложилась для Республики очень неблагоприятно. Высаженный в Архангельске десант «Согласия», подкрепляемый местными белогвардейскими частями, наступал и теснил наши части с севера. На востоке наступал Колчак и эта упорная борьба отвлекала большие силы Республики. С запада, на Двинск шло наступление бело-латвийской армии. Деникин, в своем быстром продвижении с юга, занимал уже Воронеж и Орел и под большой угрозой была наша почти единственная база вооружения — Тула. При таком угрожающем на всех фронтах положении, требовавшем всех возможных сил, Петроград был совершенно ослаблен. Этим положением воспользовался генерал Юденич, который возглавлял так называемое «Северо-Западное Правительство». Получая вооружением поддержку от правительства «Согласия», он все лето подготовлялся к наступлению, формируя Северную Добровольческую Армию в Эстонии. Предварительно, подготовляя себе выгодную обстановку, противник потеснил части Красной армии на Лужском и Псковском направлениях. 10-го октября, накануне начала общего наступления, части армии Юденича переправились через р. Лугу южнее Ямбурга, вследствие чего наша Ямбургская группа оказалась в критическом положении. 11-го октября противник овладел после кровопролитного боя Ямбургом. Гдовская группа армии Юденича захватила 13-го октября Лугу. На Ямбургском направлении белогвардейцы развили энергичное преследование и в ночь на 17-е октября овладели Гатчиной, а 20-го октября—Детским Селом и Павловском. Неприятель находился в непосредственной близости от Пулкова и угрожал перерезать Николаевскую железную дорогу (ныне Октябрьскую) у Колпина. Красный Петроград находился в угрожающем положении и для его защиты были предприняты экстренные меры. Председатель Революц. Военного Совета тов. Троцкий прибыл в Петроград, где была произведена мобилизация коммунистов и петроградских рабочих. Весь город превратился в военный лагерь: на улицах оборудовывались окопы, устанавливались орудия и проволочные заграждения. На фронт прибыли свежие курсантские части, коммунистические батальоны и рабочие полки.

21-го октября части Красной армии перешли в контр-наступление и по всему фронту продвинулись вперед. 23-го октября 7-ая армия заняла вновь Детское Село, а 31-го октября—15-ая армия взяла Лугу.

Противник начал отход, и к 9-му ноября наши войска вышли на линию р. Нарова—Гдов. 14-го ноября был захвачен после горячего боя Ямбург, а к 1-му декабря Северо-западная белогвардейская армия была окончательно рассеяна и остатки ее оказались отброшенными за р. Нарову, в пределы Эстонии, где части ее постепенно пришли в состояние разложения.

Участие Балтийского флота в операциях против авантюры Юденича. Балтийский флот принял энергичное участие в отражении наступления армии Юденича на Петроград. Это участие выразилось в следующих фактах: 1) отдельные суда обстреливали районы, занятые противником;

2) в момент наибольшей опасности, на сухопутный фронт были брошены морские команды и училище командного состава флота [1]), общей численностью до 11.000 чел., 3) участвовавшие в операциях неприятельские суда обстреливались артиллерийским огнем с приморских фортов и 4) дивизион миноносцев пытался выставить минное заграждение в районе возможной высадки неприятельского десанта в тыл нашей армии, и в районе маневрирования неприятельских судов, обстреливавших части Красной армии.

Операции соединенного англо-эстонского флота в октябре [2]). Командующему эстонским флотом Питка было сообщено о предстоящей операции генералом Лайдонером, который настаивал на помощи эстонских морских сил. Питка принял участие в операции Юденича с целью ликвидировать Кронштадт и находившийся там Красный Балтийский флот. Он не доверял Северо-Западной Армии и был принципиально против оказания ей какой бы то ни было помощи, но считал, что «если-бы силам Северо-Западной белогвардейской армии удалось завладеть Петроградом и в ее руках очутился бы флот, то через несколько недель этот флот появился бы под андреевским флагом под Ревелем, чтобы вновь превратить последний из столицы Эстонской Республики в губернский город России».

В Ревеле состоялось заседание, на котором был установлен срок начала операции и были намечены сухопутные части, поступавшие в распоряжение Питка: ингерманландцы, скоуты, партизанские отряды (в их составе—артиллерия и конница). План Питка [3]) состоял в высадке десанта в Копорском заливе, в тылу у Красной Армии, еще до начала общего наступления на сухопутном фронте. Целью этой высадки являлось занятие форта Красная Горка, причем предполагалось употребить все усилия для захвата крупной артиллерии этого форта в неповрежденном виде, чтобы немедленно начать бомбардировку Кронштадта. Одновременно английские самолеты должны были произвести налет на гавань и на суда, а англо-эстонский флот—подойти к Кронштадту (следуя за тральщиками) и начать бомбардировку крепости.

План Питка [4]) в отношении высадки десанта в тыл Красной Армии был одобрен, но ген. Лайдонер требовал начать операции одновременно с Северо-Западной армией, а не раньше, как предполагал Питка. Получив утверждение своего плана, Питка направился к английскому адм. Коуену (Cowan), стоявшему со своим отрядом в Биорке. Адм. Коуен обещал оказать содействие своими судами, а также наметил производство воздушных налетов на Кронштадт и форт Красную Горку английскими аэропланами. Подготовка к операции началась 10-го октября, а 12-го октября эстонский флот («Wambala», «Lembit»,

---

[1]) Операциям моряков на сухопутных фронтах посвящен отдел I тома настоящего издания.

[2]) Воспоминания командующего эстонским флотом Питка. (Перевод П. Орас. и И. Лудри).

[3]) Воспоминания Питка.

[4]) Питка указывает в своих воспоминаниях, что «Антанте» этот план не был сообщен полностью: английские морские силы не знали, что целью эстонцев являлась не поддержка северо-западной армии, а захват судов Красного Балтийского флота.

«Tasuja», «Olev», «Kalev») и английская эскадра сосредоточились в Лужской губе.

Отряды скоутов и партизанов были направлены в Нарву, где сосредоточилось в общей сложности до 1.000 чел., при 250 лошадях, 2—6″ и 2—3″ орудиях. Весь отряд предстояло перевести в Копорский залив и за ним в Нарву направился Питка на эсминце «Lennuk». 13-го октября все эстонские суда перешли в Копорский залив, но оказалось, что наши части отступили к дер. Керново, так что высадка десанта в их тыл стала невозможной, особенно если принять во внимание, что восточный берег Копорского залива находился под обстрелом орудий фортов Красная Горка и Серая Лошадь. Но Питка все же решил произвести высадку у пристани Пейпия, и, несмотря на все препятствия, десантный отряд с конницей и артиллерией был высажен в течение 14-го октября и немедленно начал движение на дер. Керново.

В тот же день эстонские морские силы в составе эсминцев «Lennuk» и «Wambala», канлодки «Lembit», ледокола «Tasuja», канлодки «Laine» и тральщиков вышли из Копорского залива для обстрела дер. Калище, с целью уничтожить батареи. Вследствие неправильного выполнения директивы, строй эстонских судов был нарушен и они вскоре попали под перекрестный огонь фортов Красная Горка и Серая Лошадь, причем, по донесению Командующего 8-й бригадой артиллерии Копорского участка, два неприятельских миноносца получили попадания: один в корму, а другой—в нос [1]). Результатом обстрела явился отход неприятельских судов.

Одновременно английские суда обстреливали район Калище, имея намерение уничтожить батареи. К вечеру английский отряд ушел в Биорке. В этот же вечер, несмотря на свежую погоду, Питка сделал попытку высадить отряд скоутов у уничтоженной нами Калищской пристани. Высадка удалась и скоуты вскоре перешли в наступление и заняли ряд деревень, а высадившийся несколько позже отряд эстонских моряков захватил дер. Каравалдай. Здесь наступление приостановилось, задержанное нашими хорошо подготовленными позициями. Для связи у пристани Пейпия осталась канлодка «Lembit» и ледокол «Tasuja»—близ Калищского моста; оба эти корабли были связаны телефонами с берегом, а по радио—с эсминцем «Lennuk», откуда Питка руководил всей операцией.

15-го октября английские и эстонские тральщики были высланы в море, чтобы протралить фарватер к Кронштадту, но свежая погода заставила тральщиков вернуться, не выполнив задание.

Однако, ни обстрелы побережья судовой артиллерией эстонских судов, ни атаки десантных отрядов не могли сломить стойкости красноармейских и матросских частей, и наступление белоэстонцев на приморском участке приостановилось.

16-го октября, в виду производившейся неприятельскими транспортами высадки десанта у мыса Долгий Нос, подводн. лодка «Вепрь» получила приказание итти в море на испытания, и если испытание будет успешно, попытаться атаковать неприятеля [2]).

---

[1]) Дело М. И. К. № 16037, стр. 493.
[2]) Дело М. И. К. № 16037, стр. 492.

Английские самолеты неоднократно производили налеты, причем подводная лодка «Тигр», производившая в продолжении нескольких дней учебные погружения, каждый раз атаковывалась неприятельскими воздушными силами. Вследствие этого решено было практические погружения подлодок производить в Ладожском озере[1]). Наша морская авиация также проявила энергичную деятельность по разведке Копорского залива[2]).

Между тем неприятель подходил все ближе и ближе к Петрограду. Поэтому было принято решение использовать линкор «Севастополь», стоявший в Петрограде, для обстрела его крупной артиллерией—сухопутных участков, занятых неприятелем. В соответствии с выработанным планом, 20 октября с 17 ч. 30 м. до 18 ч. «Севастополь», стоя у Гутуевского острова, обстреливал трехорудийными залпами из 12″ орудий район Красного Села. 21-го октября «Севастополь» возобновил обстрел также трехорудийными залпами из 12″ орудий; он держал под огнем район Красное Село — Павловск — Большое Пикко, с 5 ч. 30 м. до 6 ч. и с 7 ч. 30 м. до 8 ч. Для той же цели в Морском канале, против Стрельны, были установлены два эскадренных миноносца типа «Новик», в Путиловском бассейне—эск. мин. «Инж.-мех. Дмитриев» и у устья дамбы Морского канала—эск. мин. «Всадник» и «Гайдамак»; последние обстреливали 21-го октября дер. Анино[3]).

Стремительное наступление белых и неустойчивость наших сухопутных частей привели к тому, что главная защита Кронштадта, а значит Петрограда,—форт Краснофлотский (Красная Горка), в первые же дни операции оказался в очень трудном положении. Отсутствие хорошо организованного, подготовленного и достаточно сильного гарнизона ставила перед командованием крепостью чрезвычайно сложную задачу защиты форта. Брошенные из Петрограда и Кронштадта наспех сформированные отряды моряков оказались единственными частями, которые можно было противопоставить натиску врага. Этим отрядам моряков, совместно с частями 622-го полка, удалось не только отразить удар противника, но даже самим перейти в наступление.

При поспешном отходе прибрежной группы наших войск, были оставлены и уничтожены береговые батареи в Систо-Палкино и в Устье и все побережье Копорского залива осталось беззащитным. Этим обстоятельством воспользовался противник, и его миноносцы начали ежедневную систематическую бомбардировку прибрежных позиций Красных войск. Борьба с этими миноносцами помощью артиллерии фортов оказалась невозможной. Благодаря снятию постов Службы Связи, неприятель незаметно приближался к берегу, скрываясь за мысом Долгий Нос, и открывал огонь. Место, откуда он стрелял, оставалось неизвестным и ответные залпы наших батарей, стрелявших абсолютно вслепую, ложились от него во многих кабельтовых, не причиняя ему ни вреда, ни даже беспокойства. Описанные неприятельские обстрелы наших позиций сыграли видную роль при отходе войск на Красногорские позиции, но особенно пагубно они сказывались при наших

[1]) Дело М. И. К. № 16037, стр. 500.
[2]) Дело М. И. К. № 16037, стр. 493.
[3]) Дело М. И. К. № 16037, стр. 537—540.

попытках к наступлению. 19 октября правофланговые части наших войск нанесли удар неприятелю на побережьи и отогнали его до Липово. Частичный успех обещал уже развиться в серьезную удачу, когда появились неприятельские миноносцы и крейсера и своим ураганным огнем заставили наши части отступить на прежние позиции. Сбитое наступление на прибрежном участке тотчас же сказалось на всем фронте Красногорского района и весь достигнутый успех был сведен на нет: оправившийся противник сам перешел в наступление и лишь с помощью напряжения всех сил, удалось частям Красногорского гарнизона отстоять свои линии. Все дальнейшие попытки к наступлению привели к тем же неутешительным результатам. Это беспомощное положение Красногорского гарнизона удручающе действовало на состояние духа личного состава, в особенности моряков, которые составляли главный контингент защитников форта. Пассивность наших частей на Красногорском участке давала неприятелю полную возможность производить переброску войск с этого участка к главным пунктам его удара на Петроград, где в это время стремительно назревал кризис. Все описанные обстоятельства вынудили Реввоенсовет Балтфлота принять решение об оказании флотом активной поддержки нашим сухопутным частям, оперировавшим на побережьи. Громадное преимущество в минных силах на стороне противника заставило отказаться от открытой борьбы с ним, так как недостаток топлива не позволял поддерживать наши миноносцы линкором «Петропавловск». Неудовлетворительное техническое состояние и слабая подготовка личного состава наших подводных лодок не давала надежды на какую-либо существенную помощь от этого класса судов. Поэтому Командованию флотом пришлось остановиться на единственном средстве, оставшемся у него в руках—минных заграждениях. Ввиду условий погоды и неимения других подходящих судов, Рев. Воен. Совет решился на постановку мин заграждения с эскадренных миноносцев типа «Новик». Исходя из соображений, что миноносцы неприятеля могут обстреливать наши позиции, укрывшись под берегом, было признано необходимым заградить подход к восточному побережью Копорского залива, выставив заграждение по направлению близкому к N—S, начиная от малых глубин у южного берега залива и окончив заграждение несколько пройдя параллель мыса Долгий Нос. Этим заграждением прикрывались входы в прибрежный район и уничтожалась возможность для миноносцев противника подходить незаметно, укрываясь от нашего наблюдения за мысом. Рев. Воен. Сов. Балтийского флота решаясь на производство этой операции, вполне отдавал себе отчет в рискованности и трудности ее выполнения, но обстановка, сложившаяся в это время на подступах к Петрограду и острый кризис боев, разрешение которых в благоприятную сторону совершенно нельзя было предсказать, требовали решительных действий, которые бы способствовали интенсивным операциям на Красногорском участке. Это необходимо было для облегчения положения наших войск, действовавших на важнейшем Петроградском участке [1]).

---

[1]) Дело М. И. К. № 15198, стр. 74. Доклад Рев. Воен. Сов. Балтийского флота.

Заградительная операция в ночь с 20-го на 21-е октября. 20-го октября Начальник Действующего Отряда получил от Рев. Воен. Сов. Балтийского флота следующую директиву:

«Предлагается вам в ночь с 20-го на 21-е октября выполнить постановку минного заграждения в Копорском заливе по прилагаемому плану. Для операции назначаются четыре эскадр. миноносца типа «Новик». Операция должна быть произведена скрыто от неприятеля. Рекомендуется начать постановку с южного конца заграждения. Расстояние между минами—150 фут. Время выхода и возвращения эскадренных миноносцев предоставляется на ваше усмотрение. На походе разрешается иметь затемненные кильватерные огни. Вы должны озаботиться о том, чтобы выход эсминцев был обставлен в навигационном отношении наилучшим образом. О своих предположенных передвижениях заблаговременно предупредите Коменданта Крепости и Коменданта форта Краснофлотский. Обстановка: м о р с к а я—в море держится значительное число неприятельских эскадренных миноносцев, база которых недостаточно хорошо выяснена, (есть предположение, что они ночуют у Сойкинского берега, или в Лужской губе); с у х о п у т н а я—наши части занимают прибрежную линию от Шепелевского маяка. От Конде-Кюля к югу все побережье в руках неприятеля» [1]).

Начальником Действующего Отряда для выполнения операции назначены были эск. мин. «Гавриил», «Свобода», «Азард», «Константин».

По приемке мин, миноносцы должны были выйти на Большой рейд, где стать на якорь. В 2 ч. ночи дивизион эсминцев должен был сняться с якоря и следовать 9-ти узловым ходом к месту постановки—к южному концу предполагаемого к постановке минного заграждения. Придя к исходной точке заграждения, т. е. в широту 59°52′ и долготу 28°53′, надлежало начать постановку заграждения, с расстоянием между минами 150 фут. Заграждение ставилось по курсу 8°. В случае встречи с превосходными силами противника, дивизион должен был прекратить постановку и возвратиться в базу, причем предоставлялось усмотрению Начальника Дивизиона—выбрасывать ли мины за борт, или нет. Форты были предупреждены об операции, и, в случае нужды, должны были оказать поддержку. Начальник Дивизиона предупреждался о возможности атак со стороны неприятельских подводных лодок, аэропланов и моторных катеров [2]).

В ночь с 20 на 21 октября в 2 часа дивизион снялся с якоря с Большого Кронштадтского рейда и пройдя бон, проследовал в море створом Николаевских маяков в строе кильватера: «Гавриил», «Свобода», «Константин» и «Азард».

Погода была очень свежая, при SW ветре и крупной волне, от которой размахи качки достигали 20°. Видимость была очень незначительная. Миноносцы шли с затемненными кильватерными огнями. Так как дивизион был не сплававшись, и совершенно не имел практики ночных походов, ход был назначен 9 узлов. В 14 ч. 19 м. концевой

[1]) Дело М. И. К. № 15198, стр. 70.
[2]) Дело М. И. К. № 15198, стр. 80. Директивы Нач. Действ. Отряда—Нач-ку 1-го Див. Эск. Мин.

миноносец, пройдя по счислению первую шаровую веху, лег курсом 208°. В 5 ч. 5 м. эск. мин. «Азард», шедший концевым, потерял из виду колонну и в 5 ч. 20 м. снова вступил в строй, случайно обнаружив кильватерный огонь «Константина». В глубине Копорского залива был замечен луч прожектора, светившего впродолжении 5 минут. Дивизион прошел курсом 188° приблизительно 4.3 мили, когда в 5 ч. 48 м. около параллели мыса Долгий Нос, на шедшем головным «Гаврииле» показался столб огня, за которым последовал сильный взрыв. По сигналам шедших впереди миноносцев, на «Азарде» был дан полный задний ход. В это время последовали один за другим два оглушительных взрыва на «Константине» и «Свободе», причем все обволокло густым паром и миноносец «Азард», имея задний ход, потерял место взрыва [1]). (Карта—фиг. 21). Предполагая, что два последовательных последних взрыва были оба на «Константине» и что «Свобода» уцелела, командир «Азарда», застопорив машины и развернувшись на обратный курс, пробовал безуспешно вызывать «Свободу» по радио, но не получая ответа и считая не безопасным для корабля и безуспешным в абсолютной темноте отыскивать место взрыва судов для оказания им помощи в районе, очевидно минированном неприятелем, в 6 ч. 20 м. пошел обратным курсом 8°, ходом 19 узлов. В 6 ч. 30 м. он лег на курс Ost. В середине Копорского залива был замечен огневой факел из дымовой трубы неизвестного судна. В 6 ч. 40 м., пройдя шаровую веху, миноносец лег курсом 28°, в 6 ч. 59 м.—створом Николаевских маяков, и в 8 ч. 15 м. вошел в Кронштадтскую гавань.

По показаниям спасшихся чинов команды эск. мин. «Гавриил» и «Свобода», гибель миноносцев произошла при следующей обстановке. Первый взрыв был на эск. мин. «Гавриил», с левого борта, около динамо-машины. Минеры в это время работали у мин, вставляя запальные стаканы. Вслед за взрывом, миноносец стал крениться на левый борт, причем мины срывались с мест и перекатывались. Командный состав успокаивал команду, отдавая распоряжения, будучи все время на своих местах. Попытка выравнять крен затоплением систерн правого борта не удалась, также как и спуск вельбота, у которого заело носовые тали. Тали пришлось обрезать, вельбот упал и весь заполнился водой. Шестерка была благополучно спущена, прошла под кормой, сняв с вельбота одного человека, вновь пристала к левому борту, приняла часть команды и отвалила. Тонул миноносец около 20 минут. Эск. мин. «Свобода» был виден по корме с правой стороны. Взрыв на «Свободе»—с левого борта под машиной—был сравнительно незначительный и производил впечатление пушечного выстрела. Была благополучно спущена шестерка, которая, взяв команду, отвалила от борта. Миноносец тонул около 15 минут. Командный состав спокойно распоряжался. Взрыв на «Константине» был, по показанию спасшихся,

---

[1]) Эсминцы «Константин» и «Свобода» дали задний ход, а несколько позже их дал задний ход и «Азард», так что первые два эсминца обогнали его на заднем ходу и взорвались, уже обогнав его. Тогда командир «Азарда», не считал безопасным отходить в том же направлении, дал передний ход, чтобы задержаться, после чего закинул корму на W и дал вновь задний ход. «Азард» прошел вдоль самой кромки заграждения и был спасен лишь благодаря умелому маневрированию командира.

исключительной силы, миноносец переломился и быстро пошел ко дну. При гибели миноносцев, по показанию тех же спасшихся, с гибнувших миноносцев были слышны крики «Ура».

Кроме шестерки, на «Гаврииле» была спущена и четверка, но она к борту не подходила и, повидимому, погибла или в пути или при взрыве «Свободы». Обе шлюпки с «Гавриила» и «Свободы», ориентируясь светившими с финского берега прожекторами, пошли попутной волной к берегу. Около 10 ч. утра обе шлюпки подошли к берегу у форта Серая Лошадь. Спасшихся с «Гавриила» было 19 человек, со «Свободы»—6 человек. Командного состава среди спасшихся не оказалось ни одного человека.

Комиссия, расследовавшая дело гибели трех миноносцев, пришла к заключению, что гибель миноносцев «Гавриил», «Свобода» и «Константин» представляла вообще неизбежное явление войны, но главными факторами гибели были следующие причины:

1. Чрезвычайно слабая налаженность аппарата службы связи и почти полное отсутствие разведки и контр-разведки, следствием чего явилось малое знакомство личного состава с обстановкой боевой операции, на что командиры миноносцев настойчиво указывали на заседании Начальнику Дивизии, выражая сомнение в достаточной осведомленности в обстановке Копорского залива. Обстановка, данная Начальнику Действующего Отряда, указанная им Начальнику Дивизиона, была обрисована черезчур в общих выражениях.

2. Комиссия при опросе установила, что все донесения постов службы связи о движении неприятеля не наносились на кальки.

3. В виду того, что общий характер заграждений Кронштадтской крепости и выхода из них был противнику известен, а судя по характеру деятельности нашего флота этот план не подвергся изменению (что неприятель мог заключить по движениям миноносцев, тральщиков и подводных лодок), нужно было предполагать, что противник примет все меры к заграждению наиболее посещаемых нашим флотом путей, ведущих к районам его операций.

4. В виду полной темноты и большой волны от SW, почему миноносцы, чтобы не растеряться, вынуждены были держаться чрезвычайно близко один к другому,—взрыв первого миноносца, попавшего на минную банку, оказался слишком поздним предупреждением остальным миноносцам и они взорвались, имея задний ход. Это служит показателем того, что все миноносцы одновременно оказались в опасной зоне, попав на густое минное поле, и то обстоятельство, что «Азард» остался цел—есть лишь счастливая случайность.

5. Действия командира «Азарда» после взрыва миноносцев, при создавшейся обстановке, комиссия считает вполне правильными.

6. На основании свидетельских показаний спасшихся, комиссия считает своим долгом отметить, что Командный состав погибших миноносцев принял все зависящие от него меры к спасению своих кораблей и личного состава, не заботясь совершенно о своем собственном спасении [1]).

---

[1]) Дело М. И. К. № 15198, стр. 86—98. Документы Следственной Комиссии.

Обстрел Красной Горки английскими судами 27-го октября. Англо-эстонский флот продолжал держаться в районе Лужской губы и мелкие суда противника оказывали содействие флангу белогвардейской армии. Для наблюдения за неприятельскими морскими силами наши гидросамолеты почти ежедневно вылетали на разведку, причем не обошлось без жертв. (При разведках 23 и 29 октября погибло два наших гидросамолета)[1]).

Тяжелое положение белогвардейцев на сухопутном фронте требовало экстренных мероприятий. Союзные адмиралы решили тогда начать обстрел фортов Красная Горка и Передовой, мешавших своим огнем английским и эстонским судам оказывать поддержку флангу армии Юденича. Но, ввиду наличия на союзных флотах лишь артиллерии средних калибров, был вызван монитор «Erebus»[2]) (находившийся на пути из Архангельска в Англию), вооруженный 15″ орудиями. (Монитор «Erebus», водоизм. 8128 тонн, скор. хода 13—14 узл., артиллерия—2—15″/42, 8—4″, 2—76 мм. противоаэропл., осадка—около 11 ф.). По прибытии монитора в Финский залив, английские суда начали обстрел наших окопов и фланга нашей армии из Копоровского залива в туманное утро 27-го октября. Корректировка стрельбы велась летчиками, а наши форты не могли определить даже класса и типа обстреливавших их судов, остававшихся из-за тумана невидимыми. В течение нескольких последующих дней неприятельские легкие крейсера и миноносцы обстреливали наши батареи, держась вне их обстрела, за мысом Долгий Нос. 30-го октября неприятельский отряд в составе монтора «Erebus» и эсминцев «Lennuk» и «Wambala» вновь обстреливал 15″ снарядами форт Красную Горку, но ответным огнем форта, корректированного аэропланами, был принужден к отходу. Другие суда неприятеля обстреливали форт Передовой и район дер. Тентелево. Во время обстрела, противником было выпущено безрезультатно до 30—15″ снарядов. Дальнейший обстрел был прекращен, ввиду ограниченного запаса 15″ снарядов на мониторе (дополнительный запас 15″ снарядов был затребован из Англии, но не прибыл своевременно).

Траление выходного фарватера у Кронштадта 29 октября—30 ноября. Обстрелы неприятелем Красной Горки явились последними более или менее крупными боевыми действиями на Балтийском морском театре за Гражданскую войну.

В предвидении будущих возможных операций, морское командование принимало все меры к очистке входных фарватеров к Кронштадту от неприятельских минных заграждений, но различные причины мешали выполнению этих намерений.

29-го октября тральщик «Якорь», находившийся в дозоре, был безрезультатно атакован неприятельским гидросамолетом. Уклоняясь переменными курсами от атаки, тральщик с темнотой приткнулся к Лондонской мели, откуда снялся собственными средствами[3]).

В этот же день эск. мин. «Азард», выходивший на разведку, также был атакован неприятельскими гидросамолетами. От разорвав-

[1]) Дело М. И. К. № 1411, стр. 41—42 и 63.
[2]) Воспоминания Питка.
[3]) Дело М. И. К. № 16037, стр. 452.

шейся вблизи бомбы, «Азард» получил небольшую подводную пробоину, причем осколками был ранен один человек [1]).

Вышедший на работу 31-го октября тральщик «Клюз» вернулся, ввиду обнаруженного неприятеля, освещавшего его прожекторами [2]).

Ввиду требований штаба протралить выход в море из Кронштадта, тральщики почти ежедневно с 1 ноября выходили на работы. 1 ноября на работу проследовали тр. «Ударник» и «Клюз»; оба тральщика вернулись не выполнив задания, один—ввиду неисправности механизмов, другой—будучи обнаружен неприятельским прожектором [3]). 2-го ноября, вышедший на работу тр. «Запал» встретил ночью 2 больших неприятельских эскадренных миноносца, от которых ему удалось скрыться; вернулся, не выполнив задания [4]). 3 ноября тральщик «Запал» также вернулся, не выполнив работы, ввиду встречи с неприятелем [5]). 4 ноября тр. «Клюз», выйдя в море на работу и встретив неприя-

Фиг. 29. Английский монитор «Erebus», обстреливавший форт Красную Горку. (27 сентября 1919 г.).

теля, вернулся не выполнив задания [6]). 7-го ноября попытки траления тральщиками «Запал» и «№ 24» — снова не увенчались успехом, ввиду порчи механизмов у тральщика «№ 24» [7]).

8 ноября вышли на работу тр. «Клюз» и «№ 24», под конвоем эск. мин. «Гарибальди». Была обследована зигзагообразными курсами тральная полоса в 6,2 мили шириной по створу Николаевских маяков между меридианами 28°15′ и 29°31′. Мин не было обнаружено. Работам мешал сплошной лед на рейде [8]).

В этот же день пост Сангали донес, что неприятельские тральщики работали по направлению на SW 70° [9]).

10 ноября тральщик «Клюз» и «Ударник», выйдя на работу под конвоем эск. миноносца, зигзагообразными курсами обследовали фарватер между меридианами 29°25′5″ и 29°21′4″ по створу. Мин не было

[1]) Дело М. И. К. № 16037, стр. 456.
[2]) Дело М. И. К. № 16037, стр. 540.
[3]) Дело М. И. К. № 16037, стр. 537—540. Донесения Командиров.
[4]) Дело М. И. К. № 16037, стр. 518—531. Донесение Нач. Действ. Отр.
[5]) Дело М. И. К. № 16037, стр. 538.
[6]) Дело М. И. К. № 16037, стр. 543.
[7]) Дело М. И. К. № 16037, стр. 557.
[8]) Дело М. И. К. № 16037, стр. 558—480.
[9]) Дело М. И. К. № 16037, стр. 561.

обнаружено. Нач. Дивизиона доносил, что траление из за льда становится все труднее и труднее [1]).

12 ноября тральщик «Запал» и «№ 24» с конвоиром эск. мин. «Всадник» обследовали створ Николаевских маяков. Во время работы они были атакованы неприятельскими гидросамолетами, которые были отогнаны огнем судов и форта «Передовой». При дальнейшем тралении, у буя было обнаружено минное заграждение. При очистке тралов тральщиком «Запал», всплыло 3 мины заграждения, тральщиком «№ 24»—2 мины заграждения. Часть мин была утоплена, а часть тралов с минами, ввиду невозможности выбрать их, была оставлена. Тральщики благополучно вернулись с работы [2]).

14-го ноября был снят дозор тральщиков у Толбухина маяка и на Большом рейде, ввиду тяжелого льда [3]).

14-го ноября, вышедшие под конвоем эск. мин. «Гайдамак» тральщики «Запал» и «№ 24», пройдя с тралами по створу маяков до середины нашего заграждения, обнаружили на NW неприятельский корабль, почему убрав тралы, вернулись в Кронштадт [4]).

16-го ноября отряд в том же составе снова вышел на работу. Оставив у Толбухина маяка на якоре тральщики, Нач. Дивизиона на «Стреле», прошел далее для обследования места работы. От Толбухина маяка до буя и далее простирался сплошной лед толщиною до 3 дюймов. По донесению Начальника Дивизиона, траление технически было невозможно. Отряд вернулся в Кронштадт [5]).

21-го ноября Начальник Действующего отряда ходатайствовал о прекращении тральных работ по следующим причинам: 1) Плавучий лед препятствовал тралению и постановке панерных вех, необходимых для планомерного траления; 2) лед у берегов мешал очистке тралов; 3) отсутствие вех у минных заграждений лишало тральщиков всякой ориентировки во время работ, створ же при малой видимости, вследствие сильных испарений—не был заметен. Кроме того, вследствие крепкого льда в гаванях и на рейдах, при передвижениях, даже с ледоколами, тральщики получали большие вмятины в корпусах и погнутые винты [6]).

Все же попытки траления продолжались.

29-го ноября вышел дивизион тральщиков под конвоем эск. мин. «Всадник» и возвратился, ввиду тяжелого льда и снега, не приступив к работе. 30-го ноября тральщики также возвратились из-за свежей погоды и большой волны.

После этого и в виду необходимости ремонта, тральщики были переведены в Петроград.

На этом заканчиваются боевые действия Балтийского флота. 31-го декабря было подписано перемирие с Эстонией, а 2-го февраля 1920 г.—мир.

---

1) Дело М. И. К. № 16037, стр. 559.
2) Дело М. И. К. № 16037, стр. 583. Донесение Командира.
3) Дело М. И. К. № 16037, стр. 570.
4) Дело М. И. К. № 16037, стр. 567.
5) Дело М. И. К. № 16037, стр. 485. Донесение Нач. Дивизиона тральщиков.
6) Дело М. И. К. № 16037, стр. 627.

План обороны Кронштадта на зимний период. В виду близости неприятельского фронта и возможных попыток с его стороны наступления на Кронштадт и Петроград по льду, был разработан план обороны Кронштадта на зимний период 1919—1920 гг., который сводился к: 1) обороне морских фортов и батарей обоих фарватеров и подступов к ним; 2) обороне острова Котлин и 3) отдельной обороне фортов Краснофлотского и Передового.

Наиболее серьезное значение для Кронштадта имела оборона морских фортов и батарей, и в особенности, расположенных на Северном фарватере. Так как все кронштадтские форты находятся в таком расстоянии от о-ва Котлин, что с каждого из них можно было бы обстреливать г. Кронштадт со всеми его сооружениями: доками, мастерскими, складами, лабораториями и пр. даже из орудий средних калибров, то захват противником хотя бы одного из них мог внести в общую схему обороны крепости серьезные осложнения. В этом отношении наиболее опасным для крепости являлся финляндский берег, поэтому естественным образом особое внимание было обращено на оборону фортов Краснофлотского, Тотлебен и Северных батарей №№ 4 и 6.

Для обороны Кронштадта в зимний период намечена была постановка фугасных и проволочных заграждений вокруг перволинейных морских фортов и впереди промежутка между побережьем, фортами и островом Котлин; также впереди фортов Краснофлотский и Передовой, на протяжении от села Лебяжье до Каравалдайского озера [1]).

В обороне Кронштадта должны были принимать участие: 1) Орудия легкие (3″) для обороны главным образом ближайших подступов как к укреплениям, так и к берегам о-ва Котлин. Они же вместе с пулеметами держали под огнем заграждение из рогаток и фугасов, намеченное к постановке по крепостному обводу на льду. 3) На средних и дальних дистанциях (до 10 верст) в обороне подступов могли принимать участие средние калибры (6″ и 120 мм. пушки). 3) Крупные калибры должны были принимать участие в борьбе на дальних дистанциях; их снаряды при разрыве во льду давали бы громадное количество ледяных осколков, по силе поражения близких к шрапнельным пулям (опыт стрельбы по льду на р. Западной Двине в 1918 г.).

Такое назначение орудий вместе с соответствующим расположением их по фортам и батареям давало для Кронштадта непроницаемую огневую завесу. Для усиления огня крепостных орудий привлекалась судовая артиллерия находившихся в гавани линкора «Петропавловск» и эскадренных миноносцев.

Эта судовая артиллерия предназначалась: 12″ пушки главным образом для обстрела позиций противника в пределах Южного и Северного берегов Финского залива с дальних дистанций; 120 мм. и 4″ пушки—для обстрела подступов к Кронштадту со стороны Петрограда и Ораниенбаума, а также для охраны наших проволочных заграждений и фугасов.

---

[1]) Дело М. И. К. № 14932, стр. 54.

В крайнем случае могли принять участие в обороне Крепости также крепостные противоаэропланные батареи пулеметный огонь и ружейный огонь пехоты, на тех участках, где орудийный огонь был бы слаб. Таким участком являлись проволочные заграждения, окружающие форты.

Итоги кампании 1919 г. Кампания 1919 г. в Финском заливе совпала с периодом реорганизации Балтийского флота на новых началах и, в силу этого, а также запоздавшей готовности судов к началу кампании, представляла собой ряд отдельных боевых операций, имевших целью препятствовать тем или иным операциям противника, без законченного общего плана действий. Опыт этой кампании давал возможность создать ряд предначертаний, в смысле приведения в готовность должного числа судов и создания позиций, отвечавших нашим потребностям на предстоящую кампанию 1920 г., основываясь на политической обстановке, поскольку о ней можно было судить и предугадать ее изменения в будущем.

Разработка плана кампании во всех деталях признавалась преждевременной, вследствие возможности изменения политической обстановки к началу навигации 1920 г. а также из-за неопределенных сроков фактического вступления в строй ремонтировавшихся судов. Вопрос же о необходимом числе судов, подлежавших ремонту к будущей кампании, и главное, вопрос о судьбе вообще Балтийского флота, требовал немедленного рассмотрения, чтобы за время зимы 1919—1920 гг. привести в исполнение те решения, которые были бы приняты Высшим Командованием по этому вопросу. Происходившие в это время мирные переговоры в Юрьеве не давали уверенности в благополучном исходе, поэтому приходилось считаться с возможностью повторения к весне 1920 г. той обстановки, которая существовала на Балтийском театре в кампанию 1919 г.

Разбирая более детально вероятные силы противника, и задачи, которые могли лечь на Балтийский флот, Революционный Военный Совет определил следующий состав Действующего отряда, необходимого в кампанию 1920 г.:

1) Линейные корабли—3 («Петропавловск» «Севастополь» и «Андрей Первозванный»), имевшие назначением борьбу с неприятельскими линейными кораблями и крейсерами; 2) Эскадренные миноносцы типа «Новик»—9, для действия против неприятельских миноносцев и подводных лодок и для постановки минных заграждений в неприятельских водах, а также для производства в открытых боях минной атаки против неприятельских больших судов; 3) Эскадренные миноносцы типа «Всадник»—4 и «Сибирский Стрелок»—3, для конвоирования линейных кораблей, охраны тральщиков, постановки минных заграждений в своих водах и поддержки эскадренных миноносцев типа «Новик». В случае надобности, они перебрасываются в Ладожское озеро; 4) Эск. мин. типа «Выносливый»—5, для конвоирования линейных кораблей и для борьбы с подводными лодками. По мере надобности несут дозор и разведку в Ладожском озере; 5) Эск. мин. типа «Крепкий»—4, для конвоирования линкоров и дозорной службы в Финском заливе и Ладожском озере; 6) Канонерская лодка «Храбрый»—для под-

держки тральщиков в Финском заливе и для действий в Ладожском озере; 7) Подводные лодки типа «Волк»—7, и «Ерш»—1, для активных операций против судов противника; 8) Сторожевые суда типа «Коршун» — 2, для дозоров в Ладожском озере; 9) Тральщики типа «Гарпун»—3, для несения дозора на Кронштадтском фарватере; 10) Тральщики типа «Клюз»—3, и приспособленные для траления суда—12, типа «Яуза»—3, а всего 18, для траления и несения дозора; 11) Моторные быстроходные катера типа английских—для активных действий против всяких судов противника и охраны; 12) Воздушная бригада—для разведок, борьбы с неприятельскими аппаратами и воздушных атак на неприятельские суда; 13) Вспомогательные суда—плавучие мастерские, угольные и нефтяные транспорты.

Указанный состав Действующего Отряда не являлся исчерпывающим все потребности Балтийского флота, а представлял собой некоторый компромисс между необходимым количеством сил и возможностью их ремонта, комплектования и содержания. Прежде всего это замечание относилось к тральщикам, а в равной мере к «Новикам» и моторным катерам. При появлении какой-либо возможности, число этих судов надлежало непременно увеличить и довести до максимальных пределов, допускаемых обстоятельствами.

В случае заключения мира, роль Балтийского флота оставалась попрежнему очень значительной. Не было сомнений, что мир, если он даже был бы достигнут, являлся весьма непрочным и грядущие события смогли бы каждый момент поставить нас лицом к лицу с новой, быть может еще более ожесточенной войной. Трудно было предугадать какие политические комбинации могли сложиться в будущем, но можно было ожидать, что перед Балтийским флотом откроются более широкие горизонты. К этой деятельности Балтийский флот должен был подготовиться за время той передышки, которую мог дать мир.

Одним из наиболее острых вопросов являлась подготовка опытного и знающего личного состава. В продолжении двух лет обстоятельства не давали возможности производить правильные и регулярные учения, стрельбы и практические плавания. Командный состав был очень молод, в значительной части совсем не имел практики совместного плавания, артиллеристы не управляли огнем, комендоры почти не стреляли, и вся вообще команда почти не знала моря и морского дела. Система комплектования флотилий, практиковавшаяся в продолжении всей гражданской войны, когда Балтийский флот считался как бы неисчерпаемым резервом для их пополнения, лишала его большей части старой команды и так уже значительно поредевшей за время демобилизации. Новые пополнения, получавшиеся Балтийским флотом, оставляли желать многого, как в смысле обучения, так и главным образом, практики. Возвращение команд, рассеянных едва ли не по всей территории Республики, хотя и было трудно выполнимо, но тем не менее должно было быть проведено в жизнь. Людям, пробывшим два года вдали от моря и современных кораблей, требовались плавания для освежения своих знаний. Практически же говоря, Балтийскому флоту предстояло почти заново создавать себе боеспособный и обучен-

ный личный состав, для чего необходимы были суда, могущие плавать и находящиеся в полной боевой готовности.

Обращаясь к вопросу, какой же состав Действующего Отряда был бы необходим в случае заключения мира, следовало обратить внимание на то, что опытный личный состав мог выработаться не на ограниченном числе учебных судов, а лишь на действительно плавающем флоте, где каждый корабль обучает и воспитывает в морском духе свою команду, которая затем, в случае надобности, на своем же корабле идет в бой. Следовательно, даже в случае прекращения войны, речь должна была итти не о выделении из состава Балтийского флота учебных судов для практических плаваний, а о всемерном поддержании и расширении Действующего Отряда, как о единственной мере, могущей создать крепкий, опытный кадр моряков.

Кроме перечисленных задач по подготовке личного состава, заключение мира возлагало на Балтийский флот обязанности по обеспечению безопасности плавания по Балтийскому морю, т. е. главным образом по тралению мин. В этом случае приходилось притти к тем же выводам, что и при рассмотрении нужд Балтийского флота при состоянии войны, т. е. необходимости всемерного увеличения тральных средств, как крайне необходимых и в мирное время.

Комплектование Балтфлота личным составом переживало кризис по многим причинам.

По приходе судов из Гельсингфорса, личный состав флота, считая свой долг по отношению к флоту выполненным, не видя в ближайшее время для флота никакой деятельности, как только медленное умирание, воспользовался правом демобилизации и в громадном проценте ушел. Проведение в жизнь пополнения флота на добровольческих началах сыграло скорее отрицательную, чем положительную роль. Элемент, попавший во флот, оказался совершенно чужд флоту, идя только или для крова, пищи и одежды, или желая избежать набора в Красную армию. Спешность и слабая организация Комиссий, работавших по набору добровольцев во флот, еще более способствовало проникновению во флот непригодного элемента. Специалистов оставалось незначительное, в сравнении с потребностью, количество и от этого недостатка очень страдала техническая часть, требовавшая опытных руководителей и работников.

Условия жизни и работы были крайне тяжелы: ввиду недостаточности выдававшегося пайка, моряки поневоле отрывались от работ для раздобывания продуктов питания, для чего, не говоря о единоличных поездках в провинцию, организовались посылки в провинцию продовольственных отрядов от разных соединений флота и единичных кораблей. В виду недостаточности питания, продуктивность работы была крайне понижена. Корабли, по прошествии незначительного промежутка времени после прихода из Финляндии, начали быстро приходить в упадок по своим материальным частям. Полученный по вольному найму состав команд не только не улучшал положение, но в большинстве случаев способствовал этому упадку. На кораблях начались большие хищения снабжения по всем частям, и, так как служба была на судах поставлена в высшей степени слабо, то и материальная часть

кораблей быстро пришла в упадок. Как пример можно привести громадный недостаток на судах инструментов для производства работ по всем частям, что особенно сказалось при начале работ по приготовлению судов на долговременное хранение. Если на некоторых судах и имелись в наличии специалисты, то совершенно не хватало ни материалов, ни инструментов. Хищения медных частей механизмов, медных иллюминаторов были обычным явлением на всех судах. Недостаток топлива, конечно, очень остро сказался не только на оперативной деятельности флота, но и на повседневной жизни судов. Остатков угля хватило лишь до зимы 1918—1919 гг.; уже эту зиму корабли, заводы и береговые учреждения пришлось отапливать дровами, для чего, конечно, необходимо было приспособить топки котлов. Заготовкой дров, доставкой их, разгрузкой и погрузкой на суда и распиловкой было занято большинство команд и масса буксиров; для других работ часто не оставалось времени. Все территории порта были заняты складами дров, что представляло громадную опасность в пожарном отношении.

Уже с лета 1918 г. выяснилась потребность в организации речных и озерных флотилий—вся эта организация самым тяжелым бременем легла исключительно на Балтийский флот.

Для отправки во флотилии, назначенные суда нужно было подготовить для прохода по системам каналов, для чего нужно было произвести большие работы по их разгрузке, так как нормальная осадка их не давала возможности прохода по системам. В 1918-ом году в речные флотилии были подготовлены и вышли следующие суда[1]):

Июнь—5 паровых катеров.

Июль—5 канонерских лодок (пароходов), мин. «Ретивый», «Прыткий» и «Прочный».

Август—мин. «Поражающий».

Сентябрь—эсм. «Дельный», «Деятельный» и «Расторопный». Плавучая мастерская Франко-Русск. завода.

Октябрь—плавучая мастерская Петроградск. Металлич. завода; эск. мин. «Финн», «Эмир Бухарский», «Москвитянин» и «Туркменец Ставропольский»; пос. суда «Ласточка», «Перископ», «Илим»; заградитель «Припять».

Ноябрь—подв. лодка «Касатка», «Окунь», «Минога» и «Макрель» (подл. «Кугуар» и «Змея», выйдя, потерпели аварии и посылка их была отменена).

В 1919 году: 2 октября было дано предписание «Комиссии по приготовлению судов Балтийского флота для перевода на Волгу» подготовить и отправить следующие суда: эск. мин. «Украйна», «Войсковой», «Амурец», «Сторожевой», «Достойный» и сторожевые суда: «Куница», «Соболь», «Горностай», «Ласка» и «Хорек».

К работе было приступлено 4 октября, и в середине октября вышли «Достойный», «Сторожевой» и 6 сторожевых судов, а в конце октября—эск. мин. «Войсковой», «Украйна» и «Амурец».

Кроме работ по полной разгрузке, суда приходилось вводить в доки для с‘емки винтов, работ у рулей (обрезка), а так как осадка

[1]) Дело М. И. К. №№ 14820, 14821, 14825, 185, 14824.

некоторых судов и после полной разгрузки была все-же слишком велика для прохода Мариинской системой, то под них подводились рефулерные трубы и в таком виде суда двигались к месту назначения. Орудия, запасы, личный состав и проч. нагружались на баржи, которые и шли по возможности совместно со своими судами. Переходы этих судов по системам и рекам, (некоторые под своими машинами, некоторые на буксирах), ввиду мелководья последних, представляли трудную задачу, которая все же, хотя и с небольшими авариями и зимовками во время ледостава, была блестяще выполнена. Само собой разумеется, что для подготовки судов отнималось много рабочих рук на заводах, в которых ощущался громадный недостаток, а кроме того Балтийский флот, к тому времени уже ощущавший большой недостаток в специалистах матросах, еще более обезкровливался, лишаясь вместе с судами и их команд. Кроме перевода судов, речные флотилии на местах организовывались и из местных пароходов, которые нужно было вооружить, снабдить и укомплектовать, и конечно все эти нужды удовлетворял Балтийский флот.

Со всех судов флота, кроме боевого ядра и эскадренных миноносцев назначенных для вступления в строй, снималась вся мелкая артиллерия вплоть до 6-ти дюймовой и отправлялась на речные флотилии. Была снята даже часть 8-ми дюймовых орудий, которыми вооружались железные баржи, которые представляли собою плавучие батареи. Конечно, с орудиями шел и боевой запас. Об'явленная мобилизация дала для флота до 10-ти тысяч мобилизованных. Элемент этот в высшей степени недисциплинированный и отсталый в политическом отношении, причинил много хлопот командованию. Были случаи, когда командиры частей, для пополнения которых направлялись мобилизованные (напр. форт Тотлебен), требовали обратного из'ятия их, ввиду развращающего влияния их на постоянный состав и полную их недисциплинированность и разнузданность. Всю эту массу нужно было разместить, обуть и питать, в то время, когда Республика крайне нуждалась во всех этих предметах. В первые же месяцы революции все здания казарм, экипажей и прочих помещений были приведены в такой вид, что они совершенно были негодны для жилья и нужны были громадные усилия, чтобы привести хотя бы небольшую их часть в мало-мальски сносное состояние. Элемент этот влившись в судовой состав кораблей само собой также развращающе действовал на команду, в результате чего на общих собраниях команд выносились всевозможные контр-революционные резолюции и политическому составу частей стоило не мало трудов анулировать эти резолюции и приводить массы в лояльное состояние.

Не малую роль сыграл личный состав флота и на сухопутных фронтах. Масса экспедиционных отрядов моряков формировалось в Петрограде и Кронштадте, отнимая конечно от флота его живую силу и часто из береговых частей—нужных работников. Отряды эти хотя и не выдерживали долгого пребывания на фронте, а особенно пребывания в бездействии в окопах или в тылу, не отличаясь особенно твердой дисциплиной, тем не менее служили Республике громадной поддержкой, как ударные группы, так как являлись самыми

надежными, стойкими частями в передовых рядах при наступлениях. Хотя эти отряды по миновании в них надобности и возвращались обратно во флот, но сильно поредевшими, из них часто лучших работников задерживали на местах в ответственных должностях на продолжительные сроки и таким образом флот лишался их окончательно.

С разрушением старого империалистического флота (в отношении его личного состава) были ликвидированы и все военно-морские учебные заведения, школы и отряды; с их ликвидацией флот терял с течением времени все больше и больше драгоценный для него материал. Нужно было создавать все вновь и эта работа была также выполнена флотом. Конечно, во вновь учрежденные заведения и школы понадобился обучающий персонал, который флоту пришлось выделить из своих рядов.

Таким образом, несмотря на все перечисленные неблагоприятные условия, несмотря на невозможность ведения активных операций большого масштаба, Красный Балтийский флот сыграл вполне определенную и большую роль в победоносном исходе Гражданской войны для Советской России.

Роль эта выразилась в следующем: 1) Оборона подступов к Красному Петрограду с моря и содействие операциям сухопутных сил в Петроградском районе, 2) посылка морских команд на сухопутный фронт, 3) участие своим судовым и личным составом в создании речных и озерных флотилий, имевших столь большое значение в борьбе за окончательную победу.

За время Гражданской войны, Красный Балтийский флот сумел нанести противнику существенные потери, выразившиеся в гибели 1 легкого крейсера—легк. кр. «Cassandra» (взорвался на минном заграждении в ночь с 4-го на 5-е декабря 1918 г.), 2 эскадренных миноносцев («Vittoria»—потоплен подлодкою «Пантера» 31-го августа 1919 г. и «Verulam»—погиб на минном заграждении у острова Сескар в ночь с 3-го на 4-е сентября 1919 г.), 1 подлодки («L 55» — потоплена артиллерийским огнем эсминцев «Гавриил» и «Азард» 4-го июля 1919 года), 2 тральщиков («Gentian» и «Myrtle»—погибли на минном заграждении 16 июня 1919 г.) и 3 быстроходных торпедных катеров (погибли при атаке на Кронштадтскую гавань); кроме того, неприятельские суда получили ряд серьезных повреждений, напр. крейсер «Curacoa», подорвавшийся на мине в начале 1919 г.

Телеграмма Белофинского Правительства к иностранным правительствам, 25-е Января 1918 г.

«Мы, Правительство Финляндии, обращаемся к правительствам Швеции, Норвегии, Дании, Франции, Германии, Австро-Венгрии и Греции со следующим заявлением:

Вопреки последовавшему со стороны России 1 января с. г. официальному признанию государственной независимости Финляндии — русские войска из страны до сих пор еще не выведены. Напротив, Правительство России продолжает держать в Финляндии многочисленные войска, которые, поедая скудные продовольственные запасы страны, в то же время не только служат препятствием для поддержания в стране порядка и безопасности, но и сверх того, действуя совместно с самыми неспокойными элементами населения, совершают убийства, поджоги и другие злодеяния. Особо важное значение получает это обстоятельство не только оттого, что в этих преступлениях участвуют введенные в заблуждение солдаты или войсковые части, но ввиду того факта, что находящиеся здесь представители Русского Правительства непосредственно содействуют продолжению этого нетерпимого для самостоятельности страны положения дел, разрешением выдачи участвующим в беспорядках народным массам принадлежащего русскому государству оружия и аммуниции, а также противодействием образованию повинующейся приказаниям правительства нормальной полицейской власти. По дошедшим до Финляндского Правительства сведениям, комиссаром Русского правительства по военным делам 23-го числа сего месяца был дан расположенным в Выборге войскам приказ об обезоружении прибывших в город для поддержания порядка охранных дружин и о снабжении описанным способом оружием тех рабочих элементов, которыми на днях были начаты кровавые массовые беспорядки в упомянутом городе. Наконец, со стороны Гельсингфорского матросского комитета в связи с происходившими совещаниями, было сделано членам Правительства устное заявление о том, что здешние русские войска заинтересованы в проведении в Финляндии социальной революции, и что они готовы с этой целью оружием помогать революционным толпам в их борьбе с законным общественным порядком и поддерживающими его охранными дружинами.

Ввиду того, что образ действия Русского Правительства является грубым оскорблением Финляндии, как самостоятельного Государства,— Правительство Финляндии доводит свой решительный протест до сведения государств, признавших самостоятельность Финляндии».

От имени Правительства Финляндии *Свинхвуд.*

Список судов и плавучих средств оставшихся в Ревеле после его эвакуации.

Подводные лодки: *Белуга*, *Пескарь*, *Стерлядь*, *Щука*, *Крокодил*. Ледоколы: *Волынец*, *Тармо* (самовольно ушли из Гельсингфорса в Ревель). Транспорты: *Кокшер*, *Святитель Николай*, *Грузовой*. Порт. суда: *Могучий*, *Геркулес*. Транспорты: *Сирена*, *Компас*, *Секстан*, *Лот*, *Моон-Зунд*, *Бригитовка*. Плав. маяки: *Сарычев*, *Ревельстейн*. Буксиры: *Суроп*, *Тока*, *Дан*, *Владимир*, *Матрос*, *Минер*, *Гренен*, *Карлос*, *Виндава*, *Стаар*. *Оскар*, *Крепыш*, *Котка № 2*, *Рудольф Керковиус*, *Унион*, *Нева № 2*, *Муся*, *Виктория*, *Вера*, *Роман*, *Тутти*, *Вальтер*, *Зоркий*, *Уно*, *Богатырь*, *Бета*, *Борис*, *Блеск*, *Кодимо* и еще 7 буксиров. Теплоходы №№ 2, 3, 8 и 9, 3; паров. дозор. катера, 2 крана в 35 тонн, 3 крана, 5 барказов, 12 грузовых и угольных барж, около 35 моторн. и паровых катеров, 1 землесос, 21 шаланда, 2 киллектора, 3 плавучих дока, 4 водолейных баржи.

Список судов, ушедших из Гельсингфорса.

Лин. кор.: *Петропавловск, Гангут, Севастополь, Полтава, Андрей Первозванный, Республика.* Крейсера: *Рюрик, Адм. Макаров, Баян, Богатырь, Олег.* Эск. мин.: *Победитель, Забияка, Орфей, Десна, Самсон, Азард, Изяслав, Автроил, Кап. Изыльметьев, Лейт. Ильин, Миклуха Маклай, Свобода, Константин, Гавриил, Сибир. Стрелок, Ген. Кондратенко, Пограничник, Туркменец, Ставропольский, Стерегущий, Страшный, Забайкалец, Донской Казак, Украйна, Войсковой, Эмир Бухарский, Финн, Москвитянин, Всадник, Гайдамак, Амурец, Уссуриец, Громящий, Видный, Сторожевой, Разящий, Дельный, Деятельный, Достойный, Расторопный, Выносливый, Внушительный, Внимательный, Инж. мех. Дмитриев, Инж. мех. Зверев, Бурный, Боевой, Молодецкий, Крепкий, Меткий, Мощный, Искусный, Легкий, Лихой, Ловкий,* Подводн. лодки: *Вепрь, Волк, Леопард, Тигр, Пантера, Рысь, Кугуар, Змея, Тур, Ягуар, Угорь, Ерш.* Тральщики: *Прыткий, Ретивый, Прочный, Поражающий, Запал, Ударник, Клюз, Патрон, № 9, № 11.* Заградители: *Урал, Волга, Лена, Ловать, Припять.* Сторож. суда: *Хорек, Горностай, Ласка, Соболь, Куница, Выдра, Китобой, Намет, Невод, Якорь, Кобчик, Коршун, Руслан, Ворон, Ястреб,* Вспомогат. суд.: *Кречет, Тосно, Петр Великий, Воин, Борго, Печора, Ока, Либава, Ангара, Тральщ. Взрыв, Орлица, Озилия, Невка.* Посыльн. суда: *№ 142, Эрос, Ильза, Роксана.* Транспорты: *Михаил Лунд, Оркан, Ген. Скобелев, Люси, Актив, Кодума, Балтония, Граф Толстой, Христиания, Аз, Буки, Веди, Добро, Иже, Како, Мыслете, Наш, Рцы, Слово, Ща, Снаряд, Живете, Люди, Твердо, У, Михаил, Сухона, Татьяна, Анадырь, Кама, Альфа, Це, Александр Михайлович, Нина, Елена.* Пароходы: *Ревель, Колывань, Бурлак, Приемыш, Гогланд, Водолей № 1, Водолей № 2.* Гидрогр. суда: *Самоед, Азимут.* Буксиры: *Моряк, Церель, Пилот, Цандер, Черноморский № 2, Черноморский № 3, Черноморский № 4, Бойкий, Смелый, Артиллерист, Гернмарк, Кронштадт, Юрманлекс, Теодор, Бомбардир, Свеза, Инженер, Ледокол, Титан, Перископ, Нарген, Аркона, Полезный, Сойтенкари, Граф Тотлебен.* Паром: *Куйвасто.* Плав. маяк: *Люзерорт.* Ледоколы: *Ермак, Трувор, Аванс, Огонь, Силач, Боривой, Город Ревель.* Яхты: *Полярная Звезда, Штандарт, Александрия.* Плав. баржа: *Молния.* База: *Волхов.*

Суда, оставшиеся в Гельсингфорсе.

Тральщики: *№ 24, № 103, Пламя, Планета, № 15, № 16, № 17, № 212, № 213, № 214, № 215, № 216, № 217, № 218, № 219, № 220, № 222, Прозорливый, Послушный, Резвый, Ръяный, Минреп, Защитник, Фортрал, Капсюль, Груз, Крамбол, Комета, № 18, № 19, № 3, № 8, № 23, Подвижной, Чека, Усть Нарова, Проводник, № 2, Блокшив № 4, Микула.* Заградители: *Мста, Блокшив № 3.* Баржи: *№ 44, № 49.* Сет. заград.: *Зея, Бурея, Иртыш, Обь, Шексна, Вытегра.* База: *Европа.* Пос. судно: *Чайка.* Пароход: *Кабельный.* Транспорты: *Водолей № 4, Море, Роса.* Суда Красного Креста: *Митава, Диана, Меркурий, Паллада, Жулан, Лахта, Русь.* Буксир: *Вольный.* Пос. суда: *Товарищ, Наутилус, Лава.* Буксир: *Черноморский № 1.* Гидрографический отряд: *Голубь, Пингвин, Красная Горка, Горизонт, Славянка, Буря, Румб, Картушка, Север, Восток, Запад, Мина, Описной, Базис, Промерный.* Плав. Маяки: *Некмангрунд, Кальбоденгрунд; Катера и баржи.* Спасательная партия: *Ассистанс, Протектор, Карин, Солид, Герро, Метеор, Нурдшернан.* Пос. суда: *№ 119, № 120, Охранный № 2, Виола, Секрет.* Заградители: *Молога, Луга.* Теплоходы: *№№ 1, 5 и 6.*

Суда охраны рейдов и часть плавучих средств Свеаборгского и Ревельского рейдов.

Сторожевых катеров—числом около 30, 58 буксиров, 10 паров. катеров, 23 мотор. катера, 6 артил. барж, 12 угольных барж, 5 мониторов, 5 водоналивных барж, 10 мусорных барж, 42 грузовых барж, 27 боновых. Киллектор № 1. Плавучий кран в 70 тонн, плавучий кран в 50 тонн, плавучий кран в 25 тонн, плавучий кран в 5 тонн. Плавучая мастерская Свеаборгского порта. Остались на стапелях: *с.с. Бекас, Кулик* и 2 сетевых заградителя.

Суда, оставшиеся в Ганге.

Подводные лодки: *АГ 11, АГ 12, АГ 15, АГ 16* (взорваны). Ледокол: *Садко.* Транспорт: *Оланд*—сгорел. Сторож. судно: *Гриф.* Тральщики: *Алеша Попович, Поток Богатырь, Добрыня, Святогор.* Транспорт: *Посыльный* (на половину сгорел).

Суда, оставшиеся в Або.

Заградители: *Ильмень, Свирь.* Канонер. лодки: *Бобр, Гиляк.* Посыльн. суда: *Спутник, Темерник.* Транспорт: *Мезень.* Ледоколы: *Снег, Алидада, Вьюшка, Скатудден.* На стапелях 6 сторожевых судов: *Филин, Чирок, Лунь, Горлица, Водорез, Сова.* 4 заградителя, около 12 сторож. катеров, 38 моторных катеров, 34 малых пароходов.

2 дивизиона сторож. катеров числом около 25, 8 барж, 33 плашкоутов, 6 гидрограф. судов. Тральщики: №№ *10, 7, 22*. *Блокшив* № *3*. Теплоходы: №№ *7* и *4*. Катера: *Ствол*, *Палаш*, *Шашка*, *Пистолет*, *Пуля*. Посыльн. суда: №№ *128*, *129*, *104*.

Суда, оставшиеся в Мариенхамне.

Ледоколы: *Муртайя*, *Лед*. Катера: *Дуло*, *Цапфа*, *Тумба*. База: *Защитник*. Около 3-х малых пароходов.

Суда, оставшиеся в Биернеборге.

Пос. суда: *Воевода*, *Посадник*, *Кондор*, *Беркут*. Около 12 сторожевых катеров. Около 14 малых пароходов.

Алфавитный указатель.

А.

Б.

В.

Г.

Д.

Е.

Ж.

З.

И.

К.

Л.

М.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Т.

У.

Ф.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

Щ.

Э.

Ю.

Я.

БИБЛИОГАФИЯ.

Отдельные издания и журнальные статьи, использованные при составлении 1 части II тома «Гражданской Войны».

I. Общие труды по истории Гражданской войны.

1. А. А. **СОБОЛЕВ. — Красный флот в Гражданской Войне 1918—1920 г.г.** Издание Р. И. О. Морских Сил Р.К.К.Ф., Ленинград, 2-е издание 1926 г., со многими иллюстрациями (2-е издание—без карт и схем, 1-е издание снабжено 9 схемами).
2. **А. Н. АНИШЕВ.—Очерки Истории Гражданской войны 1917—1920 г.г.** Госуд. Издательство, Ленинград, 1925 г. 288 стр. с приложением 5 листов карт.
3. **Л. ТРОЦКИЙ. — Как вооружалась революция.** Том первый. Высш. Военный Редакционный Совет, Москва, 1924 г. 430 стр., с приложением 5 схем.
4. **Сборник «Боевая работа Красной Армии и Флота 1918—1923 г.г.»** под редакцией Антонова-Овсеенко и Шапошникова. Издание Высш. Воен.-Ред. Совета, Москва 1923 г.
5. **А. А. СОБОЛЕВ. — Красный флот в войне 1918—1921 г.г.** Журнал «Морской Сборник» 1922 г., № 12.
6. **Н. Н.—Гражданская Война, речные флотилии и морская идея.** Журнал «Морской Сборник» 1922 г., № 12.

II. Балтийское море.

а) Общие труды.

7. **Проф. Л. ГОНЧАРОВ.—Краткий обзор действий Красного флота в Гражданскую войну 1918—1920 г.г.** В Сборнике «Пять лет Красного Флота 1917—1922 г.» Издание Ред. Изд. Отд. Морведа, 1923 г. 274 стр. (статья о Балтфлоте—38 стр., с приложением 15 карт и схем).
8. **А. А. СОБОЛЕВ—«Балтийский флот в Гражданской войне 1918—1919»,** Статья в Сборнике «1918 — 1923 г. Красный Балтийский Флот». Издание Ред. Изд. Отд. Морведа, Петроград, 1923 г. 109 стр.
(Статья А. А. Соболева—17 стр., со многими иллюстрациями).
9. **С.П.Б.—Боевая деятельность Балтийского флота после Октябрьской Революции.** Журнал «Морской Сборник» 1922 г. №№ 1—2.
10. **П. ОРАС.—Адмирал Питка о войне 1918—1919 г.г.** Журнал «Морской Сборник» 1923 г. № 11.

11. С. ТИЛИЧЕЕВ.—**Балтийский флот.** (Краткий общий очерк). Статья в Сборнике «Красный Военный флот», под ред. П. Гордеева, 2-е издание 1923 г., Центральная Комиссия по проведению недели Красного флота. 386 стр. (Статья «Балтийский флот»—12 стр.).
12. Ф. КОСТЯЕВ. — **Интервенция в Прибалтике.** Статья в Сборнике «Кто должник» под общей редакцией А. Г. Шляпникова, Р. А. Муклевича и Б. И. Доливо-Добровольского. Авиоиздательство, Москва, 1926 г.
13. КАМЧАТОВ.—**Русский флот на Северо-Западе России 1918—1919 г.** Журнал «Морской Сборник» издававшийся в Бизерте на Врангелевском флоте, 1923 г. № 4.
14. J. PITKA.—**Minu äalestu sed ilmasôja algusest Eesti vabadussôja lôpuni.** Издание Tallinna kirjastuse naisuse kirjastus. 1921 г.
(Воспоминания Командующего эстонским флотом Питка. Охватывают период от начала мировой империалистической войны до заключения мира между Советской Россией и Эстонией. Имеется перевод на русск. яз. П. Ораса и И. Лудри).

б) Переход Балтфлота из Гельсингфорса в Кронштадт и Гражданская война в Финляндии.

15. П. БЫКОВ. — **Переход флота из Гельсингфорса в Кронштадт зимой 1918 г.** Журнал «Морской Сборник» 1923 г., № 11.
16. И. ШПИЛЕВСКИЙ.—**Переход из Гельсингфорса в Петроград в апреле 1918 г.** Журнал «Красный флот» 1922 г., №№ 3—4.
17. РОМАНОВ.—**«Не оставили врагу».** (Эпизод из перехода Балтфлота из Гельсингфорса в Кронштадт). Журнал «Красный флот» 1922 г., № 8.
18. Е. ДЫММАН.—**На канонерской лодке «Грозящий» в дни падения Гельсингфорса.** Журнал «Красный флот» 1925 г., № 3.
19. М. И. СВЕЧНИКОВ.—**Революция и Гражданская война в Финляндии 1917—1918 г.** (Воспоминания и материалы) Истпарт. Издание Гос. Изд. Москва—Петроград, 1923 г. 112 стр., 7 схем.
20. Admiral SCHEER.—**Deutschlands Hochseeflotte im Weltkriege.** Издание A. Scherl, Берлин 1920 г., 524 стр. со многими иллюстрациями и 14 картами и схемами. (Глава XII, стр. 425—427. Захват Оландских островов и Гельсингфорса).
21. H. IGNATIUS & K. SOIKKELI.—**Frihetskriget i Finland år 1918.** Освободительная война в Финляндии 1918 г. Издание Söderström & Co. Гельсингфорс 1924 г. 225 стр. со многими иллюстрациями и 11 схемами.
22. LUDENDORFF.—**Meine Kriegserinnerungen 1914—1918.** (Мои воспоминания о войне 1914—1918 г. 5-е издание). Издание E. S. Mittler & Sohn. Берлин, 1920 г. VIII+633 стр. 10 карт и 46 схем. (Поход в Финляндию—стр. 504—506).

в) Отдельные операции и эпизоды из истории Гражданской войны на Балтийском море в 1918—1919 г.

23. А. БАРАНОВ. — **Боевая страница в жизни Красного флота.** (Красная Горка). Журнал «Красный Балтиец». 1920 г. № 1.
24. А. БАХТИН. — **На «Пантере» в Гражданскую войну.** Журнал «Красный флот», 1925 г. кн. 11 и 12.
25. Э. БЕТТЫНЬ.—**«Красногорский мятеж».** Журнал «Красный флот», 1925 г. кн. 7.
26. А. КОКУРИН.—**«В тылу у белых».** (Эпизод из пленения эсминцев «Спартак» и «Автроил»). Журнал «Красный флот» 1922 г., № 2.

27. **П. КУРКОВ. — «Пять лет назад».** (Взрыв адской машины на кр. «Аврора») Журнал «Красный флот», 1923 г. № 6.
28. **С. Л.—«Деятельность тральщиков с 1918—1925 г.»** Журнал «Красный флот», 1925 г., кн. 3.
29. **НЕМО.—«На подводной лодке к неприятельским берегам в 1918 г.»** Журнал «Красный флот», 1923 г. № 8.
30. **Н. НЕСВИЦКИЙ.—В боях против английского флота.** (Гибель трех эсминцев). Журнал «Красный флот» 1925 г. кн. 8.
31. **Налет английских минных катеров на Кронштадт.** (Из воспоминаний очевидца). Журнал «Красный флот» 1925 г. кн. 8.
32. **А. ПОПОВ. — «Кронштадтцы на фронте».** Журнал «Красный флот» 1922 г. № 9.
33. **А. ПОПОВ.—«Последний поход».** (Гибель трех эсминцев 26—X—1919 г.). Журнал «Красный флот» 1924 г. № 7.
34. **ШМЫРОВ.—Как меня арестовали на Красной Горке».** Журнал «Красный флот» 1920 г., № 3.
35. **И. ШПИЛЕВСКИЙ.—На посту службы связи Сан-Галли.** (Эпизод из военных действий в 1919 г. на Балтийском море). Журнал «Красный флот», 1922 г. № 5.
36. **Потери английского флота во время боевых операций против России в 1918—1919 г.** Журнал «Морской Сборник», 1921 г., №№ 1—2.
37. **Хроника Красного флота.** Журнал «Морской Сборник» 1920 г.. №№ 6—7.
38. **Хроника событий на морях.** Журнал «Морской Сборник» 1921 г. №№ 10—11
39. **В. ДРАГИЛЕВ.—2-е наступление Юденича на Петроград.** Сборник Трудов Военно-Научного Общества при Военной Академии Р.К.К.А., т. 2-й.
40. **Доблестная защита Петрограда в октябре 1919 года.** По материалам Полевого Штаба Реввоенсовета Республики. Государственное издательство, Москва 1921 г., 109 стр., с приложением 6 схем.

ПИОНЕРОВ

ЦЕНА 2 р. 50 к.

